

ИГОРЬ АТАМАНЕНКО

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ СПЕЦСЛУЖБ

«Агенты влияния» в Госдуме
«Голубые кардиналы» контрразведки
Вербовка в постели

Моей любимой жене и соратнику Татьяне Вавилкиной посвящается

Предисловие

Тайные войны спецслужб не прекращались ни на один день, ведутся по всей линии невидимого фронта, а армии офицеров-вербовщиков и солдат-агентов никогда не покидали своих окопов.

Их усилия окупаются сторицей, ибо тот, кто владеет информацией, - властвует миром.

Прочитав эту книгу, вы узнаете:

- как под видом транспортировки японских фаянсовых горшков в Западную Европу ЦРУ проводило радио-электронную разведку всей территории СССР от Владивостока до Ленинграда;

- кто и почему содействовал покушению на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в 1968 году;

- как были обезврежены советские разведчики, работавшие на спецслужбы противника;

- как в 1983 году в Тбилиси были обезврежены первые в СССР террористы, захватившие заложников - пассажиров авиалайнера;

Наконец, ознакомившись с этим повествованием, вы поймете, какие условия и причины подвигают людей к негласному сотрудничеству со спецслужбами. Для вас перестанут быть тайной за семью печатями изощренные методы вербовки и дьявольская изобретательность офицеров-агентуристов, расставляющих силки для ловли интересующих их объектов...

Никакого вымысла - сугубо документальный материал и только из первых рук!

Часть 1. Турниры рыцарей плаща и кинжала

Ответный удар Андропова

Тайник в Измайловском парке

К вечеру 20 июля 1983 года над Москвой нависла грозная туча. Хлынул дождь, разогнав слепополуденную духоту и запоздалых туристов, бродивших у храма возле Серебряно-Виноградного пруда в Измайлово.

Поднимая фонтаны брызг, по шоссе неслась одинокая машина. Вспышка молнии осветила на мгновение дипломатический номер посольства США в Москве.

Авто остановилось неподалеку от окруженного рвом собора, из него вышел атлетического сложения молодой человек и осторожно достал из багажника объемистую спортивную сумку. Воровато оглядевшись, нырнул в заросли кустарника. Промокший до нитки, он выбрался оттуда спустя минуту и вновь придиричиво осмотрелся. Никого. Только дождь да всполохи молнии. Иностранец облегченно вздохнул, небрежно бросил пустую сумку в багажник, уселся за руль и был таков.

Далеко за полночь чекисты вернулись из Измайлово. В кустах, где ползал под дождем любитель ночных прогулок из американского посольства, они обнаружили огромный валун, камень-тайник, внутри которого находились инструкции, микрофотоаппаратура, вопросник, шифр-блок-ноты и крупная сумма денег в советских рублях

...Рано утром следующего дня, едва солнце позолотило коричневую воду рва, у зарослей кустарника появился кучерявый молодой человек привлекательной наружности с сумкой в руках. В этот час на аллеях парка не было ни души. Молодой человек посмотрел по сторонам, нагнулся и скрылся в зарослях.

Через минуту он, пригнувшись, таща за собой тяжело набитую сумку, выбрался на тропинку. Резко выпрямился и тут же осел - от тяжести и нахлынувшего страха подкосились колени.

Сидя на корточках, снова огляделся. Нет, ничего опасного, просто раздавался резкий грохот вынырнувшего из тоннеля поезда метрополитена. "Быстрее, быстрее отсюда!" Страх гнал его от этого места. Подспудный, неосознанный, но... небезосновательный.

Озираясь по сторонам, кучерявый с трудом вскинул сумку на плечо и тут же оказался в объятиях "сорохватов" из "Альфы".

"Кучерявым" оказался Константин Вишня, сотрудник Арктического и Антарктического НИИ

Госкомгидромета. Он давно уже попал в поле зрения наших контрразведчиков по причине своих

регулярных, но внешне безобидных контактов с иностранцами в заграничных портах, куда прибывал в качестве члена экипажа советских научно-исследовательских судов.

На первом же допросе Вишня раскрылся во всем блеске своего предательского дарования: прямая ложь, ложь в форме умолчания, наконец, подтасовка и сокрытие фактов. Признавал только то, что уже и без того было известно контрразведчикам.

Однако как только Вишне объяснили, что, лишь сотрудничая со следствием, он может рассчитывать на снисхождение на суде, он тут же развернулся на сто восемьдесят градусов и стал давать правдивые показания, выкладывая все до мелочей. Устный контракт о сотрудничестве начал действовать.

Кандидаты в Геростраты

В начале своего повествования Вишня с пафосом представился, сообщив свой рабочий псевдоним, присвоенный ему иноземными работодателями: Паганель. Оперативники, сдерживая улыбки, переглянулись - им задержанный был известен как Осьминог. Под этой кличкой он значился в картотеках КГБ и проходил по делу оперативной разработки.

Очень приятно, господин Паганель! - произнес старший из оперативников. - У вас очень звучное имя, но на данный момент нас больше интересует, когда, где и как вы должны провести следующий сеанс связи с вашими работодателями.

Вишня открыл инструкции, изъятые из "валуна", и коротко сказал: "Я должен заложить тайник с секретными сведениями на сороковом километре Приморского шоссе, в том месте, которое в инструкциях проходит под кодовым названием "Сорок"...

Место известное: в этом районе трасса Ленинград - Зеленогорск имеет ответвление к дачам сотрудников генконсульства США в Ленинграде. Среди них было несколько установленных разведчиков ЦРУ, сидевших "под корягой", то есть действовавших под дипломатическим прикрытием. Кто же конкретно будет изымать тайник?

Посоветовавшись, контрразведчики пришли к выводу, что с таким ценным агентом, каким, судя по всему, был для американцев Паганель, мог работать только сам резидент ЦРУ в Ленинграде, Лон Дэвид фон Аугустенборг.

Муки оперативного творчества

Из "волкодавов" контрразведки, поднаторевших на разоблачении иностранных шпионов, а также из самых опытных сыщиков "наружки" и сотрудников "Альфы" в КГБ был сформирован оперативный штаб, который должен был в течение трех дней разработать и доложить лично Андропову план захвата американца на тайнике "Сорок".

Штаб возглавил начальник 1-го отдела (разработка американских разведчиков, действующих под дипломатическим прикрытием) Второго Главного управления (контрразведка) КГБ СССР генерал-майор Родион Крашельников.

Но одно дело "высочайшее повеление", даже исходящее от такого признанного в чекистской среде авторитета, как Андропов, другое - реализовать его, то есть взять с поличным профессионала экстра-класса, коим являлся Аугустенборг.

Задача оказалась сверхсложной.

Место, на котором предстояло осуществить операцию, - открытое, как столешница: слева и справа от Приморского шоссе чистое, хорошо просматриваемое во все концы поле. Спрятаться группе захвата на обочине невозможно. А о том, чтобы устроить засаду непосредственно на шоссе, не могло быть и речи, ибо появившись на шоссе какие-нибудь "ремонтные бригады" или "сотрудники ГАИ", якобы расследующие дорожно-транспортное происшествие, - все, пиши пропало.

Аугустенборг - разведчик матерый, осторожный, хорошо осведомленный об ухищрениях, к которым прибегали наши контрразведчики при операциях по задержанию шпионов. С ним традиционные уловки КГБ не сработают. Заметь резидент поблизости от места закладки тайника что-либо подозрительное, он не станет рисковать и не остановится, чтобы изъять контейнер.

Он попросту перенесет сеанс связи на другое время в иное место.

Надо было найти какой-то оригинальный ход, нечто из ряда вон выходящее, доселе не использовавшееся в контрразведывательной практике... Свою работу члены штаба начали с изучения поднятых из архивов дел оперативных разработок, закончившихся захватом иностранных разведчиков при выемке ими тайников. Первым было дело полковника Петра Попова, сотрудника Главного разведуправления Генштаба

Вооруженных Сига СССР (ГРУ), работавшего на ЦРУ в 1953-1958 годах. Попова взяли во время так называемой “моменталки”, то есть при обмене шпионскими контейнерами “в одно касание”. Изменник тогда передал связнику-американцу похищенные секреты, последний - инструкции-задания. Все бы хорошо, если б не одно “но”... “Сладкую парочку” задерживали в рейсовом междугородном автобусе, пассажирами которого были исключительно... сыщики “наружки”!

Однако сороковой километр Приморского шоссе - это не автобус, битком набитый сотрудниками службы наружного наблюдения, а, как было сказано, абсолютно открытое и отлично просматриваемое пространство. Так что опыт захвата Попова и связника в случае с Аугустенборгом пригодиться никак не мог...

Тогда обратились к делу по захвату на тайнике другого американца, Ричарда Джекоба, связника еще одного предателя из ГРУ, полковника Олега Пеньковского, поставлявшего американцам наши секреты в 1960—1962 годах. И опять неподходящий вариант, так как Джекоба брали в подъезде жилого дома на улице Пушкинской, 5/6, устроив там засаду...

Пролистали еще с десяток дел оперативных разработок - все не то!

Генерал Крашельников решил прибегнуть к другому методу: предложил дискуссию, свободный обмен мнениями, в результате которого, считал он, должен был вызреть план мероприятий.

Заслушаны были десятки на первый взгляд самых, казалось бы, невероятных и фантастичных до абсурда предложений.

Так, например, полковник С-ов предложил произвести захват шпиона с... воздуха.

По замыслу С-ова, альфовцев следовало разместить в вертолете, который барражировал бы вдоль шоссе.

О задержании Паганеля и свои соображения о том, у кого он может находиться на связи, чекисты доложили Андропову.

Надо сказать, что, даже став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Юрий Владимирович продолжал живо интересоваться всем происходящим в недрах КГБ СССР, который он возглавлял в течение пятнадцати лет.

Как только Андропов услышал имя оператора предателя Паганеля, то тут же приказал во что бы то ни стало взять его с поличным во врет выемки тайника. На то у Генсека имелись причины различного свойства и значимости...

Одна из них была совершенно очевидна, так как с уходом Андропова из системы КГБ на территории СССР не был разоблачен ни один американский агент или разведчик. В то же время сотрудники КГБ из Вашингтонской и нью-йоркской резидентур “сыпались” – проваливались пачками. Как раз накануне задержания Паганеля два наших разведчика, З-ский и К-ов, действовавшие под прикрытием высокопоставленных чиновников советского посольства в Вашингтоне, были объявлены персонами non grata и высланы из США.

Это событие было раскрыто американской пропагандистской машиной: в высылке из страны советских “дипломатов” американцы нашли еще одно подтверждение заявления президента Рональда Рейгана, объявившего СССР “империей зла”.

Захват Аугустенборга с поличным на тайниковой операции мог бы если и не оправдать разведкативность КГБ на территории США в глазах мировой общественности, то хотя бы уравнивать наши шансы с американскими спецслужбами на ниве разоблачения шпионов, а также заставить президентскую администрацию извиняться и оправдываться.

Второй причиной, побудившей Андропова отдать приказ о захвате американского резидента с поличным, была личная неприязнь к его отцу, Дэвиду фон Аугустенборгу. Последний, также как и Андропов, в 1956 году был послом в Венгерской Народной Республике. По данным советской разведки, именно через его руки проходили деньги ЦРУ, подпитывавшие будапештское восстание, имевшее целью свержение в этой стране коммунистического режима.

В феврале 1957 года чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии Ю.В. Андропов был отозван в Москву. И хотя он был назначен заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, что, несомненно, являлось повышением, тем не менее Андропов считал, что восхождение на партийный Олимп ему далось слишком тяжело. Виновником своей скоростижно прерванной дипломатической карьеры он считал посла США в Будапеште Дэвида фон Аугустенборга и потому решил, что по долгам отца должен расплатиться его сын, резидент ЦРУ в Ленинграде, Лон Дэвид Аугустенборг...

...В момент остановки Аугустенборга вблизи тайника бойцы “Альфы” должны были при максимальном снижении вертолета на ходу выпрыгнуть из кабины Ми-8 и произвести задержание... Участники дебатов отвергли эту идею с порога, потому что она противоречила элементарным арифметическим расчетам. Альфовцы физически не смогли бы достичь цели одновременно с американцем. Для того чтобы остановиться, выйти из машины и изъять содержимое тайника, разведчику потребовалось бы от силы 40 секунд. А группе захвата? Не меньше пятинадцати минут! Кроме того, одно уже появление вертолета над шоссе сразу бы насторожило американца - ведь до этого винтокрылые “стрекозы” там не летали, а тут на тебе! Стоило только заняться разведывательным промыслом, выехать на задание, как вдруг в небе вертолет... К чему бы это?

Заместитель начальника Службы наружного наблюдения КГБ СССР полковник Ш-ко, в прошлом один из самых изощренных “топтунов” Союза, предложил поставить альфовцев на... роликовые коньки.

Присутствующие встретили предложение дружным смехом.

Я все продумал и все сейчас объясню, все-все, - будто оправдываясь, скороговоркой произнес Ш-ко. - Значит так По Приморскому шоссе с двух сторон к пункту “Сорок” будут медленно двигаться два грузовика, за задний борт каждого будут держаться четверо, ну, может быть, пятеро альфовцев на коньках. Метрах в ста от “закладки” грузовики остановятся и будут ждать команды. Как только альфовцы получают сигнал, что объект подъехал к тайнику, грузовики с двух сторон на огромной скорости подлетят к месту, ребята отцепятся от бортов, подрулят на коньках к объекту “Сорок” и повяжут этого, как его? Густенперда! Отставить! - Крашельников хлопнул ладонью по столу. - На коньках и на лыжах, Семен Ильич, пусть катаются твои подчиненные за объектами, что поглубже... Наш подопечный, Аугустенборг, другого поля ягода. Он резидент, то есть руководитель, досконально знающий мельчайшие подробности работы всего вверенного ему коллектива разведчиков! Это - как на конвейере. Каждый отвечает только за отдельную операцию, которой обучен, а начальник участка - за всех... Но дело, в общем-то, не в этом... Именно в тех местах, где ты предлагаешь остановить грузовики, американец может выставить контрнаблюдение... Ну, представь: едут по шоссе два разведчика, подчиненные резидента. Один с востока, второй с запада. И вдруг у обоих одновременно, секунда в секунду, забарахлили моторы. Что они делают? Правильно! Выходят из своих лимузинов и начинают делать вид, что копаются в моторах... А сами в это время зорко поглядывают вокруг, не катит ли кто на роликовых коньках, чтобы повязать их шефа...

Причем, и я в этом уверен, Аугустенборг расставит своих офицеров именно там, где ты предлагаешь остановиться грузовикам, не дальше... Мало того, что они будут постоянно поддерживать с ним визуальный контакт, так еще и переговорными устройствами, настроенными на наши частоты, будут пользоваться... А ты, Семен Ильич, говоришь: “Как только альфовцы получают сигнал”... Никаких сигналов! Все наши переговорные устройства должны быть переведены в режим молчания в ту же секунду, как только мы узнаем, что Аугустенборг начал движение к тайнику! Ясно? Так что забудь о коньках, Семен Ильич!

В сильном возбуждении Крашельников обеими руками схватил со стола графин с водой, наполнил стакан, залпом его осушил и обвел присутствующих долгим взглядом.

Кто еще желает высказаться? Только попрошу лыжи и санки не предлагать!

Желающих не оказалось, и генерал объявил получасовой перерыв. Когда члены штаба собрались вновь и выяснилось, что ни у кого из них новых оригинальных идей по задержанию Аугустенборга не появилось, генерал Крашельников обратился к заместителю командира “Альфы” подполковнику Владимиру Зайцеву: Немедленно дайте указание, чтобы на вашем Ярославском полигоне был возведен отрезок дороги, до мелочей копирующий ту часть Приморского шоссе, где будет проводиться операция по захвату... Для этого предлагаю направить в Ленинград кого-нибудь из ваших подчиненных, чтобы он заснял на видео объект “Сорок” и прилегающее к нему пространство... Надеюсь, что, имея перед глазами и под ногами макет места предстоящей операции, нам будет проще наметить план мероприятий, а в последующем и проводить там тренировки.

Товарищ генерал-майор, - Зайцев поднялся изза стола, - к какому сроку должен быть готов макет?

Через сутки! Действуйте!

Крысиные тропы шпионажа

Реализацию устного контракта о поставке Паганелем информации контрразведчики начали с того, что предложили ему продемонстрировать технику вызова на безличную связь своего оператора.

Агент согласился, пояснил, что все начинается в Ленинграде, с дома № 11 по улице Пестеля. В порядке проведения оперативного эксперимента 24 июля Паганеля привезли на указанное место. Он пояснил, что на левом углу фасада дома ему предписано поставить черным фломастером жирную цифру 2.

Это знак, - дрожа от возбуждения, сказал агент, что контейнер в Измайлово мною изъят благополучно. А дом № 11 в инструкциях именуется как "Вход"...

Было известно, что мимо этого дома регулярно проезжают сотрудники генконсульства США, направляясь с семьями на свои дачи в Зеленогорске.

Сразу после того как американцы увидят условную "двойку" у "Входа", - продолжал Паганель, - мне по радио передадут подтверждение, что сигнал принят. В том же сеансе обозначат, где я должен заложить тайник.

(Сигнал посылался с одной из американских военных баз, расположенных в окрестностях столицы Греции, поэтому назывался "Афинским радиоцентром". - И.А.)

Но вы ведь и сейчас уже знаете, где вам предстоит заложить следующий тайник, не так ли? У вас же есть шпаргалка. Зачем же нужен радиосеанс? - поинтересовались контрразведчики.

Да, это так. В присланных американцами инструкциях есть график передачи материалов с условным обозначением каждого места тайника, он полностью совпадает с ранее полученным. Но радио я должен слушать независимо от наличия графика - американцы могут внести коррективы по ходу дела... А я могу что-то перепутать от... - Паганель замялся, подыскивая нужное слово, - от волнения! Поэтому американцы подстраховываются, передавая мне напоминание по радио... Вообще, мы... простите, я хотел сказать, американцы используют разные места для закладки материалов и постановки меток. Схема такова: Кронверкская улица, Д. 6. Каждый раз по возвращении из рейса я должен ставить цифру 2 на фасаде дома № 16. Это - знак моей готовности принять сигнал о закладке американцами тайника.

Перекресток улиц М. Горького и Кронверкской. С него хорошо видна телефонная будка. Это место называется "Максим". Здесь я должен ставить метку, что готов заложить в тайник собранные мной материалы.

Проспект Добролюбова, 1/79. Этот дом обозначен как "Добро". Так же как и на Кронверкской, каждый раз после закладки материалов в тайник мне следует поставить на стене проходного двора "двойку".

Владимирская площадь. Эта площадь у рынка именуется "Влад". Если машина генконсульства США стоит носом к тротуару - значит, закладка сделана в Ленинграде. Если багажником к тротуару - в Москве.

Приморское шоссе, 40-й километр. Тайник "Сорок". Таким названием обозначается дорожный указатель на сороковом километре Приморского шоссе. Как я уже сказал, здесь я должен заложить нынешние материалы... Таким образом, сейчас моя ближайшая задача в том, чтобы заложить материалы на Приморском шоссе и вслед за этим поставить цифру 2 на проспекте Добролюбова, 1 / 79... - подытожил свой рассказ Паганель.

Тон, которым это было произнесено, не оставлял сомнения в том, что помощник по принуждению близок к состоянию полного расстройства чувств. А вот этого допустить никак нельзя. Паганель должен еще заложить тайник "Сорок", где разыграются основные события.

Кроме того, он еще должен." Да мало ли что он еще должен! К его долгам вернуться мы успеем, решили контрразведчики, а сейчас надо срочно его приободрить.

— Ну что ж, похвально, что вы готовы сотрудничать с органами безопасности... Это в какой-то мере свидетельствует о вашем раскаянии, что будет обязательно зачтено в дальнейшем... Во время судебного разбирательства. Ну, а сейчас проверим на практике все изложенное вами... За работу!

Капкан захлопнулся

Спустя обусловленный с американцами срок, 5 сентября Паганель под присмотром оперработников поставил "двойку" в месте "Максим". На следующее утро по пути на работу сотрудник генконсульства США слегка притормозил у телефонной будки и зафиксировал метку. 10 сентября, в субботу, в семь часов вечера у указателя на 40-м километре появилась ничем не примечательная тряпка, измазанная в мазуте. Внутри была консервная банка с информацией от Паганеля - тайник "Сорок".

Над подготовкой материалов, оставленных агентом в тайнике, контрразведчикам пришлось изрядно потрудиться, ибо "деза" должна выглядеть правдоподобно. Если что-то вдруг у чекистов не заладится и контейнер попадет к Аугустенборгу, то не должны же цэрэушники получить сверхценную информацию из

рук самих контрразведчиков. Это было бы уж слишком!

В ту же ночь на проспекте Добролюбова, в условленном месте “Добро”, появилась очередная “двойка”... Утром в воскресенье 11 сентября американский разведчик, действовавший под прикрытием торгового атташе генконсульства США в Ленинграде, Эдвард Мюллер убедился, что метка поставлена, и, прибавив газу, помчался на Приморское шоссе. Не сбавляя скорости, он свернул с трассы на дорогу, ведущую к дачам. Семейство Аугустенборгов находилось там с пятницы.

Через сорок минут после прибытия Мюллера на дачу оттуда на большой скорости вылетел “форд” с дипломатическими номерами, за рулем которого сидел не Аугустенборг, а молодой сотрудник генконсульства. И хотя его принадлежность к ЦРУ не вызывала сомнений, он никак не вписывался в схему, разработанную лучшими умами КГБ СССР...

Что за черт, неужели ошибка и тайник будет изымать не резидент, а его подчиненный?! Это не входило в расчеты чекистов и уж тем более в планы Генсека Андропова, который намеревался из предстоящего разоблачения высокопоставленного шпиона извлечь максимальные политические дивиденды, и не только...

Вдруг поступил сигнал, что Аугустенборг за рулем “мерседеса” с женой и двухлетней дочкой покинул дачу. Все ясно: молодой цэрэушник - это всего лишь “передовой дозор”. Действительно, первая машина миновала

40-й километр не останавливаясь. Но зачем резидент прихватил с собой домочадцев? Чекисты успокоили себя тем, что жена и дочь выполняют роль прикрытия.

Внешне на шоссе все было спокойно, и Лон Дэвид резко свернул, а затем остановился у столба с отметкой 40-го километра.

Из “мерседеса” вышла его жена Дэнис, неся на руках дочь, укутанную в детское одеяльце... Черт возьми, еще один сюрприз!

Со стороны все выглядело так, будто заботливая мать хочет помочь своему дитяти сделать “пи-пи”.

Вдруг одеяльце соскользнуло с тела ребенка и упало, точно накрыв лежащую на бетонном основании столба грязную тряпку-контейнер. Скорчив брезгливую гримасу, будто ей неприятно поднимать перепачканную вещь, Дэнис в одно касание подхватила одеяльце и, держа его одной рукой, а дочь - другой, поспешила к автомашине.

Ловкость, с которой американка подхватила одеяльце, не оставляла никаких сомнений, что мизансцена “аля пи-пи” тщательно отработывалась.

Аугустенборг в это время сидел в машине с включенным двигателем, держа ногу на педали газа и нервно барабаня пальцами по рулевой баранке.

Миссис Аугустенборг открыла заднюю дверцу, бросила одеяльце с тряпкой на пол, ребенка усадила в детское кресло, привинченное к заднему сиденью, и уже собралась сесть рядом, как вдруг прямо перед нею выросли гренадеры в камуфляже.

Надрывно взвыл мотор “мерседеса” - это Лон Дэвид до упора выжал акселератор, пытаясь сбежать. Увы! Радиатор машины тут же уперся в колесо бензовоза, а сам американец в ту же секунду был выброшен бойцами группы захвата из салона. Дэнис билась в истерике на руках у альфовцев...

Дипломатические машины неприкосновенны, обладают правом экстерриториальности, но... победителей, как известно, не судят. Да и приказ Андропова - взять разведчика с поличным - для альфовцев был превыше дипломатического протокола.

Свет в конце туннеля

Но вернемся немного назад и расскажем по порядку, как развивались события.

...До выемки Аугустенборгом тайника оставалось всего три недели, а план задержания американского разведчика так и не был разработан.

Нет, разумеется, члены оперативного штаба продолжали предлагать варианты, но Они не устраивали либо генерала Крашельникова, либо Андропова, который был вне себя от ярости из-за неспособности своих бывших подчиненных предложить что-либо подходящее, и поэтому, черт возьми, его план мести послу США в Венгрии Дэвиду Аугустенборгу летел в тартарары!

Генерал Крашельников, засиживаясь до глубокой ночи в своем рабочем кабинете, стал с грустью приучать себя к мысли о досрочной отставке...

Но однажды, уже, наверное, после сотого просмотра отснятой видеопленки, на которой был запечатлен

ландшафт, окружавший Приморское шоссе, то ли во время скрытной рекогносцировки местности в районе объекта “Сорок” (альфовцы выходили туда под видом грибников) кому-то из контрразведчиков пришла замечательная мысль. Эврика! Надо вырыть подземный ход!

Мысль о подземном ходе отнюдь не выглядела фантастичной. Дело в том, что метрах в пятидесяти от шоссе, именно на той стороне, где Паганель должен был заложить тайник “Сорок”, начинался густой лес. Решено - сделано. От леса к Приморскому шоссе рабочие “Ленметростроя” прорыли таких размеров тоннель, что внутри него можно было ездить на легковом автомобиле, и оборудовали его средствами связи. Заканчивался туннель прямо на насыпи Приморского шоссе лазом, замаскированным дерном. Такой же тоннель был сооружен и в Ярославском пограничном учебном центре, где проводилась подготовка бойцов “Альфы” к операции по захвату американского разведчика.

В лесу был оборудован командный пункт (КП) с перископами, с помощью которых можно было вести наблюдение и за воротами дипломатической дачи, и за объектом “Сорок”.

Вслед за выездом Аугустенборга с дачи альфовцы должны были покинуть КП и по подземному ходу достичь лаза на насыпи. При появлении американского разведчика у тайника группе захвата по телефону следовала команда: “Захват!”.

По телефону? Да, ибо, как и предполагал генерал Крашельников, потом в машине Аугустенборга альфовцы действительно обнаружили рацию, настроенную на частоты, которыми пользовалась для переговоров наша “наружка”. Зафиксируй разведчик повышенное возмущение эфира перед выемкой тайника, он попросту отказался бы от акции.

...Все работы по выемке и вывозу грунта велись ночью, чтобы не привлекать внимание дипломатов и членов их семей, курсировавших между Зеленогорском и Ленинградом. А чтобы кому-нибудь из иностранцев не пришло в голову отправиться в лесок по грибы-ягоды, в нескольких ленинградских газетах появились публикации под броским заголовком “Эхо войны”, в которых подробно сообщалось об обнаружении в лесах вокруг Зеленогорска мин и снарядов. На них якобы уже подорвалось несколько заблудившихся коров...

...На Ярославском учебном полигоне альфовцы по многу раз в день разыгрывали одну и ту же мизансцену: имитировали приезд американца и его захват. На все отводились считанные секунды. Тренировались до седьмого пота в дождь, грязь, днем и ночью.

Долго не удавался прием, когда в секунды бойцы должны были оказаться по разные стороны автомобиля. Пришлось применять акробатический трюк и в высоком прыжке “сальто-мортале” перелетать через корпус “мерседеса”, чтобы вовремя очутиться на противоположной стороне, у дверцы водителя, на случай, если ему удастся в одно касание изъять тайник и оказаться за рулем.

Немало времени потратили и на отработку взаимодействия с бензовозами, которые должны были блокировать автомобиль резидента, не дав ему сбежать с места преступления.

Аугустенборг внес в разработанную альфовцами схему неожиданные коррективы, послав жену изымать контейнер, так что перестроение пришлось делать по ходу операции, но ничего, справились...

Вскоре господин Лон Дэвид фон Аугустенборг был объявлен персоной non grata и вместе с семьей покинул пределы СССР.

Через некоторое время вслед за Аугустенборгами по тому же маршруту проследовал и господин Мюллер.

Посол Франции - агент влияния КГБ

История тайной войны не знает различия между “благородной разведкой” и “низменным шпионажем” - все зависит от вашей точки зрения.

Усилия спецслужб мира окупаются сторицей: под знамена Ордена тайных агентов рекрутированы наследные принцы и политические деятели, священники и проститутки, знаменитые артисты и генералы, спортсмены и чрезвычайные послы - все они или азартно похищают стратегические секреты в пользу своих работодателей, или в силу своей известности с успехом влияют на политику своих стран в отношении СССР...

Игры патриотов

Известно, что громкие скандалы о провале какойлибо разведки свидетельствуют прежде всего о глубине ее проникновения в секреты противоборствующей державы. Как заявлял “Моцарт разведки” Аллен Даллес, “об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя”.

Скандалы в Англии сначала вокруг имени Кима Филби, а затем и остальных членов “оксфордской пятерки”,

или в ФРГ вокруг имени Понтера Гийома, советника канцлера Вилли Брандта, да еще к тому же - казначея его партии - социал-демократической партии Германии, говорили о том, что советская разведка умела забраться в иноземный лагерь за семью печатями.

Тот факт, что советская внешняя разведка не имела грандиозных скандальных провалов во Франции, вовсе не доказательство неуязвимости ее секретов или отсутствия к ним интереса со стороны русских спецслужб.

Франция никогда не была для КГБ и ГРУ объектом второстепенных разведывательных устремлений. Франция, пятая держава мира, и вдруг - на втором плане геополитических и разведывательных интересов СССР?! Такого быть не могло, потому что быть не могло никогда!

Не кто иной, как советская контрразведка (именно контрразведка, а не разведка!) в конце пятидесятых годов прошлого столетия с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его "второго пришествия во власть" к независимости от держав Западной Европы, прежде всего от Англии. Причем настолько эффективно, что возвела между президентом Франции и НАТО стену отчуждения и, в конце концов, на целое десятилетие, пока находился у власти генерал де Голль, ослабила Атлантический альянс.

Под непосредственным руководством и приличном участии начальника Второго главка КГБ (контрразведка Союза), одного из самых ловких "рыцарей плаща и кинжала" всех спецслужб мира генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова был завербован посол Франции в СССР мсье Морис Дежан.

Разумеется, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали и в торжественной обстановке оперативного псевдонима ему не присваивали. Явок, в классическом понимании этого слова, то есть где-нибудь на конспиративных квартирах, с ним не проводилось.

¹ Де Голль являлся главой Временного правительства Франции в 1944-1946 годах. - Прим. автора.

Обучение технике пересъемки секретных документов на краткосрочных оперативных курсах без отрыва от производства он не проходил. Денег в конвертах за свои услуги не получал, и тем не менее советским агентом посол являлся.

Морис Дежан, как сейчас принято в среде профессионалов называть негласных помощников такого уровня, был "агентом влияния".

В современной практике всех спецслужб мира "агентура влияния" не вербуется, она приобретает, завоевывается, воспитывается, - терпеливо, ненавязчиво, заботливо, даже услужливо. Все это делается строго конспиративно, чтобы объект вожделений конкретной спецслужбы ничего не заподозрил.

Еще более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций. Сегодня "агентов влияния" приглашают на различные международные конференции, заседания обществ дружбы с различными странами, где их выступления-лекции оплачиваются по самым высоким расценкам, им предоставляется возможность публиковать свои статьи и даже книги в зарубежных издательствах и т. д., но грубый прямой подкуп не допускается ни в коем случае.

Работа по Морису Дежану, история которой на сегодняшний день насчитывает более чем сорокалетнюю давность, конечно, велась не так изощренно, как если бы ее проводили сейчас. Но она была-таки проведена, а посол влиял, да еще как!

Например, на принятие де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего по вопросам участия Франции в НАТО. Не без рекомендаций Дежана де Голль вывел свою страну из Атлантического альянса, определив в нем присутствие Франции лишь в роли наблюдателя. Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к ее партнерам по НАТО была огромной победой СССР, весомый вклад в которую сделал Морис Дежан.

Планируя вербовку Дежана в качестве "агента влияния", советская контрразведка учитывала не только деловые качества французского дипломата, но и его долгую дружбу с де Голлем, которая началась еще во времена Второй мировой войны, когда оба они были в числе руководителей движения Сопротивления. Президент Франции с вниманием относился к точке зрения своего соратника и очень дорожил его мнением

по самым различным вопросам международной политики.

Справедливости ради надо сказать, что были и другие фигуры из числа высокопоставленных французских дипломатов, сотрудников посольства в Москве, которые рассматривались КГБ в качестве потенциальных кандидатов на вербовку, но их предложения и советы по поводу политики Франции в отношении СССР и НАТО не имели такого влияния на формирование мнения французского президента, как это было в случае с Дежаном.

Медовая ловушка

Чтобы вовлечь посла в орбиту КГБ, был использован такой простейший способ вербовки, с успехом используемый всеми спецслужбами мира, как подстава ему “ласточки” - агентессы, выступающей в роли обольстительницы.

Действительно, зачем мудрствовать лукаво, если было известно, что Морис Дежан, пятидесятилетний элегантный мужчина, не прочь завоевать расположение красивых славянских женщин, о чем свидетельствовали его многочисленные попытки посягнуть на их очарование, вплоть до откровенных предложений о вступлении с ним в любовную связь. С учетом этих обстоятельств, посол просто не мог не стать мишенью Комитета госбезопасности СССР.

В общей сложности вербовочная разработка французского дипломата длилась около трех лет, и в ней были задействованы десятки гласных и негласных сотрудников. Необходимо отметить, что в массе это был народец, игравший роль листьев, обрамлявших изысканный букет. Держались они тихо, так как в званиях были невысоких, и поэтому говорили, словно шуршали, и смеялись в кулачок над шутками режиссера-постановщика - генерала Грибанова и основных актеров действия - Сергея Михалкова, его жены Натальи Кончаловской и, некой Ларисы (Лоры) Кронберг-Соболевской, разведенной красавицы-актрисы, которая призвана была сыграть в своей жизни главную, а в жизни посла Франции - роковую роль. И она ее исполнила с блеском, за что впоследствии была награждена Грибановым роскошными швейцарскими часами, выполненными из золота с бриллиантами.

В один прекрасный день Грибанов решил, что сентиментальный роман, развивавшийся уже несколько месяцев между Морисом Дежаном и Кронберг-Соболевской, пора дополнить чисто плотскими отношениями. Время, выбранное для этого, было вполне подходящим: жена посла, гослюба Дежан, убыла из Союза на отдых в Швейцарские Альпы. Объект остался в одиночестве.

В Москву был срочно вызван некто Муса. Человек без роду и племени, он в тридцатые годы работал по тюрьмам НКВД палачом, расстреливая “врагов народа”. Кроме Мусы, в столицу был доставлен бывший уголовник, который в свое время использовался подручными Лаврентия Берию в качестве профессионального убийцы-ликвидатора. Последнему предстояло сыграть роль мужа Лоры, который якобы неожиданно вернулся домой из командировки.

Кстати, Соболевская, следуя линии поведения, отработанной для нее Грибановым, в общении с “душкой Дежанчиком” постоянно жаловалась ему на жестокость и патологическую ревность своего “мужа”.

Всем троим - Мусе, ликвидатору, ну и, само собой, Лоре - предстояло сыграть главные роли в мизансцене по сломам и ю воли французского посла.

В день проведения акции Грибанов собрал всю штурмовую группу в одном из номеров “люкс” гостиницы “Метрополь”. Расположившись за богато уставленным винами и разносолами столом, ликвидатор, Муса, Соболевская и еще пара оперов из группы поддержки, неотрывно глядя на Грибанова, внимали каждому произнесенному им междометью.

Я хочу, чтобы вы его сломили, - обращаясь к Мусе и ликвидатору, с пафосом произнес генерал. - Сделайте так, чтобы Дежан по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас сгною тогда в лагерях!

...Все происходило на третьем этаже жилого дома № 2, что на Ананьевской улице.

Квартира, где предстояло разыграть спектаклю, что называется, “под завязочку” была нафарширована спецтехникой - аудио-, кинои фотоаппаратурой. Вокруг дома - специальные посты наблюдения из сотрудников КГБ в штатском и переодетых в милицейскую форму.

Псевдомуж и Муса, выступавший в роли его приятеля, извлекли голых Дежана и Лору из постели и начали с остервенением лупить француза. Строго следуя полученным напутствиям Грибанова, по лицу не били.

В пылу потасовки досталось и Лоре, которая без устали кричала: “Прекратите! Вы убьете его! Это же посол Франции! Что вы делаете!”

Со своей стороны, псевдомуж кричал, что подаст на совратителя своей жены, то есть на посла, в суд. Дежану в конечном счете все-таки удалось выскользнуть из квартиры (это было предусмотрено сценарием Грибанова) и в сопровождении своего шофера добраться до посольства.

Игра сделана

В тот же вечер Морис Дежан должен был встретиться с Грибановым, который находился с послом в прямом контакте, выступая в роли советника Председателя Совмина СССР, чтобы обсудить с ним ряд межгосударственных проблем.

Но до политики дело не дошло, так как весь вечер Грибанов и Дежан обсуждали личные проблемы последнего, который, ничего не скрывая, сказал: “У меня серьезные неприятности. Мне нужна ваша помощь”. После чего поведал о своих злоключениях и попросил вмешаться, чтобы “муж” Лоры забрал из милиции свое заявление.

Вот тут-то начальник Второго главного управления КГБ при Совете Министров СССР генерал-лейтенант Олег Михайлович Грибанов и посадил посла на крючок. Но виду не подал, а с показной заинтересованностью вникал во все перипетии им же срежессированного фарса...

“Тайна”, в которую Дежан посвятил Грибанова, привела к установлению между ними особых отношений.

Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным своему другу из Совета Министров СССР: ведь “муж” Лоры в конце концов согласился забрать свое заявление, а Грибанов никогда ни единым намеком не пытался напомнить Дежану о той кошмарной ситуации, в которую бедняге “случайно” довелось угодить.

Теперь глава французской дипломатической миссии в Москве стал по всем вопросам консультироваться с Грибановым, ведь тот как-никак был советником предсовмина, Никиты Хрущева!

Поэтому для француза было вполне нормальным обсуждать со своим русским другом различные аспекты международной политики Франции, особенно ее отношения с СССР и странами - членами НАТО. По всем затрагиваемым в беседах проблемам посол давал исчерпывающий расклад, дополняя его собственным мнением и прогнозами. Иногда он даже предостерегал советскую сторону от тех или иных неверных, на его взгляд, шагов.

Кроме того, в непринужденных беседах с Грибановым Дежан делился своими суждениями о поступках, деловых и личных качествах других западных дипломатов, с которыми он поддерживал отношения в Москве, пересказывал свои с ними беседы, сообщал об их планах в отношении Советского Союза.

В свою очередь Грибанов через Дежана доводил до де Голля то, что было выгодно СССР, что отвечало позиции советского правительства на международной арене.

Именно с этого момента КГБ начал рассматривать француза как своего “агента влияния”.

Это продолжалось в течение нескольких лет, до сентября 1963 года.

То, что в конце концов президенту де Голлю стало известно о роли Мориса Дежана в деле откола Франции от НАТО, объясняется заурядным предательством.

Посла как сверхценного источника КГБ англичанам “сдал” некто Коротков Юрий Васильевич - тоже агент советских органов госбезопасности с более чем пятнадцатилетним стажем негласной работы, один из основных действующих лиц в вербовочной разработке Дежана.

Агент экстра-класса

Юрий Коротков происходил из творческой семьи: мать - актриса, отец - художник. Несмотря на эти внешние атрибуты среды обитания, Юрий, можно сказать, всегда пребывал в другом мире - в подлинной связи с органами госбезопасности. После того как его отец в 1936 году удачно исполнил портрет Лаврентия Павловича Берии, который был оценен самим Сталиным, среди знакомых семьи Коротковых стали преобладать советские, партийные деятели и, конечно, ответственные работники НКВД Грузии, а затем и Москвы, куда семья переехала после обрушившегося на нее триумфа. Берия в благодарность за портрет всю жизнь покровительствовал художнику и его семье.

Так что Юра Коротков, когда ему сделали предложение, не мучился выбором: быть или не быть агентом органов госбезопасности, судьба его уже была предрешена. Для него в этом не было чего-то противоестественного, ведь он всех руководителей НКВД-МГБ называл даже не по имени-отчеству, они все были для него родственниками, братьями “дяди Лаврентия”.

Со временем Коротков, разумеется, узнал, какие преимущества дает негласная связь с всемогущими органами госбезопасности, и, надо сказать, умело ею пользовался.

Драматург и сценарист по образованию, Коротков был не так талантлив на этой ниве, как его собратья по перу. Но у него на руках имелась козырная карта высшего порядка - он был секретным агентом.

Не в силах справиться с соперником, скрестив с ним перья в открытом поединке - в литературной дуэли, - он убрал его с помощью одного-двух агентурных донесений, в которых сообщал о приверженности этого конкурента к "космополитизму" и еще бог весть к каким одиозным с точки зрения советской идеологии "измам". Так он, кстати, поступил и с Борисом Пастернаком, первым узнав и сообщив органам, что роман "Доктор Живаго" готовится к публикации на русском языке за рубежом.

Его связь и дружба с Пастернаком помогли ему сблизиться со многими иностранными дипломатами, в кругу которых он был очень хорошо принят - друг Пастернака как-никак!

...Высокий худощавый мужчина с темно-русыми волосами, выразительными чертами лица и томно-загадочным взглядом бархатных глаз, Коротков производил неизгладимое впечатление на окружающих. Он мог свободно вести беседы как на русском, так и на английском языках на самые разные темы, дискутировать по самым различным вопросам, будь то социалистический реализм или сексуальные излишества королей Франции династии Бурбонов.

А коль скоро был вхож в семьи иностранных дипломатов, то в первую очередь он свое очарование распространял на их жен. Органы КГБ не преминули этим воспользоваться, и результат не заставил себя ждать: Коротков превратил в секретных осведомителей гэбэ не одну из жен иностранцев!

В среде оперативных сотрудников КГБ о нем и его сексуальной потенции ходили легенды. Поговаривали, что он пользовался таким большим успехом у жен иностранных дипломатов, что иногда не успевавал... им пользоваться. Времени не хватало. Был он ну прямо-таки нарасхват!

Справедливости ради необходимо сказать, что сведения, поступающие от этих сексуально озабоченных иностранных матрон-сладкоежек котировались невысоко, но тогда ведь СССР был в погоне за валом продукции, а не за ее качеством...

В последующем Короткова использовали в качестве вербовщика красивых молодых актрис московских театров. Их планировалось использовать в работе по иностранцам.

Ему выдали карт-бланш, и он уверенно, но ни в коем случае не ссылаясь на органы, обещал девицам (и предоставлял-таки!) лучшие роли, деньги и недоступные для обыкновенного сотрудящегося развлечения: посещение дорогих ресторанов, иностранных выставок, даже посольских приемов.

Когда такая избранница Короткова - на профессиональном жаргоне "ласточка" - созрела до выполнения задания, ее временно поселяли в "ласточкино гнездо" - двухкомнатную квартиру.

В одной комнате "ласточка" совращала интересующие органы госбезопасности объекта-иностранца, в соседней орудовали технари, снимая действие на кино-фотопленку...

По свидетельству одного очевидца, в прошлом сотрудника контрразведки по фамилии Васильченко, когда он впервые столкнулся с Коротковым и вблизи понаблюдал за ним, у него возникло подозрение, что Юрий не столько драматург и сценарист, сколько отменный актер по жизни. Васильченко сразу понял, что Коротков не рожден для сцены, а создан природой, чтобы быть актером именно в жизни! Кроме того, у оперработника зародилось сомнение, а мужик ли Коротков в прямом смысле этого слова.

Тогда словечко "голубой" еще не было в ходу. Советская действительность во всех ее проявлениях была проще. Говорили просто: "педераст", уподобляясь любимцу всего народа и партии Никите Сергеевичу Хрущеву, который это выражение любил употреблять к месту и ни к месту.

Пообщавшись с Юрой Коротковым, Васильченко почувствовал, что в агенте есть нечто от жеманной барышни из великосветских русских салонов XIX века. Объяснить свои впечатления контрразведчик даже для себя вряд ли смог бы, потому что никакого опыта общения с педерастами у него до этого ни в оперативном, ни тем более в личном плане не было. И все же нечто неуловимо женственное в Короткове он почувствовал. И, надо сказать, интуиция начинающего опера не подвела.

Когда анализировали причины перехода Короткова в стан противника, а он перебежал к англичанам, тогда наткнулись на очень забавную историю.

Дело в том, что одновременно с вербовочной разработкой Дежана КГБ взялся склонить на свою сторону и французского военно-воздушного атташе полковника Луи Гибо.

Посол послом, но Грибанов, проконсультировавшись в верхах, решил, что Советскому Союзу не помешают и военные секреты, тем более что Франция тогда еще входила в военную организацию блока НАТО.

Взялись за военно-воздушного атташе. Через какое-то время стало известно, что полковник имеет

порочную тягу к мальчикам. Вот те на! Для сотрудников КГБ тогда это было в диковинку. Но делать нечего. Если этого требует государственная безопасность СССР, значит, надо привлекать к сотрудничеству и извращенцев.

Это в то время Васильченко так думал, что они - извращенцы. Простудировав массу специальной литературы, он понял, что они, как левши - обижены природой и по-другому не могут...

Кто разбудил в агенте “голубого”

Однажды в ходе оперативного совещания, проведение которых Грибанов практиковал в номерах “люкс” гостиницы “Метрополь”, обсуждался вопрос о совращении французского военно-воздушного атташе. Проблема состояла в том, что новоиспеченный председатель КГБ СССР Иван Серов буквально впадал в истерику при одном упоминании о необходимости вербовать для нужд Комитета агентов-гомосексуалистов. Первым и последним аргументом сановного держиморды, противившегося участию в оперативных мероприятиях наших агентов лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, были его слова-лозунг: “Мне только пидоров не хватает в моем ведомстве!” Именно по этой причине в агентурном аппарате КГБ напрочь отсутствовали агенты-гомосексуалисты.

Кроме шефа контрразведки Союза и нескольких молодых оперов-лейтенантов, на совещании присутствовал... Коротков. Впрочем, для оперативного состава ничего удивительного в этом не было, потому что этот агент экстра-класса пользовался личным благорасположением Грибанова, да и других высших руководителей КГБ. За глаза молодые сотрудники не без зависти называли Короткова “майором”... На удивление всем присутствующим, Коротков, этот неотразимый сердцеед, не знавший поражений на ниве совращения жен иностранных дипломатов, среди любовниц которого числились народные артистки, звезды и секс-символы советского кинематографа, неожиданно для всех в качестве соблазнителя и партнера французского атташе предложил себя!

Мертвенно-бледный Коротков поднялся с кресла во весь свой недюжинный рост и дрожащим от волнения и патетики голосом произнес, что готов принести себя в жертву на алтарь общего дела ради укрепления государственной безопасности СССР.

Добавил, что интересы Родины для него превыше всего и не идут ни в какое сравнение с каким-то разовым иллюзорным унижением... В номере на минуту повисла гнетущая тишина. Пораженные заявлением Короткова оперативные сотрудники с открытыми ртами уставились на него. Немая сцена из “Ревизора”, да и только!

Единственный, кто не потерял самообладания и способности критически осмыслить “самоотверженность” Короткова, был Васильченко. Цепь в его мозгу замкнулась. Все встало на свои места. Он понял, что мужчины, а не женщины - это подлинная, но тайная страсть агента.

Летом 1961 года Коротков соблазнил военно-воздушного атташе, вступив с ним в интимный контакт, но поторопился, сразу потребовав выдачи военных секретов.

Полковник Гибо вернулся со свидания, попрощался с женой и... пустил себе пулю в лоб прямо в своем служебном кабинете посольства.

Самоубийство военно-воздушного атташе вызвало панику во Втором главке КГБ. Все боялись, как бы француз не оставил записки, объяснявшей, в какую ловушку он угодил.

Как только стало известно, что эти опасения напрасны, руководство Комитета вздохнуло с облегчением и приказало своей агентуре распустить слух в среде иностранного дипкорпуса в Москве, что полковник Гибо решился на такой шаг, находясь в состоянии нервной депрессии.

По наблюдениям Васильченко, в состоянии нервной депрессии, близкой к самоубийству, находился не кто иной, как Коротков, который даже предпринял попытку суицида, наглотавшись люминала...

Когда позднее на самом высоком уровне были подвергнуты анализу и разбирательству причины и мотивы ухода Короткова к противнику, Васильченко высказал свои соображения по поводу сексуальной ориентации и направленности влечений перебежчика, не преминув сослаться на сведения, почерпнутые им в научных трактатах по сексопатологии. Свои доказательства он проиллюстрировал тем фактом, что Коротков никогда не был женат, казусом с военно-воздушным атташе Франции и попыткой Короткова свести счеты с жизнью. Аргументацию молодого сотрудника приняли и... вlepипи ему строгача по партийной линии - почему раньше молчал?!

2 сентября 1963 года Коротков вместе с другими писателями и художниками прибыл в Лондон в составе

специализированной идеологической делегации.

Он оторвался от группы и уже через семь часов давал показания сначала в Скотланд-ярде, а затем в кабинетах Сикрет Интеллидженс сервис.

Надо сказать, что там он вызвал шок, сравнимый разве только с шоком на Лубянке. Своими разоблачениями Коротков произвел сенсацию. И если для англичан она заключалась в содержании его повествования, то для лубянских генералов она состояла в другом. В том, что трижды проверенный и, казалось, абсолютно надёжный агент мало того что ушел на Запад - сообщил секретные сведения противнику!

Можно с большой долей уверенности сказать, что секретный агент органов госбезопасности СССР Юрий Коротков - отступник с Лубянки № 1.

До и после Короткова были агенты-перебежчики, но он первый из "орудий" такого калибра.

В то самое время, когда Коротков передавал известные ему подробности секретов вербовочной разработки Дежана, КГБ через свою агентуру в окружении де Голля стремился убедить его, что англичане плетут интриги за его спиной, пытаются вернуть Францию в лоно военной организации НАТО, и что речь идет о заговоре лично против него, потому что англосаксы хотят связать его имя с не стоящим выеденного яйца случаем, представляя его как международный скандал...

В конце концов руководству Комитета госбезопасности СССР это удалось. Франция при де Голле так и не вернулась в Атлантический альянс.

О том, что отношение де Голля к проштрафившемуся дипломату до конца его жизни оставалось лояльным, может свидетельствовать тот факт, что Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став одним из руководителей ассоциации "Франция - СССР", где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами. Параллельно, будучи назначенным генеральным директором небольшого завода по производству советских часов "Слава" в г. Безансон на востоке Франции, он выступал за развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Умер Морис Дежан в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет. В некрологе, опубликованном в газете "Монд", коллега Дежана посол Эрве Альфан отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась словами: "...затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, достойно и с честью представлял интересы Франции...".

Сомнения в правдивости рассказа Короткова заставили англичан продержать его около года в лондонской тюрьме. Для него это был абсолютный психологический нокаут. В конце концов его выпустили, но потребовали сохранения полного молчания.

Поняв, что своими разоблачениями роли КГБ в вопросах формирования международной политики он никого не сумеет заинтересовать и обеспечить к себе благорасположение британских властей, Коротков полностью отдался своей истинной страсти, которую глубоко скрывал от своих наставников из КГБ, - гомосексуализму.

Когда возраст взял свое и Коротков, дряхлый эстетствующий педераст, уже никого не мог соблазнить, он занялся писательской работой.

Из откровений, изложенных в его книге, вышедшей в Англии, явствовало, что он был попросту влюблен в французского военного атташе, а бежал из СССР потому, что не мог находиться там, где нашел свой конец предмет его страсти. В частности, в своем опусе Коротков признался, что с первой минуты знакомства с Либо, едва только встретившись взглядами, они поняли, что созданы друг для друга.

С истерическим надрывом перебежчик живописал, как его всегда тянуло к крупным, физически развитым мужчинам, от которых пахло крепким кофе, табаком, несло перегаром... и неутоленной похотью. И хотя до физической близости с французом Коротков познал не одну женщину, однако истинного наслаждения в обладании ими он никогда не испытывал. С его слов, ему надо было стать жертвой садистски-жестокое изнасилования, побывать в руках этого необузданного зверя Гибо, чтобы понять смысл и определить для себя вектор собственной сексуальной жизни...

В своей книге Коротков исполнил хвалебную оду демократии в Англии, где гомосексуализм из "болезни аристократов" превратился в общепочитаемое явление, доступное мужчинам всех социальных слоев. Подчеркнул, что это явилось для него основным побудительным мотивом, чтобы не вернуться на родину и остаться именно в Англии.

Если противник не сдается, его...

Способ реализации принципа незабвенного капитана Жеглова “вор должен сидеть в тюрьме” напрочь отрицается мягкотелыми кабинетными правоведами, а в среде юридически безграмотных граждан вызывает жаркие дебаты.

А между тем в скрытом противоборстве спецслужб этот, казалось бы, неразрешимый вопрос давно переведен из области теоретических дискуссий в практическую плоскость и решается отнюдь не в духе рыцарских турниров, а в соответствии с установкой одного современного классика шпионажа; “разведка и контрразведка вызывают к самым низменным страстям и устремлениям и успешно ими используются. В этом - их высший разум”.

“На войне как на войне” - для достижения результата все средства хороши, когда они наносят урон противнику, даже если на первый взгляд выглядят неэстетичными...

Полковник Кудрявцев, ветеран внешней разведки СССР

Где-то через пол года после того как японский разведчик, капитан III ранга Кэндзи Миядзаки прибыл в Союз и уютно устроился “под корягой” - прикрытием - второго секретаря посольства Японии в Москве, КГБ предпринял первую попытку “потрогать его за вымя” - выяснить уровень профессиональной подготовки, настроение, привязанности, сильные и слабые стороны, чтобы определить возможность использовать его в наших интересах. Даешь агента в каждом посольстве стран главного противника!

Начали с того, что подвели к Миядзаки “ласточку”, которой была поставлена одна задача: совратить! Ловкий японец сделал вид, что готов обеими ногами забраться в капкан, но в итоге в него угодила сама обольстительница, да так, что потребовались усилия целой службы Комитета, чтобы ее оттуда вытащить. Вслед за “ласточкой” на горизонте объекта появился “голубь сизокрылый” - смазливый мальчонка нетрадиционной сексуальной ориентации. И опять промашка. Впервые обкатанный десятилетиями механизм стал давать сбои. А ведь на женщинах и на “голубых” ломали и неподкупных аристократов - англичан, и бесшабашных французов, а тут все наоборот. То ли культура другая, то ли выучка не та... Зашли с другой стороны. Однако и на операциях с валютой и антиквариатом подловить Миядзаки не удалось, как ни пытались. На них “торели” и арабы, и турки, и африканцы, а тут вдруг никак.

Использовались все традиционные чекистские наработки, которые бы толкнули любого другого иностранца в объятия советской контрразведки, но к японцу они оказались неприменимы. Он доказал, что у него иной уровень мышления, иная шкала ценностей, да и вообще, иное отношение к пребыванию на государственной службе

Первое время после всех “наездов” контрразведки Миядзаки затаился, выжидал, а затем сам перешел к активным действиям, продемонстрировав, что прибыл в Союз отнюдь не для того, чтобы стать добычей вербовочных устремлений КГБ. Он - охотник и сам не прочь побродить с ружьишком по московским угольям в надежде подстрелить дичь - завербовать кого-нибудь. И, надо сказать, японец преуспел. Вскоре среди его платных информаторов были высокопоставленный чиновник Министерства внешней торговли СССР и сотрудник одного сверхсекретного НИИ. И тогда было принято решение разделаться с ним раз и навсегда с помощью компромата.

О том, чтобы добыть порочащие иностранца материалы в тиши какого-нибудь ведомственного алькова под недремлющим оком оперативных видеокамер, и думать не приходилось. После первой неудачной попытки совратить “желтолицего” идея заманить его в постель и заснять в объятиях “белогрудой” славянки выглядела полным абсурдом. Наученный опытом объект демонстрировал абсолютное равнодушие ко всем москвичкам сразу. Более того, он отвергал их заранее, заделавшись рьяным женоненавистником. Требовалось нечто неординарное. По замыслу инициатора оперативной разработки полковника Кудрявцева, надо было организовать публичный скандал, вслед за которым вопрос о пребывании Миядзаки в Москве решался бы не в кабинетах его родной спецслужбы, где все события расценили бы как происки русской контрразведки (и правильно бы сделали!), а на уровне двух министерств иностранных дел: СССР и Японии. Быстро сказка сказывается...

Казалось, Миядзаки неуязвим. Но... у каждого в шкафу - свой скелет. Найти его - вот в чем вопрос. И нашли ведь! Обложив японца, как полка флажками, круглосуточным наружным наблюдением, отыскивали брешь, даже не брешь - щелочку. Лжедипломат имел патологическую тягу к... русскому меду. Возможно, у него были неполадки в эндокринной системе, а может, что-то на генетическом уровне. Все это - гипотезы, в которых контрразведчикам недосуг было разбираться. Фактом являлись регулярные набеги японца в магазин “Дары природы”, что на Комсомольском проспекте, где он закупал сразу целый бочонок

обозначенного продукта. В середине 70-х в Москве еще можно было найти экологически чистые продукты. Судя по всему, эту свою страсть Миядзаки тщательно скрывал от сослуживцев. Подтверждением служило то обстоятельство, что кинжальный марш-бросок к магазину за очередной колодой меда он всегда совершал в одиночестве. Было доподлинно известно, что, опасаясь провокаций, он никогда не появляется в общественных местах без сопровождения, а тут... Что ж, все правильно: свои слабости надо прятать от окружающих. От “наружки” - тем более, ибо всякий раз, намереваясь посетить “Дары природы”, японец предпринимал отчаянные попытки оторваться от “хвоста”. Напрасно. Узнав о невинном пристрастии своего подопечного, Кудрявцев стал думать, как бы поудачнее использовать его в своих планах. Придумал! ...16 июня в японском посольстве намечался прием по случаю дня рождения сына императора. И полковника осенило: на торжество он пошлет свою блистательную “ласточку” - агентессу экстра-класса Эдиту! На приеме от нее требовалось лишь одно: подойти к неприступному японцу с бокалом шампанского в руке, взять его под руку и, пожелав наследнику престола долгие лета, выпить. Не будет же Миядзаки шарахаться от женщины, находясь в окружении своих! Остальное довершат технари. Скрытыми камерами они снимут несколько кадров “на память”. Если это удастся, можно будет приступить к ключевой мизансцене выживания негибаемого японского разведчика из Москвы.

“Ну не отказывайся, Миядзаки-сан, соединить кубок вина с русской женщиной во здравие наследника императора всея Японии, - приговаривал про себя полковник Кудрявцев, следуя на явку к Эдитей. - Она, поди, не в постель тебя затаскивает. Нам ведь известно, что это бесполезно - ты ж у нас парень-кремень! Ну подумаешь, пару раз чокнешься с красавицей - тебя не убудет...”

Первая часть плана Кудрявцева удалась в полной мере. В руках контрразведчиков оказались необходимые снимки, сделанные во время приема в посольстве. Настало время переходить ко второй фазе операции...

По прикидкам Кудрявцева, дня через два после приема у Миядзаки должны были иссякнуть запасы меда. Поэтому при входе в “Дары природы” его предстояло “случайно” столкнуть нос к носу с агентессой.

...Узнав женщину, которая на приеме буквально не давала ему прохода, Миядзаки опешил от неожиданности, но уже в следующее мгновение во весь опор мчался к оставленной на боковой дорожке машине. Не тут-то было! С криком:

— Кэндзи-сан, дорогой, остановись, куда же ты! - Эдита ринулась ему вдогонку.

Любопытство замедливших шаг прохожих было вознаграждено сполна: рослая пышнотелая красавица, будто сошедшая с полотен Кустодиева, гналась за воровато оглядывающимся мужичком с ноготок. Едва только он юркнул в машину и включил зажигание, как был буквально вдавлен в сиденье вспрыгнувшей к нему на колени женщиной. Свет в окошке заслонили пудровые три ее груди.

— Кэндзи, я полюбила тебя с первого взгляда, а ты убегаешь от меня... - донеслось из распахнутой двери автомобиля.

Полку любопытствующих бездельников прибыло. Невесть откуда появился репортер всесоюзной молодежной газеты и направил объектив фотокамеры на автомобиль...

Попытки разведчика вытолкнуть бесстыдницу из автомобиля натолкнулись на яростное сопротивление. Он почти справился с рехнувшейся от страсти нимфоманкой и сбросил ее с колен, как вдруг она случайно нажала педаль газа. Взревев, “тойота” помчалась вперед и, преодолев бордюр, выскочила на тротуар. В последний момент японцу удалось дотянуться до баранки, и он судорожно вращал ею, пытаясь вывернуть на проезжую часть улицы.

Пока Миядзаки был занят проблемой, как уйти от столкновения с пешеходами, Эдита стащила с себя платье, а ему разорвала ширинку на брюках.

Кульминация всей операции: агентесса зубами впилась в крайнюю плоть инородца! Брызнула кровь, раздался нечеловеческий вопль, а “тойота” врезалась в стоящий на обочине грузовик.

Подбежавшим сыщикам “наружки” - загримированные под алкашей, они сначала стояли у входа в магазин, а потом гнались за потерявшей управление иномаркой - едва удалось оторвать женщину от обезумевшего от боли иностранца. При этом они не могли отказать себе в удовольствии и отвесили этому влиятельному лицу пару хлестких оплеух по его ставшей отнюдь не влиятельной физиономии. Отлились объекту слезы “наружки”, сдерживаемые в течение двух лет!

В милицейском протоколе, однако, было зафиксировано совсем другое: японский дипломат, пытаясь изнасиловать гражданку Иванову, вошел в раж и в припадке садистского наслаждения детородным членом разорвал губы жертве своей патологической страсти. Вот до чего доводит импортный секс!

Когда Миядзаки и женщину выволокли наружу, затвор фотокамеры репортера из молодежного издания продолжал методично щелкать, а прохожим довелось стать зрителями бесплатного экстравагантного шоу. Солидный пожилой господин, явно неславянской внешности, с залысынами и в галстук стоял посреди улицы с приспущенными окровавленными штанами, слезно умоляя оградить его от посягательств сумасшедшей и оказать медицинскую помощь. Он уже не обращал внимания на Эдиту. Почти совершенно нагая, она одной рукой вытирала перепачканные кровью губы, а второй обнимала корчившегося от боли “партнера”, приговаривая:

— Ну с кем не бывает, Кэндзи-сан... Сегодня не смог

— не беда, завтра все у тебя получится!

...Лихих наездников доставили на 2-ю Фрунзенскую улицу в 107-е отделение милиции. Миядзаки предъявил свою аккредитационную карточку дипломата и потребовал вызвать консула. Заявил, что на него совершено разбойное нападение.

— Как, то есть, нападение? - возмутился дежурный лейтенант. - Вы что, господин Мудзаки, хотите сказать, что наши женщины вот так вот, среди бела дня, в центре Москвы бросаются на дипломатов?! Может, они еще и сами раздеваются?! - с этими словами милиционер указал на Эдиту, которая, подбоченившись, стояла в одних туфлях посреди дежурной комнаты.

— Да-да, именно так и есть! Я не знаю эту женщину, я первый раз видеть ее...

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого негодяя!! - закричала агентесса. - Позавчера он обещал жениться на мне, назначил свидание, а теперь вот пытался меня прилюдно изнасиловать, да к тому же заявляет, что он меня не знает! Это что ж такое творится в Москве, товарищ лейтенант?!

Женщина щелкнула замком “случайно” оказавшейся при ней сумочки и швырнула на стол две фотографии.

Это были снимки, сделанные скрытой камерой во время приема.

Прижавшись друг к другу, улыбающиеся Миядзаки и Эдита свели бокалы, наполненные пенящимся шампанским. Фото были маленького формата, окружающих не было видно, создавалось впечатление, что двое влюбленных увлеченно воркуют, даже не замечая присутствия фотографа...

— И вы, господин дипломат, после этого утверждаете, что впервые видите эту гражданку?! Не ожидал, не ожидал я от вас, дипломата, такого... Будем составлять протокол!

Миядзаки все понял: плутни русской контрразведки. В его глазах застыла мольба поверженного гладиатора, и до приезда консула он не проронил ни звука.

Через день он улетел из Москвы, но не потому, что японскому послу МИД СССР заявил решительный протест по поводу инцидента, - ему предстояла серьезнейшая операция по оживлению бесчувственного органа. Неизвестно, какие аргументы контрразведчик представил в оправдание своему начальству, но в Союз он больше не вернулся.

Не последнюю роль в компрометации лжедипломата сыграли и фотографии, сделанные репортером из “МК”, молодежной газеты. Вместе с мидовским протестом они были вручены послу Японии в Москве... Кудрявцев торжествовал: Карфаген пал - японский разведчик за “аморалку” выдворен из СССР!

Детектор истины, или Граф Калиостро из ЦРУ

Психологи знают этого человека под именем Фрэнк Симпсон. Для лингвистов он был Джеймс Портер. Люди из близкого окружения зовут его “старина Геслер”. Для налоговых органов он был... Ну, и так далее. Истинные анкетные данные этого человека вряд ли были известны даже президенту США. Оно и понятно: президенты приходят и уходят - тайны спецслужб остаются.

Он тщательно возводил ограду мифологической таинственности вокруг собственной личности: никто не знал, сколько ему на самом деле было лет, в числе своих духовных учителей он называл Фрейда, Адлера, Юнга, Конфуция и далай-ламу, носил только черное, никогда не стриг волос, из всех видов транспорта предпочитал личный вертолет директора ЦРУ, из всех видов общения - анонимное...

В самом начале пятидесятых из вашингтонской резидентуры КГБ стали поступать в Москву сведения о том, что американцы вплотную занялись разработкой нового, психологического оружия. Группу психиатров и психологов якобы возглавляет врач по прозвищу “старина Геслер”, известный узкому кругу ученых своими сенсационными открытиями в области прикладной психиатрии.

Можно было бы предположить, что пресловутый “Геслер”, как и его психологическое оружие, - искусная “деза”, состряпанная в недрах ЦРУ и запущенная в качестве приманки, чтобы замкнуть поиск нашей

разведки на “негодный объект”, если бы не одно обстоятельство: полковник Абель, независимо от информации, полученной вашингтонской резидентурой, инициативно вышел на “старину Геспера”. Абелю повезло: ему удалось провести несколько встреч и побеседовать с тогда еще не очень засекреченным “старинным Геспером”, жившим отшельником на заброшенном ранчо в штате Оклахома. Именно после этих встреч Рудольф Иванович предостерег Центр об опасности, которую таит в себе психологическое оружие, в частности проводимые под руководством “Геспера” эксперименты по зомбированию.

В личных беседах с “магом”, а также с людьми из его ближайшего окружения полковнику Абелю удалось выяснить, что в орбиту разведки “Геспера” вовлек основатель и первый директор ЦРУ (тогда еще Управления стратегических служб) Аллен Даллес, сделав его своим заместителем и одновременно руководителем всех работ по психообработке и психологическим исследованиям.

Под его началом разрабатывались модели идеологического, политического, психологического воздействия на армии явных и потенциальных противников США. С его благословения вводились методики вербовки агентуры влияния и перевербовки кадровых сотрудников противоборствующих спецслужб.

Абель не знал, что, информируя Центр о работах американцев по психопрограммированию людей, он стучится в наглухо задраенную дверь, ибо все помыслы Сталина как истого материалиста, были устремлены к проблемам прикладного характера - совершенствованию ядерного оружия, которое в руках Соединенных Штатов представляло для мира социализма угрозу большую, чем псевдонаучные изыски в области духовной какого-то “идеалиста из Оклахомы”.

Неприятие Центром представленной нашим разведчиком информации было вызвано, сколь бы странным это ни казалось, его объективностью.

Абель отмечал неоднозначное отношение штатных психологов ЦРУ к “старине Гесперу”: среди одной их группы его считали шарлатаном и современным “графом Калиостро”, среди другой - самым авторитетным специалистом в набиравшем популярность и признании направлении психологии - НЛП, нейролингвистическом программировании.

Центр порекомендовал Абелю впредь “не распыляться, а сосредоточить усилия на добывании ядерных секретов”.

В полный рост проблема зомбирования встала перед КГБ и советским руководством в середине шестидесятых, когда на Кубе был арестован некто Хуан Анхело Костаньеро, которого подозревали в принадлежности к организации, ставившей целью свержение коммунистического режима на острове. Профессионалы из КГБ, выступавшие в роли инструкторов нарождавшейся кубинской службы безопасности и проводившие допросы Костаньеро, обратили внимание на странности в его поведении.

Странности, граничащие с безумием.

С соблюдением чрезвычайных мер конспирации задержанного переправили на военно-транспортном самолете в Союз, где им сразу же занялась целая бригада психологов и психиатров экстра-класса. Специалисты обнаружили у Костаньеро множественное расщепление личности. В нем одновременно, но автономно существовали целых четыре личности, которые не подозревали друг о друге.

“Человек-квартет” - под этим кодом пациент осел в секретных материалах советской контрразведки - в каждом из четырех состояний имел разное имя, говорил на разных диалектах испанского языка, даже артериальное давление и сердцебиение у каждой личности были своими.

В первом состоянии он был сельскохозяйственным рабочим. С помощью специального словесного ключа психологам удалось перевести Костаньеро во второе состояние. Открытие! Оказалось, что он никакой не рубщик сахарного тростника, а американец кубинского происхождения, прошедший спецподготовку в разведцентре ЦРУ.

Еще через два месяца бригада специалистов-психиатров “взломала замок” третьей личности. Выяснилось, что Костаньеро заброшен на Кубу с заданием убить Фиделя Кастро.

Сенсация следовала за сенсацией. Во время одного сеанса-исповеди подопытный поведал своим духовникам из КГБ такие подробности подготовки устранения американского президента в Далласе, такие детали обстоятельств самого покушения, что стало абсолютно очевидно: Костаньеро один из тех, кто действительно стрелял в Джона Кеннеди.

Наконец, находясь в четвертом состоянии, “Квартет” жаждал одного - немедленно покончить с собой...

То, что удалось выяснить в ходе обследования Костаньеро и многомесячных экспериментов, подчас выглядело невероятным, не поддающимся объяснению с точки зрения здравого смысла, а специалистов-психиатров заставляло лишь пожимать плечами. Немудрено; отечественная психиатрия, долгие годы

именовавшаяся “продажной девкой империализма”, только-только вставала с колен.

Психиатры, оправдываясь перед наблюдавшими за их экспериментами офицерами контрразведки, вспомнили предостережение профессора Ганнушкина: “На ниве психиатрии мы и в двадцать первом веке будем пахать сохой”.

Контрразведчики же вспомнили предостережения из разведдонесений Абеля и проблеме зомбирования наконец-то уделили должное внимание. Лед тронулся!

Резидентура КГБ в Соединенных Штатах подтвердила, что ученый, проходящий в шифросообщениях Абеля под именем “старина Геспер”, - не фантазия, а реально существующий человек во плоти и крови и с большими организаторскими способностями: ему придан отряд высококвалифицированных психологов и психиатров, работающих над проблемой программирования подсознания человека. В идеале они стремились создать агента-камикадзе, который бы, не вникая в суть поставленного задания, сумел бы его выполнить, используя весь ресурс заложенных в него природой качеств, а затем покончить с собой.

Другими словами, в подсознание человека вводилась кодированная программа, состоящая из двух актов: первый - собственно выполнение задания, второй - самоуничтожение.

Ученые из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, а также из Института судебной медицины имени Сербского, приглашенные для обследования и экспериментирования с Костаньеро, по просьбе офицеров-контрразведчиков, наблюдавших за работой, пояснили в общих чертах механизм воздействия и кодирования кубинца специалистами из ЦРУ.

Начали они с того, что психологи различают у человека два диапазона восприятия действительности: сенсорный (осознанный) и субсенсорный (неосознанный), при котором информация усваивается, минуя сознание.

Информация, предъявляемая в субсенсорном режиме, воспринимается человеком с эффективностью, в тысячи раз превышающей норму. Такие возможности связаны с тем, что у людей 97 процентов психологической деятельности протекает на уровне подсознания и лишь 3 процента - на осознанном уровне.

Эффективность воздействия на человека через его субсенсорное начало ученые проиллюстрировали примером, наглядно доказывавшим, что американцы свои научные разработки стремятся проверить на больших скоплениях людей без их на то согласия.

...В конце пятидесятых во многих городах Штатов стали твориться чудеса.

После очередного, как правило, последнего киносеанса зрители толпами осаждали ближайшего продавцамороженщика или торговца кока-колой.

Разгадка феномена - в так называемом 25-м кадре. Во время киносеанса к обычным 24 кадрам в секунду добавлялся еще один, 25-й, который при попадании на сетчатку глаза, минуя сознание (оно не в состоянии зафиксировать его из-за высокой скорости), прямиком проникал в подсознание, воздействовал на психику ставших “подопытными кроликами” зрителей. Этот 25-й кадр и содержал рекламу напитка или мороженого.

Контрразведчики запротестовали: “Нам об этом рассказывали на политинформации. Вы нам объясняете хитрости кодирования индивидуума, а мы хотим знать, как вам удалось декодировать Костаньеро, выявив в нем целый “букет” личностей?”

Этот вопрос требовал более детального и трудоемкого объяснения, поэтому ученые опять начали с азов: “Вы, конечно, знаете, что такое полиграф?” “Да-да, - с радостью ответствовали контрразведчики, - это - детектор лжи!” “А знаете ли, что он изобретен нашим, русским ученым Александром Лурия еще в 1926 году?” Офицеры ответили дружным молчанием. “Так вот, аппарат, на котором мы вели эксперименты и в конце концов декодировали кубинца, - это тоже полиграф. Но в отличие от детектора лжи, который позволяет определять, когда человек ЛЖЕТ, наш аппарат, назовем его условно “Рентген для души”, дает возможность вытащить из глубин подсознания ЛЮБУЮ информацию. Не только сознательно скрываемую, но и ту, о существовании которой в своей черепной коробке человек даже не догадывается, как это имеет место быть с господином Костаньеро.

Детектор истины - “Рентген для души” - оценивает не физиологические реакции организма, как это делает полиграф, а ответ самого мозга на предъявление определенных символов. Ответ представляет собой изменения биоэлектрических колебаний мозга, записываемых в виде энцефалограммы. А вот это не в состоянии изобразить “на заказ” никто. Другими словами, детектор истины обмануть невозможно.

Во время сеансов по декодированию кубинца ему на голову надевали наушники, в которых звучал некий шум. С учетом происхождения Костаньеро это был шум прибора, что помогло экспериментаторам быстрее расположить к себе подопытного и достигнуть с ним психологического контакта. В шум были вмонтированы определенные сигналы, кубинцем не осознаваемые. Специальное устройство считывало энцефалограмму.

Сидя перед экраном телевизора, Костаньеро наблюдал проходящие ряды цифр, среди которых встречались слова или целые фразы. Увидев их, кубинец должен был нажать кнопку. Символы появлялись на экране с такой скоростью, что подумать о них Костаньеро не успевал, хотя его мозг моментально “заклевывал” приманку. Наушники на голове кубинца, да и он сам, энцефалограф, телевизор - все было закольцовано в одну непрерывную цепь и подсоединено к ЭВМ, которая и выполняла основную работу, производя моментальный математический анализ энцефалограммы.

На стол специалистов ложились листы, которые непосвященным могли показаться набором бессмысленных символов. Вверху какие-то овалы. Это так называемые кластеры сфер значимости в подсознании. По их расположению относительно друг друга ученые определяли, какое место в психике Костаньеро занимала семья, какое

— восприятие собственного имени, отношение к Кубе, к США, к убийству президента Кеннеди, а какое - к суицидальным наклонностям. Специалисты сопоставляли кластеры кубинца с кластерами других пациентов, ранее прошедших подобное тестирование, для того чтобы безошибочно выбрать направление, в котором требовалось его “раскручивать”.

Электронная машина в течение получаса выдавала такие результаты изучения всех четырех личностей, скрывавшихся под физической оболочкой по имени Коста ньеро, которые западным психоаналитикам открылись бы лишь после шести месяцев изнурительных сеансов-исповедей. Сложность в общении между русскоговорящими учеными и испаноговорящим подопытным состояла не только в переводе слов-символов с русского на испанский. Взять и просто перевести слова-символы нельзя.

Существуют не только языковые тонкости, но и разница в самом менталитете. Если для русского слово “трешка” ассоциируется с деньгами, то для кубинца это должно было быть “трехпесовой купюрой”, что уже само по себе абсурдно, так как с детства воспринималось им как языковой символ фальшивки.

Возможно, работы американцев по зомбированию людей так и остались бы тайной за семью печатями, если бы не прокол с Костаньеро. А опыт, накопленный нашими учеными во время экспериментов органов госбезопасности Кубы и СССР над “клиентом”, лег в основу успешно развивающихся сегодня отраслей современной психологии: компьютерной психодиагностики и компьютерного психоанализа, которые проводятся в Институте психозкологии Российской академии естественных наук под руководством академика Игоря Смирнова.

После экспериментов Костаньеро долгое время наблюдали в Институте судебной медицины имени Сербского, затем он был переведен в Казанскую спецпсихбольницу, где и теряются его следы.

“Старина Келер” последний раз был замечен на людях в 1993 году, когда он руководил штабом по переизбранию на второй срок президента США Джорджа Буша-старшего. С тех пор о нем ничего не известно. Его почитатели утверждают, что он продолжает вести жизнь анахорета на своем ранчо в штате Оклахома.

Злопыхатели придерживаются другого мнения: в конце концов “Гесперу” удалось провести аутозомбирование, и он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из вертолета директора ЦРУ...

Часть 2. Охота на “кротов”

СССР все семьдесят лет своего существования был государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном - в перебежчиках.

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько ее граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то

были, так сказать, физические перебежчики. А сколько было “духовных”, тех, кто по ночам, прильнув к радиоприемникам, с жадностью внимал каждому слову “Голоса Америки”, “Свободы”, “Немецкой волны”, “Голоса Израиля”, чтобы хоть на час, хоть мысленно, оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан Страны Советов. Отнюдь. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лаге-

Кстати, читатель, вы никогда не задумывались, почему мы говорили “лагерь социализма”, но “мир капитализма”? Может, потому-то и бежали, что социализм был лагере м?..

Проблема перебежчиков достигла критической отметки, когда в страны противника на постоянное жительство хлынула элита - советские дипломаты и сотрудники спецслужб, то есть носители самых сокровенных секретов государства.

Однако главная угроза для государства исходила все-таки не от них, явных изменников, а от так называемых “кротов”, внутренних шпионов - сотрудников КГБ и ГРУ, сановных чиновников МИДа, Совета Министров и ЦК КПСС, - завербованных Центральным разведывательным управлением США в качестве секретных агентов.

Продолжая занимать престижные должности в советских синекурах, они фактически работали в пользу Соединенных Штатов, исправно поставляя своим хозяевам за океан сверхценную информацию, подписывая провальные для СССР контракты, договоры и т. п.

Продавая противнику стратегические секреты или лоббируя выгодные для противника сделки, они исподтишка готовились к “мягкой посадке” на Западе. Это была самая опасная и убыточная для Союза разновидность перебежчиков.

В перестроечные времена с высочайшего благоволения Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева в практику был введен обмен визитами между руководителями КГБ и ЦРУ. Бывший начальник Управления “С” (подготовка нелегалов) КГБ СССР генерал Дроздов по этому поводу писал:

“Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики, изрядно выпив, в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу:

Вы, ребята из КГБ, - отличные парни! Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться. Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки. Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет когда-либо рассекречено, какую агентуру влияния имело ЦРУ и другие наши спецслужбы на самом вершине вашей пирамиды власти... Вся верхушка вашей системы напоминает кусок швейцарского сыра, так как она насквозь проедена “кротами” - внутренними шпионами...”.

У Гоголя есть выражение: “поврежденный люди”. Это об оголтелых ненавистниках любых несовершенств в человеческой природе. Но часто эти люди - праведники поневоле, так сказать, по техническим причинам: их просто никто не пытался искушать. Неизвестно, как бы поступили бывшие руководители КГБ СССР, окажись они на месте своих подчиненных, обольщенных и завербованных американскими спецслужбами.

А между тем многие бывшие генералы Комитета, эти кабинетные практики, сегодня исходят желчью, пытаясь всю вину бывшего руководства СССР (отчасти и свою тоже!) переложить на плечи своих оступившихся подчиненных. Нисколько не обеляя измены, но и не уподобляясь “поврежденным критикам”, автор, опираясь на конкретные факты, прослеживает, как и почему советские дипломаты и сотрудники спецслужб инициативно предлагали свои услуги ЦРУ, то есть становились “кротами”... Справедливости ради следует добавить, что они составляли лишь ничтожно малую часть многотысячного корпуса разведчиков, действовавших в мире искусительных миражей западной действительности...

Агент ФБР “столичного” розлива

В восьмидесятих годах прошлого столетия резидент КГБ руководил операциями в Вашингтоне с верхнего этажа каменного посольского особняка, который построила в начале века, хотя никогда там и не жила, г-жа Джордж М. Пульман, вдова магната, занимавшегося производством спальных вагонов для железных дорог. Это прямоугольное четырехэтажное здание было

приобретено у нее под посольство последним царским правительством и по наследству перешло к советским дипломатам.

Все окна особняка были наглухо задраены. Фотография посольства в доме № 1125 на 16-й улице - всего в трех кварталах от Белого дома - неизменно появлялась в качестве иллюстраций к статьям в прессе о работе КГБ в Вашингтоне в частности и в США вообще. Под снимком - дежурная подпись: "Шпионское гнездо".

Это весьма помогало направлять воображение американского налогоплательщика в нужное спецслужбам русло.

Для обывателя это было заколдованное место. На крыше посольского особняка, зажатого с двух сторон высокими зданиями, действительно устрашающе смотрелись пауки многочисленных антенн, в том числе и спутниковой связи.

Нередко сотрудникам посольства, как "чистым" дипломатам, так и "сидящим под корягой" - действующим под дипломатическим прикрытием разведчикам, доводилось слышать от вашингтонских аборигенов, что с соседних крыш американские контрразведчики - сотрудники ФБР - бомбардируют наше здание электромагнитными импульсами, чтобы прослушивать разговоры в помещениях и по стуку пишущих машинок считывать документы.

Кроме того, внутри здания работали наши собственные электронные системы защиты. К примеру, кабинет резидента, как и положено, представлял собой комнату в комнате, вокруг которой действовало электромагнитное поле. Разумеется, с точки зрения здоровья, особенно мужской потенции, это было далеко не безопасно.

На четвертом этаже в четырех тесных комнатках трудились около сорока офицеров резидентуры КГБ. Каждый отдел - политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая, а также оперативно-техническая разведка - решал свои конкретные задачи. На секретный этаж вел один-единственный вход, и его защищала прочная стальная дверь, имевшая цифровой код. В помещение запрещалось входить в пиджаке или пальто: эта мера безопасности была направлена против попыток вероятных шпионов тайком пронести миниатюрную фотокамеру. Все кабинеты были экранированы, чтобы исключить прослушку ведущихся внутри разговоров.

Объектами особого внимания ФБР всегда были вновь прибывшие из СССР сотрудники посольства. Основная задача Бюро на первом этапе - выяснить, кто они - "чистые" дипломаты или "подснежники", для которых дипломатический статус лишь прикрытия для отправления своих основных, разведывательных, обязанностей?

Майор КГБ Сергей Моторин исключением для вашингтонского отделения ФБР не стал. Не прошло и шести месяцев с тех пор, как он приступил к исполнению своих служебных обязанностей в резидентуре, и американцы решили "потрогать его за вымя". И не промахнулись. Став жертвой шантажа со стороны фэбээровцев, майор Моторин был завербован ими на... водке.

Американские контрразведчики проследили за Моториным, когда тот, явившись в магазин, торгующий электроникой в пригороде Вашингтона, попытался приобрести в кредит дорогой телевидеомоноблок. Хозяин магазина, агент американской контрразведки, отклонил просьбу Моторина. Стоило последнему уйти, как он сообщил о визите русского своему оператору в местное отделение Бюро.

По согласованию с американскими контрразведчиками владелец магазина позвонил Моторину и предложил ему другой способ приобрести вожделенную электронику. Пояснил, что согласен получить часть стоимости моноблока (950 долларов) водкой "Столичная", которую офицер КГБ мог купить через посольство по цене 4,5 доллара за бутылку (в то время эта водка стоила в американских магазинах 12 долларов).

Моторин предложение принял.

Когда он вернулся в магазин с несколькими ящиками "Столичной", сотрудники ФБР поджидали его там с видеокамерами. Едва горе-разведчик собрался уходить, контрразведчики выступили вперед и вежливо, но жестко напомнили ему о том, что он является нарушителем и американского, и советского законодательства, и если делу будет придан ход, то его попросту выдворят из страны. Казус предложили замять в ответ на выполнение им конфиденциальных поручений. Уезжать он как не хотелось, и Моторин согласился...

В пользу Соединенных Штатов Гоз (под этим псевдонимом Моторин проходил в секретных платежных ведомостях американской контрразведки) проработал около года.

Когда были получены данные, подтверждающие его предательство, он под благовидным предлогом был вызван в Москву.

“Съем” (негласное задержание) двурушника был проведен в аэропорту Шереметьево-2 сразу по прилете из Нью-Йорка.

...При подготовке “съема” Моторина ответственный за проведение мероприятия заместитель командира “Альфы” подполковник Владимир Зайцев прежде всего учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал.

Самомнение было небезосновательно: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приемами карате. Вылитый Шварценеггер!

Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: “Я - здоров, чего скрывать, пятаки могу ломать, я недавно головой быка убил...”

Вместе с тем, надо было учесть и моральное состояние Моторина по прибытии в Москву. Каким бы ни был благовидным предлог, под которым его вызвали из заграничной командировки, он все равно будет оставаться начеку, в каждую секунду будет готов к отражению возможной атаки. У него же, что называется, все импульсы наружу. Поэтому прежде всего надо было усыпить бдительность объекта, огромного и сильного, как динозавр.

Подойди к нему гренадеры, сродни ему, он, учуяв опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого “Альфа” позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка “съема” Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется, только внешне тщедушные.

Когда Зайцев представил отобранных для “съема” бойцов своего подразделения одному генералу из руководства Управления “К” (внешняя контрразведка) Первого Дома (Служба внешней разведки), тот возмутился:

И что, - закричал генерал, указывая пальцем на одного из бойцов, - вот этот мальчишка справится с Моториним-гренадером?! Да он - культурист, разматает вас всех, как котят!

Еще как справились - пикнуть не успел, как его “спеленали”!

Принцип бойцов “Альфы”: “порхать, как бабочка, и жалить, как пчела”. Но при этом прежде работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Но и голова при этом не дремлет.

“Снять” объект - это еще не все, это лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное усадить перевертыша лицом к лицу со следователем еще до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнет давать правдивые показания.

Вот где профессионализм высшей - четыре девятки пробы! “Шоковая терапия” - искусство, а не конвульсивное дерганье руками и ногами.

Кстати, приемы “шоковой терапии” до сих пор хранятся в секрете. Оно и понятно: шпионаж, он ведь еще не упразднен, ну и “съемы” продолжают...

Явки с хиппующим разведчиком

В семидесятых - восьмидесятых годах прошлого столетия всем англо-американским разведчикам, действовавшим в Москве под прикрытием посольств, была присуща одна характерная черта - пристрастие к маскарадам.

Руководство Центрального разведывательного управления и Сикрет Интеллидженс сервис почему-то считали, что неременным атрибутом или даже залогом успешного выполнения их сотрудниками задания должно быть переодевание.

Да, мир разведки во многом схож с театром. Но пренебрежение законами того и другого жанра - прямая дорога к провалу и освистанию.

Один из непреложных постулатов сцены, будь то подмостки театра или операции разведки, гласит: “Не повторись!” Однако ЦРУ и СИС, вопреки этой заповеди, костюмированные балы с участием своих высокопрофессиональных сотрудников поставили на конвейер.

Господа, Москва - это не Голливуд, вчерашние находки на сцене театра имени “советской

контрразведки” не проходят! Появление переодетых англо-американских разведчиков неизменно вызывало улыбки у наших контрразведчиков: “Опять шпионский балаган с участием ряженых!”

Нередко переодевание играло против самих режиссеров-постановщиков костюмированных балов - облачаясь в чужую шкуру, разведчик, по сути, проводил сеанс самоуспокоения, вел себя сродни страусу, прячущему голову в песок при возникновении опасности.

Можно по пальцам пересчитать случаи, когда маскарад достигал поставленной цели, а актер-разведчик не был освистан по ходу шпионского спектакля нашей “наружкой”.

Зачастую американские разведчики в качестве камуфляжа использовали женскую одежду, не понимая, что занимаются самообманом и саморазоблачением: в качестве дешифрующего признака была их... походка, ведь для опытного глаза не составляет труда отличить грациозную женскую поступь от твердых, решительных движений мужчины.

Кстати, человеку, не посвященному в эти премудрости, трудно поверить, но походка у представителей различных рас - белой, черной и желтой - действительно имеет много отличий. Вообще, опытные сыщики наружного наблюдения сначала запоминают походку объекта, а потом уже остальные внешние признаки...

Американские разведчики особенно пристрастились к костюмированным балам-маскарадам в середине восьмидесятых годов, когда во главе московской резидентуры ЦРУ, действовавшей с посольских позиций, находился Гарднер Гас Хэтэуэй.

Начал и с того, что по заказу Хэтэуэя в Москву из США срочно доставили несколько автомашин с затемненными стеклами, маски и манекены, имитировавшие разведчиков. Весь этот набор камуфляжей применялся для того, чтобы вводить в заблуждение нашу “наружку”.

Например, манекен разведчика-агентуриста, который должен был провести встречу со своим московским агентом, демонстративно вывозили с территории дипломатической миссии в обычной машине. Сам же агентурист в автомобиле с затемненными стеклами спустя некоторое время отбывал на явку в совершенно противоположном направлении.

...”Чистого” дипломата Дэвида Хилла по росту и телосложению со стороны невозможно было отличить от Хэтэуэя. Резидент, отправляясь на явку с особо ценными агентами, надевал искусно сделанную каучуковую маску, имитировавшую лицо Дэвида, и преспокойно, на малой скорости, выезжал за ворота посольства: “Смотрите, любуйтесь, я - Дэвид Хилл!”

“Иллюзион” через некоторое время был раскрыт: “а король-то - голый!”, и американцы на некоторое время вынуждены были перейти на безличную связь со своей агентурой из числа советских граждан, используя для этого “почтовые ящики” - тайники.

Майкл Селлерс, “сидевший под корягой”, - действовавший под прикрытием второго секретаря посольства США в Москве, каждый раз, отправляясь на встречу со своими агентами, очень любил “похипповать” - наклеивал усы и натягивал лыжную шапочку с приделанными к ней волосами до плеч. В таком виде он и был задержан 10 марта 1986 года во время проведения явки с агентом по кличке Коул - майором Сергеем Воронцовым, сотрудником управления КГБ по Москве и Московской области.

Кстати, имя изменника до самого последнего дня его сотрудничества с ЦРУ не было известно его американским операторам. Это, пожалуй, было единственное положение конспирации, от которого не отступил и которое до конца соблюдал Воронцов...

А так все хорошо начиналось...

Летом 1984 года, поздним вечером, в квартире второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Джона Фини раздался телефонный звонок. Неизвестный мужской голос на плохом английском, выдававшем в нем славянина, путая слова заученных наизусть фраз, предложил хозяину квартиры срочно встретиться по совершенно неотложному делу. Место встречи, названное незнакомцем, находилось в двух минутах езды на автомобиле от дома Фини. Последний, следуя инструкциям госдепартамента и устным рекомендациям посла и главы резидентуры ЦРУ принимать любые материалы и неожиданные предложения от советских граждан, даже не сменив домашних тапочек на башмаки, уже через минуту мчался к месту неожиданного свидания.

Опасаясь подвоха, Фини не вышел из машины, лишь слегка приспустил боковое стекло.

Появившийся неведь откуда призрак просунул в щелку какие-то бумаги и тут же растворился в

темноте. Утром следующего дня ночные “трофеи” были подвергнуты тщательным исследованиям сотрудниками американской резидентуры. Среди них обнаружили письмо с предложением о сотрудничестве и подтверждение серьезности намерений ночного собеседника Фини - последний номер совершенно секретного “Информационного бюллетеня” Второго главного управления КГБ (контрразведка Союза).

Американские разведчики сделали вывод, что “инициативник” достаточно осведомлен о методах конспирации, так как предлагал весьма сложный вариант установления личного контакта. В случае согласия с его условиями выплаты вознаграждения сотрудники резидентуры должны поставить машину с дипломатическим номером в определенный час напротив магазина “Букнига” на Кузнецком Мосту радиатором к тротуару. После этого на стене мужского общественного туалета в проезде Художественного театра фломастером будут нанесены семь цифр. Помноженные поочередно на единицу, двойку и тройку, они в итоге дадут номер телефона, у которого в назначенное время будет дежурить “ночной телефонист”.

Упускать такую возможность заполучить еще один источник информации из стана противника - не в правилах уважающих себя спецслужб. Все было сделано именно так, как предлагал “инициативник”.

В первой же беседе Воронцов предупредил потенциальных работодателей, что сохранение его анонимности в их общих интересах. Единственное, что он может сообщить о себе, - это имя и место работы. Зовут его Стас, работает он во Втором главке. Место работы Воронцовым указано было не случайно, а для того, чтобы достойнее выглядеть в глазах ЦРУ. А “Информационный бюллетень” - тому подтверждение. Воронцов, заместитель начальника отделения управления по Москве и Московской области, прекрасно отдавал себе отчет: чем выше его ранг, тем выше оплата.

Предателю удалось ввести в заблуждение своих заокеанских хозяев: они щедро отблагодарят его за услуги, выплатив в общей сложности 30 тысяч долларов, а об истинном месте работы Воронцова они узнают уже после того, как он будет разоблачен и расстрелян.

Воронцов отказался от предложенных американцами способов связи - тайников, односторонних радиопередач, писем на подставные адреса в США - все это не для него. Он настаивал только на личных встречах с сотрудниками американской резидентуры - так, по его мнению, причитающиеся ему деньги быстрее окажутся в его кармане. И он вновь предложил свой способ связи. Телефон, номер которого он сообщил американцам, установлен в соседнем кабинете. У него имелся ключ-отмычка, с помощью которой он в обусловленное время, разумеется, в нерабочее, должен был ожидать условных звонков и договариваться о встречах.

В Лэнгли приняли все условия Воронцова. Еще бы! Ведь агент работает во Втором главке, он сможет помочь обезопасить деятельность всей московской резидентуры, да и не только. Через него можно будет получать информацию о намечаемых контрразведкой Союза мероприятиях по противодействию разведустремлениям ЦРУ по всему миру!

ЛжеСтасу присваивается псевдоним Коул и при первой же встрече выплачивается огромный гонорар - девять тысяч долларов (по тогдашнему курсу московского “черного рынка” это около пятидесяти тысяч рублей, или шесть “жигулей” первой модели), к заданию прилагался воп росн и к-за да н ие.

Но Воронцов не спешит выполнять его. Получив деньги, он берет отпуск и с женой отправляется покататься в Сочи. Его коллеги и друзья будут немало удивлены его ночным телефонным звонком оттуда. Вдребезги пьяный, он звонил, чтобы поделиться с ними впечатлениями о меню на завтрак, обед и ужин, о концертах, на которых ему довелось побывать, о том, кого из звезд мира кино и эстрады он встретил на побережье, и прочее, и прочее, и прочее...

На все вопросы, откуда он взял деньги на поездку в Сочи, Воронцов отвечал стандартно: почившая в бозе бабушка оставила наследство.

Вызывает удивление другое: даже близкие приятели-коллеги Воронцова ни разу не поинтересовались: откуда вдруг у него появилась бабушка-дароносица, которая сумела в одночасье умереть, успев тем не менее оставить столь изобильное наследство внуку!..

Мистер “Миллион”

В конце августа 1985 года заместитель командира “Альфы” подполковник Владимир Зайцев был срочно отозван из отпуска и получил приказ подобрать и подготовить бойцов для “съема” Геннадия Сметанина, резидента ГРУ в Лиссабоне.

От нашего особо ценного агента Олдрича Эймса, возглавлявшего контрразведывательное подразделение в ЦРУ, стало известно, что Сметанин и его жена Светлана занимаются шпионажем в пользу США с 1983 года.

Резидент инициативно предложил свои услуги ЦРУ. Вызвавшись сотрудничать, он на первой же встрече за свои услуги запросил миллион долларов, за что получил оперативный псевдоним “Миллион”, под которым и проходил в секретных платежных ведомостях ЦРУ.

Получив решительный отказ, Сметанин умерил свои аппетиты до 360 тысяч долларов. Пояснил, что именно такая сумма ему нужна, чтобы покрыть растрату казенных денег. ЦРУ заплатило ему, но к его истории отнеслось с подозрением, решив, что полковник просто хочет продать себя подороже. Действительно, верилось с трудом, что в такой крошечной оперативной точке, каким являлся Лиссабон, могли крутиться такие огромные деньги. Однако псевдоним агенту оставили прежний - “Миллион”.

...В августе Сметанин получил очередной отпуск и вместе с женой-подельницей прибыл в Москву.

Силами “наружки” и “слухачами” из Двенадцатого отдела КГБ СССР (прослушивание телефонов и внедрение микрофонов) за супругами велось круглосуточное наблюдение. Тотальный контроль принес результаты: были получены данные, свидетельствовавшие не только о том, что Сметанины по возвращении за границу собираются остаться там навсегда, но и прямо указывавшие на сбор ими дополнительных сведений для американских работодателей.

К примеру, полковник, неожиданно восплавав любовью ко всем своим сотоварищам по службе в ГРУ, стал активно посещать их на дому и во время застолий делать “фотографии на память”.

Ясно, что эти снимки значительно пополнили бы картотеки американских спецслужб, затруднив впоследствии работу наших военных разведчиков при выезде в заграничные спецкомандировки. Пробыв в Москве около трех недель, супруги-шпионы отправились в Казань, чтобы навестить и, как небезосновательно считали в КГБ, попрощаться с родителями и близкими.

“Лучшего места для негласного задержания шпионской парочки не придумать”, - решил Зайцев и с группой захвата немедленно вылетел в Татарию.

Через три дня он понял, что скрытно “снять” супругов не удастся: они все время окружены многочисленными родственниками и друзьями. Тем не менее Зайцев не отказался от мысли провести “съем” именно в Казани, на вокзале или в аэропорту - в зависимости от того, какую обратную дорогу предпочтут Сметанины.

Свои соображения альфовец доложил в Центр и получил “добро”.

12 сентября казанские сыщики наружного наблюдения, на которых возлагался контроль за шпионами, доложили Зайцеву, что объекты взяли билеты на самолет и 14 сентября должны вылететь в Москву. Одновременно слуховым контролем за телефонными разговорами брата Сметанина удалось установить, что объект конспиративно, с помощью своих родственников приобрел два билета на скорый поезд № 37 Казань - Москва.

Эти маневры “подопечного” насторожили Зайцева. На память пришли события пятилетней давности - обстоятельства побега за границу начальника отдела Восьмого главного управления (связь и шифровальная служба) Виктора Шеймова, который вместе с семьей был вывезен американцами на самолете прямо из аэропорта Внуково. Накануне побега Шеймов, чтобы иметь выигрыш во времени, в пятницу сообщил начальству, что на выходные дни уезжает на дачу к своему приятелю в Подмосковье. Поэтому его хватились лишь в понедельник, когда он уже был недосыгаем.

“Уж не хотят ли американцы повторить шеймовский вариант со Сметанинами? Если да, то становится понятным демонстративное приобретение супругами билетов на самолет - это отвлекающий маневр. Значит, - продолжал анализировать ситуацию Зайцев, - в аэропорту они не появятся, там же надо проходить регистрацию, то есть светиться!”

Как назло утром того дня, когда супруги-шпионы должны были покинуть Казань, местная

“наружка” их потеряла!

Не веря до конца в возможность побега Сметаниных, Зайцев начал лихорадочно листать сводки наружного наблюдения и слухового контроля, пытаясь найти в них какую-нибудь зацепку, ранее не замеченную деталь, которая могла бы указать на возможное место пребывания объектов...

Нашел!

В день приезда Сметаниных в Казань им кто-то позвонил по межгороду. Услышав голос звонившего, Геннадий не стал с ним разговаривать, ограничился короткой репликой: “Я тебе перезвоню позже, извини, мы только что с дороги”.

Казанские технари быстро установили, что звонок поступил от двоюродного брата объекта, проживавшего в поселке Козловка. Однако в дальнейшем Сметанин попыток связаться с ним не предпринимал. Но полной уверенности в этом не было, так как шпион мог позвонить брату с телефона своих многочисленных родственников и друзей.

Зайцев развернул карту Татарии. Так и есть! Козловка находится в непосредственной близости от железнодорожной магистрали Казань - Москва.

...До вылета самолета в Москву оставалось два часа, до отправления поезда - три, когда Зайцеву удалось убедить свое руководство в Центре, что ему с группой захвата необходимо выехать в Козловку.

Действительно, что оставалось делать? Ясно было, что приобретение билетов на самолет - блеф.

Билеты на поезд? Но Сметаниным не обязательно погружаться в поезд именно в пункте отправления - Казани, они спокойно могут сесть и в Козловке, что всего в сорока километрах. Если, конечно, они еще там!

На всякий случай Зайцев решил выждать еще час, оставаясь в Казани. В Козловку он выслал разведдозор во главе со своим заместителем Виталием Демидкиным.

Учитывая скорость, с которой привыкли передвигаться альфовцы во время выполнения боевых заданий, нет ничего удивительного, что уже через сорок минут Демидкин вышел на связь и доложил, что супружеские шпионы гуляют “по-черному” в обществе двоюродного брата Геннадия и его приятелей. У Зайцева отлегло от сердца - “крот” найден!

Обнаружение “крота” отнюдь не решало проблем - брать шпионскую парочку на станции все равно нельзя: их наверняка будут провожать родственники и собутыльники. Может завариться такая каша! Значит, “съем” придется проводить непосредственно в поезде во время движения. Легко сказать! А если объект начнет отстреливаться? При этом, не дай бог, кого-то из пассажиров ранит или убьет?! Ведь до конца службы не отмоешься... И все-таки другого выхода нет - надо брать только в поезде...

После захвата Сметаниных от их имени казанским родственникам была послана телеграмма, что они досрочно улетели за границу - отозвали из отпуска.

Столичные знакомые шпионской парочки пребывали в неведении, думая, что они задержались в Казани.

Разумеется, истинное место пребывания супругов скрыть нужно было не столько от их родственников и знакомых, сколько от заокеанских операторов. Чем позднее они узнают о провале своих агентов, тем лучше для нас. И для безопасности человека, который вывел Комитет на шпионскую парочку.

...Геннадия и Светлану “сняли” через пятнадцать минут после того, как поезд отошел от перрона Козловки.

Задержание произошло бы гораздо позже, если бы резидент-отступник ехал без жены. Надев парик и очки, он настолько изменил внешность, что идентифицировать его по имевшимся фотографиям не представлялось возможным.

Туг же в купе экс-резидента переодели в заранее приготовленный спортивный костюм и отобрали личные вещи - правило, которому неукоснительно следуют группы захвата. Делается это исключительно с одной целью: обнаружить предметы, в которых могут находиться капсулы со смертельным ядом.

Во время осмотра вещей Сметанина альфовцев насторожило то, как он настойчиво пытался вернуть себе отобранные очки. Странно, тем более что стекла в очках были без диоптрий... Как выяснилось в дальнейшем, в дужках очков находились ампулы с сильнейшим ядом из

семейства курареподобных. Сметанину достаточно было посильнее сжать пальцами дужки, чтобы из микрорезервуаров вытекла смертоносная жидкость. Ее даже глотать не надо было! Попав на кожу, капля яда гарантировала уход в мир иной в течение 20 секунд Единственное, что могли бы при вскрытии констатировать патологоанатомы

— смерть от острой сердечной недостаточности.

..Личный обыск Светланы Сметаниной не проводили до самой Москвы - в группе захвата отсутствовали женщины. Исходя из мер предосторожности, ей надели наручники, а отдельные части туалета и аксессуары тщательно осмотрели и даже прощупали.

В богато расшитом поясе, инкрустированном черненым серебром, обнаружили сорок четыре ячейки с... крупными алмазами! В ходе допросов выяснили, что алмазы были переданы супругам для продажи за границей двоюродным братом Геннадия, ранее работавшим на алмазных приисках Якутии.

Мистер “Миллион” был, как никогда ранее, близок к реализации своей мечты стать миллионером. Не на словах...

“Кротовый” лаз длиною в двадцать лет

06 июля 1986 года Дмитрию Федоровичу Полякову, генерал-лейтенанту Главного разведывательного управления Генштаба МО СССР в отставке, исполнялось 65 лет.

На праздничное застолье в подмосковный поселок Архангельское съехались самые близкие родственники: жена, старший сын, невестки, внуки и внучки. Собравшиеся выразительно посматривали на настенные часы и переводили взгляд на именинника - не пора ли приступить к уничтожению разносолов? По заведенному главой семейства обычаю только после его сигнала можно было занимать места за столом. Однако юбиляр делал вид, что не замечает нетерпеливости домочадцев. Он твердо решил не начинать ужина в отсутствие своего любимца, младшего сына, который пошел по его стопам и тоже служил в ГРУ.

Поляков-старший вышел на веранду. По стеклам стекали потоки воды - невесть откуда взявшаяся туча разразилась ливнем. “Вообще-то странно, - рассуждал генерал, - Петр, всегда такой пунктуальный и обязательный - и вот те раз! Опаздывает уже на целых полчаса... Мог бы и позвонить, сказать, что задержится... Впрочем, а что, собственно, случилось? В нашей системе чего только не бывает... Ты уже опечатываешь сейф или запираешь дверь служебного кабинета, как вдруг тебя срочно требует к себе самое высокое начальство, будто только и ждало этого момента! Кроме того, Петру неделю назад присвоили майора, вот и дергают, чтоб служба медом не казалась... А может, сойдя с электрички, он попал под дождь и сейчас стоит где-то, пережидает? Ничего, сегодня появится!”

Глухо ударила калитка, и на дорожке, ведущей к даче, появился промокший насквозь Петр. По его взволнованному лицу старый разведчик понял: что-то случилось. Повинуясь внутреннему импульсу, генерал вышел на крыльцо.

Завидев отца, Петр прибавил шагу, и как только они поравнялись, он, не здороваясь, схватил Полякова-старшего под руку и с силой увлек в гущу кустов сирени.

Папа, - вплотную приблизившись к отцу, горячо зашептал Петр, - по-моему, у нас в поселке какое-то ЧП!

Окстись, Петр, какое еще чрезвычайное происшествие может произойти в нашем дачном урочище, разве что дождь... - отшутился Поляков-старший.

Папа, - настаивал сын, - тебе не кажется странным, что в начале и в конце нашей улицы стоят две машины “скорой помощи”?

Сынок, а что здесь странного? В нашем поселке сплошь пенсионеры, генералы, ученые... Мало ли, у кого-то сердечный приступ приключился... Короче, выбрось все это из головы и пойдем к столу, тебя уже заждались!

Папа, ты, конечно, скажешь, что я перетрудился, что все это - нервы и мнительность, но посудите сам, что могут делать сразу две машины-”неотложки” в нашем маленьком дачном поселке? Тем более что стоят они не у каких-то конкретных дач... Они расположились так, будто блокируют нашу улицу... Я решил, что может быть, они заблудились, и подошел к одной из них... Знаешь, что я увидел? У нее московские номера!

Ну и что? - с напускным безразличием спросил генерал.

Да как ты не поймешь, папа! - все более распаясь, Петр заговорил в полный голос. - Машины-то - не местные, иначе бы у них были номера Московской области, эти же прибыли из Москвы!! Папа, мы же с тобой профессионалы... Ты не хуже меня знаешь, что и КГБ, и ГРУ для ареста объектов зачастую используют в качестве прикрытия машины "скорой помощи", так как их вид вызывает у окружения гораздо меньше беспокойства, чем милицейские "уазики". Кроме того, в их кабинах можно свободно разместить группу захвата... Разве не так? Одного в толк не возьму: кто из наших соседей может быть объектом заинтересованности органов, если в поселке, кроме генералов спецслужб и ученых с мировыми именами, некого более караулить или... арестовывать?!

Ладно, сынок, не нашего ума это дело... Пойдем в дом!

Выслушав несколько здравниц в свой адрес, Поляковстарший вдруг похлопал себя по карманам: Я сейчас, сигареты оставил... - скороговоркой произнес генерал и опрометью бросился в свой кабинет.

Собравшиеся недоуменно переглянулись - хозяин никогда не позволял себе курить в помещении. Впрочем, сегодня его юбилей, мало ли, решил сделать исключение!

Заперев дверь кабинета изнутри, генерал скользнул к стеллажу с грампластинками. Здесь находилась единственная улика - белый конверт, в который был вложен Первый концерт Чайковского, служивший копиркой для нанесения тайнописи. Трясущимися руками Поляков выдрал белый конверт, чиркнул зажигалкой и объятую пламенем бумагу выбросил в форточку... "Все! Теперь ничего не найдете, хоть весь дом переройте!" В волнении генерал забыл про дождь. О сохранении улики позаботилась природа...

...На следующее утро 7 июля отставной генерал был задержан бойцами "Альфы" на тихой поселковой улочке, когда он в парадном мундире при всех регалиях направлялся в Военно-дипломатическую академию, чтобы произнести напутственное слово очередным выпускникам, будущим военным разведчикам.

В микроавтобусе "скорой помощи" его переодели в спортивный костюм и доставили в Лефортово...

...В тридцатые-сороковые годы прошлого столетия основным мотивом сотрудничества с советскими спецслужбами являлся антифашизм, и люди охотно шли на вербовку за одну лишь идею.

Эпоха романтизма закончилась, и сегодня на ниве добывания и защиты секретов правит бал меркантилизм, а агентами спецслужб - не важно, наших или иностранных - становятся, как правило, люди ущербные и закомплексованные, одержимые страстями или наделенные какими-то пороками; страдающие непомерным самомнением и, как им кажется, невостребованные; корыстолюбивые, ставящие превыше всего личную выгоду и собственное благополучие; злобные и мстительные, не умеющие прощать нанесенные им обиды; беспринципные азартные игроки, готовые ради сомнительного удовольствия поставить на карту собственную судьбу и судьбу своих близких.

Дмитрий Поляков оказался на службе у американцев не потому, что стал жертвой шантажа и собственного малодушия, как это было в случае с Моториным. Отнюдь нет. Генерал изначально был предателем по убеждению.

Отвергая политические ориентиры советского руководства времен хрущевской "оттепели", Поляков считал, что новые правители СССР, пришедшие на смену Вождю, незаслуженно попирают и предают забвению идеалы сталинской эпохи.

Были и другие, более тривиальные причины, побудившие подполковника, а со временем - генерал-лейтенанта, верно служить сначала американской контрразведке, ФБР, а затем Центральному разведывательному управлению.

Меркантилизм, неумная жажда денег все двадцать два года, что он работал на американцев, подпитывали его рвение на шпионском поприще. К этому добавлялись обида и зависть, которые ядовитыми червями буравили ему душу. Обида на то, что его "выдающиеся способности" не замечают и по достоинству не оценивают. Зависть по отношению к "незаслуженно" продвинутым начальством и осыпанным наградами коллегам.

Однако самым главным побудительным мотивом, толкнувшим Дмитрия Полякова в объятия

американских вербовщиков, была месть. Месть за погибшего младенцасына.

В 1961 году, когда Поляков начал работать в ньюйоркской резидентуре ГРУ, в Соединенных Штатах свирепствовала эпидемия гриппа. Ребенок простудился, получил осложнение на сердце, спасти его могла только срочная операция. Поляков попросил руководство резидентуры оказать материальную помощь, чтобы прооперировать сына в дорогой нью-йоркской клинике, но ГРУ ответило отказом, и младенец умер.

Этим не преминули воспользоваться американские “охотники за скальпами” - вербовщики ФБР, ищущие потенциальных изменников из числа сотрудников КГБ и ГРУ. Буквально на следующий день после смерти ребенка они сделали обезумевшему от несправедливости судьбы разведчику предложение о сотрудничестве. Поляков принял его безоговорочно.

За время, которое “Топхэт” (оперативный псевдоним Полякова, присвоенный американцами) состоял на службе у ЦРУ, СССР понес ущерб в десятки миллионов долларов. Питомцы Аллена Даллеса обоснованно считали Полякова своим самым продуктивным источником. В недрах ЦРУ для анализа материалов, поступающих от Полякова, даже было создано специальное подразделение, едва успевавшее их обрабатывать.

Топхэт передал ЦРУ более ста засекреченных выпусков журнала “Военная мысль”, в которых излагались стратегия, тактика и планы Верховного командования СССР. Он добыл и переправил за океан тысячи страниц документов, в которых были даны технические характеристики самого секретного советского оружия.

Работая в резидентурах ГРУ в Бирме, Индии, в Центральном аппарате Генштаба, в Военно-дипломатической академии советских Вооруженных Сил, “крот” раскрыл своим американским хозяевам принадлежность к внешней и военной разведке около 1500 советских офицеров и около двухсот агентов из числа иностранных граждан.

Во время войны во Вьетнаме Поляков предоставил США информацию, имевшую стратегическое значение, о численности, структуре и возможностях северовьетнамских войск.

В начале семидесятых он передал в ЦРУ информацию, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Эти сведения помогли Соединенным Штатам “прорубить окно” в Китай. Президент Никсон и его помощник по национальной безопасности Киссинджер тут же вылетели туда с государственным визитом. Даже в 1991 году, когда Поляков был уже давно расстрелян, американцы во время войны в Персидском заливе с успехом использовали поставленные им сведения, уничтожая иракские противотанковые ракеты советского производства. А они ведь считались недостижимыми для средств подавления противника...

За годы сотрудничества с ЦРУ Поляков помог западным контрразведкам разоблачить семь “котов”, сотрудников спецслужб Великобритании и США, работавших в пользу СССР.

Несмотря на то, что “британское дело” было закрыто в конце шестидесятых, в США и двадцать лет спустя не смолкали разговоры о том, как безупречно красиво оно тогда было проведено. А события развивались по следующему сценарию:

Поляков передал ЦРУ копии, сделанные нашим британским “кротом” с фотографий, которые тот, в свою очередь, переснял с секретных документов, описывающих системы управляемых ракет, состоявших на вооружении армии США.

Изучив снимки Топхэта, в ЦРУ проследили путь этих документов и выяснили, на каком этапе они попали в руки нашего агента. ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет британского министерства авиации. Там и работал наш человек - Фрэнк Боссарт. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

Уже будучи на пенсии, Поляков помог американской контрразведке, ФБР, раскрыть нескольких наших разведчиков-нелегалов, заброшенных в США на оседание под видом иммигрантов и уже сумевших устроиться на работу в американские госучреждения. Этому способствовала не дьявольская всепроницаемость Полякова, а косность партийно-бюрократической советской системы.

Выйдя в 1981 году в отставку, Поляков продолжал работать в Главном разведывательном управлении освобожденным секретарем парткома. Убывшие в длительные заграничные командировки разведчики-нелегалы оставались на партийном учете по прежнему месту работы, то есть косвенно были подотчетны предателю. Ну, там, учетные карточки, партвзносы, вопросы отсутствия

на партсобраниях и тому подобное. Так что вычислить их как нелегалов для изменника, имевшего к тому же богатый опыт разведывательной работы, труда не составляло. Остальное - дело техники: сигнал работодателям в Штаты, и наши парни, на подготовку которых были затрачены многие годы и мешки денег, попросту “сгорали”.

На одном из допросов Топхэта сотрудники Следственного управления КГБ СССР Александр Духанин и Юрий Колесников поинтересовались, не жалко ли ему преданных им нелегалов, которых он сначала готовил на специальных курсах, а затем отправил на электрический стул? Ответ был обескураживающе циничен:

В этом и заключалась моя работа. Можно еще чашечку кофе?

Вообще, надо сказать, что казус генерала Полякова во всех отношениях не имел прецедентов в истории отечественных спецслужб. Топхэт не только поставил своеобразный рекорд по длительности работы в пользу противника и объема переданной им секретной информации. Рекорд еще и в другом - все это время “кроту” удавалось не попасть в поле зрения нашей контрразведки. Впрочем, последнее обстоятельство вполне объяснимо.

Во-первых, Поляков долгие годы являлся кадровым офицером советских спецслужб и хотя бы поэтому был досконально осведомлен обо всех методах и приемах, используемых КГБ в своей деятельности по выявлению агентуры противника. Причем был он не рядовым оперативным сотрудником - старшим офицером, а затем и генералом. Отсюда - непрерывный приток информации, который в итоге помогал Топхэту не совершать ошибок, а когда надо было, то и “лечь на дно”. До лучших времен, разумеется.

Во-вторых, американцы тоже не благодумствовали, а оберегали своего сверхценного источника самыми изощренными способами, начиная от мероприятий по дезинформации, призванных отвести от Тойхэта любые подозрения в проведении им враждебных СССР акций, и кончая применением самой совершенной радиоэлектронной аппаратуры.

С 1980 года, когда Топхэт после заграничных вояжей окончательно “стал на якорь” в Москве, американцы для поддержания с ним связи использовали только бесконтактные способы - тайники и радиосредства. Последним отводилась основная роль, для чего агенту было выдано устройство, размером с пачку “Беломора”, из которого он производил “радиовыстрел” - передачу сведений, длившуюся не более 3-4 секунд.

Предварительно закодировав информацию (не больше страницы машинописного текста), Топхэт засовывал в карман пиджака или плаща пачку “Беломора”, садился в “букашку” или “десятку” - номера троллейбусных маршрутов, проходящих мимо американского посольства на улице Чайковского. Стоило троллейбусу поравняться со зданием дипломатической миссии США, агент нажимал нужную кнопку и... Игра сделана! Поди попробуй запеленгуй - да ни в жисть! Лишь в редчайших случаях Топхэт производил тайниковые закладки. При этом магнитные контейнеры он не только изготавливал собственноручно, но и лично закладывал их на маршрутах передвижения своих операторов из ЦРУ.

Что касается выемки контейнеров, то эти операции никогда не были для агента в тягость. За контейнерами он не шел - летел на крыльях: деньги-то по радио не примешь! И хотя он и не генеральское это дело, изымать тайники, но разве можно отказаться от валюты?

Бывший американский разведчик Пит Эрли в одной своей публикации утверждает, что Топхэт, будучи задержанным, попросил доставить его на прием к председателю КГБ СССР Виктору Чебрикову которому предатель якобы в беседе с глазу на глаз поставил условие: он чисто-сердечно рассказывает в с е о своих “деяниях”, а Комитет не преследует его семью...

Можно смело утверждать, что версия Эрли - не более чем трогательная святочная сказочка, ибо изменнику путь заказан везде, кроме, разумеется, следственного изолятора в Лефортово и расстрельной камеры.

Да и сам ультиматум Полякова смахивает на торг, что совершенно исключено: спецслужбы договариваются, выручая лишь своих кадровых сотрудников. Предателей никто никогда не пытается вырчить. Дорога им одна - в тюрьму или на эшафот.

Бомбы в публичных домах

Прерванное застолье

06 ноября 1985 года подполковник Зайцев в кругу друзей отмечал годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Праздничное застолье прервал телефонный звонок заместителя командира "Альфы" срочно требовал к себе начальник управления генерал Евгений Расщепов.

"Ба! - чуть не вырвалось у альфовца при входе в кабинет шефа, - да здесь знакомые все лица!" Действительно, за столом орехового дерева в сосредоточенном молчании восседал цвет Первого и Второго главков КГБ СССР (соответственно: разведка и контрразведка Союза). Настроение собравшихся генералов моментально передалось молодому офицеру, и мажорный настрой сменился озабоченностью.

И было отчего! С момента задержания американского шпиона Адольфа Толкачева 9 июня текущего года это был уже четвертый визит подполковника Зайцева в своего высокому шефу. 2 августа брали подполковника Полещука. В сентябре - супругов Сметаниных, а всего три дня назад альфовец докладывал здесь план задержания подполковника Мартынова, "крота", работавшего в пользу США в течение нескольких лет. "Неужели опять какого-то "крота" подняли из норы? - мелькнула мысль. - Не слишком ли много для одного полугодия? Черт побери, да это же конвейер, ни одной недели передышки. Ничего себе - перестройка по-горбачевски!" На память пришли слова Гамлета: "Средь нас измена! - Затворите двери! Найти концы!" Как выяснилось через несколько секунд, Зайцев не обманулся в своем предчувствии.

Присаживайтесь, Владимир Николаевич, - генерал Расщепов прервал размышления альфовца, - вашему отделению поручается провести "съем" майора Вареника. Вот справка из его личного дела... В документе отражены психофизическое состояние, привычки и привязанности объекта. Словом, все, что необходимо вам для выработки тактики негласного задержания... Ознакомьтесь и доложите ваши предложения по задержанию изменника... Немедленно!

Через пятнадцать минут оперативные "блиц-посиделки" закончились и Зайцев отбыл на базу, по пути прикидывая, кого из бойцов своего отделения взять на операцию.

Положа руку на сердце Зайцев мог сказать, что объект совсем не вызывал у него азарта охотника, преследующего смертельно опасного хищника, как это было в случае с супругами-шпионами Сметаниными или с американским "кротом" Валерием Мартыновым.

Да и вообще, этот Вареник производил какое-то странное впечатление. Серое и аморфное. Хотя и не без романтического шарма во внешнем облике - как у мелкопоместного дворянина XIX века...

"Что же толкнуло его в объятия к американцам? - раздумывал Зайцев, ворочая баранку служебной "Нивы".

Шантаж? Жажда приключений? Любовь? Не похоже. Вареник, по отзывам коллег, хороший семьянин, у него молодая красивая жена, две дочери... Что ж, остается одно - деньги... Ладно, пусть голова болит у следователей. Мое дело "снять" этого Вареника так, чтобы он в штаны "сметаны" не наложил... А ведь может, черт побери, и такое случиться!

Исходя из почерпнутой в справке информации, был он, этот Вареник, в свое время пай-мальчиком, послушным школяром, затем примерным студентом-комсомольцем. Потом обзавелся женой, дочерей нарожал...

Черт возьми, прямо не справка из личного дела оперработника, а образцовая месткомовская характеристика, заверенная в ЖЭКе по месту жительства.

И как такие вареники в нашу среду попадают? Ах, ну да, конечно! После окончания института его папа, бывший фронтовик-контрразведчик, протезировал оформление своего сына в органы КГБ. Вот и получается, что при приеме к нам на работу родственные связи и кристально чистая характеристика важнее деловых качеств... Не мешало бы нашим кадровикам знать, что говорил по этому поводу американский президент Абрахам Линкольн: "Мой личный жизненный опыт убедил меня, что люди, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств".

В общем, не вижу я личности в этом Варенике. Да и как он мог стать личностью, если всю свою сознательную жизнь прожил в теплично-оранжерейных условиях?! Ни преодоления трудностей,

ни испытаний на живучесть и выживание... Не было их у моего клиента. А раз не было, то и личность отсутствует!

Вот откуда у меня появилось впечатление аморфности и серости, когда я читал справку по материалам его личного дела и рассматривал его фото...

Ну что ж, во время “съема” разберемся, насколько верны мои догадки в отношении этого майоришки-шпионишки...”

Задержание на грани обморока

В составе группы советских спецслужбистов, работавших в ФРГ и ГДР, Вареник был вызван в Центр и 9 ноября самолетом “Аэрофлота” прибыл в Шереметьево-2. Под предлогом уточнения грузовой квитанции его отозвали в сторону и задержали.

Как обычно? в таких случаях, отделение Зайцева действовало стремительно, жестко и... элегантно.

Необычным было другое - реакция Вареника на задержание. Нет, он не сыпал нецензурной бранью, а затем, осознав трагичность момента, не матерился, беззвучно шевеля губами, и не оглядывался на альфовцев, будто ища сочувствия, как это было с Мартыновым.

Нет, он не угрожал карами, которые якобы ожидают членов группы захвата за произвол, как это делал Сметанин.

Вареник был абсолютно безучастен к происходящему. Когда его вели для обыска в одно из служебных помещений аэропорта, Зайцев вдруг заметил, что несмотря на свой двухметровый рост, голова Вареника как-то вдруг оказалась вровень с головами конвоиров. Через секунду все стало на свои места - задержанный шел на полусогнутых, ватных от страха ногах.

Войдя в помещение, не сел - тряпкой обмяк - на предложенный стул. В глазах пустота. Не страх, а именно пустота.

В какое-то мгновение Зайцеву показалось, что он имеет дело с слепым, у которого вместо глаз стеклянные протезы - настолько бессмысленно опустошенным был взгляд Вареника.

У альфовца мелькнула мысль: “Уж не подвинулся ли объект рассудком?! Такого в моей практике еще не бывало... Нет, этот явно не боец, он воистину - вареник!”

Чтобы прояснить для себя состояние задержанного, Зайцев в лучших традициях прикладной психиатрии спросил: “Вы знаете, где находитесь и что с вами произошло?”

Не получив ответа, задал еще один контрольный вопрос: “Как вас зовут?”

Вареник даже не пошевелился. Было очевидно, что он находится в полной прострации.

Бойцы группы захвата уже приготовились к проведению так называемой “смены декораций” - ритуалу переодевания задержанного в ведомственный спортивный костюм в целях обнаружения в его личных вещах ампулы с ядом, которым ЦРУ неизменно снабжает своих агентов из числа сотрудников советских спецслужб, - но Зайцев знаком остановил их. Он был уверен, что даже если Вареник имеет при себе яд, то воспользоваться им он просто не в состоянии - одеревенел!

— Не будем терять времени, переоденем его в Лефортово перед допросом. Поехали! - скомандовал Зайцев.

Этот “душка Чарли”

Заниматься шпионажем, то есть похищать секреты, это все равно что тайком, ложка за ложкой таскать бабушкино варенье из начатой банки. Это только кажется, что бабушка не замечает, как уменьшается уровень сладкого варева. Приходит день, когда ты, забравшись в буфет к вождельной банке, вдруг получаешь крепкую затрещину: “Попался, негодник!” Оказывается, бабушка давно уже наблюдала за тобой в ожидании, когда ты наконец сделаешь свой роковой шаг, чтобы схватить тебя с полочным...

Геннадий Вареник, офицер КГБ, находившийся в служебной командировке под прикрытием сотрудника корпункта АПН в Бонне, работал в пользу США чуть более полугода.

Он предложил свои услуги в качестве шпиона сотруднику ЦРУ Чарльзу Левену в апреле 1985 года, после того как растратил полученные им на оперативные расходы семь тысяч долларов. Деньги ушли на развлечения, на приобретение новой мебели, платья для жены, одежды для

дочерей.

Вареник заблуждался, считая, что по собственной инициативе установил контакт с сотрудником ЦРУ. Первый шаг к сближению был сделан все-таки Чарльзом Левеном, разумеется, не без помощи других оперативников американской резидентуры в Бонне. Ими были созданы условия, вынудившие советского разведчика искать материальную помощь у такого могущественного ведомства, каким во всем западном мире являлось ЦРУ.

...Чарльз Левен, человек неопределенного возраста от тридцати пяти до сорока пяти лет, находился в Бонне в качестве журналиста, якобы представлявшего сразу несколько американских изданий. Какие темы он освещал, на полосах каких изданий, этого никто не знал, однако поговаривали, что из-за своих снайперски метких публикаций он приобрел немало недоброжелателей, поэтому в последнее время вынужден печататься исключительно под псевдонимами.

Принадлежность американца к миру журналистики ни у кого не вызывала сомнений, потому что он всегда был в курсе самых последних сенсаций и скандалов, касались ли они великосветских тусовок или правительственных кругов Германии. Кроме того, Чарльз весьма профессионально управлялся со всякой кинофотоаппаратурой, носил экстравагантные пиджаки, владел несколькими европейскими языками, был вхож в самые закрытые клубы по интересам, панибратски мог похлопать по плечу многих членов кабинета министров, не говоря уж о парламентариях, над которыми любил откровенно поиздеваться. Да и вообще был неизменным участником коктейлей, фуршетов, презентаций и застолий, где собиралась самая разношерстная публика, в том числе и “пишущий легион” - журналисты со всех стран.

В журналистских кругах его звали “душкой Чарли” и многие иностранные репортеры, аккредитованные в Бонне, сочли бы за честь провести с ним часок-другой за кружкой пива, пытаясь выведать мнение всезнайки об очередном скандале...

Вареник буквально с первой встречи с Левеном стал к нему присматриваться, прикидывая, с какого бока к нему подкатиться и нельзя ли его завербовать. Ведь такой “вездеход”, каким был американец, мог бы украсить профессиональную коллекцию любого агента!

Через своих секретных помощников Вареник выяснил, что Левен всего полгода находится в Бонне. Это обрадовало: вряд ли кто-то из конкурирующего ведомства ГРУ смог бы за шесть месяцев завербовать такого бойкого парня. Огорчало другое. Все источники, которые были на связи у советского разведчика, в один голос утверждали, что Левен - кот, “который гуляет сам по себе” и в руки не дается.

“Ну что ж, - решил Вареник, - почему бы не попробовать мне? Кто сказал, что “право первой ночи” должно принадлежать кому-то, а не мне?! Для начала надо бы подсуетиться и сделать так, чтобы мы как-нибудь случайно оказались с Левеном наедине, ну, скажем, на пару часов... Слово за слово, смотришь - начало вербовочной разработке положено. А что? Недаром говорится: “Сначала было слово”.

Увлеченному идеей “обратить американца в свою веру” - сделать из него секретного агента, - Варенику и в голову не приходило, что Левен мог состоять в какой-нибудь противоборствующей спецслужбе в качестве агента или кадрового сотрудника.

Он напрочь пренебрег предупреждением резидента, что Бонн - это европейская Мекка, благодатное “охотничье угодье” для вербовщиков, да и вообще, для охотников-волонтеров, рыщущих в поисках источников конфиденциальной информации, чтобы, заполучив ее, затем подороже продать любому, кто может хорошо заплатить.

Где-то через месяц после знакомства Вареник и Левен встретились в баре пресс-центра бундестага. Разведчик, не найдя другого предлога для начала беседы, спросил первое, что пришло в голову: сколько времени потребуется, чтобы добраться на автомобиле из Бонна в Мюнхен? Туда ему надо было съездить, чтобы навестить “законсервированного” агента-немца и попытаться реанимировать его добрые, в прошлом чувства к КГБ и секретному сотрудничеству. Время визита было выбрано не случайно: секретному помощнику исполнилось пятьдесят лет, и по случаю круглой даты решено было поощрить его не менее круглой суммой...

Сушная ерунда, Геннадий, - ответил Левен, - самое большое, что ты затратишь на дорогу - четыре часа... Автобаны Германии - это даже не ваша знаменитая трасса Москва - Ленинград, а много лучше...

Как? Пятьсот километров за четыре часа?!

Не удивляйся, Геннадий, автобаны - это непересекающиеся шоссеыные дороги, скорость движения по ним не ограничена, за исключением отрезков, где установлены специальные знаки... Идеальное покрытие обеспечивает настолько плавное перемещение по поверхности шоссе, что если ты не будешь следить за стрелкой спидометра, то о скорости забудешь напрочь, так как у тебя возникнет иллюзия, что ты стоишь на месте... До тех пор пока не врежешься во впереди идущую машину, понял? А если, не дай Бог, тебе не повезет и ты угодишь в так называемый "карамбуляж", это когда друг на друга наезжают сразу несколько десятков машин, то пиши пропало, ибо дорожная полиция будет растаскивать вас и составлять протоколы часов пять. Дольше, чем занимает весь путь от Бонна до Мюнхена... И хорошо, если ты выберешься из этой свалки без повреждений и увечий, иначе, попав в больницу, ты рискуешь уже там скончаться от инфаркта - счета за медицинское обслуживание в немецких больницах так велики, что не всякий карман и не всякое сердце пострадавшего в аварии выдерживает их... Да, кстати! Я тоже собирался в те края, но не совсем уверен в своем "форде" - старику уж третий год... Может, ты меня с собой захватишь?

Почему бы и нет?! - вскричал от радости Вареник, ошеломленный свалившейся на него удачей - птичка сама запросилась в клетку! С трудом уняв внутреннюю дрожь, как можно спокойнее пояснил:

Ты знаешь дорогу, да и ехать вдвоем веселее... Поехали! Я выезжаю завтра утром, подходит? Нет проблем!

Левен нисколько не преувеличивал, говоря о высочайшем качестве дорожного покрытия и удобстве езды по автобанам. Вареник имел возможность убедиться на собственном опыте, что автострада Бонн - Мюнхен выглядела как продувная труба, по которой невидимые ветры гонят с дьявольской скоростью в противоположных направлениях нескончаемые потоки автомашин. Черт возьми, впечатление такое, что ты участвуешь в переселении народов!

Через час езды Левен, заметив, как неуверенно чувствует себя за рулем водитель-попутчик, предложил поменяться местами.

И действительно, "мерседес", отданный резидентом Варенику на время командировки, побежал резвее - "душка Чарли" оказался классным водителем. Минут через двадцать бешеной гонки добрались до местечка Шпайер, что в окрестностях города Людвигсхафена.

Слушай, Геннадий, надо заправиться, да и перекусить не мешало бы... Кроме того, здесь есть такая достопримечательность, которую ты не встретишь даже в Штатах, не говоря уж о Европе... Тебе во сколько надо быть в Мюнхене?

Я не лимитирован временем...

Ну, старина, тогда тем более надо сюда заехать! Считай, что я нелегально вывез тебя в Израиль, ведь в Шпайере находится кусок Мертвого моря, ты разве не знаешь об этом? Нет, впервые слышу...

Ну, дружище, ты меня удивляешь! Столько времени пробыть в Бонне и не знать, что ты живешь почти на побережье Мертвого моря, - это непростительное невежество... Неужели шеф-редактор вашего корпункта не устраивал вам сюда экскурсий?

Нет, даже разговора об этом не было...

Он - жулик, ваш шеф... Лишить вас незабываемых ощущений - все равно что обокрасть, поверь! Первое, что делают наши с тобой коллеги, западные и восточные журналисты, попав в Бонн, выезжают в Шпайер, где построен отель-оазис, в котором всех прибывших ожидает восьмое чудо мира. Отель так и называется "Оазис Грез". Да-да, мой друг, тебе не придется лететь на Ближний Восток, где ты рискуешь стать заложником террористов! Не покидая территории Германии и даже не выходя из стен отеля, ты сможешь совершить омоение в целебных водах Мертвого моря. А здешний бассейн - его филиал, потому что выпаренную морскую соль сюда ежемесячно доставляют из Израиля на военно-транспортных самолетах...

Легенду, очень древнюю, ты, конечно, знаешь. Человек, вошедший в священные воды Мертвого моря, выходит на берег совершенно здоровым...

Еще одно Из самых замечательных свойств этого моря состоит в том, что за всю его историю в нем никто не утонул. Концентрация соли в воде так высока, что ты при всем желании утонуть не сможешь - тело не погружается, а держится на поверхности...

Недаром еще с древности бытует сюжет, что Иисус Христос пересек его, словно посуху... Ты сделать этого не сможешь, все-таки ты - Вареник, не Христос, но подрейфовать на поверхности водной глади тебе удастся...

Ты знаешь, некоторые пресытившиеся эротоманы в поисках острых ощущений специально приезжают сюда, чтобы потрахаться, лежа в воде... Да-да, именно лежа! Так и барахтаются на водной поверхности бассейна... Думаю, что это потруднее, чем сношаться в подвешенном гамаке, но от желающих попробовать себя в этом искусстве все равно нет отбоя. Среди них даже конкурсы, проводятся на самый элегантный акт!

А сколько это стоит?

Потрахаться?

Да нет же... Совершить омовение, ну и поесть...

Ерунда, Геннадий, деньги у меня с собой есть, если понадобится - я могу ссудить тебе займы, впрочем, здесь умеренные цены, не волнуйся... Да и что деньги в сравнении с теми впечатлениями, которые нас с тобой ожидают?! Один раз на этом свете живем. Там, - Левен указал на небо, - подобных массовок ни в раю, ни в аду не встретишь! Словом, давай остановимся здесь на пару часов, а потом продолжим путь. Кстати, половину мы уже прошли... Как, неужели мы преодолели двести пятьдесят километров за два часа?! Невероятно!

А ты думал! Тебе повезло: ты зафрахтовал адского водителя, Геннадий...

То, что адский водитель окажется еще и змием-искусителем, Вареник поймет некоторое время спустя, когда отступать будет уже некуда.

Секс в прямом эфире

С первых минут пребывания в "Оазисе" у Вареника возникло ощущение, что их с Чарльзом приезда ждали. Началось с гаража, где охранник по отношению к американцу вел себя уж слишком фамильярно. Нет-нет, не было упоминаний ни об общих знакомых, ни о планах на будущее, и тем не менее... Когда молодые люди приблизились к стойке администратора, тот, как показалось Варенику, заговорщицки подмигнул Чарльзу и сразу, даже не удосужившись посмотреть в поданные документы, протянул ему ключ от номера. Встретив настороженный взгляд Вареника, американец весело рассмеялся:

Дружище, пусть тебя не удивляет отношение обслуживающего персонала ко мне... До недавних пор я был здесь завсегдаем...

Взяв Геннадия под руку, он подвел его к лифтам, где висела доска объявлений.

Вареник уже привык к тому, что немцы вывешивают объявления, казалось бы, в самых неожиданных местах. Неожиданных для граждан Страны Советов, но отнюдь не для иностранцев. Объявления выставляются для того, чтобы донести информацию до всех, не так ли? Поэтому и размещаются они в местах, посещаемых всеми посетителями и постояльцами: в туалетах, у лифтов, у входа в ресторан и казино. Психология, понимаешь!

Разведчику бросилось в глаза объявление, выполненное ярко-красным фломастером: "Господа, кто из вас вчера подвозил очаровательную блондинку с пикантной родинкой на правой ягодице, просьба вернуть ее джинсы и документы. Обращаться в администрацию. Вознаграждение и анонимность гарантируются".

...Как-то неожиданно рядом возникли три очаровательные девицы, будто сошедшие с рекламного плаката. Одна - жгучая брюнетка. Вторая - не менее колоритная блондинка. Третья - с пепельными волосами. Общим было одно: ноги. Едва прикрытые мини-юбками размером с носовой платок, они у всех див росли прямо из-под мышек.

Окрас трех нимфеток, рельефные фигуры и явно увеличенные силиконом бюсты способны были удовлетворить капризы самого взыскательного клиента. Вызывающие позы, томные вздохи, подмигивания и призыв в чарующих взглядах "выбери меня!" откровенно говорили об их профессиональной принадлежности и намерении немедленно заполучить ангажемент. "Черт побери, в какой вертеп затащил меня этот "душка Чарли"?! Что здесь творится? Впрочем, нас это не касается, нам надо обсудить свои, вернее, мои проблемы. Главное, чтобы никто не помешал беседе..."

Вареник повернул голову в сторону Левена, но тот почему-то не торопился вызывать лифт и

что-то сосредоточенно искал в карманах пиджака...

В тесной кабине ехали вшестером, втиснув тела друг в друга. Низкорослый Левен буквально уперся головой в грудь блондинки, громкое сопение щуплого мальчика-лифтера, казалось, доносилось откуда-то из-под юбки брюнетки. Вареник...

Вареник, забившись в угол и сложив руки на груди, чтобы создать естественную преграду между собой и третьей красоткой, в недоумении взирал на немой эксгибиционизм компании с высоты своего двухметрового роста.

Вдруг прижавшаяся к нему "пепельная" нимфа, обволакивая его масляным, скабрезным до непристойности взглядом, приподняла сумочку, до уровня подбородка, щелкнула замком и вынула оттуда... искусственный фаллос. Вареник демонстративно отвернулся, продолжая краешком глаза наблюдать за девицей. Еще теснее прижавшись и горячо дыша ему в грудь, дива сунула фаллос себе под юбку. По тому, как ритмично задвигался ее локоть, разведчик догадался, что она мастурбирует.

Как только лифт остановился, она томно запрокинула голову назад, сделала эффектный выдох и громко поанглийски произнесла: "Я кончила!"

Как оказалось, девицы проживали не только на одном с ними этаже, но и в соседнем номере. Послушай, Чарли, - едва только переступив порог люкса, обратился Вареник к попутчику, - куда ты меня привез?! Здесь же черт знает что творится! Ты не обратил внимания на объявление у лифтов? А что делала рядом со мной эта девица?! Она же с помощью искусственного члена мастурбировала прямо в лифте!! Да и ее подруги, эти бывшие в употреблении грации, они же взглядами откровенно приглашали нас составить им компанию!.. Это ж, это ж... Это ж черт знает что такое! Великосветский бордель, оазис разврата, этот твой пансионат! В конце концов, это насилие над моей нравственностью...

Мой юный друг, - с пафосом произнес Левен, - ты, оказывается, девственник! Или, быть может, ты - ханжа?..

Ни то, ни другое... Но существуют ведь общепринятые нормы поведения...

Пропустив слова Вареника мимо ушей, Левен как ни в чем не бывало назидательно изрек:

Ты просто засыпал меня упреками, и я сразу не могу сообразить, на который из них отреагировать прежде всего... А впрочем, знаешь, что я тебе скажу? Если ты у нас такой праведник, то самый лучший выход - повесить себе на грудь плакатик "Я - советский журналист-пуританин. Прошу меня не домогаться!" Впрочем, вторая фраза будет лишней. Достаточно тебе написать лишь свою гражданскую принадлежность, и никто к тебе ближе чем на три метра не приблизится...

Почему?

Да уж такая слава ходит о вас по всему свету... Вы же - бесребреники, ну что с вас взять! Знаешь, почему эти девицы потянулись к тебе? Потому что увидели в тебе американца. Меня они наверняка знают по моим прежним набегам в "Оазис"... Увидев тебя, они решили, что ты тоже из Штатов. А что? Твой рост, наивно-романтическое лицо, манера одеваться, наконец, вводят в заблуждение окружающих европейцев... Уверен, что и эти проститутки приняли тебя за парня из американской глубинки...

Неужели я так похож на американца? - польщенный Вареник мигом забыл о своих претензиях. Еще как! Ты спокойно можешь сойти не только за американца, но и за англичанина, ну и, само собой, за немца... У тебя отличное немецкое произношение, ты даже меня поначалу ввел в заблуждение...

Что касается места, куда мы приехали, то я предупредил тебя: это - "Оазис Грез". Название говорит само за себя, не так ли? А девушки? Так у них универсальноинтернациональная манера заводить знакомства...

Ну, подумаешь, "пепельной" красотке приспичило поонанировать в твоём присутствии, ну и что с того? Она же таким образом свое расположение к тебе продемонстрировала! А ты?

Благодарностей от нее ждал за то, что вдохновил ее?! Это, милый мой, - верх наглости... А вообще, скажи спасибо, что она не вытерла о тебя фаллоимитатор...

Помнится, когда я работал в Москве в качестве телерепортера, то в гостинице "Украина" твои землячки не просто взглядами предлагали себя, они хватили меня за руки и за полы пиджака в вестибюле, в коридорах везде, где бы я ни появлялся... Вот то действительно было насилие... А

одна стерва, с которой у меня приключился мимолетный роман, даже не роман, а так - сексуальная новелла, та вообще открыла на меня настоящую охоту, и тогда я узнал, как могут быть коварны женщины. То, что она со мной сделала, может совершить только человек с воображением пациента психиатрической клиники...

Что ж она такого могла сделать, если ты до сих пор дрожишь от одного воспоминания? - подлил масла в огонь Вареник.

А-а, и не спрашивай... Ну, да ладно, дело прошлое, слушай... Мне - наука, а тебе предостережение на будущее, чтоб не вздумал связываться с женщиной, которая помимо твоей воли имеет на тебя виды...

В общем, так Я работал в Москве от Си-эн-эн. Снимал трехкомнатный номер-люкс в гостинице "Украина". Гостиная служила телестудией, где стояли юпитеры, телекамера, стол - словом, все, как в настоящей студии. Вторая комната была моим рабочим кабинетом, ну а в третьей я отдыхал...

С русской подружкой?

Не без этого... Но, спрашивается, куда было деваться? Дачи ни у меня, ни у нее в Подмоскowie не было, номер в гостинице на час-другой у вас в Москве не снимешь, вот и приходилось приводить ее к себе. Хуже того, я позволил ей сделать дубликат ключа от своего номера... Конечно, все мы умны задним умом, сейчас, после того, что случилось, я бы никогда не приучил ее приходить ко мне, когда ей вздумается... Но с другой, чисто практической стороны мне это было удобно. Ну, ты же знаешь, какая у нас работа. Волка ноги кормят, и я денно и ночью мотался по Москве в поисках тем для репортажей. Спрашивается, когда уж мне было думать о том, чтобы постирать, погладить?! А так я возвращаюсь - все блестит, все выстирано и отглажено. Наташа была отменной хозяйкой, золотые руки, н-да... Мои ассистент-оператор и техник так привыкли к ее присутствию в номере, что уже не обращали, на нее внимания. Приходит себе, ну и на здоровье, лишь бы не мешала в тот момент, когда мы выходили в эфир. Три раза в неделю русская редакция Си-эн-эн в Нью-Йорке через спутники связи транслировала мои репортажи из Москвы. На все про все у меня было десять минут, поэтому ровно без двух минут десять по московскому времени - в четырнадцать по нью-йоркскому - я должен был сидеть за столом...

Но случилось так, что в один прекрасный день я понял: дело зашло слишком далеко и девочка уже считает меня своим мужем. Заметь, не просто рассматривает мою кандидатуру в качестве своего потенциального супруга, нет! Для себя она вопрос решила окончательно: мы - муж и жена. С этого самого момента я попытался дать задний ход.

Начал с того, что перестал оставлять ее у себя на ночь. Дальше - больше. Завел интрижку с новой знакомой и специально приглашал ее к себе в гости, когда в номере, по моим расчетам, должна была находиться Наталья... Ну, ты понимаешь, я хотел продемонстрировать ей, что у меня новый роман, а с нею покончено. В подтверждение неизменности принятого мною решения я отобрал у нее ключ от номера. Наивный! Потом я понял, что она сделала не один дубликат... Что тут началось! Скандалы, слезы, мольбы, угрозы... Я ни на что не реагировал и упрямо гнул свою линию. Однажды девицы даже подрались в моем присутствии и мне пришлось выпроводить обеих... Какое-то время Наташа не показывалась, только часто звонила. Особенно донимала она меня по ночам, чтобы, значит, "еломать мне кайф", если я не один... В общем, ревновала жутко...

Ее отсутствие заметили и мои ассистенты. И ты знаешь почему? Да потому, что, оказывается, она обстирывала и их тоже!

Откровенно говоря, для меня это был удар. Я был сражен жесточайшим приступом злости, замешанной на ревности. Я понял, что ее признания в любви - фальшь, а моих помощников она цинично рассматривала в качестве запасных игроков команды кандидатов в мужа, ведь ей было известно, что они тоже холостяки. В общем, девочка попросту хотела уехать из Союза! Дело было летом, поэтому я объяснил коллегам, что она выехала из Москвы на преддипломную практику, а когда вернется - не знаю... Дурак, конечно! Надо было предупредить их, чтобы не пускали ее в номер, но кто же знал, что она решится на такое... Повторяю, дело происходило летом - это очень принципиальный момент.

Окна в номере в ходе съемки и трансляции репортажей, как ты понимаешь, должны быть

закрыты наглухо, шторы задернуты - требования звукоизоляции. Кондиционеры в советских гостиницах вообще, а в "Украине" в частности, едва холодят, поэтому жарница стояла в помещении жуткая - не продохнуть. Хорошо было моим ассистентам - они за кадром, и всю работу могли выполнять в одних плавках. А мне каково в галстук, да под юпитерами?! Но ничего, нашел способ. Сверху, значит, рубашечка, галстук - все, как требовал шеф, а внизу ничего, кроме трусов и таза с холодной водой, куда я окунал ноги... Ниже пояса тебя все равно не показывают... Вот этим и воспользовалась Наташа, нанеся мне удар в буквальном смысле слова ниже пояса...

Свободно ориентируясь в расписании, когда я выхожу в эфир для передачи репортажа из Москвы в США, она загодя проникла в номер и спряталась в платяном шкафу. Дождалась, когда я начал трансляцию, подползла под стол, приспустила мне трусы и...

Нет, ты можешь себе такое представить: верхняя половина моего тела - в кадре, на виду у миллионов телезрителей, а под столом мне захлеб делают минет?! Да и не как-нибудь, а с упоением, причмокиванием, охами, вздохами и стонами, переходящими в звериное рычание! Со слов ассистента и техника, у них было впечатление, что под столом тигр забавляется с сахарной косточкой. Но это потом, сначала они ничего понять, разумеется, не могли...

А я? Я не мог сосредоточиться, строчки текста плясали у меня перед глазами... Потом я увидел себя на контрольном мониторе: весь пунцово-красный, пот по лицу катит в три ручья. Я чувствовал, что меня вот-вот хватит апоплексический удар, но сделать что-либо не мог - оплаченное эфирное время пошло...

Краем глаза увидел своих помощников. Паника! Они слышат звуки, знакомые каждому взрослому человеку, который когда-либо занимался оральным сексом, но не могут понять, откуда они исходят. Да и устранить их они не в силах - прямой эфир есть прямой эфир! Питер, мой ассистент, первым попытался исправить положение. Стал знаками мне показывать: говори, мол, громче. Я почти перешел на крик, но куда там... Наталья, в свою очередь, стала орать, как роженица!..

Вот так, под сладострастные крики и завывания Натальи, я и прокомментировал выступление вашего Генерального секретаря Юрия Андропова на пленуме ЦК КПСС в июне 1983 года...

Постулаты коммунистической схоластики звучали в откровенной эротической аранжировке, и все это происходило на глазах телезрителей шести американских штатов, представляешь!!

Весь ужас в том, что я сам приучил Наталью к минету...

То есть?

Видишь ли, после того как мы познакомились и стали активно заниматься у меня в номере сексуальными экзерсисами, она никак не хотела брать мою "игрушку" в рот... Я уж и так, и сяк - ни в какую. Наталья стояла насмерть: нет и все тут!

Послушай, Чарли, я нисколько не хочу втравить тебя в дискуссию на сексологическую тему, хотя вижу, что ты на этом деле собаку съел... Дело в том, что я заметил, что и моей жене этот способ интимной близости тоже мало нравится... А прожили мы уже, дай Бог, почти десять лет... Так в чем, собственно, проблема?

Ты знаешь, где-то я читал, что у женщин сильнее, чем у мужчин, выражено представление о "ниже", как о чем-то грязном, плотском, запретном... Всем детям говорят: "Трогать нельзя!" И девочки подчиняются. А для мальчиков это пустой звук им природой уготована главенствующая роль и в обхаживании объекта своих вождлений, и во время физической близости с женщиной...

Но начать, по-моему, надо с другого - с физиологических ощущений... Рот горячее, чем... Ну ты понимаешь.

Он и более влажный. Им можно манипулировать - сжать, расслабить в зависимости от желания партнера. Все это усиливает прямое чувственное наслаждение...

Но главное - не это. Главное - символическое значение, хотя мужчины никогда в этом не признаются. Рот - это орган речи. Это орган более высокой функции, чем сексуальная, чем женское лоно. Когда мужчина запускает свой детородный член женщине в ротовую полость, для него это - символ мужского превосходства и подчиненности женщины. К тому же она делает это присев, на коленях. Представляешь, как это тешит мужское самолюбие?!

Психологи и сексологи, те вообще считают, что оральный секс, как правило, мужчины

предлагают женщинам-интеллектуалкам, также тем из них, кто владеет “говорящими” профессиями - дикторам, актрисам, учителям высших учебных заведений и... воспитательницам детских дошкольных учреждений...

А вот психоаналитики, теоретики секса, считают, что есть еще одна мощная мотивация - существующий у мужчин комплекс кастрации. В детстве многие мужчины слышали от своих недалеких в развитии матушек такие предостережения: “Ты смотри у меня, добалуешься! Вот возьму ножницы и отрежу его...”

Часть детей сразу понимала, что это не более чем шутка, а большинство послушных мальчиков воспринимало это всерьез. С возрастом этот страх уходил в подсознание и жил лишь в снах... Так вот, оральный секс помогает таким запуганным своими мамами адептам снять этот комплекс. Еще бы! Я засовываю его меж острых зубов - и ничего, никакой опасности, наоборот - одно удовольствие!..

Слушай, Чарли, ты, оказывается, просто профессор в этих оральных делах, я снимаю шляпу перед твоими познаниями в этой области!

Да ладно, забудем теорию... Вернемся к моему конкретному случаю с Натальей... Знаешь, стыдно признаться, но вначале я вел себя, как школьник Уперся и говорю ей: “Если любишь - возьми!” Я думал, что это мой самый сильный аргумент. Наталья же считала, что я ее просто шантажирую и издеваюсь над ее чувствами..

Хотя то, что она мне отвечала, тоже в какой-то мере можно было расценить как шантаж... Ну, к примеру, она всегда мне говорила: “А ты если любишь, не посмеешь мне засадить свою сигару в рот!”

В какой-то момент мое мужское разумное начало взяло верх над моими притязаниями чисто эмоционального характера. У меня закралось подозрение, что здесь что-то не так, что у Натальи какое-то отклонение психического характера. И ты знаешь, я угадал! Мои догадки подтвердились, когда я устроил ей консультацию у известного московского сексолога профессора Апександара Полеева_.

Выяснилось, что у Натальи так называемый невротический барьер: в детстве она подавилась булочкой и с тех пор ее постоянно преследовал страх.

Несколько сеансов гипноза, и профессор вернул мне Наталью вполне здоровой. Более того, она после выздоровления уже не могла жить без орального секса... Наверстывала упущенное, что ли?

Ко всему прочему, она в какой-то книге о нравах патрициев и гетер Древнего Рима прочла, что сперма - это “дар богов” и при постоянном ее заглатывании увеличивается бюст и улучшается цвет лица. Ну, а для женщины, как ты понимаешь, - это все! И началось... Только в рот и только с заглотом...

Да, дорого тебе обошлось занятие французским сексом...

Ну и при чем здесь какой-то “французский секс”? - взорвался Левен. - Во всем цивилизованном мире люди называют это оральным сексом, и лишь только вы, русские, пытаетесь почему-то “офранцузить” его! Никак не могу понять ваши увлечения Францией и всем французским! Какую пикантную вещь вашего обихода, даже вашей кухни, ни возьми, вы почему-то обязательно должны усмотреть в ней французское происхождение!

Какая-то необъяснимая и... неестественная тяга... Вы даже свой знаменитый салат называете на французский манер: “салат Оливье”, хотя во всем мире он известен как “русский салат”! Странные вы люди... И это, кстати, заметил не только я - все иностранцы, посещающие Россию...

Вспоминаю, как однажды в Москве я был свидетелем одного курьеза.

Дело было зимой. Мне поручили показать достопримечательности вашей столицы преподавательнице русского языка, профессору Колумбийского университета, прибывшей в МГУ на стажировку. Надо сказать, что русским она владела в достаточной мере, даже о некоторых нецензурных словах и выражениях представление имела. Употреблять, разумеется, не употребляла, но знать - знала...

Посетили мы с нею Мавзолей Ленина и вышли на Красную площадь. Мороз - градусов двадцать, не меньше, а тут еще ветер с Москва-реки подул. Ну, я - привыкший, а спутница плотнее запахивает на себе шубу Самая подходящая обстановка, как ты понимаешь, обсудить русскую

зиму, да и особенности вашего национального бытия и характера...

Начали, разумеется, с Мавзолея, ведь это экзотика для любого представителя цивилизованного мира - мумия вождя выставлена на всеобщее обозрение. Языческий обряд в чистом виде! Через некоторое время профессорша стала мне жаловаться, что, как ей кажется, окружающие ее в университете русские коллеги ведут себя по отношению к ней неискренне: думают одно, говорят другое, а делают третье... В общем, все не так, как у нас в Штатах!

В это время мы замечаем идущих впереди нас двух молодых людей в дубленках. По всей видимости, они тоже только что вышли из Мавзолея. Один в шапке, а второй, возможно, все еще находится под впечатлением от общения с вождем международного пролетариата, и по инерции продолжает идти с непокрытой головой, неся головной убор в руке.

Тот, что в шапке, и говорит спутнику:

“Сереж, ты б надел, на хер, шапку, а то уши отморозишь!”

Услышав это, моя спутница тут же заорала:

“Нет, вы слышали, что он сказал?! Разве это не свидетельство правоты моих слов, что у русских все не так, как у нас!.. У них, оказывается, и анатомическое строение другое! Для того чтобы не отморозить уши, они надевают шапку на хер!”

Попытался я ей объяснить, что это “на хер” - есть не что иное, как простонародное идиоматическое выражение, да куда там! Профессорша и слушать не стала...

Ну, вот видишь, Чарльз! Ты за меня все и объяснил самому себе... “Французский секс” - это тоже наше расхожее идиоматическое выражение. Употребляя его, мы, русские, подразумеваем оральный секс, всего-то... Ты лучше скажи, чем там в номере все закончилось? - попытался перевести стрелки разговора на другой путь Вареник.

Чем-чем... Ты не знаешь, чем заканчивается оральный секс? Потоками спермы и громогласным отсасыванием... А потом под столом Наталья почему-то стала блевать. Странно, до этого с ней ничего подобного не происходило... В общем, закончила она свое сольное выступление в темпе фортиссимо...

Нет-нет, я не об этом... Я спрашиваю, как ты все это выдержал? Это ж экзекуция, а не...

Да не выдержал я... Оргазм подкрался незаметно, хоть я и пытался сдержать его наступление.

Но, видно, партнерша старалась сильнее...

Ну, а Тэд Тернер, владелец Си-эн-эн, как он отреагировал на твоё выступление в сопровождении минета? - не унимался Вареник.

Выгнал... Выгнал без выходного пособия. В общем-то я его понимаю: по моей вине разразился скандал на всю Западную Америку!

На штаб-квартиру Си-эн-эн в Сан-Франциско в тот день обрушился шквал телефонных звонков.

Звонили сотни, тысячи людей. Всяк по-разному выражал свое отношение к репортажу. Кто-то возмущался, кто-то недоумевал, кто-то злорадствовал, а кое-кто и веселился...

А я... Я оказался идеальной фигурой и для битья и для бритья. Для одних - мишенью для критики, для других - идейным наставником, советчиком-первопроходцем, овцой, с которой стригли политические дивиденды...

Как ты помнишь, мой репортаж был посвящен выступлению Юрия Андропова. Так вот, нашлись остряки, которые предложили такой сюжет: во время следующего репортажа показать Папу Римского читающим проповедь в публичном доме на фоне обнаженных фигур, которые занимаются групповым сексом...

А один телезритель из Сиэтла потребовал с Си-эн-эн возмещения убытков. Оказалось, мой репортаж он принял за новое секс-шоу и поспорил со своим соседом на сто баксов, что в заключение выступления Андропов вместо носового платка вытрет лоб ажурными женскими трусиками... Ну и, конечно, проиграл! Этот сутяга решил, что в зале Кремлевского Дворца Съездов проводится не совещание, а сеанс группового секса, и в качестве доказательства ссылался на услышанные им в ходе передачи звуки...

Кое-кто решил, что это - новая форма подачи политических новостей, эксперимент, устроенный, чтобы выяснить, как подавать серьезную информацию, чтобы она лучше воспринималась рядовым американцем...

Были и такие, кто настаивал, чтобы и впредь все события, происходящие на советском политическом Олимпе, подавались именно в такой, непристойной аранжировке. И, надо сказать,

они свое предложение аргументировали достаточно веско, доказывая, что в такой подаче материалов о Советском Союзе отчуждение от идей социализма у американцев произойдет быстро и бесповоротно.

Понять их можно. Согласно плану репортажа мой комментарий прерывался заставками в виде выступавшего с трибуны Андропова. И надо же было случиться таким совпадением: в тот момент, когда он делал паузу, сладострастные подвывания Натальи усиливались...

То есть для последней категории телезрителей я был не проштрафившийся, а, наоборот, продвинутый телеведущий, герой, рискнувший звуковыми средствами показать изнанку коммунизма.

По их мнению, весь социалистический лагерь - один большой бордель, где за красивой вывеской сплошной разврат. А в качестве доказательства мои почитатели ссылались на эпизоды из моего же репортажа.

Ну, к примеру, Андропов говорит что-то о повышении трудовой дисциплины, после чего, в ожидании аплодисментов, делает паузу. И получалось так, что аплодисменты звучали вслед за сосательными причмокиваниями Натальи и ее воплями: "Ой, как я его хочу!" или "Ой, я сейчас кончу!"

Весь ужас был в том, что кричала она по-английски, я ведь сам ее этим фразам обучил во время совместных занятий сексом...

Для чего? - удивился Вареник.

Как для чего?! Ясное дело - для взаимной стимуляции процесса... - Помолчав секунду и переведя дыхание, Левен продолжил:

Не мне тебе объяснять, Геннадий, какую политическую подоплеку можно отыскать в выданном мною в эфир репортаже. При соответствующем желании, конечно. И отыскал и-таки!

Американского посла в Москве вызвал к себе сам министр иностранных дел Громыко и отсношал по первое число, после чего МВД СССР направил в Госдеп США ноту протеста.

Это в итоге и решило мою судьбу как представителя Си-эн-эн в Москве. В общей сложности карусель крутилась целый месяц, после чего я еще месяца два искал работу... В общем, никому не желаю побывать в моем положении!

"Откуда мне известны факты, изложенные Чарльзом? Что-то очень близкое и знакомое..."

Сдается мне, что я уже где-то это слышал... или читал, но где?". Додумать Вареник не успел, потому что Левен громко скомандовал:

Ладно, оставим это, пора спускаться в ресторан, я чертовски голоден, а здесь прекрасная кухня... Да и вообще, любая страна лучше всего познается желудком, а не умом и сердцем.

Сейчас ты в этом убедишься!

Только прошу тебя, уж если ты выглядишь англосаксом, то и веди себя соответствующим образом, смотри на происходящее вокруг тебя их глазами и ничему не удивляйся, хотя бы внешне! Договорились? А морализировать и бичевать загнивающий империализм будешь на своих партсобраниях... Короче, расслабься, Геннадий, и наслаждайся жизнью, она - прекрасна!

Вареник воспринял слова американца как сигнал и стал стаскивать с себя плащ, жадно вглядываясь в интерьер номера. Такое великолепие ему доводилось видеть только в музеях, но тут-то была гостиница!

Старинные гобелены и гравюры на стенах, изящная, грациозной формы мебель, мягкие диваны и кресла создавали атмосферу ненавязчивой роскоши и рафинированного комфорта, доступных лишь избранным.

Расхаживая по толстому ворсистому ковру (наверняка - персидскому!), Вареник ненароком заглянул в ванную комнату. Ба! И здесь выставка лоснящейся неги, заставлявшей рычать от удовольствия: такие ванны, все в мраморе и в зеркалах, по прикидкам разведчика, должны были иметь только западные кинозвезды первой величины...

Послушай, Чарли, это же королевские апартаменты, сколько роскоши вокруг! Кто здесь обычно останавливается?

Нет, милый мой, мы с тобой в обыкновенном люксе, а номера для особо важных персон расположены на третьем этаже... Вот там - да, настоящая роскошь... Там в нескольких номерах, каждый из которых состоит из двенадцати комнатной анфилады, находят уют арабские шейхи, наркобароны, звезды эстрады и кино мирового масштаба...

Недавно, например, здесь гостили сын короля Саудовской Аравии, Брижит Бардо, Сальвадор Дали, ансамбли "ABBA", "BONY M", а Клаус Кински, тот вообще неделями не выезжал из "Оазиса"...

Не знаю точно, кто сейчас из знаменитостей обживает упомянутые мною кельи, но, думаю, что нам тоже что-нибудь перепадет, и мы непременно кого-нибудь из редких экспонатов рода человеческого встретим. Тем более что сегодня пятница - конец рабочей недели. На уикенд сюда такие птицы слетаются, у-у-у!

В "Оазисе" всегда присутствует цвет нашей Вселенной, поэтому здесь постоянно царит атмосфера вечного праздника!

Ликбез для девственников

Было самое начало весны, и на холодную закуску молодым людям принесли громадный серебряный ковчег, наполненный колотым льдом, на быстро таявшей поверхности которого были уложены в своих раковинах громадные "королевские" голландские устрицы - последние в уходящем зимнем сезоне. Их прозрачные тельца под лучами ослепительного полуденного солнца, косо падавшими прямо на стол, приобретали удивительный перламутровый оттенок. Разрезанные пополам марокканские лимоны, словно водяные лилии, дрейфовали вдоль серебряной кромки в талой воде.

"Черт побери, и вот так живет некогда побежденная нами страна! Да уж лучше бы мы со всем своим богатством сдались ей в плен..."

Так, - одернул себя разведчик, - не будем драматизировать, надо сосредоточиться на предстоящей беседе с Чарльзом...

Черт! Я все-таки должен вспомнить, откуда мне известно то, о чем рассказывал американец...

Какая-то деталь мешает мне восстановить всю картину... Нужна зацепка, какой-нибудь намек или ассоциация, которые бы помогли расставить все по своим местам... Ладно, подождем!"

На столе появились изящные подсвечники, тут же зажглись и свечи. Еще один источник света был явно лишним, но возражать никто не стал. Бесчисленное количество столовых приборов, крахмальные салфетки и изогнутые в желании угодить официанты расслабляли и предрасполагали к безоглядному чревоугодию, но никак не к обдумыванию плана беседы с американцем.

Левен с легкой ухмылкой наблюдал за реакцией русского.

Ну как, нравится? Но это только начало. Я обещал тебе омовение... Вот оно действительно вызывает фонтан ни с чем не сравнимых ощущений... Ну так что, пойдём?

Разумеется! - с готовностью ответил Вареник, у которого от окружающего великолепия слегка закружилась голова. Он поднял бокал "шабли" и потянулся за очередной устрицей, как вдруг увидел, что в проеме двери появились и застыли в ожидании метрдотеля три знакомые уже нимфы...

А вот и наши соседки, - произнес Левен и приветственно помахал им рукой.

Подняв глаза на онемевшего от удивления сотрапезника, вежливо, но очень твердо произнес: Геннадий, мы договорились с тобой: здешние традиции ты воспринимаешь глазами англосакса, не так ли? Да и вообще, ты - мой друг из Штатов, так что веди себя как подобает штатнику в этой ситуации. Ясно?

Левен хотел еще что-то добавить, но рядом угодливо склонился метрдотель и зашептал ему на ухо. Американец слушал несколько секунд, затем смахнул салфетку с колен, вытер губы и недовольно произнес:

Геннадий, ты у кого позаимствовал драндулет, на котором мы приехали?

А в чем дело?

Механик просил передать, что у твоего "мерса" потек картер... В гараже целая лужа масла на полу... Он готов устранить поломку, но ему необходимо согласовать это с хозяином машины, то есть с тобой!

Невероятно! Машина же совершенно новая..!

Дружище, новая, не новая, какая, к черту, разница! Хорошо, что это случилось не по пути сюда... или отсюда. Здесь классные механики, и, думаю, за несколько часов они управятся... Ну так как,

пусть приступают?

А что мне остается? Выбора нет, да и когда-то ехать все равно придется... Конечно, пусть принимаются за работу... Да, вот еще! Пусть выпишут счет, машина ведь не моя - шефа корпункта, он и будет платить.

Посмотрев на часы, Вареник заметно погрузнел:

“Черт их знает, управятся ли они к вечеру? Если нет, придется здесь заночевать... Если так, то к моему “консерванту” я попаду, дай бог, только завтра в полдень. Ну не поднимать же его поутру, это значит сразу нарваться на отказ!.. Хорошо, что не назначил ему точное время и место явки, договорились созвониться, как только я попаду в Мюнхен.

А впрочем, что, собственно, такого произошло? Ну, потек картер, ну и что? Это ж случилось не где-то в нашей глубинке - в Германии! Заменят, и вся недолга...; Тем более что ждать устранения поломки придется не в чистом поле, а в таком комфорте! Что это там “душка Чарли” говорил насчет омовения в филиале Мертвого моря? Ну-ка, парень, давай, колись!”

Приняв решение, Вареник сразу повеселел:

Чарли, ты что-то там говорил о Мертвом море? Не пора ли двинуть туда, к этому куску земли Сиона?!

Мой юный друг! Во-первых, мы еще не покончили с холодным блюдом и нас ждет основательный обед... В бассейн рекомендуется идти, сытно поев, ибо твоя молодая кровь должна сконцентрироваться в районе желудка и быть занятой только перевариванием пищи, иначе... Иначе она ударит тебе в голову от зрелища, которое тебе предстоит созерцать... Так что не торопись, всему свое время... А вообще, тебя ждут события, которые должны потрясти тебя! Левен поднял свой бокал “шабли” и знаком показал усевшимся за соседним столом черно-белопепельным нимфам, что пьет за них, и, к удивлению Вареника, осушил его до дна.

Разведчик, вспомнив о наставлении попутчика играть роль его друга из Штатов, сделал то же самое. Пить так пить!

Полагаю, мой русский друг, что черная икра уже не лезет тебе в горло, - с издевкой произнес Левен, рассматривая карточку меню, - поэтому я предлагаю начать с французского паштета из гусиной печени с трюфелями и супа из бычьих хвостов...

Кстати, по поводу этого супа есть один исторический Курьез... Однажды вашему лысому лидеру, Никите Хрущеву, во время обеда в его честь подали чашку супа из бычьих хвостов. Он брезгливо отодвинул ее в сторону, пробурчав: “Ишь, стервецы, мясо сожрали сами, а мне, главе атомной державы, подсовывают хвосты!.. Убрать это немедленно!”

На самом деле этот суп - настоящий деликатес, но советую не переусердствовать - нас ждет еще кусок нежнейшей говяжьей вырезки, приготовленной по рецепту великого французского романтика и гурмана, поэта Франсуа Рене виконта де Шатобриана...

Заметь, Шатобриан был не только ненасытный чревоугодник, но и неистребимый женолюб. По его убеждению, любая трапеза должна проходить в обществе прекрасной дамы, поэтому и рецепт вошедшего в историю блюда он создал для двоих... Не удивляйся, когда увидишь перед собой тарелку с куском мяса граммов этак на семьсот-восемьсот... Разумеется, к мясу мы возьмем красное вино...

Чарли, но у нас уже есть “шабли”, - запротестовал Вареник.

Геннадий, - менторским тоном произнес Левен, “шабли” к мясу употребляют только простолюдины, это - дурной тон... Если ты уж доверился мне, то слушай и мотай на ус, а с заказом я как-нибудь справлюсь сам... Поверь, ты ни о чем не пожалеешь!

Ну а закончим обед тетеревом, запеченным в шафранном французском соусе... Да, что ж это я! - Левен хлопнул себя ладонью по лбу. - Обед мы закончим десертом, а не тетеревом...

А что у них на десерт?

Здесь по традиции подают сыры... Подкатят к нам двухэтажный столик на колесах со многими сортами сыра. На верхней столешнице находятся сыры твердые, на нижней - мягкие, полужелтые. Рекомендую попросить три-четыре кусочка с каждого этажа... Десерт принято запивать сухим “рейнским”, так что не вздумай хватать бокал с красным вином...

Да, чуть не забыл! Когда тебе подадут мягкий сыр, постарайся одержать себя и не отпустить какую-нибудь шутку по поводу несвежих носков официанта... Запах будет исходить не от него, а от сыров на твоей тарелке, все понял? Тогда приступаем!

Вырезка от “виконта де Шатобриана” задерживалась, и Левен, чтобы заполнить вынужденную паузу, заказал “мартини” - с “шабли” уже было покончено.

После насыщенных йодом устриц, обильно сдобренных сухим вином, Вареник испытывал ощущение невесомости, по телу растекалось ни с чем не сравнимое блаженство.

Потекший картер, вынужденная задержка, предстоящая явка с агентом, все заботы виделись далеко-далеко, как в перевернутом бинокле.

“Мартини” мгновенно ударил в голову, и Вареник не стал возражать, когда Левен предложил пригласить черно-бело-пепельную троицу к себе за стол.

Так будет лучше, старина... Ты поближе познакомишься с ними за столом, - по-хозяйски распорядился американец, - и не будешь шароухаться от них в бассейне... А в том, что они туда пойдут, нет никаких сомнений... Все это делают после обеда, посмотришь!..

Да и вообще, Геннадий, у тебя есть уникальная возможность собрать материал о том, как проводят свободное от работы время горлопаны из немецкого парламента, бундестага, помощники министров, их шефы, банкиры, капитаны западногерманской индустрии, да и другие особо важные персоны...

А если ты проявишь щедрость, и не только на знаки внимания, то сумеешь расположить к себе одну из этих фей напрокат. Она тебе взамен таких пикантных подробностей о сильных мира сего нараскажет, что хватит на целую книгу... Только называй фамилии интересующих тебя лиц из мира бизнеса, политики, спорта или наших собратьев, журналистов, - любая из этих птичек начирикает тебе о них столько, что у тебя пленки в диктофоне не хватит...

Уверяю тебя, имена многих высокопоставленных чиновников, с которыми ты встречаешься по работе, давно уже в записных книжках этих див. Почему? Да потому лишь, что все они когда-то перебивали в постели с этими птичками...

Многие из тех, кого ты привык видеть на фотографиях в газетах и журналах облаченными в смокинги, в строгие костюмы и при галстуках, сегодня предстанут перед тобой в чем мама родила... Уж они-то никогда не откладывают работу на субботу, а постель с красавицей из “Оазиса” на старость. Кстати, советую последовать их примеру... Да! Еще раз напоминаю: ты для девушек - американец.

Но по-английски я говорю гораздо хуже, чем по-немецки...

Да говори хоть по-японски, - взорвался Левен, но помни, что ты из Штатов, а не из “совка”, и зовут тебя Джон, а не Гена, дошло?!

Закурив сигарету и успокоившись, Левен менторским тоном продолжил излагать положения “курса молодого бойца”:

Проститутки, практикующие в “Оазисе” - аккумуляторы самой актуальной информации... Однако, должен тебя предупредить, это касается только европейцев, наподобие наших знакомых...

Других я что-то здесь не вижу! - громко выпалил Вареник, уже основательно захмелевший.

Подожди, еще не вечер, они появятся... Хозяин заведения недавно выписал из Бангкока партию желтокожих Золушек, первоклассных девочек, способных одарить гостей отеля самыми изощренными ласками. В том числе и контактным массажем, который они проводят не только руками, а и всеми остальными частями своего тела, ходят по тебе по-кошачьи мягкими ступнями, трутся о тебя своими твердыми, как груши, грудями, щекотят бритым лобком, ну и так далее. Они успешно конкурируют с местными жрицами проплаченной любви, европейками. Идут нарасхват. И ты знаешь почему? Я сам удивлялся этому феномену, пока не провел ночь с одной из этих импортных фей.

Когда я ее “снял”, сопровождавшие меня ребята из “Нью-Йорк тайме” и “Вашингтон пост” рассмеялись мне в лицо - что, мол, ты нашел в этих незрелых грудях, болтающихся, словно колокольчики, и в этом тельце-тростинке? Оказалось, что вся ее сила была... во влагалище! Да-да, не удивляйся! Она так ловко сжимала и расслабляла его, что не успел я опомниться, как окатил ее струей спермы. Искусница!

Меня очень заинтересовал этот трюк, и я не пожалел денег, чтобы выведать ее секрет.

Выяснилось, что секрета-то никакого и нет!

Сделав пару глотков “мартини” и подмигнув зачарованному живописаниями Варенику, Левен продолжил повествование:

Тайские женщины с детства учатся управлять мышцами своего влагалища, этого они достигают

многократными, я бы даже сказал, многолетними, продолжающимися изо дня в день упражнениями по прерыванию, процесса мочеиспускания. В этих же целях они занимаются на специальных тренажерах, укрепляющих внутренние мышцы бедер и таза...

Говорят, что в старших классах тайских женских школ даже проводятся своеобразные соревнования - кто дальше выбросит шарик для пинг-понга из...

Как, прямо оттуда?!

Ты не ошибся. Девочке в чрево заталкивают несколько шариков, укладывают ее на спину, и... она начинает выплевывать их резким сокращением мышц вагины. Самой прилежной ученицей считается та девчонка, чьи шарики улетят дальше!

В будущем она станет самой желанной женой или... самой высокооплачиваемой проституткой...

В общем, катапульты - а не бабы!

В итоге любая тайская женщина по своему усмотрению руководит продолжительностью полового акта. А если уж ей довелось стать проституткой, то на работе она, образно говоря, - соковыжималка.

Умело манипулируя мышцами влагалища, она в считанные секунды доводит клиента до оргазма. Десять-пятнадцать фрикций и... подавайте новенького! Она же при этом остается такой же свежей, как и до акта.

Время - деньги! Отсюда и повышенная "производительность труда" у этих узкоглазых заморских тварей: если европейка за сутки в состоянии "обработать" до десятка клиентов, тайская проститутка - в два, а то и в три раза больше!

И, надо сказать, ей это не в тягость, отнюдь! Потому что она не расходует своих душевных сил и нервной энергии. Физическая близость с белыми мужчинами для нее просто гимнастика, спорт, лишённые всяких эмоций. Ей не до сентиментальности - она прибыла сюда работать. А чувства, так их пусть европейки растрачивают на клиентов...

Кстати, хочу тебя заранее предупредить, в бассейне мы наверняка встретим парочку таких искусниц, они там выполняют роль так называемых "водяных девочек". Постояльцы "Оазиса" даже дали им прозвище - "пираньи"... Будь осторожен - они могут ввести тебя в незапланированные расходы!

Как же им это удается сделать прямо в бассейне?

Еще проще, чем на суше. Ты же в бассейне гол, как червь... Девочка незаметно подплывает к тебе снизу, заглатывает ротом твою крайнюю плоть и не выпускает ее до тех пор, пока не почувствует, что твой аппарат в боевом состоянии. Из-за разницы температуры воды в бассейне и ее ротовой полости эрекция у попавшегося ей клиента наступает моментально. Затем она нанизывает себя на член неосмотрительного купальщика, десяток интенсивных фрикций, и он, в буквальном смысле слова, потек... А на выходе из бассейна его ждет счет на 50 марок..

Да, вот еще что я хотел тебе сказать, пока чернобело-пепельные не уселись за наш стол...

Кроме тайских проституток, хозяин "Оазиса" пригласил сюда и транссексуалов из знаменитого на весь мир ансамбля "Апказар-шоу".

Это - фантастически красивые девушки, которые в недавнем прошлом были мужчинами.

Превращение состоит из нескольких этапов. Первый год транссексуал, выбравший играть по жизни "женскую партию", просто глотает таблетки. От этого у него в "женском" направлении чуть-чуть корректируются голос, фигура, усиливается рост волос. Далее, уже с помощью скальпеля, ему вживляют грудь. Потом удаляют "второе мужское сердце" - предстательную железу, еще что-то, уж не помню, что именно... И только в самом конце видоизменяют половые органы...

Да ты что?!

Заурядная операция... Член сначала обезглавливают, отсекают головку, и из него удаляют пещеристые тела, те, что, наполняясь кровью при возбуждении, делают его твердым. Затем член выворачивают наизнанку и заталкивают его внутрь, в промежность. Все - псевдовлагалище готово... к употреблению!

Вообще-то, если внимательно приглядеться, можно уловить некое несоответствие внешности транссексуала привычному женскому облику. Ну, к примеру, у них слишком узкие, как у мальчишек, бедра, несколько угловатые движения, низкие голоса, выступающие кадыки... Хотя, возможно, именно этот коктейль мужского и женского начал создает шарм такой чудовищном, поистине гипнотической притягательности...

Мой коллега из “Тайм” взял одну такую игривую бесовку к себе в номер, и что бы ты думал? В постели нарвался на... мужской член! Да такой крепости, будто сделан он был из бамбука, представляешь!

Как же так? Ты же сам сказал, что они подвергают себя специальным операциям, откуда же у той псевдодевочки взялся член?!

Проблема в том, что многие транссексуалы, даже накопив сумму, достаточную для пластической операции лица и груди, не в состоянии сразу оплатить операцию по изменению пола, она стоит около пятнадцати тысяч марок Вот и получается, что сверху перед тобой девчушка с очаровательной мордашкой и рвущейся из бюстгалтера упругой грудью, а внизу она - конь с яйцами и железным от напряжения членом...

Вечером в баре у тебя будет возможность поближе познакомиться с приехавшими сюда на заработки трансвеститами.

Посмотреть на эту экзотику съезжаются бургеры с окрестных; ферм и хуторов. Здоровенные немцы с бычьими затылками жрут жареную свинину “по-рейнски” с картофельными клецками, запивая все это ведрами пива, и беспрестанно щиплют кукольных гермафродитов за задницы... Впечатляющее зрелище, доложу я тебе!

Но и это еще не все... Ты, конечно, из исторических романов знаешь, что у одной из жен английского короля Генриха Восьмого было три груди. Хотя это - не единственный факт ее жизни, позволивший ей войти в мировую историю... Но речь сейчас не о ней - о таких же уродцах, которых один предприимчивый израильтянин, Эмиль Барановский, собрал по всему свету и гастролирует с ними по самым фешенебельным курортам и заведениям Европы. Пока Европы... Сначала он намерен получить громогласную рекламу, а потом махнет со своим аттракционом за океан, в Штаты. Через две недели Барановский убывает в Англию, а пока... Он здесь, что ли?

Ну конечно же! С чего бы я завел разговор о жене Генриха Восьмого? Они - его передвижная кунсткамера - находятся в “Оазисе”!

Он что? Демонстрирует заспиртованных человеческих аномалов, что ли? Эка невидаль!

Да нет же, Геннадий, его экспонаты - не в колбах и пробирках, а во плоти и крови, за деньги выставляющие себя напоказ всем желающим... Впрочем, и нежелающим - тоже!

Значит, так; когда публика в ресторане основательно захмелеет, герр Зигмунд Лейзенбог, хозяин “Оазиса”, предоставляет сцену уродцам из труппы Барановского...

Он начинает с демонстрации самой простой патологии: выводит в зал семь членов какого-то арабского то ли клана, то ли племени, у которых на обеих руках и ногах по шесть пальцев. Поясняет, что члены этого племени, чтобы сохранить свое отличие от других представителей рода человеческого, женятся только между собой...

Самое интересное, что, если в этом шестипалом семействе появляется новорожденный с пятью пальцами на руках и ногах - все! Муж требует развода...

С чего бы это?

Он считает, что жена изменила ему с ненормальным!.. Но это - только начало. Вслед за арабами Барановский, что называется, “достаёт из рукава козырного туза” - вытаскивает на сцену короля уродцев... Думаю, этот Барановский, до того как перебраться в Израиль, жил у вас в Союзе, в Одессе... Во всяком случае, он отменный психолог: стартует на малых оборотах, потом “включает полный газ”, а затем шоу уже катится само по себе... Но денег эти монстры собирают с присутствующих в зале тьму-тьмущую!

Что, прямо-таки с шапкой по столам ходят?..

Да, представь себе!.. Посуди сам, ну кто ж откажет существу, у которого единственным человеческим признаком является лишь его взгляд, преисполненный мольбы... Некоторые слабонервные клиенты не выдерживают зрелища и, разрыдавшись, уходят... Но после того как заплачут... А платят всегда! Деньги, которые они дают, что-то вроде отступного... Н-да...

Да, так вот я начал о короле уродцев... Он - индус, зовут его Коко. Он - гибрид, то есть его мать должна была родить двойню, но в итоге получился один Коко...

Не понял?

Сейчас поясню... Голова у него одна, а вот некоторых органов явно в избытке, природа вынудила его позаимствовать их у своего брата-близнеца. У этого Коко, например, четыре ноги,

четыре руки, два комплекта половых органов. На спине он таскает тельце своего безголового брата-близнеца, с которым его связывает только шея...

Какой ужас! Неужели он в зале появляется обнаженным?

А для чего бы тогда нужно было затевать весь этот балаган?! Разумеется, на сцену он выходит в чем и с чем мама родила... Иначе он ничего не заработает, разве ты не понимаешь?.. Да и не только он - весь зверинец Барановского появляется на публике только нагишом!

А женщины в этом зверинце есть?

А как же! Есть одна. Француженка по прозвищу "Женщина во фраке". К ее собственному тазу природа припаяла еще один, рудиментарный с дополнительными ногами. При ходьбе эта пара недоразвитых ножек болтается, как фалды фрака, отсюда и прозвище... Да вот еще что! У нее в паху растут две рудиментарные груди, которые она дает потрогать всем желающим...

Что, неужели находятся и такие?!

Желающих хоть отбавляй". Я же сказал тебе, шоу начинается, когда публика, собравшаяся в зале ресторана, находится в крайней кондиции подпития...

Чарли, неужели никто из репортеров не пытался заснять этих уродцев на видеопленку во время выступлений? Ведь можно сделать такой сенсационный репортаж! Это ж - бомба!

Опомнись, милый мой русский друг! Объявление сексуального содержания ты у лифта рассмотреть сумел, а вот более важные вещи, запреты, не заметил! В "Оазисе" любая кинофотосъемка запрещена как таковая...

Ну, а если попробовать скрытой камерой? - не унимался Вареник.

Бесполезно. Здесь все стены напичканы аппаратурой, выявляющей наличие у клиентов съемочных камер... Ну и охрана соответственно проинструктирована. Имеются даже специальные собаки, натасканные на обнаружение видеокамер... Скажи спасибо, что хоть диктофонами здесь разрешено пользоваться...

Пару месяцев назад ребята из "Шпигеля" и "Штерна" организовались, чтобы, значит, запечатлеть карнавал уродцев, да и заснять некоторых членов правительства на "отдыхе".

Подкупили часть охраны. Начали работать, так едва в живых остались! Так что будь осторожен, если у тебя с собой фотовидеоаппаратура... Впрочем, ты меня отвлек... Слушай дальше. Есть здесь еще один уникал, прямо-таки ископаемое чудовище, но его редко выпускают на люди...

Почему?

Ну, во-первых, общение с ним, что называется, на "любителя", уж больно омерзительное впечатление производит на зрителей его патология. Во-вторых, он, в отличие от своих собратьев, достаточно интеллектуально развит, и для него появиться на сцене - это взойти на Голгофу...

Говорят, что он отпрыск какого-то английского лорда, который отказался и от него, и от жены сразу же, как только увидел, какой чудовищный сюрприз преподнесла ему природа...

Этот парень, Эдвард Мордейк, внешне очень красив, к тому же он - талантливый музыкант, играет на нескольких инструментах. Но при всем этом у него два лица, одно из которых - женское!

Да ты что!!

Ну да, именно так о нем мне и рассказывали, сам я его не видел... Его вообще мало кому удавалось видеть, так как он часто впадает в депрессию и прячется от людей... Говорят, он уже несколько раз пытался покончить с собой... Думаю, все это из-за того, что если для остальных уродцев из балагана маэстро Барановского выступления и выпрашивания денег, - это карнавал, где они забавляются, как дети, то для бедняги Эдварда - это пытка...

Таку него две головы?

Нет, Геннадий, два лица... Одно как у всех - спереди, а! второе - на затылке... Оно не ест и не говорит, но может вращать глазами и даже плакать и смеяться, представляешь!

Е-мое, Чарльз, ну ты меня убил наповал!! Это же настоящий двуликий Янус!

Да, точно так и есть... Говорят, он пытался связаться с врачами, чтобы ему удалили лицо с затылка, но как только Барановский узнал об этом, он посадил беднягу на цепь...

А как же он его перевозит?

Да так и перевозит... Приковывает к себе наручниками и - вперед! Чтоб, значит, не сбежал, ибо тогда Барановский лишится едва ли не самого высокооплачиваемого экспоната... У него уже

один такой умер, некто Паскуаль Пиньон, мексиканец с двумя головами...

Черт возьми, да сколько же аномалий в природе!

Не обратив ни малейшего внимания на восклицание Вареника, Левен увлеченно продолжал: Так вот у того, покойного Пиньона, на лбу росла вторая голова, которая тоже могла беззвучно шевелить губами и вращать глазами. Однако со временем эта меньшая голова утратила все свои "функции" и превратилась в бесформенный нарост. После чего Барановский избавился от экспоната. Да, вот еще что я вспомнил! Последнее время маэстро якобы накачивает Эдварда наркотиками, чтобы тот был покладистым и давал желающим из числа зрителей прикоснуться к своему второму лицу...

Мне кажется, что и смотреть-то на это не совсем приятно, не то что прикасаться.

Не преувеличивай, Геннадий! Сейчас услышишь еще об одном экспонате - ахнешь! Этого Барановский оставляет на десерт... Этот - действительный фаворит, жемчужина коллекции израильтянина из Одессы, гвоздь его программы...

Кубинец по имени Хулио Дос Сантос. Сложен и красив, как молодой бог. Ему "посчастливилось" родиться с лишней парой ног и дополнительным... пенисом! Но если дополнительные ноги - просто рудименты, болтающиеся сами по себе, то его второй член, как и первый, - всегда на боевом посту!

Я в постели с ним, слава богу, не был, судить не могу, но вот "пепельная" Эмма, ну та, что онанировала в лифте, помнишь?

Кто ж такое забудет?!

Так вот, она однажды рискнула попробовать, каково быть скрипкой, на которой играют одновременно два смычка...

То есть?

Она уложила его к себе в постель, ну, захотелось ей чего-то такого, неземного, чтоб запомнить на всю жизнь... Так вот этот Хулио один свой член воткнул ей традиционно в вагину, а второй... Ну, сам понимаешь куда...

Куда?!

Куда-куда... В задницу! Пардон, в ее анальное отверстие... Кончил он в оба отверстия одновременно, поэтому у Эммы было ощущение, будто в нее синхронно ударили горячие струи из двух пожарных брандспойтов!..

Ну и поделом ей, этой нимфоманке! - в сердцах воскликнул Вареник.

Геннадий, ты несправедлив к ней... Ну любит она мужчин и их "игрушку" между ног, что ж тут зазорного?.. Смотри на это проще. Может быть, у нее инстинкт продолжения рода ярче выражен, чем у других, как знать? А что касается Хулио, то он ее очень напугал...

Ну ты даешь, Чарли! Чтобы Эмму кто-то напугал членом?!

Двумя...

Да хоть десятью! У нее явно выраженная нимфомания... В лифте, при всех, воткнуть в себя фаллоимитатор и демонстративно мастурбировать?! Да это же клинический случай, ей лечиться нужно... А она, видите ли, испугалась мужика с двумя пенисами!

Ты дашь мне сказать, Геннадий? - невозмутимо произнес Левен.

Говори, чего уж там...

Эмма испугалась не двучленистого Хулио, а его сексуальной агрессивности. Да-да, именно так! Во время полового акта он безумно агрессивен... Он изорвал и исцарапал все ее тело, вся постель была в крови! Он оказался сексуальным маньяком, с явно выраженными садистскими наклонностями...

Вообще-то есть в его внешности нечто мексиканское... При всей своей внешней привлекательности он производит впечатление хорошо замаскированного вурдалака! Да ты и сам сможешь убедиться в этом вечером, когда его увидишь...

Такты считаешь, что вечер нам придется провести здесь, а не в дороге? - в голосе Вареника прозвучало беспокойство.

Другого выхода я не вижу, Геннадий... Картер-то еще не заменили... Впрочем, ты можешь взять здесь машину напрокат, а на обратном пути заехать за мной... Решай сам!

Но тебе же тоже надо было в Мюнхен, ты что, забыл?

И сейчас надо, но не садиться же за руль в нетрезвом состоянии... Кроме того, Геннадий! Не ты

ли мне сказал, что не лимитирован во времени, или я что-то путаю?

Нет-нет, все так...

Ну вот и отлично! Остаемся до утра, а по утренней росе я домчу тебя до Мюнхена за час, держу пари на тысячу марок...

Чего уж там, верю...

Вот и славно! Повеселимся, расслабимся... Но - никаких тайских девушек и трансвеститов... Я думаю, нас минует чаша сия, ведь мы с тобой, Геннадий, парни традиционной ориентации и нормальных взглядов на то, какой должна быть женщина: высокой, стройной, дородной и... любвеобильной. Как наши соседки, например. Или я не прав, а, Геннадий? Молчу! Они уже пришли...

“Мертвое море” стимулирует память

Теперь Вареник оказался между блондинкой и брюнеткой. После неудавшейся атаки в лифте “пепельная” сидела напротив, рядом с Левеном.

Блондинка по имени Урсула сразу попыталась завладеть вниманием Вареника - заговорила, едва усевшись за стол. Некоторое время разведчик вслушивался в ее лopotание. Наконец, не в силах разобрать, что она хочет сказать ему на его “родном” английском, он предложил ей перейти на немецкий.

О, майн Готт! - от радости Урсула захлопала в ладоши. - У тебя прекрасное берлинское произношение. Я впервые встречаю американца, который так хорошо говорит по-немецки. Я, в отличие от своих подруг, плохо владею английским... Ты - мой спаситель, Джон!..

Как показалось Варенику, девушки совсем не интересовались едой, казалось, они приняли предложение составить компанию залетным журналистам с одной целью: основательно накачать их изысканными спиртными напитками, не забыв при этом себя, и повеселиться за чужой счет.

Кроме красного вина к мясу, на столе вновь появилось “шабли”, затем “мартини” и французское шампанское...

Наконец и с тетеревом было покончено и вся компания нетвердой походкой двинулась в раздевалку, чтобы затем окунуть свои тела в отливавшие бирюзой воды “Мертвого моря”. И сам бассейн, и публика, плескавшаяся в идеально чистой воде, несколько разочаровали Вареника. Он не встретил там ни эротоманов, ни любителей пикантных курьезов, ни рафинированных эстетов, которые бы стремились устроить сексуальные игрища прямо в воде. “Что-то не видно ни акул империализма, ни воротил западного делового мира, ни извращенцев, предающихся порокам на виду у всех... Впрочем, - успокоил себя разведчик, - возможно, здесь они и есть, но я не знаю их в лицо. Не исключено также, что я ожидал слишком многого, наслушавшись живописаний Чарли. В действительности все бывает проще и обыденней, не как на словах...”

Несмотря на то что бассейн был надежно укрыт от всех сюрпризов погоды огромным стеклянным куполом, над его водной гладью поднимался густой пар - следствие разницы между температурой внутри и снаружи. На дворе - апрель как-никак.

Вопреки предостережениям Чарли, тайландские “пираньи” не пытались атаковать Вареника в воде. Скорее всего потому, что его уже сопровождала “рыба-прилипала” - Урсула, которая, обеими руками обхватив разведчика за шею, безмолвно дрейфовала рядом, иногда предпринимая робкие попытки завладеть вниманием, а вернее, плотью своего избранника. Объектом ее вожделений, разумеется, были его гениталии. Тщетно. Всякий раз Вареник ласково, но твердо отводил ее руку и снова углублялся в размышления по поводу рассказа Чарли о его московских перипетиях. Благо, что это было удобно делать: не прикладывая никаких усилий, можно было спокойно удерживать свое тело на поверхности воды.

В конце концов, изловчившись, девица заполучила в ладошку то, к чему стремилась, но в голосе вместо восторга прозвучало разочарование:

Джон, ты такой высокий, а птенчик у тебя совсем крошечный... Никогда бы не подумала, что двухметровый мужчина может иметь такую миниатюрную игрушку... Совсем другое дело - Юджин! Он хоть и ростом не вышел, но зато между ног у него ой какая внушительная шпага! Он

любит прихвастнуть, что еще ни разу не затупил ее, - она у него якобы самозатачивающаяся и постоянно в боевом состоянии... Немудрено, что он так быстро уплыл на середину бассейна, думаю, его хватит на обеих моих подруг...

Юджин? - немедленно отреагировал разведчик,

Ты не спутала моего приятеля с кем-нибудь из своих знакомых?

Ну что ты, Джон! Разве можно спутать его с кемлибо?! Юджин Саймонс - это половой гангстер, натиску которого невозможно противостоять. Секс - его конек и... пунктик Кстати, у него на почве сексуальной неумности даже какие-то неприятности возникали, когда он работал... Точно не помню где, но было дело... Его выперли из какой-то страны из-за того, что он публично устроил сексуальный сеанс во время передачи репортажа, представляешь?

При этих словах Вареник произвольно окунулся с головой в воду: "Вот она разгадка, черт меня побери! Как же я раньше этого не вспомнил?!"

Юджин Саймонс, репортер Си-эн-эн, - это же тот самый неуловимый связник между ЦРУ и советскими диссидентами, о котором я читал в "Бюллетене КГБ"! Оперативная разработка иностранца так и называлась: "Неуловимый"...

Почти два года назад Пятым управлением была блестяще проведена операция по его выдворению из Союза.

Долго контрразведчики охотились за ним, однако все никак не удавалось подловить его - чрезвычайно вертким оказался объект. Доказательная база не умещалась в нескольких томах, но все это были оперативные данные - в суд представить нечего. Тогда-то и решено было подставить объекту "ласточку" и с ее помощью скомпрометировать его...

Вслед за этим по заданию КГБ советские средства массовой информации раструбили, что американец занимался в СССР деятельностью, несовместимой со статусом журналиста. И стали ждать, предоставив руководству Сиэн-эн самому решать судьбу Саймонса. То есть формально журналиста из СССР никто не выдворял, боже упаси! Шуму, вон и грязи было бы - не отмоешься. Контрразведчики сумели выставить Саймонса в таком свете, что телерадиокорпорация вынуждена была сама отозвать его из Союза. Что, собственно, и требовалось. А что уж вы там в Штатах с ним будете делать - это нас абсолютно не касается... Таким образом, КГБ удалось нейтрализовать недосыгаемого Саймонса, по сути, руками самого президента Си-эн-эн, Тэда Тернера, и... ртом нашей "ласточки".

Помнится, тогда же был объявлен персоной нон грата советник по культуре посольства США в Москве некто Чирилло Лейкин, кадровый офицер ЦРУ. Причастность его к делу Саймонса в средствах массовой информации не афишировалась - между противоборствующими спецслужбами существует такое неписаное джентльменское правило, - хотя КГБ и располагал неопровержимыми доказательствами, что журналист действовал под непосредственным руководством Лейкина... Н-да, что ж получается? Чирилло Лейкин переименовал себя в Чарльза Левена, так, что ли? А во внеслужебной обстановке ко всему еще и выступает под именем того самого Юджина Саймонса, своего бывшего подопечного? Что ж, вполне может быть. Хлипкое прикрытие, но все-таки прикрытие... Для непосвященных!

Нет-нет, по этому поводу надо выпить, срочно! Не каждый день ты можешь окунуться в воды Мертвого моря, которые отмывают истину и воскрешают воспоминания...

Но сначала надо сбегать за диктофоном, вдруг да Урсула еще что-нибудь интересное расскажет... Стоп! Совсем забыл позвонить в резидентуру, предупредить, что вернусь позже оговоренного срока. Потек же картер, черт бы его побрал...

Но, с другой стороны, не случись ЭТОЙ ПОЛОМКИ, я бы не узнал столько интересного.

Положительно, судьба мне благоволит! Стоп! Благоволит ли? Я же рассматривал Левена в качестве кандидата на вербовку... А теперь что прикажете с ним делать, если он сам оказался разведчиком? А не может ли быть так, что американец, в свою очередь, открыл на меня охоту и рассматривает меня в качестве своего потенциального источника информации, я же для него - журналист? Стоп! А вдруг да ему известен мой истинный статус и он знает, что никакой я не журналист?! Н-да, задача, аж голова закружилась...

Будем рассуждать конструктивно. Если представить, что американской резидентуре в Бонне стало известно, что я разведчик, работающий под прикрытием журналиста, значит, Левен выполняет задание и давно уже "пасет" меня. Значит, он не случайно оказался в моей машине, и

в Мюнхен ему совсем незачем было ехать - он просто воспользовался моим предложением и реализовал возможность остаться со мной наедине... А поведение обслуживающего персонала "Оазиса" при нашем появлении? Да я с первого взгляда понял, что нас здесь ждали! Если руководствоваться этой логикой, то, значит, и картер потек совсем не случайно, да и вообще, потекли, я этого не видел, мне об этом сказал Левен-Лейкин, ссылаясь на метрдотеля... Нет-нет, здесь явно что-то нечисто, американцам зачем-то понадобилось притормозить меня в "Оазисе Грез"! Но зачем? Чтобы скомпрометировать меня с помощью проституток и затем выдворить из ФРГ, как Пятое управление КГБ два года назад это сделало с Саймонсом? Ведь наверняка Чарльз-Чирилло совсем не случайно рассказал мне эту историю... Да, но я разведчик не того калибра, ради компрометации которого стоило бы городить весь этот огород! В нашей резидентуре есть фигуры значительно весомее, которые давно уже сидят в печенках и у американцев, и у немцев, и ничего - никто не пытается их дискредитировать с целью выдворения... Впрочем, не буду ломать себе голову, надо просто выждать. Все само собой прояснится в ближайшие часы. На текущий момент ясно одно: и остановка в "Оазисе", и поломка картера - все подстроено резидентурой ЦРУ в Бонне, а Левен - просто исполнитель... Стоп! А не попробовать ли через Левена-Лейкина затеять оперативную игру с американской резидентурой? Почему бы и нет?! Да, но пойдет ли на это Центр, и прежде всего мой шеф? Захочет ли он связываться с этим? Это ж сколько надо всего согласовать и утрясти, сколько планов написать, сколько веских аргументов привести, чтобы доказать целесообразность проведения оперативной игры? Скорее всего - нет, не пойдет на это! А что, если повернуть все на свой страх и риск, а затем результаты преподнести резиденту на блюдечке с голубой каемочкой? Неплохая идея, но... Она хороша и реализуема лишь в том случае, если американцы уже не затеяли такую же игру со мной... Тогда мне остается одно - ждать и постараться без ошибок делать ответные ходы, ведь инициатива принадлежит американцам... Они же успели все просчитать, заранее продумать, они ко всему готовы... Нет, положительно, здесь без бутылки не разобраться!.. Прав был Левен, сказав: расслабься и наслаждайся пребыванием в "Оазисе", или что-то в этом роде. Урсула, закажи что-нибудь выпить на свое усмотрение, а я сейчас вернусь... Давай-давай, я - мигом! - и Вареник помчался к себе в номер.

"Розовая" любовь в раздевалках

Вернувшись, Вареник нашел Урсулу в компании бутылки отборного французского коньяка "Remy Martin".

"Черт его знает, во сколько мне обойдется эта остановка в "Оазисе Грез", на которую меня соблазнил этот Чарльз-Чирилло... До грез ли мне будет, когда подадут счет за все выпитое и съеденное?!"

Размышления разведчика прервал вопль восторга блондинки:

Джон, ты вернулся как раз вовремя!

Почему?

Сейчас все купальщики станут выбираться из бассейна, чтобы отправиться на полдник... Но перед этим они сначала пойдут в душ, чтобы смыть с тела соленый раствор...

Ну и что?

Как, то есть, что? Они же будут туда и обратно дефилировать прямо мимо нас... голыми! Уж если под одеждой можно что-то скрыть, какой-то природный или приобретенный дефект, то уж теперь все знаменитости будут перед тобой как на ладони...

Ты такого насмотришься, такие подробности узнаешь бесплатно, которые в другом случае не смог бы ни за какие деньги! Смотри-смотри, начинается!

Действительно, из бассейна, отряхиваясь и отплеываясь, стали выбираться мужчины и женщины, до этого скрытые густым туманом испарений.

"Вот она немецкая пунктуальность - все по минутам! Полдник - это святое, значит, следует прервать даже водные процедуры и... водные секс-игрища... Впрочем, Чарльз-Чирилло говорил, что здесь не только немцы, больше иностранцев... Ну что ж, посмотрим, возможно, сумею набрать материала в рубрику "Капитал - его препохабие"...

Ага, вот и первая парочка, смотри, Джон!

По бортику бассейна неторопливо шествовали в обнимку две обнаженные женщины. Если бы у них не было рук, которыми они буквально обвивали друг друга; можно было подумать, что сразу две Венеры Милосские покинули свои пьедесталы в Лувре и забрались в немецкую глубинку, чтобы в филиале Мертвого моря смыть пыль веков.

Хороши и, главное, весьма рельефны были обе, но более колоритно выглядела та, что постарше. Огромные, словно воздушные шары, груди, ноги, больше похожие на лошадиные ляжки, и под стать им мясистые ягодицы... Но удивительное дело: на телесах этих - ни одной морщинки! Легкая, пружинистая походка свидетельствовала, что женщины неумолимо занимаются на всяких тренажерах в гимнастических залах.

Судя по их походке, они - спортсменки... - задумчиво произнес Вареник. - Хотя та, что постарше, скорее всего, уже бывшая... Ей, мне кажется, уже за сорок...

Джон, ты - очень наблюдательный парень! - Урсула обняла собеседника за шею и вlepила ему такой засос в губы, что у Вареника замельтешили мухи перед глазами. - Ты - просто душка, Джон! Как ты догадался, что они - спортсменки?

Да очень просто. Такие ляжки бывают только у лыжниц или у женщин, кто очень долго занимался конькобежным спортом или фигурным катанием...

А вот и не угадал, они - теннисистки! Та, что постарше, - это известная на всю Америку Билли Джин Кинг... Неужели ты не узнал ее? Это она лет десять назад обыграла непобедимого Бобби Ригса, вызвав его на поединок... Представляешь, женщина одолела мужчину на корте. Впрочем, ничего удивительного, ведь она - "активная" лесбиянка, так что тоже - мужчина...

А что, среди них есть "активные" и "пассивные"?

Джон, ты меня удивляешь! Среди жриц "розовой" любви, так же как и среди приверженцев любви "голубой", обязательно кто-то выполняет женскую - пассивную роль, а кто-то - активную, то есть мужскую...

Так, значит, эта Билли Джин - "активная" лесбиянка? - Урсула настороженно посмотрела на Вареника-

Он перехватил ее взгляд и сразу сообразил, что допустил промашку. Нашелся:

Ты знаешь, я долгое время жил вдали от Штатов... Сначала воевал во Вьетнаме, потом работал в ЮгоВосточной Азии, затем перебрался в Европу... Я совсем не читаю американскую прессу, мне кажется, что я понемецки уже говорю лучше, чем по-английски... Может, потому я и прозевал все эти скандальные сплетни...

Какие сплетни, Джон! Это - истина! Перед тобой сейчас супружеская пара, где роль мужа играет Кинг, а рядом с нею - ее супруга, восходящая звезда мирового тенниса Амели Морисмо... Ходят слухи, что сам папа римский благословил их брак... А ты говоришь, сплетни!

Вареник разлил коньяк по бокалам и незаметно включил диктофон.

Послушай, Урсула, а как, по-твоему, они доходят до жизни такой?

До благословения папы римского?

Нет-нет, как они становятся лесбиянками? Я в этом вопросе абсолютный профан, просвети, может, когда-нибудь пригодится, чтобы сделать о них репортаж...

Считай, дорогой мой, что тебе повезло... Я в свое время тоже играла роль "пассивной" лесбиянки. Да-да, только не смотри на меня такими удивленными глазами! Твоя покорная слуга вынужденно играла в "розовую" любовь, была на содержании у одной теннисистки, "активной" лесбиянки... Это было по молодости и продолжалось очень недолго... Я тогда ушла из семьи и мне очень нужны были деньги, а вообще-то я предпочитаю таких мальчиков-херувимчиков, как ты, с таким обволакивающе-гипнотическим взором, с такими кудряшками... Давай выпьем за тебя, а потом я тебе все-все расскажу!

Вареник попытался было просто пригубить и уже отставил свой бокал, но Урсула запротестовала:

Так, мой дорогой, за себя не пьют - только до дна!

Разведчику пришлось подчиниться. Урсула залпом махнула свой бокал так лихо, будто в нем был не коньяк, а морс. Тут же вновь наполнила бокалы и закурила сигарету.

А до лесбийской любви теннисистки доходят не от хорошей жизни... Как они сами объясняют, им приходится "пахать" на корте с утра до вечера, а остальное время они проводят в разъездах, колесят по странам и континентам, чтобы зарабатывать себе на жизнь... "Розовые" девушки, а

все они действительно девственницы, так оправдывают положение, в которое попали: мол, тренировки и соревнования каждый день, вокруг одни и те же лица, ведь круг общения “леди корта” весьма ограничен - к ним даже специальную охрану приставляют, чтобы они силы на мужчин не тратили... Вот они и начинают потихоньку, втайне от тренера и антрепренера, заниматься однополрой любовью... Природа-матушка берет свое, ты ж понимаешь, потребность в сексуальной жизни все равно существует, куда от нее денешься... А потом, со временем, они втягиваются настолько в это дело, что мужчина им уже не нужен. Более того, многие из этих теннисисток становятся настоящими феминистками, яркими мужененавистницами! Эти доводят себя до того, что один только запах мужского пота может вызвать у них рвотную реакцию и аллергический приступ...

Ты знаешь, Джон, некоторые именитые теннисистки так уже обнаглели, что молоденькие кудесницы ракетки рискуют стать их жертвами если не на корте, то в раздевалке... Да-да, эти “розовые” заматеревшие волчицы могут запросто... изнасиловать понравившуюся девчонку-спортсменку прямо в раздевалке или в душе! Но это - в худшем случае. В лучшем - они неделями и месяцами добиваются их благосклонности... Иногда даже проигрывают им, чтобы вступить в любовную связь... Ну конечно, проигрывают не по-крупному, не на решающих турнирах, а так, на второстепенных... Ну а затем, в знак благодарности, требуют ночи любви. Потом - больше и больше. Так и обращают девчонок, начинающих мастеров теннисной ракетки, в свою “розовую” веру...

Что, неужели действительно так свирепствуют?

Не удивляйся... Ты хоть и провел столько времени вне цивилизованного мира, но, конечно, не мог не слышать имени знаменитой теннисистки Мартины Навратиловой, не так ли?

Она из Чехословакии?

Ну да, оттуда! Была... Потом перебралась к вам в Штаты... На ее счету, кстати, еще больше побед, чем у Кинг. Только призовыми наградами она заработала двадцать миллионов долларов, представляешь! Так вот, перебравшись в США, Навратилова первым делом совратила бывшую победительницу конкурса “Мисс Техас”

Джуди Нильсен... А вообще, говорят, что на счету Навратиловой более пятидесяти любовниц! И все - девственницы...

Почему? - спросил Вареник, и рука его непроизвольно потянулась к бокалу с коньяком. Урсула схватила свой. Чокнулись. Опять выпили до дна.

А потому, мой дорогой, что лесбиянки от природы, а не по воспитанию всегда стремятся к девственницам, их легче завербовать в качестве наложниц...

Впрочем, последние, пройдя полный “розовый” курс под руководством опытной волчицы, типа Билли Джин, становятся такими преданными поклонницами этой извращенной любви, что уже другой и не мыслят... Да и вообще, зачем им какие-то противозачаточные пилюли, аборт... Женщину ведь к чему приучишь, тем она и будет заниматься. Не испытывай еще сладости общения с мужчиной, девственница быстро привыкает к ласкам “активной” лесбиянки и думает, что так и должно быть, что это - истинная любовь, свойственная всем женщинам, В конце концов, если и не любовь, то естественный путь усмирения своей плоти...

Ну я как же ты?.. Ты же говорила, что...

Ну, таких, как я, вынужденных лесбиянок, немало... Я тебе вот что скажу. Если девушка попробовала мужской ласки, то ее можно на время сделать лесбиянкой, как это было со мной... Но только на время. Потом она вернется к традиционной любви. Совсем иное дело - девственницы. Если она попадет в руки искушенной в “розовой” любви “активистке”, то уже вряд ли захочет мужчину...

Почему? - не унимался Вареник.

Почему-почему. Не знаю я почему!

Послушай, Урсула, а в других видах спорта тоже существуют кланы лесбиянок или это, так сказать, специфика только большого тенниса?

Я, мой дорогой, сексологическими исследованиями в спортивной среде не занималась, рассказала тебе только то, что знаю не понаслышке, из первых рук... Помоему, кланы лесбиянок в большом теннисе существуют потому, что у него особый статус в спорте... Чтобы попасть в это сообщество, недостаточно виртуозно владеть ракеткой, надо быть еще и милашкой, иметь

привлекательную внешность, приличную фигуру, ноги...

Даже так?! - Вареник был искренне удивлен и даже не пытался скрыть этого.

Да, мой дорогой. Ну посуди сам, кому будет приятно смотреть на обезьяну, пусть и без промаха работающую ракеткой?! Большой теннис - это прежде всего шоу, которое собирает многомиллионную аудиторию, а значит, там крутятся огромные деньги... И те, кто заправляет этим шоу, диктуют жесткие условия приема и выхода на корт подающих надежды девушек. Именно им, заправилам большого тенниса, выгодно, чтобы в среде теннисисток процветала "розовая" любовь... Ну, представь, вложили они в подготовку какой-нибудь девочки миллионы долларов, а она возьми да и влюбись без памяти в какого-то футболиста или боксера - все! Праздник окончен! Она забеременеет, станет матерью, значит, для тех, кто спонсировал ее тренировки, словом, вкладывал в нее деньги, все потеряно, одни убытки. Так вот, чтобы этого не допустить, они, эти деятели, и потворствуют расцвету "розовой" любви среди теннисисток... Вообще-то одно время ходили разговоры, что и среди лыжниц немало лесбиянок. Но там это явление имеет совсем другие корни, скажем так естественного, природного характера...

Что ты имеешь в виду?

Среди лыжниц немало гермафродитов, женщин, у которых преобладают мужские гормоны. То есть внешне она выглядит женщиной, а на самом деле... Так, все! Молчим - Билли Джин с женой уже рядом! Только прошу тебя не фиксировать взгляд на каком-то определенном участке их тел... Это здесь не принято... Считается дурным тоном...

Мимо столика, все также обнявшись и изредка целуясь, неторопливо прошествовали две Венеры. Вареник краем глаза заметил, что у Кинг внизу живота отчетливо выделялись какие-то шрамы.

Когда нимфы прошли, разведчик не удержался и сразу поинтересовался, почему Билли Джин, при ее-то деньгах, не сделает косметической операции по удалению шрамов.

Мой дорогой, кто-то в бумажнике носит фотографии возлюбленных, а кто-то, как Кинг, прямо на теле носит воспоминания о своих былых победах и... поражениях. Шрамы - это еще не все...

Видел бы ты, в каком состоянии у нее большие срамные губы... Они у нее надкушены! Да-да, мой дорогой, и даже частично отсутствуют!

Ну, Урсула, это уж слишком! Откуда тебе могут быть известны такие подробности?!

Дорогой Джон, не я ли тебе сказала, что некоторое время зарабатывала деньги, сдав себя внаем одной теннисистке? Между жрицами "розовой" любви друг от друга нет секретов, понял? Мы все знаем друг о друге... Даже периодичность критических дней!

А шрамы на животе Кинг - суть рубцы на ее сердце... Это она сама дала такое патетичное определение последствиям одной своей любовной драме... На самом деле - это следы укусов и ногтей.

У нее был скандальный роман со своей секретаршей... Если не ошибаюсь, ее звали Мэрилин Барнетт. Однажды, узнав, что ее шефиня и любовница изменяет ей, Мэрилин решила на ужасную месть - откусить Кинг во время любовных игр щип клитор! Представляешь, до чего додумалась стерва! Ну, клитор откусить не удалось, но живот и большие срамные губы Кинг она основательно попортила...

И оказалась, конечно, в тюрьме за нанесение физических увечий?

Нет, Кинг в полицию не обращалась... Кто из мужчин-полицейских поймет страдания лесбиянки?! Никто...

Мэрилин придумала нечто похуже. Она наложила на себя руки, но обставила это так искусно, что Кинг обвинили в преднамеренном убийстве на почве ревности. И хотя Билли Джин удалось оправдаться, судебный процесс нанес непоправимый ущерб ее репутации теннисистки и ей пришлось покинуть большой спорт... Но она получила компенсацию в другом...

А именно?

Сегодня у нее столько поклонниц - нет отбоя! А что ей еще нужно? Денег тьма-тьмущая, а теперь еще и целый гарем любовниц... Говорят, они годами ждут своей очереди, внимательно следя, чтобы какая-нибудь шустрая бабенка не опередила их...

Ну, а Навратилова? Ты не закончила...

А то ты не знаешь, Джон! "Железная Мартина" сейчас в зените славы. После ухода Билли Джин из большого спорта "розовая корона" перешла к Навратиловой. Она всю выступает и живет в

свое удовольствие со своими соотечественницами Ханой Мандликовой и Яной Новотной...

Что, так втроем и живут?

Да представь себе, втроем...

Но на кортах все три - непримиримые соперницы!

Знаешь, Джон, что я тебе скажу: можно быть соперницами на корте, но в постели - любовницами... Кто-то из лесбиянок предпочитает менять партнерш, кто-то любит постоянство... Так вот, Навратилова, Мандликова и Новотна из последней серии...

А вообще, открою тебе один секрет... Когда десять лет назад в теннисном королевстве начали греметь имена Мандликовой и Новотной, никто не знал, что именно они, эти две якобы соперницы, и были первой "розовой парочкой"... Мандликова, чтобы скрыть свое "увлечение" Новотной, даже вступила в притворный брак, но со временем все вылезло наружу, публикациям не было конца, фото обеих "розовых королев" не сходили с обложек журналов... Их даже в "Плейбое" печатали только вместе.

Они были "ледоколами", взломавшими лед предрассудков и условностей... С тех пор как стали известны подробности их взаимоотношений, остальные жрицы "розовой" любви из мира тенниса перестали маскироваться...

Ну, а кто, по твоему, станет преемницей Навратиловой, есть кто-нибудь на горизонте?

Джон, ты у меня прямо интервью берешь... Знаю я вас, журналистов! Сегодня я тебе что-то расскажу, завтра ты опубликуешь это в своей газете, а послезавтра у меня, Урсулы Рамштейнер, будут неприятности...

Почему обязательно неприятности? Я не собираюсь на тебя ссылаться как на источник информации, можешь не волноваться!

Ну-у, тогда... Тогда давай выпьем и закажем еще!

Урсула грохнула пустым бокалом по столу. - А вообще, Джон, я никак не могу понять, я хоть немножко тебе нравлюсь, ну скажи? Что мы все о каких-то извращениях речь ведем... Давай поговорим обо мне! Скажи, ты хочешь меня? Ну вот прямо сейчас, прямо здесь?

Ну-у, здесь... Не знаю...

А вообще?

Вообще-то да... - выдавил из себя Вареник.

А что ты так тихо об этом говоришь? Ты кого-то боишься? Ну-ка, немедленно прокричи три раза: "Я хочу тебя, Урсула!"

По-английски или по-немецки? - чтобы перевести все в шутку, спросил со смехом разведчик. Но захмелевшей проститутке было не до шуток.

Неважно, на каком языке, я все равно пойму! Давай сейчас же, а то я больше тебе ни слова не скажу про...

Пришлось Варенику исполнить желание собутыльницы.

Ну вот, мой дорогой, первый сеанс самовнушения ты провел успешно... Скоро от слов перейдем к делу, а?

Так как насчет преемницы Навратиловой?

А-а, ты все про это... К черту! Сейчас скажу тебе и закроем эту тему, перейдем к практическим упражнениям... Я тебя такому научу - век будешь помнить! Значит, слушай. Преемницей Навратиловой наверняка станет Кончита Мартинес... Она уже сейчас среди теннисисток слывет половой бандиткой... Ее уже раз десять заставляли в раздевалке в тот момент, когда она лежала на какой-нибудь симпатичной дебютантке. И это при том, что она в открытую живет с Джимми Фернандес! Сегодня никто из молодых теннисисток не решится и войти в душ, когда там моется Кончита... Но я думаю, это до поры... Эта агрессивная испанка всегда добивается своего. Любовниц у нее среди теннисисток будет не меньше, чем у Навратиловой. Попомни мои слова! Вареник хотел задать еще вопрос, но тут из тумана вынырнул Чарльз в обнимку с черно-пепельной парой:

А-а, разбойники, вот вы где! Предаются пороку без нас? Но мы тоже времени зря не теряли, правда, девочки?.. Ну-ка, налейте и мне! "Remy Martin" - мой любимый коньяк Да и вообще, как говорили мои московские знакомые: "гуляй, рванина, от рубля и выше!"

Последнюю фразу Левен произнес по-русски и выразительно посмотрел на Вареника...

Шпионские будни

На следующее утро Левен с большим трудом разбудил Вареника. Проснувшись, тот некоторое время отсутствующим взглядом рассматривал спящих рядом Урсулу и Эмму, разбросанные на ковре пустые бутылки из-под шампанского и коньяка, предметы женского и мужского туалета, пытаюсь понять, где он находится и что вообще происходит.

Геннадий, поторопись, нам же надо ехать в Мюнхен! Или ты уже передумал? Тогда останемся и продолжим... Ты вчера клялся, что ради таких женщин, как Урсула и Эмма, готов бросить и свою семью, и журналистику, да и вообще остаться в Германии... Что ты так на меня смотришь? Неужели ничего не помнишь?! Да-а, набрался ты вчера прилично... Ну ничего. Пара таблеток аспирина, и все как рукой снимет...

Мне бы лучше пару бутылок пива, - с трудом произнес Вареник.

Будет тебе и пиво, будет и кофе, и какава, как говаривал один герой из вашей блестящей кинокомедии "Бриллиантовая рука"... Так я не понял, Геннадий, мы едем в Мюнхен или нет? Конечно, едем, только дай мне принять душ и немного прийти в себя...

Стоя под ледяными струями воды, Вареник пытался вспомнить какие-нибудь подробности событий вчерашнего вечера. Тщетно. Успокоил себя:

"Ну ничего, в конце концов, я ведь не выключил диктофон... Прослушаю запись, может, что-то и вспомню... Н-да, погуляли... Сейчас - в машину и срочно в Мюнхен, оклемаюсь в пут. Стоп! А как же Чарльз? Как мне отделаться от него в Мюнхене, чтобы встретиться с агентом? Ладно, что-нибудь придумаю по дороге... А черт, голова прямо-таки раскалывается!"

Когда Вареник и Левен спустились в фойе гостиницы, их окликнул администратор:

Господа, вы уже покидаете нас?

Да! - в один голос ответили молодые люди.

Простите, вам как счет выписать: на каждого в отдельности или общий на одного?

Отдельно! - твердо произнес Левен.

Пожалуйста, уже готово!

Дружище, я расплачусь и захвачу тебе два пива, а ты ступай, выводи машину, - Чарльз ласково похлопал Геннадия по плечу.

В машине Варенику хватило одного взгляда на сумму счета, чтобы сразу прийти в себя: 4 200 марок!

"С ума сойти! Где я найду такую сумму? Взять из денег, причитающихся агенту?! Черт, но я ведь и так уже должен вернуть в оперативную кассу около трех тысяч... Проклятье!..

А-а, вот оно в чем дело! - вдруг осенило Вареника.

Американцам надо было соблазнить меня возможностью легко собрать материал для репортажей или публикаций о том, как проводят время местные депутаты бундестага, представители западной элиты и прочая богемная публика... Потому-то Левен и затащил меня в этот оазис пороков, человеческих аномалии и еще черт знает чего! А я, наивняк, клюнул на эту удочку... В итоге они сумели втравить меня в незапланированные траты... Да, так вот, походя, между прочим раскрутили на четыре с лишним тысячи... Для чего? Ясное дело, для чего! Чтобы посмотреть, умею ли я держать удар, да и вообще, как я буду выкручиваться... Ну сейчас-то выкрутиться вроде нет проблем - Левен говорил, что он при деньгах... Ну, а дальше?"

Заметив, с каким ужасом Вареник смотрит на квитанцию, Левен тоном, полным неподдельного оптимизма и веселья, сказал:

Тебе надо подготовить и продать в "Time" или "Newsweek" пару репортажей о том, как можно с пользой для расширения своего кругозора и собственного удовольствия потратить деньги в "Оазисе Грез". Пожалуй, я смогу помочь тебе пристроить туда материалы. Заодно и с хозяина заведения получишь деньги за рекламу...

Зачем? - тупо спросил Вареник.

Ну как, зачем? Чтобы, заработав деньги, расплатиться с долгами. Судя по твоей реакции, ты просто убит цифрами, которые рассматриваешь...

Не сами по себе страшны эти цифры... Где взять деньги - вот в чем вопрос... "Time" и "Newsweek" - это, конечно, вариант, но не для меня... Вернее, я для них - не вариант! Главным редакторам этих журналов придется открывать новую рубрику "Красоты Запада глазами

советского журналиста". Что нового могу написать я о Западе для западного читателя? В моих материалах будут сплошные восклицательные знаки...

Кстати, не ты ли мне говорил, что не ограничен в средствах... Ну, когда мы едва только заехали в "Оазис", помнишь? Или я ошибаюсь?

Нет, старина, ты нисколько не ошибаешься... Я действительно располагаю теми деньгами, которые могут тебе понадобиться, и не только сейчас, но и в дальнейшем... А вообще, Геннадий, я думаю, пришел момент поговорить откровенно!

Мы знаем, что ты не тот, за кого себя выдаешь, а ты теперь знаешь, что я не Левен... Так? Так..

Так вот, Мы не склонны продолжать игру в прятки. Мы решили, что пора выложить карты на стол. Все иное - это пустая трата времени, а главное - денег, в которых ты давно уже нуждаешься. Наряды для жены и дочерей, книги, мебель - все это требовало больших денег... Наверняка ты залез в долги. А после посещения "Оазиса" денег тебе понадобится еще больше, не так ли?

Да, так..

Ну вот и договорились! Сколько тебе нужно на первый раз?

Сразу?

Разумеется!

Сейчас - десять тысяч... - подумав секунду, ответил Вареник.

Долларов или марок?

Марок..

Всего-то?! Считай, что они у тебя уже в кармане! Остальные - по мере поступления информ...

Нет! Будем называть это размещением твоих репортажей в иностранных изданиях... Идет?

Вареник в знак согласия молча кивнул. Все оказалось не так сложно и болезненно, как это он себе раньше представлял...

Разумеется, готовность Фитнесса (оперативный псевдоним, данный Варенику американцами) к добровольному сотрудничеству была щедро проавансирована ЦРУ: денег дали столько, что хватило не только покрыть недостачу, но и приобрести много красивых вещей.

Умело манипулируя страхом руководства ЦРУ перед вездесущим КГБ, Вареник на очередной явке сообщил своему оператору, что Комитетом разработана операция, призванная создать видимость, что немцы не приемлют присутствия американских войск на территории Германии. Для этого он якобы получил задание подобрать рестораны и публичные дома, расположенные вблизи военных баз США, где можно было бы заложить мини-бомбы.

Взорвав бомбы, когда указанные заведения будут переполнены американскими военнослужащими, КГБ, по словам Вареника, рассчитывал не только вызвать протест американского командования в адрес немецких властей, но и расстроить отношения между США и Германией.

Для того чтобы новые хозяева охотнее поверили в этот бред, Вареник представил им также богатейшую информацию об операциях КГБ в Германии, в частности "сдал" трех наших информаторов из числа высокопоставленных чиновников западногерманского правительства... Как впоследствии признался на допросах сам Вареник, нелепица о мини-бомбах пришла ему в голову, когда он в домашней обстановке наслаждался просмотром кинобоевиков американского производства.

Однако досужий вымысел вызвал в штаб-квартире в Лэнгли невероятный ажиотаж. Еще бы! Ведь сведения получены от секретного агента, сотрудника советских спецслужб!

Когда информация, по сути - плод досужего воображения Фитнесса - достигла Белого дома, она пришлась как нельзя кстати: незадолго до этого Рейган назвал СССР "империей зла".

Таким образом, сведения, представленные Вареником, были восприняты в администрации президента как подтверждение тезиса о жестокости Советов, и не только по отношению к своим гражданам. Спешно ЦРУ дало задание своим офицерам ознакомиться с обстановкой в указанных предателем значных местах.

"Да, - телеграфировали они в Лэнгли, - информация Фитнесса подтверждается!"

Если врага нет - его надо выдумать. Не беда, если это произойдет даже в бреду. Этим постулатом пользовались цэрэушники, направленные на рекогносцировку в кабаки и бордели,

посещаемые американскими военнослужащими.

На протяжении десятилетий смыслом и целью существования Центрального разведывательного управления была борьба с СССР, советской системой, коммунизмом. И если бы кадровые сотрудники не подтвердили бредового вымысла Вареника, то ЦРУ становилось “голым королем”. И как тогда прикажете оправдать годовой бюджет этого монстра, достигший к тому времени трех миллиардов долларов?!

Не найди цэрэушники подтверждения информации, представленной Фитнессом, руководству ведомства было бы гораздо труднее морочить головы и американским законодателям, и налогоплательщикам, запугивая их советской угрозой!

Все силы руководителей ЦРУ были направлены на создание видимости, что Советский Союз - мощный агрессивный противник. Хотя на самом деле в Управлении прекрасно знали, что это далеко не так - ни по потенциалу, ни по стратегическим устремлениям СССР.

...Однажды сумев ввести своим новым хозяевам возбуждающий воображение наркотик, Вареник пошел дальше...

4 ноября он по экстренному каналу связался с Чарльзом Левеном и заявил, что со дня на день КГБ установит мини-бомбы, а его для дополнительного инструктажа якобы вызывают в Восточный Берлин.

В связи с этим предложил свою помощь: он дезертирует и сделает публичное заявление-признание.

Однако в Лэнгли среди ветеранов разведки нашлись трезвые головы, которые охладили пыл не в меру нетерпеливого агента.

Фитнессу было объявлено, что ЦРУ держит ситуацию под контролем и просит его повременить с переходом на Запад.

Вместе с тем “кроту” за проявленное рвение было выплачено дополнительное вознаграждение.

Собственно, он только этого и добивался. Привыкнув к легко достающимся деньгам, Вареник “добывал” интересующие его работодателей сведения, не вставая с кушетки.

Удобно, черт возьми! Смотришь дома по телевизору американские боевики, а затем их содержание пересказываешь на явке своему американскому оператору - он все равно проглотит, ведь информация исходит от сотрудника советских спецслужб!

Какой резонанс в мировой прессе могут придать его бреду “ястребы” из ЦРУ, какие политические выгоды для себя извлечь, - это Вареника нисколько не интересовало, главное - платили бы исправно! Но справедливости ради следует добавить, что одними только “сочинениями на вольную тему” работа Вареника в пользу США не ограничивалась.

Характеристики на вновь прибывающих сотрудников ТАСС и АПН, которых американцы подозревали в принадлежности к КГБ, копии служебных документов, попадавших в руки изменника по роду основной деятельности, сведения о намечаемых советской резидентурой в Бонне мероприятиях - вот неполный перечень информации, переданной Вареником своему оператору Чарльзу Левену.

Кроме того, советские эксперты по делам спецслужб в Бонне предполагают, что Вареник “сдал” противнику около 200 кадровых сотрудников КГБ и ГРУ и их информаторов.

Пример с Вареником - это еще и свидетельство тому, как быстро может возникнуть у агента и его кураторов взаимозависимость. Зависимость, имеющая, правда, разную природу.

Хозяевам нужна информация, какой бы бредовой она ни казалась на первый взгляд. “Кроту” - легкие деньги.

В 1997 году в российской периодической печати появились высказывания родственников Вареника, дескать, за что же его расстреляли, если ничего плохого он своей Отчизне не сделал, а только Комитету госбезопасности.

Да и вообще; был он образцовым семьянином, не пил, не курил, связей на стороне не заводил, был доброжелательным с окружающими, даже помогал своим коллегам по корпункту.

На все это можно ответить коротко: Вареник - предатель, а товарищеские отношения на работе и благополучие в семье не исключают предательства.

Понятно стремление его близких окружить его романтическим ореолом. Однако у всех тех, кто имел отношение к расследованию обстоятельств его измены, ни на мгновение не возникло

никаких сомнений, что продался он противнику исключительно по меркантильным соображениям. В полной мере к нему подходит классическое определение: “идейный борец за денежные знаки”.

Что же касается утверждений, что Родине своей он ничего плохого не сделал, но только Комитету госбезопасности, этому недремлющему оку и всеслышащему уху государства, то такая позиция по меньшей мере выглядит наивной. Злоумышленник отрежет вам ухо, выколлет глаз, а затем его защитники примутся вас убеждать, что намерений причинить ущерб лично в а м он не имел. Вы поверите?

Шпион, который пришел с повинной

В начале девяностых годов в коридорах Лубянки можно было встретить темноволосого смуглого мужчину среднего роста, в добротном темном костюме и с трубкой в зубах. Что-то неуловимо заграничное сквозило в каждом его жесте и движении, и если бы не два следователя из правового управления, сопровождавшие незнакомца, штатные сотрудники могли бы подумать, что незнакомец разведчик-нелегал, только что вернувшийся из заграничной командировки и заскочивший в центральный аппарат навестить своих друзей-соратников.

Увы, такие оптимистичные предположения оказались бы беспочвенными, ибо незнакомец был шпионом, пришедшим на Лубянку с повинной. Его фамилия была Макаров.

Он принес с собой экипировку, правда, несколько устаревшую, однако вполне сохранную и годную к употреблению: коротковолновый приемник для прослушивания радиопередач из Мюнхенского разведцентра в высокочастотном диапазоне, одноразовые шифр-блок-ноты, спрятанные в карманных фонариках и в зажигалке. В портсигаре - микроточечное считывающее устройство, принадлежности для изготовления микроточечных сообщений... Банка из-под печенья с магнитным железом оксидом для нанесения на пленку радиограмм для СКП (сверхкороткой передачи).

Еще в 1976 году начинающего дипломата Макарова завербовали англичане в Боливии... История довольно банальная. Работая в советском посольстве в столице Боливии Ла-Пасе, Макаров, молодой дипломат, свободно общался и заводил знакомства с представителями местного населения и сотрудниками иностранных посольств. Посещал теннисный корт, шахматный клуб. Со временем стал замечать, что все чаще его партнером выступает некто Джон Скарлетт. Тот самый, который под крышей первого секретаря посольства Великобритании будет сидеть потом, в 1991-1994 годах, резидентом английской разведки в Москве. Англичанин начинал свою работу по советским гражданам в Боливии, и его первенцем-новобранцем как раз и стал Макаров...

Постепенно помимо тенниса и шахмат Макаров и Скарлетт нашли и другие точки соприкосновения: женщины, совместные выпивки...

Однажды Джон предложил Макарову выписать себе вещи по каталогу, чего сотрудники нашего посольства тогда не могли себе позволить. Потом от англичанина последовали разные мелкие презенты, он начал ссужать Макарова незначительными суммами... Ну понятно, коготок увяз - всей птичке пропасть...

Что-то не заладилась работа у молодого дипломата, то ли оттого, что жена уехала в Союз лечиться, то ли требования посла повысились. Словом, стал он регулярно заглядывать в рюмку. Ну а собутыльник - тут как тут. Во время одной попойки Скарлетт предложил дипломату сотрудничество со своей разведкой. Макаров, по его словам, спьяну согласился. Да еще и сумму вознаграждения сам себе назначил - двадцать пять тысяч долларов за будущие шпионские услуги. Но Скарлетт согласился, хотя и понимал, что имеет дело с посредственностью, для которой даже двадцать пять тысяч долларов - огромные деньги...

На что ж надеялся Макаров? Рассчитывал, что наказание будет соразмерно полученной им незначительной сумме? Трудно сказать. Но еще труднее прогнозировать отношение к нему властей предрежащих... На Руси гуманность по отношению к провинившимся всякий раз с приходом к власти новых людей претерпевала неожиданные метаморфозы. Случалось, разоблаченных предателей приговаривали к расстрелу за преступления, которые по своему характеру и последствиям вовсе не требовали лишения жизни.

В недавнем прошлом мы наблюдали другую крайность: Президент России успел помиловать нескольких “кротов” из наших спецслужб, в поте лица своего работавших на американцев и продавших противнику столько! В итоге они отбыли только часть назначенного им военным трибуналом наказания и, представьте, воспользовались предоставленной им возможностью уехать за океан!

А Макаров за свои “труды” получил от ЦРУ двадцать пять тысяч долларов и продолжает работать в системе Министерства иностранных дел России?!

Воистину: неисповедимы пути Господни! Или образ мышления Президента России?!

Перед отъездом Макарова в Союз Скарлетт прикрепил к нему американца-репетитора по шифровке, который обучил его самостоятельно выходить на связь. Но, видно, ускоренный “курс молодого бойца невидимого фронта” впрок новобранцу не пошел. Уже в Союзе Макаров принял шифрограмму из ЦРУ, а вот на связь выйти не сумел...

В общем, следующие восемь лет его никто не беспокоил. Поэтому в 1986 году по прибытии в Барселону на должность первого секретаря консульского отдела Макаров совсем уже поверил в то, что англичане и американцы о нем забыли... И вдруг в баре к нему подсаживается человек и передает привет от последнего оператора. И новое задание от ЦРУ: Макаров должен по списку, составленному американцами, вычислять, кто из сотрудников нашей дипломатической миссии в Испании - “чистый” дипломат, а кто работает “под корягой”. На последних от агента требовалось составлять подробные досье...

Через год у Макарова сдали нервы и он досрочно по болезни убыл в Союз. Перед отъездом американцы вручили ему дополнительное снаряжение и еще несколько тысяч долларов на мелкие расходы...

По прошествии трех месяцев они в радиограмме выразили беспокойство состоянием его здоровья и порекомендовали обратиться за консультацией и медицинской помощью к известному в Москве психоневрологу. Возможно, чтобы напомнить, что агенты судьбу не выбирают, за них это делают их операторы из ЦРУ...

После этого Макаров и явился на Лубянку. Принят был с распростертыми объятиями.

В общем, у нас, как всегда: ты либо параша, либо икона.

Изменники, избежавшие возмездия

Семья предателей

Летом 1980 года в дежурных частях отделов милиции Москвы и области появилась фотография - в розыск были объявлены Виктор и Ольга Шеймовы, а также их пятилетняя дочь Леночка.

Поговаривали, что глава семьи - ответственный работник КГБ. По факту исчезновения Шеймовых следственным отделом КГБ СССР было возбуждено уголовное дело.

28 декабря того же года работники 5-го отделения милиции (Ждановско-Краснопресненская линия) отдела по охране метрополитена ГУВД Мосгорисполкома на станции “Ждановская” задержали, а потом убили заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора Афанасьева. 14 января 1981 года Прокуратурой СССР и работниками 2-го Главного управления КГБ СССР была осуществлена операция по задержанию и аресту подозреваемых, которые вскоре во всем признались.

Вслед за этим контрразведчики выдвинули версию о причастности обвиняемых к исчезновению семьи Шеймовых.

Тем временем милиционеры давали показания о многочисленных преступлениях, которые они совершили, с трудом припоминая детали содеянного. На одном из допросов заговорили и об убийстве какой-то семьи. Так, в рамках уголовного дела (убийство на “Ждановской”) стала проверяться версия об убийстве Шеймовых. Установить истину можно было, только обнаружив трупы. В распоряжение московской прокуратуры для поиска возможного места их захоронения в лесном массиве был выделен полк солдат, буривших скважины глубиной до полутора метров на расстоянии 2-3 метров одна от другой.

Несмотря на предпринятые усилия, версия об убийстве Шеймовых так и не нашла подтверждения...

В 1969 году Виктор Шеймов закончил Высшее техническое училище имени Баумана и был распределен в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наводки ракет с космических спутников. Там к нему присмотрелись сотрудники КГБ и решили, что по всем параметрам он подходит для работы на более высоком уровне.

В 1971 году он был принят в суперсекретное Восьмое главное управление КГБ, обеспечивающее функционирование и безопасность всей шифровальной связи Советского Союза, а также отвечающее за правительственные коммуникации внутри СССР и за рубежом. Виктор Шеймов специализировался на защите шифровальной связи, в его обязанности входило обслуживание советских посольств и резидентур за границей: там, как известно, местные спецслужбы выбивались из сил, чтобы насовать “жучков” в советские представительства и, если повезет, проникнуть в сердце посольства - шифровальное помещение.

Работа в Восьмом главке трудная, но весьма высокооплачиваемая, престижная, не связанная с грязными вербовками, проведением обысков или просиживанием в засадах. Разумеется, туда тянулись талантливые научнотехнические работники, которых фильтровали, проверяя до четырнадцатого колена и собирая отзывы от друзей и недругов.

По прошествии периода адаптации сотрудники попадали в атмосферу важной для Родины работы, их щедро поощряли орденами за успехи, создавали условия для защиты кандидатских и докторских диссертаций, многие становились даже лауреатами Государственных премий. Жизнь шифровальщиков тяжела не только из-за кропотливого изнурительного труда - давит секретность, особенно за границей, где они находятся под особым присмотром службы безопасности и следуют четким правилам поведения. Ведь чужие шифры - клад для любой разведки. Если перед спецслужбой стоит дилемма, кого вербовать: министра или шифровальщика, она предпочтет последнего. Министры приходят и уходят, а секреты криптографии остаются. Кроме того, шифровальщик может обеспечить доступ ко многим секретным коммуникациям и предоставить возможность преспокойно знакомиться со всеми перехваченными сообщениями.

Шеймов дослужился до начальника отдела, курирующего шифровальную связь наших посольств, выбился в заместители секретаря партийной организации. Несмотря на это, его постоянно гложет чувство неудовлетворенности. Чувство, переходящее в отрицание всего “совкового”.

Впоследствии в своих мемуарах, опубликованных в 1993 году на Западе, Шеймов довольно подробно расскажет о мотивах своего бегства: тут и встречи с московскими диссидентами, и лицемерие начальства и вождей, и неудовлетворенность всем образом жизни, и желание не просто возмущаться строем, как многие, на кухне, а участвовать в его разгроме в глобальном масштабе, и пессимистический взгляд на будущее страны.

Как жить дальше? Приспосабливаться, делать свое дело, ожидая, что все переменится само собой? Попроситься в отставку и распрощаться с КГБ? Открыто выступить против режима, как Сахаров? Создать подпольную антикоммунистическую организацию? Покончить жизнь самоубийством?

Не понаслышке зная возможности КГБ и трезво оценивая свои силы, прагматик Шеймов выбрал самый рациональный, хотя и весьма рискованный во всех отношениях вариант: бежать на Запад, причем с женой и маленькой дочкой. Материальная сторона дела его нисколько не заботила: он знал, что новые работодатели обеспечат даже его внуков до конца дней своих. Но как бежать?

За границу, даже в Болгарию, всей семьей не выпускали. Оставалось только одно: связаться с сильной разведкой, лучше с ЦРУ, заинтересовать ее и убедить организовать его вывоз. По телефону договориться о встрече? Исключено. Туг же заберут! Написать письмо? Перехватят и арестуют. Остается одно: надо войти в личный контакт с американцами!

И судьба предоставляет ему такой шанс во время его служебной командировки в Польшу. Там он предпринял бросок в американское посольство, где был принят с распростертыми объятиями. По возвращении в Москву Шеймов дважды встречался со связником, чтобы оговорить условия побега.

Во время второй встречи связник сообщил, что руководство ЦРУ и администрация президента США санкционировали организацию побега. От Шеймова требовалось лишь передать

фотографии для документов и размеры одежды - своей, жены и ребенка. И ждать сигнала. Теперь уже вопрос о том, как будет реализован побег, Шеймова не заботил - пусть голова болит у американцев. Единственное, о чем он предупредил связника, что вылет из Шереметьево по фальшивым заграничным паспортам чреват провалом всего предприятия - в аэропорту могли оказаться сотрудники КГБ, знавшие его в лицо. Американец обещал придумать нечто из ряда вон выходящее.

С своей стороны Виктор и его жена, которая к тому времени уже была посвящена в планы мужа, стали активно готовиться к побегу. Ольга сразу же достала некоторые вещи с антресолей, чтобы не делать этого накануне побега: антресоли должны остаться пыльными. Хотелось захватить и семейные альбомы, и вещи, любимые с детства, но Шеймов был непреклонен: ничто не должно указывать на подготовку к отъезду. Семейные фото перефотографировали.

Хитроумному Шеймову пришла в голову мысль представить исчезновение как несчастный случай, гибель всей семьи: это исключило бы преследования их родителей со стороны КГБ и, главное, не заставило бы начальство сразу же предпринять решительные меры по замене или модификации всего того, что было ему известно.

Но родители, как быть с ними? Они же умрут от горя, узнав об исчезновении и о предполагаемой смерти всей семьи! Но в планы посвящать их нельзя: отец - правоверный коммунист, он ничего не поймет, а мать... Жалко мать. Тогда в день своего рождения Виктор заехал к родителям и как бы между прочим сказал: "Мама, не верь, если услышишь, что я погиб. Не верь, пока не увидишь мой труп". Мать очень удивилась...

Операцию решено было провести в пятницу (на работе не хватятся до понедельника). Чтобы сбить с толку возможных преследователей и запутать следы, Ольгой были приобретены билеты на поезд Москва - Ужгород, а Виктор предупредил начальство, что уезжает на дачу к приятелю в Подмоскowie, где нет телефона.

Для того чтобы растащить силы наружки, а также в целях отвлекающего маневра сотрудники американской резидентуры, действовавшей под прикрытием посольства США в Москве, получили приказ кружить по городу до 23 часов, имитируя выход на встречу со своей агентурой. ...В пятницу в 22 часа 30 минут из Внуково стартовал военно-транспортный самолет НАТО, накануне прибывший в Москву забрать из американского посольства отработавшую свой ресурс радиоаппаратуру. На место второго пилота сел загримированный и переодетый в военную форму Виктор Шеймов. Жену и дочь доставили к самолету в контейнерах.

Трусцой с Ленинского проспекта на берега Темзы

Сегодня известно, что Олег Гордиевский встал на путь измены в середине семидесятых годов, работая в копенгагенской резидентуре. Уже тогда поступали сигналы об утечке информации из Третьего отдела ПГУ, в чьем ведении находилась Скандинавия, но оснований подозревать его не имелось...

На свое руководство в Первом главке Гордиевский производил впечатление начитанного, эрудированного молодого человека, хорошо ориентирующегося в датской политической жизни. Он знал русских классиков, был знаком и с диссидентской литературой.

Последнее не являлось чем-то необычным для сотрудников разведки, поскольку по долгу службы им полагалось знать как можно больше о том, что пишут о Советском Союзе как свои писатели, так и эмигранты.

Сегодня у некоторых руководителей бывшего КГБ есть соблазн предположить, что в литературных интересах Гордиевского былстораживающий сигнал. Думается, это было бы упрощением.

Когда впоследствии аналитики изучили все обстоятельства его дела, - а это больше тысячи страниц различных материалов, - они убедились, что решающую роль в его судьбе сыграло знакомство с датской контрразведкой во время его первой командировки в Данию. Тамашняя спецслужба, судя по всему, поставила его перед выбором: либо покинуть страну, либо начать негласное сотрудничество.

Много лет спустя министр юстиции Дании, который по традиции является прямым начальником тайной полиции, заявил, что в течение первых двух лет Гордиевский сотрудничал с датчанами,

а затем был передан на связь англичанам. Правда, в дальнейшем министр воздерживался от подобных высказываний. Похоже, он просто щадил самолюбие перебежчика, который на страницах западной прессы выдвинул собственную версию: онде добровольно предложил свои услуги сразу англичанам, а не датским спецслужбам.

Как бы то ни было, Гордиевский вел двойную игру в течение примерно десяти лет, прежде чем возникли подозрения в его предательстве и он сбежал в Англию...

Определенным утешением для нас было то, что его положение в разведке было относительно невысоким и ущерб, нанесенный им, оказался не столь тяжелым, каким мог бы быть, учитывая длительность его сотрудничества с спецслужбами противника.

В своей первой книге, вышедшей на Западе, Гордиевский утверждает, что был резидентом КГБ в Лондоне. Это не соответствует действительности. Даже в этом факте, который легко проверить, он не удержался от преувеличения своей значимости. Гордиевский был всего лишь одним из многих кандидатов на пост резидента.

Со времени начала работы Гордиевского в пользу английских спецслужб получение советскими гражданами, в том числе и принадлежавшими к нашим разведывательным сообществам, въездных виз в Англию стало необыкновенно трудным делом.

Оглядываясь назад, можно констатировать, что это было делом рук предателя. Ведя двойную игру, Гордиевский имел возможность манипулировать людьми и устранять конкурентов, в частности претендовавших на пост резидента. С помощью английской контрразведки МИ-5 он расчищал себе дорогу на этот пост. Подсказывая своим британским хозяевам, какие меры принять по отводу той или иной кандидатуры, Гордиевский вел дело к тому, чтобы руководящая должность досталась именно ему. Других возможностей продвижения по служебной лестнице у него не было, ибо его отдача как разведчика даже при помощи и поддержке англичан впечатления на руководство КГБ не производила ввиду своей скромности.

Справедливости ради надо сказать, что англичане в конце концов преуспели: Гордиевский был направлен в Лондон в качестве заместителя резидента.

Хотя Гордиевский никогда не был суперразведчиком, как его после побега представляли на Западе, порой сравнивая с Кимом Филби, тем не менее в некоторых оперативных вопросах он достаточно поднаторел, в частности, умел легко выявлять наружное наблюдение и отрываться от него. Причем когда он исчез, то произошло это настолько естественно, что упрекнуть его в злом умысле не было никаких оснований...

Очень важной частью расследования по делу Гордиевского была подготовка предложений КГБ о реакции Советского Союза на действия англичан.

Правительство Великобритании попыталось прибегнуть к обходным маневрам и шантажу. Вопреки обычной практике англичане не передали какого-то официального сообщения через советского посла в Лондоне, а довели письменную информацию через специфические каналы в одной из третьих стран.

Смысл этого состоял в том, чтобы не привлекать раньше времени нашего внимания к подготавливаемой ими акции-мести за то, что советская разведка сумела создать великолепную агентурную сеть в Англии во время и после Второй мировой войны.

В английском обращении заявлялось, что Гордиевскому по его просьбе предоставлено политическое убежище в Великобритании и что англичане намерены теперь выслать из страны целый ряд советских граждан - представителем дипломатического ведомства, журналистов, сотрудников торговой миссии и членов их семей.

Вместе с тем советской стороне вменялось отозвать этих людей "втихую", чтобы избежать официального объявления их персонами нон грата и не допустить огласки. Нам также рекомендовалось не прибегать к выдворению английских дипломатов из Советского Союза. Обращение англичан было беспрецедентно наглым. Разумеется, нельзя требовать любви к иностранной разведывательной службе, деятельность которой с точки зрения властей страны пребывания является незаконной. Однако существуют неписанные правила игры, некие этические нормы, в обычных условиях обоюдные соблюдаемые. Англичане же действовали так, как не рискнули бы даже американцы...

Конфликт с англичанами вылился в то, что 25 советских граждан, указанных Гордиевским, были высланы из Великобритании.

Мы ответили тем же. Наша контрразведка была отлично осведомлена, кто из англичан занимается разведкой, а кто причастен к проведению специальных идеологических мероприятий. Поэтому ущерб, понесенный Англией, был не меньше нашего. Раздосадованные англичане выслали из страны еще 7 советских граждан. Наш ответ последовал незамедлительно: 7 англичан, собрав вещички в 24 часа, покинули СССР. После этого английский премьер Маргарет Тэтчер заявила, что “пора остановить эту карусель”. Англичане поняли, что у нас больше специалистов по Великобритании, нежели у них по СССР, и мы можем быстрее оправиться от полученных ударов.

Кроме того, до зарвавшихся бриттов наконец дошло, что выгоднее иметь дело с уже установленными разведчиками, чем со вновь прибывшими - когда-то еще удастся разобрать их почерк и походку!..

У Гордиевского был любимый афоризм - слова Оскара Уайльда: “Чтобы попасть в лучшее общество, надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать людей”. Изменник выбрал для себя последнее...

Подробности побега Гордиевского в разное время появились на страницах западных, прежде всего английских, газет сразу после того, как он оказался в Англии.

Доминирует следующая версия.

...17 мая 1985 года Гордиевский получил предписание немедленно явиться в московскую штаб-квартиру КГБ. В телеграмме сообщалось, что ему предстоит ознакомить Чебрикова и Крючкова с “состоянием дел в английской внешней политике”.

Гордиевского сразу насторожило желание председателя КГБ и его заместителя обсуждать с ним вопросы внешней политики Англии, ибо в ней они ничего не смыслили и никогда ею не интересовались. Все указывало на то, что депеша составлена второпях.

На следующий день им была получена еще одна телеграмма. Она уже была “причесана”, в ней содержался список тем, которые Чебриков якобы хотел обсудить, но об “английской внешней политике” не было ни слова.

Воскресным утром 19 мая 1985 года Гордиевский с семьей приземлился в аэропорту Шереметьево и сразу же почувствовал: что-то не так.

С его слов, он увидел, как таможенник снял трубку внутреннего телефона и куда-то сообщил о его прибытии. Такого раньше не случалось.

Когда же семейство добралось до своей квартиры, то, еще не открыв двери, они с женой поняли, что в их отсутствие там кто-то побывал. Они обычно запирали квартиру на два замка, в тот же раз она была заперта на все три.

Про себя Гордиевский подумал: “Контрразведка входит без стука, пользуясь своими ключами”.

На следующее утро его отвезли в штаб-квартиру Первого главка в Ясенево и оставили в пустом кабинете. Через некоторое время дежурный офицер объявил ему, что он свободен, так как встреча с Чебриковым и Крючковым откладывается на неопределенное время. Прошла неделя. Никто его никуда не вызывал, однако он чувствовал, что за ним ведется тотальное наблюдение. Подумав, он предположил, что этим психологическим прессингом его намереваются вывести из равновесия, подтолкнув искать защиты у его английских покровителей.

“Не на того напали! - сказал он себе. - Если уж я и войду в контакт с моими коллегами из МИ-6 (британская разведка), то вы об этом никогда не узнаете!”

В ближайшую субботу один из заместителей Крючкова генерал Виктор Грушко пригласил Гордиевского к себе на дачу поужинать. В то время как они поглощали бутерброды с черной икрой и осетриной, запивая армянским коньяком, на дачу прибыл знакомый ему офицер из Второго главка, отвечавшего за разоблачение “кротов”. Не спрашивая разрешения генерала, он поставил на стол вторую бутылку коньяка и уселся за стол.

Гордиевский, гость-невольник, догадался, что вопрос был заранее согласован с проявившим неожиданное благорасположение к нему хозяином. Его подозрения, что в напиток подмешан наркотик, нашли подтверждение буквально через несколько минут, поскольку, выпив, он превратился в совершенно другого человека.

У него произошло “разжижение” воли: он начал болтать без умолку, не в силах сдержать речевой поток и контролировать собственные слова.

В то же самое время хозяин и его доверенное лицо из Второго главка забрасывали

Гордиевского вопросами, а затем обвинили в шпионаже на британскую разведку. Ему дали чистый лист бумаги.

“Давай, пиши признание! Ты что, забыл? Ты же только что во всем признался. А теперь повтори то же самое в письменной форме!”.

Хотя одурманенный “сывороткой истины” Гордиевский не совсем твердо помнил темы разговора, он все же не мог допустить, что в чем-то признался. Как заклинание, он твердил себе: “У них нет никаких доказательств, иначе бы им не понадобилось мое признание”.

На следующее утро Гордиевский проснулся в одной из спален дачи со страшной головной болью. Его отвезли домой и в течение следующих трех дней не трогали.

30 мая он вновь предстал перед Грушко, который, не теряя времени на предисловия, сказал:

“Нам уже давно известно, что ты предатель. Но в случае признания можешь продолжить работать на КГБ в качестве... агента-двойника. Только вначале получишь взыскание за чрезмерную инициативу”. В ответ Гордиевский лишь хмыкнул, а про себя подумал: “Ты, генерал, принимаешь меня за идиота! Вы пристрелите меня тотчас, как только я признаюсь”.

Беседы не получилось, и Гордиевского отправили в ведомственный санаторий “Лесная поляна”, где продержали несколько недель.

Дважды ему разрешили повидаться с женой и дочерьми, для чего он выезжал в Москву. В один из приездов домой ему удалось сообщить о случившемся своим кураторам в МИ-6.

В июле КГБ разрешил Гордиевскому пожить у себя дома, и он стал готовиться к побегу.

В соответствии с планом Гордиевский каждое утро начал делать пробежки по боковой дорожке Ленинского проспекта.

Буквально через день он заметил, что за ним следуют молодые люди, парни и девушки на роликовых коньках. “Хвост!” - сказал он себе.

Еще дней через пять не в меру взрослые конькобежцы исчезли, их сменили нищие и бомжи, стоявшие на маршруте движения Гордиевского с протянутой рукой.

Их количество поражало. Казалось, все нищие и бездомные Москвы выстроились шпалерами на Ленинском проспекте. Гордиевский понял, что они являют собой так называемые “стационарные посты наружного наблюдения”. Это улучшило настроение. От стационарных постов ускользнуть много легче, чем от мобильных.

Фортуна подала изменнику руку, и он не замедлил воспользоваться ее расположением - вцепился в нее обеими своими.

Утром 19 июля напряжение достигло кульминации.

Гордиевский, как обычно, проделывал моцион трусцой по Ленинскому проспекту. Улучив момент, он резко свернул на улицу академика Пилюгина, где уже пятый день кряду стоял неприметный грузовичок. И хотя на Гордиевском был спортивный костюм, он подумал:

“Остается лишь плотнее закутаться в пресловутый плащ, поглубже заткнуть за пояс несуществующий кинжал и, бросившись в кузов, дать деру!..”.

О том, как добрался Гордиевский до берегов Туманного Альбиона, мы, дай бог, узнаем лет через двадцать, если вообще узнаем. Сейчас лишь остается констатировать, что клан перебежчиков пополнился еще одним ренегатом.

Впрочем, ничего удивительного: Христы являются редко, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары...

Слуга двух спецслужб

Сколько у тайного агента псевдонимов?

Я беременна! Ты знаешь, во сколько мне обойдутся роды и содержание ребенка?! - неслись из магнитофонных динамиков истошные вопли женщины, которая, судя по произношению, была колумбийкой.

Не волнуйся, я о тебе позабочусь, - абсолютно спокойно на чистейшем испанском отвечал мужской голос. - Пепита, прости, но я не могу сейчас с тобой говорить... Я перезвоню через пять минут из автомата...

Подобный разговор вряд ли заинтересовал бы офицеров из ДАСС (колумбийская

контрразведка), сидевших на “прослушке”, если бы не два обстоятельства: женщина-колумбийка, Пепита Эдсон Арантис Гонсалес, она же - агентесса колумбийских спецслужб Эсперанта, звонила из Мадрида, где находилась в гостях у родственников, в советское посольство в Боготе не только по заданию своих колумбийских “кукловодов” - вербовщиков, но и по указанию “старших братьев” из ЦРУ.

...Из окна дома, откуда велся контроль и запись телефонных переговоров сотрудников советской дипломатической миссии, “слухачи” вскоре увидели высокого красивого молодого мужчину, Александра Дмитриевича Огородника, направлявшегося к уличному телефону-автомату.

² А.Д. Огородник, референт министра иностранных дел СССР, известный читателю по роману Юлиана Семенова и одноименному фильму “ТАСС уполномочен

Это был тот самый второй секретарь посольства СССР в Боготе, к которому и была в свое время ловко подведена Эсперанта; в ее задачу входило влюбить в себя русского дипломата, а затем использовать его как источник оперативно значимой информации.

С первым заданием агентесса справилась блестяще. Огородник по уши влюбился в Пепиту, а вот со вторым, получением от дипломата информации, интересующей ЦРУ, что-то не заладилось, потому-то и было решено руководством ЦРУ и ДАСС сделать советского дипломата отцом и на основании этого шантажировать его...

Спецслужбисты обеих стран - США и Колумбии - решили, что настало время решительных действий - сделать Огороднику вербовочное предложение “в лоб”, и поэтому вменили в обязанность Эсперанте позвонить по международному каналу и сообщить объекту, что он стал отцом...

Едва только самолет испанской авиакомпании, выполнявший рейс Мадрид - Богота, вырулил к зданию аэропорта, к нему на огромной скорости подкатил джип с тонированными стеклами. Пепита буквально была снята с трапа и доставлена в штаб-квартиру ДАСС, где ее заставили немедленно вызвать на встречу Огородника.

Эсперанта покорно согласилась и устроила сотрудникам колумбийской контрразведки встречу с русским дипломатом в своем загородном доме.

заявить” под кличкой Трианон.

Однако тот ни о каком сотрудничестве с нищенствующей колумбийской спецслужбой и слышать не хотел. Он прямо заявил, что будет иметь дело только с ЦРУ.

Уж кому-кому, а Огороднику, агенту органов госбезопасности СССР (оперативный псевдоним Стахановец) с пятнадцатилетним стажем секретного сотрудничества, доподлинно были известны мощь и влияние американских спецслужб на процессы, происходившие в Латинской Америке, в частности в Колумбии.

К тому же от своего куратора, офицера КГБ, работавшего в советском посольстве под прикрытием советника посла, Огородник знал, что местная контрразведка и шага ступить не смеет, не согласовав свои действия со старшими партнерами - спецслужбами США.

Поэтому Огородник решил не размениваться на игры с колумбийскими контрразведчиками и не без помощи Пепиты, заподозрив в ней сотрудницу ЦРУ, сделал первый шаг навстречу спецслужбам Соединенных Штатов...

...Спустя пару недель Огородник и “охотник за скальпами” из Лэнгли, некто Гербер Милтон, встретились в турецких банях, расположенных в фешенебельном районе Боготы.

Огородник-Стахановец не робелествовал перед вербовщиком, а, приняв предложение работать на Управление, сразу поставил свои условия: американцы должны оплатить расходы его возлюбленной Пепиты Гонсалес по пребыванию в роддоме, поселить ее с новорожденным в Мадриде и дать деньги, достаточные для открытия частного Центра по уходу за младенцами, оставленными своими родителями.

Надо сказать, что, согласившись выполнить условия сделки, ЦРУ на первых порах изрядно рисковало, так как, по сути, покупало кота в мешке. Однако уже ближайшее будущее показало, что Управление в лице новоиспеченного агента приобрело особо ценный источник информации... Из объяснений русского следовало, что он давно понял, что попал в “медовую ловушку”, расставленную ему американцами, и заверил цэрэушника, что, в конце концов, его любовь к Лепите не помешает сотрудничеству с ЦРУ.

В последующем, когда Огородник, формально “узаконит” свои отношения с Центральным разведывательным управлением, ему будет присвоен оперативный псевдоним Кнайт и его примет на личную связь глава американской резидентуры в Боготе, высказанное им признание поначалу будет обращено... против него.

Резидент ЦРУ в Колумбии Джонатан Уилс, памятуя о намерении Огородника инициативно вступить в контакт с кем-либо из сотрудников ЦРУ, постоянно в ходе явок твердил, что не верит в его искренность и лояльность, а однажды прямо в глаза сказал Кнайту, что тот лжец и “двурушник”, так как по совместительству работает на КГБ.

Огородник, до этого терпеливо подчеркивавший, что он - “чистый” дипломат, вдруг сорвался на ругательства в адрес своего куратора, а когда наконец совладал со своими эмоциями, то с обескураживающей готовностью согласился со всеми обвинениями:

Да, вы правы, я - майор госбезопасности, а моя настоящая фамилия Пронин... Неужели не слышали? А между тем в Советском Союзе меня, майора Пронина, знает каждый школьник... Как же вы так опростоволосились, мистер Уилс?!

После этого Огородник выдал пришедшему в восторг от своей прозорливости оператору - расколлот-таки! - подробности проведенных им в Боготе операций, которые, разумеется, были не чем иным, как “сорока бочками арестантов”...

Из варягов в стахановцы

Сорвался Огородник по одной простой причине: ему на память пришли события пятнадцатилетней давности, когда его вербовал сотрудник Особого отдела КГБ (военная контрразведка) капитан Матрешкин, курировавший часть, в которой Александр проходил срочную военную службу.

В тот осенний вечер рядовой первого года службы Огородник никаких подвигов не планировал. Вернувшись в казарму после суточного наряда на кухне, он, не снимая сапог, в изнеможении повалился на койку. Спящего Огородника растолкал дневальный и приказал срочно явиться в штаб полка.

В красном уголке штаба, под портретами Ленина и Хрущева, его уже поджидали замполит подполковник Недрыгайло и капитан из Особого отдела КГБ полка по фамилии Матрешкин. Последний фазу взял инициативу в свои руки:

Ну что, рядовой Огородник, настала пора доказать свою преданность идеалам Великой Октябрьской социалистической революции, Коммунистической партии, советскому правительству и так далее... Ты как, готов?

Так точно, товарищ капитан, всегда готов! - вытянувшись по струнке и недоумевая, почему в столь поздний час двум офицерам из начальствующего состава полка вдруг пришло в голову выяснять его преданность партии и правительству.

Это хорошо, что готов, - сказал Матрешкин, вперив в рядового пронзительный взгляд психиатра. - Тут дело вот какое... По мере нашего победоносного продвижения к вершинам коммунизма наймиты империализма, вражеские разведки, намерены вставлять нам палки в колеса, н-да... Всячески вредить и подрывать нашу боеспособность, тем более здесь, в Группе советских войск в ГДР, н-да... Так вот, чтобы вовремя получить сигнал о готовящихся диверсиях и провокациях, мы, посоветовавшись, решили дать тебе секретное задание... Ты как, готов его выполнить?

Так точно, товарищ капитан, всегда готов!

Да что ты заладил, “всегда готов”, “всегда готов”... Ты уже не пионер... “Всегда готов”... Ты - рядовой Вооруженных Сил Советского Союза! Поэтому надо думать перед тем, как отвечать, а не только уметь сапоги чистить с вечера, чтобы поутру надевать их на свежую голову... Почему, кстати, у тебя сапоги не начищены?

Виноват, товарищ капитан! Я только что из наряда по кухне вернулся. Не успел почистить...

А в постель в сапогах уже успел упасть, а?! Ты не думай, что на простачка нарвался, мы в Особом отделе о тебе все знаем... И как за буфетчицей Нюркой ухлестываешь, и как деньги на зубную пасту да на немецкое мыло собираешь, вместо того чтоб на водку марки потратить...

Увлекаешься, значит, коллекционированием иностранных вещей, перед Западом

преклоняешься? Ну-ну, смотри мне! В общем, нам все про тебя известно! Но разговор сейчас не

об этом... Нужна твоя помощь, н-да...

Александр был в недоумении: если уж особисту, или, как его между собой называли солдаты, “особняку”, все известно, то при чем тут он, рядовой первогодок?! Но виду не подал, решил дослушать до конца.

Ты как, не против помочь Особому отделу?

Никак нет, товарищ капитан!

Что-то я не понял этого твоего “никак нет”! Никак нет - это твое “да”, или никак нет - это твой отказ, а, рядовой Огородник?!

Никак нет, товарищ капитан, я не против помочь Особому отделу! - отрапортовал Александр, у которого от страха в три ручья катил пот по спине.

Ну то-то же, а то заладил тут “никак нет”, “никак нет”... - сменил гнев на милость Матрешкин. - Значит, так, нам известно, что твои земляки с Западной Украины, ефрейтор Перебийнос и рядовой Хрупайло во время учебных стрельб на полигоне почему-то расходуют не весь боекомплект, а оставляют себе по одному-два патрона. Почему?

Не могу знать, товарищ капитан!

Да я тебя и не спрашиваю, “почему”, рядовой Огородник! Вот выяснишь это “почему” и доложишь мне, ясно?

Так точно, товарищ капитан! Выяснить и доложить...

Так-то... Будем считать, свое первое задание ты получил... Доложишь письменно, а чтоб никто не догадался, что информация пришла от тебя, донесение подпишешь псевдонимом... Знаешь, что такое псевдоним?

Ну, кличка такая...

Клички, рядовой Огородник, они у агентов империализма, а в советских Вооруженных Силах все ходят под псевдонимами, понял?

Так точно, товарищ капитан, понял! У нас все ходят под псевдонимами!

Отставить, рядовой Огородник! Не все! - Матрешкин поморщился, как от зубной боли. - А только избранные... Ну вот, как ты, к примеру... Мы тебя долго выбирали. А теперь, значит, твой черед выбрать себе псевдоним... Сразу предупреждаю: фамилии членов Президиума ЦК Коммунистической партии не употреблять, героев революции, Гражданской и Великой Отечественной войны, а также живущих маршалов и генералов - тоже. Остальные - можно! Ну, так как мы тебя с этого дня меж собой будем называть?

Орлик! - выпалил Александр, вспомнив недавно виденный фильм “Застава в горах”.

А кто такой этот Орлик? - Матрешкин подозрительно взглянул на солдата.

Орлик - это имя лошади, которая спасла своего хозяина, начальника погранзаставы...

Отставить! Ты бы себя еще бегемотом или орангутангом обозвал, Огородник! А Орлик - это фамилия начальника нашего лазарета, еврея по национальности... Ты давай что-нибудь наше, славянское!

Ну, тогда, товарищ капитан, можно я буду Александром Матросовым? Он Александр и я тоже...

Отставить! Матросов-то он - Александр, но не чета тебе, - герой! Я же тебе сказал, что имена героев Великой Отечественной войны забыть! Тьфу, черт! Совсем я с тобой зарапортовался! Забывать имена героев войны нельзя - брать их в качестве псевдонима запрещено, понял ты, бестолочь?!

Ну, может, тогда Валерий Чкалов? - робко произнес Александр, совсем сбитый с толку напористостью “особняка”.

У меня уже есть три “Чкаловых” в полку... По наследству достались, черт бы их побрал, путаница сплошная... Слушай, давай я тебе сам псевдоним предложу, а? Ну вот, к примеру, Стахановец... Ну, чем плохой псевдоним?

Согласен, товарищ капитан! - почувствовав, что только так можно положить конец экзекуции, радостно завопил Александр. - Буду Стахановцем!

Ну вот и славно... - Матрешкин вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб и стал расстегивать китель. Вдруг, что-то вспомнив, вскочил на ноги и скомандовал:

Рядовой Огород... Отставить! Товарищ секретный агент Стахановец, марш в угол!

В какой? - почувствовав неладное, едва слышно выдохнул Александр.

В какой-какой?! В тот, где полковое знамя стоит...

Зачем? у Александра от страха ноги стали ватными.

Зачем-зачем... Знамя целовать, вот зачем!

Александр на полусогнутых ногах добрел до знамени и, делая вид, что целует полковую святыню, вытер пропыленной тканью взмокшее от пота лицо...

Поцеловал? - раздался голос Матрёшкина из глубины красного уголка. - Иди садись, пиши подписку, в том, что обязуешься не разглашать... никаких обстоятельств, понял?! И смотри мне, псевдоним береги как зеницу ока! Чтоб ни одна живая душа не прознала, что ты, рядовой Огородник, и Стахановец - это одно и то же лицо...

Все, свободен! Когда понадобишься, я тебя найду... Про патроны не забудь, понял?..

Когда за Александром закрылась дверь, замполит с мольбой во взгляде обратился к Матрёшкину:

Иван Иванович, может, хватит на сегодня? Первый час ночи уже...

Я хоть и не подполковник, как ты, а капитан, но чувство ответственности у меня повыше твоего! - Матрёшкин до конца расстегнул китель. - Что значит, хватит?! У меня разнарядка! До годовщины Великого Октября осталось дней... с гулькин нос, а в полку некомплект боевых штыков - агентов... Так, отставить разговорчики в строю! Кто у нас следующий по списку?

Рядовой Хабибулин из второй роты, - покорно ответил замполит.

Зови! А сам думай, какой ему псевдоним присвоим - твоя очередь... А то с этим Хабибулиным из Чуркестана до утра промучаемся... Он хоть по-русски понимает?

С трудом, но работу с ним, товарищ капитан, не прекращаем... И надо сказать, старательный хлопец, быстро схватывает русскую речь... Матерится уже на полную катушку!

Черт! Значит, поторопился я... Надо было ему, этому Хабибулину, оставить псевдоним

Стахановец за трудолюбие... Ну да ладно, выкрутимся... Ты придумал что-нибудь?

Да что-то в голову уже ничего не идет... Может, Авиценной его наградить?

Ты что! Авиценна - узбекский целитель, а этот - татарин... Надо бы какое-нибудь имя из их фольклора...

Ну, может, назвать его Люля-кебаб, а?

Ну да! Ты его еще Пловом назови... Люля-кебаб - это ж кушанье, а не имя!

Вспомнил! - заорал замполит. - Хабибулин-то наш из Казани...

Ну и что?

Как "что", товарищ капитан?! Дадим ему псевдоним Казанский... Ну чем не выход?!

Ладно уж, зови своего Казанского... сироту!

По завершении срочной службы младший сержант Огородник, он же сексот Стахановец, отличник боевой и политической подготовки, получил необходимые рекомендации и характеристики и, успешно сдав экзамены, был зачислен студентом на первый курс испанского отделения переводческого факультета Московского госпединститута иностранных языков имени Мориса Тореза.

Но деятельность его в качестве секретного сотрудника не прекратилась, наоборот, обрела второе дыхание. Самодура "сапога-особняка" Матрёшкина сменил майоринтеллектуал из центрального аппарата Лубянки по фамилии Спесивцев.

Теперь Огороднику-Стахановцу под руководством нового куратора пришлось следить, скольких белых женщин-москвичек привел и оставил на ночь в своей комнате общежития негр из Сьерра-Леоне Пьер Бенжамин. Сколько пустых бутылок из-под вина и водки выбросил в мусорный ящик подданный Камеруна Нгомо-Нгура. Сколько селедок слабого посола зажарили и съели в течение месяца студенты-вьетнамцы...

Донесения о батальонах оприходованных неграми москвичек, эшелонах выпитого спиртного и центнерах зажаренных вьетнамцами селедок все шесть лет обучения Стахановца в институте исправно ложились на стол Спесивцева, а затем сменявших его коллег. Когда пришло время получать диплом, Огородник был распределен на работу в качестве переводчика испанского и английского языков в Комитет молодежных организаций ЦК ВЛКСМ. Проработав там около двух лет, он выехал в долгосрочную командировку в Колумбию.

Огороднику казалось, что "дурдом" - Советский Союз - и явки на конспиративных квартирах с Лубянскими операми остались позади. Что с прибытием в Боготу он наконец свободно вздохнет и будет общаться на равных только с рафинированными дипломатами. Легкомысленное

заблуждение! Майор Заика, сотрудник КГБ, выступавший под дипломатическим прикрытием, встретил Стахановца едва ли не у трапа самолета и на первой же явке поставил задачу - изучать обстановку в коллективе...

Собственно, по-другому и быть не могло. Однажды заложив душу в ломбард Комитета госбезопасности, ее оттуда уже никогда не выкупишь. Но перезаложить конкурирующей фирме, как оказалось, можно. Что и не замедлил сделать Огородник-Стахановец.

Однако и КГБ, и Центральное разведывательное управление США пребывали в счастливом неведении и не могли нарадоваться на своего секретного сотрудника Стахановца-Кнайта...

Стахановец зарабатывает “очки”

Изложенные Огородником факты о “кознях КГБ в Боготе” были немедленно подвергнуты тщательной проверке, тем более что, как правило, они были рассказаны им во время любовных встреч с Пепитой, с которой он предавался сексуальным утехам в одном из номеров фешенебельной гостиницы “Хилтон” в Боготе. В итоге оказалось, что все рассказанное Кнайтом - вздор и импровизация оскорбленного недоверием агента.

Когда же отчет Джонатана Уилса о “происках КГБ” попал на стол к его непосредственному начальнику Хэвилэнду Смиту, шефу латиноамериканского отделения ЦРУ, тот пришел в ужас от тупой самоуверенности и наивности своего подчиненного Уилса. Ознакомившись с “отчетом”, Смит немедленно распорядился прекратить “явки в постели” Пепиты Гонсалес с Огородником и передать последнего ему на личную связь.

И хотя Хэвилэнд по достоинству оценил чувство юмора своего вероятного агента и его умение играть на предубеждении таких людей, как Джонатан Уилс, однако отношение руководства ЦРУ к Кнайту изменений в положительную сторону не претерпело: подозрительность уступила место разочарованию. А все лишь потому, что в начале семидесятых годов прошедшего столетия верхушка Управления придерживалась убеждения: внимания заслуживает только информация о КГБ, ГРУ и военных приготовлениях Советов.

Эта точка зрения изменилась лишь после того, как в информационно-аналитическом Директорате ЦРУ внимательно ознакомились с содержанием донесений Кнайта.

...Советское посольство в Боготе вряд ли можно было назвать горячей дипломатической точкой, но вместе с тем советский посол постоянно принимал поток телеграмм из Москвы, которые объясняли позиции Кремля по отношению ко всей Латинской Америке и вопросам, которые выносились на обсуждение Организации Объединенных Наций.

А это уже были секреты государственной важности, к которым по роду деятельности имел доступ Огородник.

Однако его акции как секретного агента ЦРУ достигли своего пика лишь спустя полгода после вербовки, когда он начал работать в центральном аппарате МИД СССР...

Накануне отъезда в Москву Огороднику выдали специальные шифр-блокноты с индивидуальным шифром. Только человек, имеющий идентичный блокнот, мог расшифровать сообщение. ЦРУ снабдило его также закамуфлированной под обычный тюбик губной помады, портативной фотокамерой Т-100, позволяющей делать 100 снимков в минуту.

Кураторы Огородника позаботились также и о том, чтобы сменить его оперативный псевдоним: из Кнайта он превратился в Тригона, поскольку существовал риск, что КГБ рано или поздно обнаружит, что “крот” ЦРУ, известный как Кнайт, работал в советском посольстве в Боготе. Если Кнайт будет ненароком упомянут в потоке телеграмм из Москвы или в Москву, то КГБ сможет вычислить этого некто, недавно выехавшего из Колумбии в СССР.

Из характеристики агента Тригона, составленной Смитом Хэвилэндом:

“Умный, подвижный, с широким кругозором. Легко и органично находит контакт с людьми, независимо от их возраста, половой и социальной принадлежности.

Имеет вкус к просчитанному риску, азартен, вместе с тем обладает развитым механизмом эмоционального самоконтроля.

Его общая жизненная установка очень конструктивна. Не считаясь со средствами, умеет достигать поставленной цели. Очень рационален, внутренне организован и собран. К нему вполне подходит определение: selfmade man - человек, который сам себя сделал, или “герой с

нуля”.

Склонен к рефлексии и самоанализу. Очень энергичен, обладает повышенной работоспособностью.

Пользуется успехом у женщин всех возрастных групп и социальных прослоек.

Обладает даром убеждения. В спорах красноречив, логичен, уверен и внешне искренен.

Собственную точку зрения готов отстаивать до конца. В последующем может быть использован в качестве агента-вербовщика. Выявленные недостатки: излишне самоуверен, болезненно переносит критические замечания в свой адрес.

Эгоистичен до крайности, злопамятен, коварен и безжалостен в актах мести.

Гедонист, любит всякого рода излишества, склонен к избыточным удовольствиям. Вместе с тем ярый противник алкоголя и табакокурения.

Неразборчив в установлении сексуальных связей с женщинами, предпочтение отдает младшим по возрасту. В отношениях с ними деспотичен. Возможно, это вызвано тем, что в детстве он был лишен в необходимой мере материнской ласки”.

На прямой линии с президентом

В феврале 1974 года Огородник был отозван в Москву и зачислен в штат управления общих международных проблем Министерства иностранных дел СССР.

Назначению немало способствовал и факт многолетнего секретного сотрудничества Стахановца с Комитетом госбезопасности, который стремился иметь свои глаза и уши в этом элитном подразделении МИДа. В него стекалась информация со всех концов света, так как каждый советский посол ежегодно представлял в министерство отчет, в котором не только подвергал анализу политическую ситуацию в стране пребывания, но и излагал планируемые мероприятия в сфере отношений с данным конкретным государством.

Таким образом, ЦРУ с помощью Тригона, а КГБ с подачи Стахановца имели возможность видеть мир точно таким, каким его видело высшее руководство СССР...

В Москве Тригон-Стахановец принялся за работу засучив рукава. Он перефотографировал и передал в Лэнгли тысячи дипломатических телеграмм, включая секретные депеши, составленные советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным и Олегом Трояновским, постоянным представителем Советского Союза при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Двойной агент сообщал своим операторам из КГБ и ЦРУ, какие конкретно указания давал Кремль Анатолию Добрынину по поводу его поведения в ООН, и какова должна быть его позиция на переговорах об ограничении вооружений, и даже о том, до каких пределов СССР может уступить на переговорах об ОСВ-1.

Кроме того, Тригон-Стахановец подробно информировал штаб-квартиру ЦРУ о нежелании советского правительства участвовать в военном противостоянии между группировками различной политической ориентации в Анголе...

Не редкостью было и появление на рабочем столе двойного агента обзоров состояния советской экономики.

Неудивительно, что совершенно секретные сведения о быстро сокращающихся запасах нефти на месторождениях Волжско-Уральского региона стали достоянием ЦРУ... и КГБ.

...Во второй инстанции они вызвали недоумение и обеспокоенность. После чего по инициативе председателя КГБ Юрия Андропова было созвано заседание Политбюро, на котором обсуждались меры по улучшению обстановки в указанном регионе.

Достигнув Западного полушария, та же самая информация частично спровоцировала “энергетический кризис” и повышение цен на бензин в середине семидесятых годов...

...На правах будущего зятя Огородник регулярно участвовал в застольях, устраиваемых в хлебосольном доме члена Политбюро, первого секретаря МГК КПСС Виктора Гришина, где часто присутствовали не только партийные бонзы со Старой площади, но также руководители союзных министерств и даже генералы из центрального аппарата Лубянки.

Из отдельных неосторожных высказываний сановных гостей, которые мог зачастую слышать Огородник, ему несложно было делать далеко идущие выводы. И он их делал!

Обо всем подслушанном в доме будущего тестя Тригон-Стахановец незамедлительно, но весьма досконально докладывал своим работодателям в Лэнгли и... на Лубянке. Так, он представил им подробную справку о нарастающих разногласиях между Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и Председателем Совмина Алексеем Косыгиным по поводу отношений СССР и США Андропов, не в силах предложить какой-либо более или менее приемлемый компромисс, чтобы погасить разрастающийся конфликт между двумя первыми лицами государства, просто принял информацию Стахановца к сведению...

...А администрация президента Никсона мгновенно отреагировала на поступившие от Тригона сообщения и по согласованию с премьер-министром Канады Пьером Трюдо немедленно направила Косыгину приглашение посетить Соединенные Штаты и Канаду осенью 1974 года. Там ему были оказаны поистине королевские почести, а также недвусмысленно сказано, что Запад делает ставку только на него и на проводимые им реформы. О Брежневе и его окружении речи не шло...

...Для ЦРУ материалы, поступавшие от Тригона, представляли настолько большую ценность, что руководство Управления ввело даже специальную систему их распространения, строго обозначив и постоянно держа под контролем круг лиц, которые имели к ним доступ. Со всеми донесениями агента работали только кадровые офицеры-переводчики Управления. Дипломатические сообщения, переданные Тригоном, переводились на английский язык дословно, без всякого редактирования и правки, а затем печатались на бумаге с синим окаймлением, получив кодовое название "синеполосные доклады".

Специальные курьеры доставляли их непосредственно президенту США Ричарду Никсону и его помощнику по национальной безопасности Генри Киссинджеру. Лишь после этого "синеполосные доклады" попадали в Государственный департамент и Совет национальной безопасности.

За всю историю вербовочной деятельности ЦРУ такой чести были удостоены лишь материалы, поступавшие от "кротов" из ГРУ полковника Олега Пеньковского и генерала Дмитрия Полякова...

...В дом вельможного партийного функционера Виктора Гришина Огородник попал, обучаясь на последнем курсе переводческого факультета института имени Мориса Тореза.

В конце шестидесятых годов отпрыски кремлевских небожителей обучались преимущественно в Московском институте международных отношений. На устраиваемые там "капустники" и вечера отдыха собиралась вся "золотая молодежь" столицы.

Специально для таких великосветских тусовок в буфет Института из Елисейского гастронома завозились всевозможные деликатесы в виде осетровых балыков, крабов, черной и красной икры, изысканные сухие вина, импортное пиво, а также "колониальные товары" - бананы, ананасы, манго, киви.

Все это делалось по распоряжению ректората и парткома в рамках программы производственного обучения. Наставники будущих советских дипломатов были убеждены, что именно таким образом должна проводиться подготовка их адептов к участию в предстоящих дипломатических раутах на высшем уровне. Советский дипломат, считало руководство института, находясь на приеме у английской королевы, не должен мучиться проблемой, в какой руке ему держать вилку, если котлету по-киевски он уже держит в правой... Именно для того, чтобы избежать в будущем подобных промахов, в институте и проводились фуршеты с разносолами и легкой выпивкой.

Александр Огородник, простолюдин из украинской глубинки, не упускал ни одной возможности побывать на вечерах отдыха и "капустниках", где тусовались без пяти минут будущие дипломаты, творцы внешней политики СССР. Там он мог на короткий миг обмануть себя иллюзорной идеей принадлежности к элите, хоть ненадолго почувствовать себя причастным к касте избранных и хоть одной ноздрей вдохнуть дурманящий аромат той, недоступной ему ввиду рабоче-крестьянского происхождения жизни, какую вели его сверстники - отпрыски родителей всесоюзного значения...

На одном из "капустников" он познакомился с сыном Гришина Игорем, который и ввел его в дом своего отца. Особенно они сблизились после возвращения "друга Саши" из Колумбии: кураторы из Лэнгли и с Лубянки всячески поощряли посещения Тригоном-Стахановцем дома члена Политбюро Виктора Гришина...

Губят агентов не деньги, губят их тайники

Весь послеколумбийский период своей вдвойне тайной жизни Тригон-Стахановец работал в поте лица своего, что называется, на два фронта. Его хватало на все. Он с неослабевающим вниманием следил и за развитием взаимоотношений СССР со странами - участницами Варшавского Договора, и за материалами, в которых излагались тактика и стратегия СССР в отношении США и их союзников, и за планированием и разработкой внешнеполитических акций СССР в отношении так "полюбившейся" ему Латинской Америки.

Энергии агенту было не занимать, поэтому он по традиции продолжал держать под контролем и поведение своих мидовских коллег, чем особо был доволен его новый куратор из Комитета, полковник Н-ский.

Сотни километров Тригон накручивал на своей белой "Волге", гоня по Москве, чтобы заложить или изъять десятки тайников. Сокольнический, Филевский, Измайловский парки - места, где он обычно оставлял и забирал контейнеры, камуфлируемые его американскими операторами под бросовые предметы: булжники, искореженные консервные банки, обрезки металлических труб. В одних он отправлял добытые стратегические секреты, из других получал инструкции, специальную экипировку и деньги, деньги, деньги... Хотя справедливости ради следует сказать, что они никогда для него не были фетишем.

Александр Огородник, будучи человеком весьма прагматичным, всегда отдавал себе отчет в том, что много денег приносит много счастья только в странах с иным, чем в СССР, социальным укладом. Он знал, что в Советском Союзе много счастья и много денег приносят высокие звания и глубокие кресла в кремлевских или мидовских кабинетах.

Ему же, человеку маленькому, оставалось одно: добывать большие деньги, преступая черту закона, лелея надежду, что когда-нибудь, женившись на племяннице Гришина, он станет полноправным членом элитного клуба советского истеблишмента и сможет не таясь, в открытую тратить добытые деньги. Но когда еще это сбудется, да и сбудется ли вообще... Ну, а раз так, то все усилия надо сосредоточить на добывании денег, денег и еще раз денег!

Впрочем, в глубине души Огородник надеялся, что когда-нибудь, поднакопив деньжат, он сумеет убедить своих кураторов из Лэнгли не пролонгировать контракт. Почему бы и нет? Он же, в конце концов, - не *regretuum mobile* - вечный двигатель!

А что же его любовь - колумбийка Пепита и родившаяся от него дочь? Они были забыты напрочь. Мужчина, считал Огородник, должен посвятить всего себя проблемам более серьезным, чем прошлая любовь и родительские чувства. Тем более что он все сделал для своей прошлой возлюбленной, чтобы ни она, ни его дочь ни в чем не нуждались.

По его инициативе устроенный на американские деньги в Мадриде приют для оставленных родителями младенцев процветает и до сих пор благодаря стараниям... Пепиты Гонсалес, бывшей возлюбленной Огородника...

К середине 1975 года Второй главк (контрразведка Союза) был обеспокоен докладами, поступавшими из зарубежных резидентур: еще не накрыт зеленым сукном стол, за которым будет проводить переговоры Андрей Громыко, а противоположной стороне уже известно, до каких пределов СССР готов идти на компромисс и делать уступки.

Дряхлеющий советский ареопаг - Политбюро - еще только обсуждает в келейной обстановке очередные международные инициативы Советского Союза, а правительства западных стран уже заготовили с десяток ответных вариантов, способных заблокировать или помешать их реализации...

Контрразведчики предпринимали титанические усилия, чтобы отыскать таинственный источник утечки на Запад совершенно секретной информации государственного значения. В том, что он существует и активно действует, сомнений у руководства КГБ не было. Вопрос вопросов - где его искать?!

В результате скрупулезного анализа стало ясно, что сведения, составляющие государственную тайну, утекают к противнику не из советских дипломатических представительств за рубежом, а из центрального аппарата МИД СССР, из Москвы. Но там отыскать шпиона - все равно что иголку в стоге сена...

...После Великой Отечественной войны десятки кандидатов и докторов контрразведывательных наук разработали и постоянно дополняли так называемый “Свод признаков, указывающих на подготовку или проведение шпионских акций лицом из числа советских граждан”.

Но, как известно, старые генералы готовятся к прошедшей войне. Все выданные на-гора жившими прежними представлениями чекистами-теоретиками наставления, в которых перечислялись признаки, способствующие выявлению вражеских лазутчиков, безнадежно теряли всякую ценность, еще не попав в руки к оперативникам и сотрудникам-практикам. Зачастую заповеди совершенно секретных инструкций, разработанные кандидатами и докторами (как правило, ими становились вышедшие в отставку генералы КГБ) для оперативного состава, выглядели набросками к плану проведения пионерской игры “Зарница”. И хотя в этих инструкциях отсутствовали постулаты времен революции 1917 года, как-то: “На галошах не следует иметь своих истинных инициалов. Это часто дает предателям нить для розыска лиц, фамилии которых им известны”, тем не менее многие рекомендации генералов-профессоров больше походили на тезисы из брошюры “В помощь сельскому пионервожатому-следопыту”, чем на методические пособия по выявлению агента противника.

Например, в одной из инструкций автор по большому секрету наставлял оперативников, что в целях конспирации вражеский агент не будет звонить со своего служебного телефона, чтобы передать секретные сведения противнику, а обязательно воспользуется телефоном-автоматом. И вот это “божественное откровение” долгие годы являлось для советских контрразведчиков одним из основополагающих признаков, который якобы свидетельствует о принадлежности должностного лица к агентуре противника!

Тот факт, что какой-то чиновник покинул свой рабочий кабинет и направился к ближайшей будке телефонаавтомата, чтобы назначить вечернюю “стрелку” своей интимной подруге, по всей видимости, даже в голову не приходил составителю инструкции.

Нет, головы докторов и кандидатов от контрразведки должны думать не об интимах, избави Бог, - только о благе народном и безопасности Отчизны.

Словом, то, что подавалось как яркое научное открытие теоретиков от контрразведки, давно уже было известно всем дворовым сплетницам и квартальным анонимщикам, являясь нормой их повседневной деятельности...

Американские спецслужбы между тем, не тратя времени на псевдонаучные исследования и накопление иллюзорных признаков, снабдили своих секретных помощников, действующих на территории СССР, радиоэлектронными средствами связи, способными в течение двух-трех секунд передать информацию в объеме одной страницы убористого машинописного текста на расстояние свыше 500 метров (так называемый “радиовыстрел”).

Правда, несмотря на все достижения технического прогресса, пронизавшего суть взаимоотношений спецслужб со своими секретными помощниками, при всем том оставалось одно большое “но”. Например, изопродукцию, отснятые микрофото пленки тогда еще не научились передавать, минуя тайники. Так что к ним время от времени вынуждены были прибегать и агенты, и их операторы.

Кроме того, деньги агенту по почте не пошлешь, значит, опять тайники! Вот на них-то, проклятых, Тригон и погорел. А дело происходило так.

Для некоторых Колумбов Америка закрыта

С первого дня работы в управлении общих международных проблем Министерства иностранных дел СССР Александр Огородник почувствовал, что пришелся не ко двору. Он, сумевший пробиться на верхние этажи внешнеполитического Олимпа благодаря блестящему знанию испанского и английского языков, своей работоспособности и умению вовремя подсказать оригинальную идею начальству, да так ловко и корректно, что оно сразу выдавало ее наверх в качестве собственных умозаключений, не мог не вызывать зависти у сослуживцев.

Ситуация осложнялась тем, что некоторые из них после окончания МГИМО если и бывали за границей, то лишь в краткосрочных, не более месяца, командировках! А этот новенький, надо же! Поработав недолго в Комитете молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ, уехал на целых три года в Колумбию...

Действительно, рослый красавец о тридцати четырех годах, неженатый, без роду и племени, был чужеродным телом в коллективе, куда люди попадали лишь благодаря своим родственным связям в верхних эшелонах власти. И хотя за душой у них ничего не было, за спиной кто-то стоял... Очень влиятельный!

Первоначальная притирка характеров с коллегами кончилась не в пользу Александра Огородника. Возможно, виной тому были его самоуверенная надменность и снисходительно-покровительственное отношение к окружающим.

Когда кто-нибудь из них обращался к нему с рабочим вопросом, у него во взгляде уже стоял немой укор: "Ну что ж ты, даже этого не знаешь... Впрочем, а можно ли от тебя вообще чего-нибудь путного ожидать? Ты не только плывешь по течению, тебе еще и в спину дует попутный ветер - твое знатное происхождение и связи!"

Словом, вскоре Огородником овладело чувство стадного одиночества.

Спасение от ненавистного коллектива он находил только в своей борьбе на два фронта и, как это ни покажется странным, в общении в ходе конспиративных встреч со своим куратором из Комитета полковником Нским.

Последний в Стахановце был восхищен его темпераментом авантюриста и поэтому безоглядно благоволил своему подопечному. Кроме того - дерзость провинциала, покоровшего столицу, быстрота в мыслях и движениях и отчаянно продувной вид. При всем том полковник нисколько не сомневался, что его агент - один из тех, кто торопится жить, да так, чтобы, высосав весь сок из апельсина, корки оставить для неудачников...

Где-то в глубине души полковник даже завидовал умению агента держать себя на людях и одеваться.

Действительно, Огородник, весь сияющий победоносный и важный, выгодно отличался от других агентов, которые были на связи у Н-ского, как выделяется райская птица на сером утином дворе.

Лишенный природного вкуса и не разбиравшийся в цветовой гамме галстуков, платков и вообще тканей, Нский нередко прибегал к совету и помощи своего агента, чтобы выбрать какую-нибудь вещицу в подарок жене или дочерям.

Однако по прошествии нескольких месяцев увлечение Н-ского своим новым агентом диаметрально изменилось, он стал трезвее воспринимать его, а со временем даже осторожничать в общении с ним.

Причиной тому послужил шквал донесений от других агентов, работавших со Стахановцем в одном управлении МИДа. Содержание всех донесений было вариацией на одну тему - как плохо и отталкивающе неприятен новый сотрудник.

Все негласные источники как один отмечали заносчивость, неуживчивость, высокомерие Огородника и его неумение ладить с коллективом. Можно было, конечно, положить под сукно все эти "писульки" и не придавать им значения, сославшись на субъективность источников, тем более что по работе претензий к Огороднику не было, но...

Во-первых, вся полученная Н-ским информация исходила от агентов, состоявших в родственных связях с чиновниками со Старой площади. Поделись агенты впечатлениями об Огороднике со своими высокопоставленными домочадцами, пошли бы телефонные звонки по спецсвязи, что само по себе не только неприятно, но и требовало бы принятия каких-то мер.

Во-вторых, кроме эмоций, в донесениях присутствовали и факты, на которые полковник как профессионал контрразведки не мог не обратить внимания: частые отлучки Огородника с рабочего места, не вызванные служебной необходимостью, после которых он возвращался крайне возбужденным, нервным и даже, что обычно совсем не было свойственно Стахановцу - каким-то испуганным.

А тут еще циркуляр, подписанный самым высоким руководством Второго главка (контрразведка Союза), досконально проверять всех недавно вернувшихся из-за границы дипломатов на предмет их возможной причастности к массовой утечке информации особой важности из недр МИД СССР к американцам. В общем, было над чем призадуматься полковнику Н-скому...

Для начала, а скорее, для собственного успокоения Н-ский решил посоветоваться с генералом С-вым, заместителем начальника американского отдела Второго главка. Но понимания не встретил.

Какая, к черту, Колумбия! В твою вотчину, управление общих международных проблем, за последние полгода получили назначение шесть дипломатов, до этого проработавших по году и более в США... Вот среди кого надо искать шпиона, а не размениваться на мелочь, на сотрудников, работавших в Колумбии! Колумба он нашел, видите ли! Может, ты с его помощью хочешь открыть для Комитета Америку и выйти на ЦРУ?! Ты всех вернувшихся из Штатов проверил? Нет?! Ступай и немедленно бери их в плотное изучение. "Наружка", "прослушка", все - по полной программе, не мне тебя учить... А Стахановца своего выбрось из головы или оставь до лучших времен... Он - не тот Колумб, которого мы ищем как источник утечки информации к американцам... Я тебе больше скажу, он приглянулся самому министру, да-да, не смотри на меня так! Сам Андрей Андреевич Громыко на него глаз положил, хочет взять к себе референтом...

В общем, действуй, но смени вектор поиска!

Несмотря на полученную от старшего товарища отповедь, Н-ский решил действовать на свой страх и риск.

Вернувшись в свой рабочий кабинет в "высотке" на Смоленской площади, он первым делом собрал все агентурные сообщения, фигурантом которых был Стахановец, и сложил их в отдельную папку.

На обложке жирно вывел фломастером - "Колумб". Прихлопнул сверху ладонью, подумал: "Ну и что с того, что он станет референтом Громыко? Да пусть будет хоть апостол Петр, для контрразведки он всего лишь объект! Пока объект наблюдения, а там - видно будет..."

Как опасно содержать обувь в чистоте

Весна 1977 года выдалась на удивление дружной и теплой. Снег сошел уже в марте, и ветер носил по столичным улицам и площадям тучи песка - остатки антиобледенительной смеси, которой в течение всей зимы в изобилии посыпались тротуары и проезжие части улиц. Все ждали, когда зарядят весенние дожди, но... И тогда на улицы по распоряжению московского градоначальника выкатили полчища поливальных машин: надо же было как-то спастись от свалившейся на москвичей напасти!

...Около трех часов пополудни полковник Н-ский, сытый и благостный, вышел из мидовской столовой на пятом этаже высотки на Смоленской площади и размеренной поступью направился в свой кабинет.

Попадавшие навстречу девчушки-секретарши приветствовали полковника, как ему казалось, с каким-то ехидно-насмешливым прищуром во взгляде.

И тут Н-ского осенило: "Проклятая молния на гульфике, наверняка опять разошлась, а я теперь, как голый на эскалаторе, выступаю по мидовским коридорам с расстегнутой мотней, все исподнее - наружу!

Говорил же агенту Джорджу: привези мне кримпленовые штаны, но не с капроновой молнией, а как положено - с металлической! Так нет же, черт его побери, купил что подешевле... Сэкономил, стервец! И на ком?! Сколько ведь я для этого Джорджа добрых дел сделал! Да если б не я, он до сих пор бы числился в невыездных! И вот те на, отблагодарил за то, что я устроил ему поездку в Италию... Секретуткам на посмешище! Стоило два раза надеть, эти штаны с проклятой капроновой молнией - расходится, и все тут! Сегодня целое утро с нею промаялся, чуть на работу не опоздал... Нет, положительно, надо заглянуть в туалет, посмотреть, все ли в порядке, уж больно вызывающе смотрели на меня эти... прости Господи, секретутки!"

Полковник решительно толкнул дверь туалета и застыл в оторопи. Стоя в одних носках перед раковиной, Александр Огородник мыл башмаки!

Пожалуй, Н-ский меньше бы удивился, если бы застал своего агента совершенно голым в туалетной комнате. А тут на тебе!.. Его агент, Стахановец, как всегда одетый с иголочки, ухоженный и надушенный какими-то импортными благовониями, в галстук, который разве что в западном журнале мод и встретишь, стоит в носках перед умывальником и моет свои туфли! Как? Вы, Александр Дмитриевич, моете свои башмаки?! - вместо приветствия ошалело произнес Н-ский.

Стахановец, с трудом скрывая неприязнь, посмотрел на своего шефа по делам конспиративным

в висящее над умывальником зеркало и процедил сквозь зубы:

Алексей Иванович, вы неоригинальны! Точно такой же вопрос задал генерал Грант своему шефу Абрахаму Линкольну... Ну вы, конечно, знаете, о ком идет речь... Гражданская война Севера и Юга в Соединенных Штатах, Линкольн - президент, генерал Грант - его подчиненный, командующий Северной группировкой войск..

Так вот, когда Грант застал Линкольна за мытьем собственных башмаков, он был удивлен не менее вашего и задал точно такой же вопрос... И вы знаете, как на это отреагировал президент Линкольн? “Да! - ответил он, - я мою свои башмаки, а вы чьи башмаки моете?”. На этом их диалог был исчерпан, у Гранта более не возникло никаких вопросов...

Послушайте, Александр Дмитриевич, вы почему позволяете себе такой тон в разговоре со мной?! - Нский захлебнулся от ярости.

Да нет, Алексей Иванович, я себе позволяю лишь одно - мыть собственные башмаки, а вот вы... Что вы себе позволяете? Что? Вымыть собственные туфли в мидовском туалете - это уже государственное преступление?! Тогда увольте! Получается, что мы с вами в заурядные, бытовые процедуры вкладываем совершенно различный смысл...

Ну что с того, что я вдруг решил вымыть свои башмаки? Вы видели, какая пылица на улицах Москвы?! Так неужели я должен сидеть в приемной министра иностранных дел СССР в засранных башмаках?!

Извините, Александр Дмитриевич, вы, конечно, правы... Извините! Я ничего не имел против... Против того, чтобы вы во всем блеске предстали перед Андреем Андреевичем Громыко, ради Бога... Мне кажется, вы сегодня излишне возбуждены, Александр Дмитриевич... - пошел на попятную Н-ский.

Огородник вытер вымытые туфли носовым платком, небрежно выбросил его в корзину для мусора и, не попрощавшись, покинул туалетную комнату...

В глубоком раздумье Н-ский подошел к раковине. Подошел просто так, без всякой задней мысли, раздумывая лишь над тем, что в последнее время у него почемуто перестали складываться отношения со Стахановцем...

Посмотрел в зеркало на свой гультфик Так и есть, молния разошлась и из ширинки выглядывали черные сатиновые трусы. Объяснение ехидно-насмешливым взглядам секретарш было найдено. Взгляд Н-ского упал на дно раковины, где минутой назад Огородник мыл башмаки. К краю раковины прилипла какая-то грязь и кусок кленового листа!

Голова контрразведчика сработала, как компьютер:

“Стоп, а при чем же здесь пыль?! Ты же, Александр Дмитриевич, пытался убедить меня, что смываешь пыль, но никак не налиплие на подошву листья и грязь! Откуда же они у тебя на подошвах?! И не в этом ли объяснение твоей раздражительности, более того, неприязни ко мне, когда я вдруг застал тебя за смыванием... Чего? Уж не следов ли?.. Но следов чего?!”

В сильном возбуждении, не отдавая себе отчета, зачем он это делает, полковник схватил обрывок кленового листа и грязь, оставшиеся в раковине, и, забыв о расстегнутой ширинке, бросился к себе в кабинет...

“Так, спокойно, спокойно! - приказал себе полковник - Надо сейчас же, не торопясь, без спешки, постараться во всем разобраться...”. Рука сама собой потянулась к папке с надписью “Колумб”. Н-ский вновь внимательно прочел все сообщения агентов, сигнализировавших об отлучках Стахановца в рабочее время.

Да, действительно, Огородник покидал здание МИД на Смоленской площади, как правило, в обеденный перерыв...

Ну и что? Он - холостяк, у него могли быть кратковременные свидания со своими знакомыми-женщинами, дело, как говорится, молодое. В конце концов он мог отлучиться, чтобы съездить в химчистку, магазин, да мало ли куда еще...

Насторожило одно сообщение, подписанное агентом Лаура.

Однажды в сентябре прошлого года Огородник, как обычно задержавшись после обеденного перерыва, предстал перед сотрудниками управления общих международных проблем в брюках, манжеты которых были замызганы грязью, при том, что на дворе во всей красе цвело “бабье лето”. Выглядел он так же, как сегодня, сильно возбужденным, даже агрессивным...

“Так, - подытожил Н-ский, - с этой лирикой пора кончать! - и решительно начал выписывать даты

всех отлучек Огородника с работы, начиная с сентября 1976 года. - Пусть ребята из Второго главка разберутся, имеет ли отношение Огородник к утечке информации из управления международных проблем МИД СССР и референтуры министра к противнику...

Мое дело маленькое - дать фактуру, а вы уж там сами анализируйте, взвешивайте, делайте выводы, кто шпион, а кто... Стахановец!"

Результаты проведенных аналитических, а затем и биохимических исследований, сделанных на основании первичных данных, поступивших от полковника Н-ского, поставили "на уши" руководство Второго главного управления КГБ (контрразведка Союза).

Все отлучки Огородника с рабочего места по времени совпадали с так называемым "графиком повышенной разведкативности" кадровых сотрудников резидентуры ЦРУ в Москве. Это - когда американские разведчики, как тараканы, разбегаются во все стороны - разъезжаются на своих скоростных авто врасыпную в разные концы столицы, чтобы "растащить", отвлечь кагэбэшную "наружку" от одного места, - того, где будет произведена закладка тайника для особо ценного агента....

Сотрудники Второго главка давно подозревали, что тайники для своего агента американцы закладывают в лесопарковой зоне столицы. Поэтому кленовый лист и остатки почвы, изъятые Н-ским из умывальника, пришлись как нельзя кстати. Биохимическим анализом было подтверждено, что добытые лист и грязь являются частью флоры Сокольнического парка...

За Огородником было установлено круглосуточное наблюдение, все его передвижения по Москве снимались на видеокамеру.

Тотальный контроль за Огородником осложнялся тем, что он, будучи долгое время секретным агентом органов госбезопасности СССР, был осведомлен (разумеется, в определенной мере!) о методах работы КГБ.

Но умный человек (а то, что дело приходится иметь именно с таким противником, ни у кого не вызывало сомнений!) умеет читать между строк и слышать в недосказанном окончательный вердикт, превращая намек в непреложную истину...

Фиксировалось все: в какое время суток и как он запарковал машину у своего дома или у здания МИД на Смоленской площади, то есть ставит ли он свою "Волгу" радиатором к проезжей части или, наоборот, к тротуару; закрывает ли окна машины; в каком положении находятся стеклоочистители и так далее, ибо во всем этом мог присутствовать скрытый знак для его заокеанских операторов.

Через некоторое время была зафиксирована постановка объектов условных знаков на фонарных столбах на Кутузовском проспекте, что явно говорило о готовности Колумба изъять или заложить тайник..

Чтобы получить дополнительные данные о возможно проводимой Огородником шпионской деятельности, на его квартире провели негласный обыск. Результаты превзошли самые смелые ожидания: там обнаружили такую шпионскую экипировку, которой позавидовал бы Джеймс Бонд! Стало ясно, что Огородник - тот самый "крот" в Министерстве иностранных дел, за которым безуспешно охотилась контрразведка Союза последние два года...

Результаты скрытого наблюдения за Колумбом, знание его привычек и особенностей поведения во внеслужебной обстановке дали свои плоды.

Уже после того, как Огородник был задержан и неожиданно (!) скончался в Лефортове, его роль с успехом продолжал выполнять оперработник КГБ, заgrimированный под изменника.

Это понадобилось для того, чтобы взять с полицным связника шпиона, который должен был бы передать ему очередную порцию инструкций и прочих материалов, которые могли бы явиться на суде неопровержимой базой вещественных доказательств противоправной деятельности Огородника.

И сотрудники резидентуры ЦРУ проглотили наживку, заготовленную Комитетом госбезопасности СССР...

Черный пояс по каратэ у женщины в белом

Вечером 15 июля 1977 года кадровая сотрудница ЦРУ Марта Петерсон, действовавшая под прикрытием вице-консула посольства США в Москве, отправилась закладывать тайник,

предназначавшийся для Тритона.

Припарковав служебную автомашину у кинотеатра “Россия”, она торопливо вошла в зал. Шел фильм “Красное и черное”, последний сеанс уже начался. “Наружка” вела наблюдение издали, так как на разведчице было белое, с крупными цветами, платье.

“Женщина в белом” уселась в кресло у запасного выхода и минут десять делала вид, что следит за происходящим на экране. Убедившись, что вокруг все спокойно, Петерсон натянула поверх платья черные брюки и такого же цвета пиджак, наглухо застегнулась и распустила собранные в пучок волосы.

Совершенно преобразившись, Петерсон выскользнула из кинотеатра. Теперь это уже была “женщина в черном”.

К машине она не вернулась, а поехала сначала в автобусе, затем пересела на троллейбус, потом в метро - проверялась. Лишь после этого поймала такси и приехала к Краснолужскому мосту. Там ее уже поджидали.

Хотя место выглядело в этот ночной час совершенно пустынным, на самом деле здесь находилось довольно много людей. Они скрытно наблюдали за перемещениями разведчицы и за всем происходящим в районе моста. В операции было задействовано более трехсот оперативных сотрудников из разных подразделений.

В момент закладки Петерсон “бульжника” в тайник все вокруг осветилось, вспыхнул настоящий фейерверк - казавшееся пустынным место вдруг стало многолюдным. При задержании госпожа вице-консул показала блестящее владение... русским матом и приемами карате, по мировой классификации - “черный пояс”, шестой дан... Но можно ли было устоять перед Владимиром Зайцевым, асом восточных единоборств, гремевшим на весь Комитет?! Разведчица была нейтрализована без единого синяка... у Зайцева.

Задержанную доставили на Лубянку и вызвали советника американского посольства для официального опознания. В его присутствии вскрыли контейнер, закамуфлированный под бульжник. В нем обнаружили инструкции, вопросник, микрофотоаппаратуру, золото, деньги и две ампулы с ядом. Не вызвало сомнений, что содержимое предназначалось именно для объекта “Колумб”...

Разведчики - народ суеверный. Петерсон не была исключением. Прощаясь со следователем и своим спарринг-партнером, она сказала, что никогда больше не будет брать билет на последний сеанс...

Мандат на самоубийство?

Уступая настойчивым требованиям Тригона, его оператор Олдрич Эймс (впоследствии ставший нашим “суперкротом” в недрах ЦРУ и плодотворно проработавший на советскую разведку почти девять лет) снабдил агента пилюлей с моментально действующим ядом, вмонтированной в зажигалку. Огородник объяснил свое желание иметь под рукой смертоносную пилюлю, чтобы живым не сдаться кагэбэшникам.

Несколько месяцев спустя Тригон сообщил, что ему нужна другая такая же пилюля, поскольку он потерял зажигалку. ЦРУ передало ему яд, замаскировав пилюлю в дорогой авторучке “паркер”. По прошествии нескольких лет после задержания Тригона в Лэнгли наконец узнали, что первую пилюлю с ядом агент использовал для отравления своей любовницы.

Так же как и Пепита Гонсзлес, несчастная молодая женщина ожидала ребенка, отцом которого был Огородник. Последний к тому времени вошел в круг советской элиты и собирался жениться на племяннице члена Политбюро Виктора Гришина, поэтому прежняя пассия могла стать реальным препятствием его жизненным планам, и Тритон решил попросту ликвидировать ее... Не исключено, что и вторую смертельную капсулу Огородник-Тритон приберегал не для себя, а еще для какой-то из своих многочисленных наложниц. О неразборчивости Огородника в половых связях с женщинами друзьям и знакомым было известно еще со студенческой поры, недаром между собой они называли его “Сексозавром”. Женщины были для него всем, и прежде всего - источником его неистощимой жизненной энергии.

Со стороны казалось, что брал он их своей привлекательной внешностью, показным снобизмом и изысканными манерами. Всеобщее заблуждение! Огородник, как мужское воплощение

Сирены, притягивал их магией ело в а, которое иной раз посильнее всех прочих искушений. Можно предположить, что первый удавшийся опыт применения яда для разрубания гордиева узла зашедшей в тупик любовной связи вдохновил Тригона, и он был готов в дальнейшем столь безжалостно решать свои интимные проблемы с помощью яда.

Однако судьба распорядилась по-своему...

Доставленный в Лефортово, Огородник на первом же допросе согласился с предъявленным ему обвинением в шпионаже в пользу США и вызвался собственноручно письменно зафиксировать свое признание.

Попросил стопку бумаги и свою авторучку, “паркер” с золотым пером, отобранную во время ареста. Пояснил, что, мол, долгие года пользуется только ею и шариковой ручкой ничего путного написать не сумеет.

Не подозревая подвоха, торжествующие конвоиры выполнили просьбу - давно не попадались такие покладистые шпионы!

Выверенным движением он свинтил колпачок с “паркера”, прикусил кончик ручки и замертво рухнул под стол...

Вскрытием, проведенным там же, в Лефортово, было установлено, что Огородник скончался от острой сердечной недостаточности. Это указывало на то, что был применен сильнейший яд из семейства курареподобных. Зелье разрабатывалось только в спецлабораториях двух стран - СССР и США.

Смерть Огородника - яркая иллюстрация к тому, как паркетные генералы, движимые не интересами дела, а желанием быть включенными в список награжденных, пренебрегли основным “законом жанра” - осмотрительностью. Стремясь первыми “снять пенки”, чтобы, отчитавшись наверху, схватить незаслуженный орден на парадный мундир, они отстранили профессионалов от участия в заключительной части оперативной разработки первого допроса шпиона. Головокружение от успеха - взяли! - перешло в самоупоение, которое обернулось преступным легкомыслием.

На поверку оказалось, что все время, продвигаясь к “полосатым штанам” - генеральским лампасам, - они не набирались опыта, а лишь совершенствовали собственные ошибки. Так считают некоторые бывшие кураторы Комитета госбезопасности со Старой площади...

Однако и сегодня находятся профессионалы из бывшего Комитета госбезопасности СССР, которые придерживаются иного мнения, утверждая, что самоубийство Тригона-Стахановца произошло отнюдь не по причине головотяпства генералов.

Двойному агенту, считают они, попросту дали возможность тихо уйти со сцены, так как нити потянулись бы очень далеко наверх, если бы он “запел”. А деваться было некуда - “запел” бы обязательно.

Во-первых, со многих, далеко не рядовых сотрудников центрального аппарата КГБ были бы наверняка сорваны эполеты: как же вы, имея на личной связи агента, не разобрались, что он двурушник?!

Во-вторых, Огородник располагал компрометирующими материалами на представителей верхушки советского истеблишмента, с которыми общался не только в служебной обстановке, но и был вхож в их семьи. Вплоть до самого ареста Огородника принимали в качестве будущего зятя в доме члена Политбюро Виктора Гришина.

Достаточно сказать, что, будучи референтом министра иностранных дел СССР, Огородник не понаслышке знал, что жена его шефа, Лидия Дмитриевна Громыко, не брезговала банальной спекуляцией носильными вещами. В качестве “челнока” она постоянно курсировала между Нью-Йорком и Москвой, осуществляя поставки дефицитных товаров на столичный “черный рынок”. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один рейс умудрялась привезти такое количество шуб и другой женской одежды, которого хватало, чтобы затоварить несколько крупных московских комиссионков.

По некоторым данным, на вырученные деньги она приобретала бриллианты, которые затем сбывала за океаном. И такой круговорот длился не один год. А чего мелочиться, играть - так уж по-крупному!

Да и разве только это было известно агенту Комитета госбезопасности СССР и доверенному лицу двух членов Политбюро?

Словом, уход из жизни Огородника-Стахановца-Тригона (надо же, триедин в одном лице!) устраивал многих в бывшем Советском Союзе...

После смерти Огородника Комитетом был издан приказ, предписывавший всякого задерживаемого по подозрению в принадлежности к агентуре спецслужб противника раздеть догола, тщательно обыскать все полости на теле, а затем переодеть. Как правило, переодевали в казенные спортивные костюмы.

Последующие задержания шпионов, работавших в пользу США, подтвердили правомерность подобных действий. Как оказалось, всем своим агентам ЦРУ США в обязательном порядке вручало ампулы с моментально действующим ядом.

Делалось это вовсе не из гуманных побуждений. Руководство ЦРУ заботилось не об облегчении участи провалившихся агентов в “застенках КГБ”. Отнюдь нет! Его беспокоили последствия разоблачения и безопасность работавших со шпионами своих американских операторов. ЦРУ пеклось лишь о том, чтобы не стали достоянием нашей контрразведки сведения о методах, способах поддержания связи, ухищрениях и т. д., о которых на допросах мог бы поведать провалившийся “крот”.

Гималайский роман Курс на сближение

Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной, утопающей в зелени и цветах высокогорной долине в Гималаях. Жизнь коренных обитателей Поднебесья Мира течет, вернее, парит, над земной суею спокойно, размеренно, величаво.

С трудом верится, что совсем недавно этот райский уголок представлял собой театр боевых действий, где проходила передняя линия невидимого фронта “холодной войны”. Рыцари “плаща и кинжала” противоборствующих спецслужб превратили этот край обетованный в ристалище для своих тайных дуэлей, плели здесь паутину интриг, а вербовки и похищение секретов, подкуп и измена были повседневной нормой жизни белых пришельцев с Равнины...

В 1974 году в советскую - дипломатическую миссию в Непале на должность атташе по культуре прибыл Леонид Георгиевич Полещук. Разведчик по профессии, авантюрист и ловелас по жизни, не пропускавший мимо себя ни одной женской юбки, он очень быстро понял, что в Катманду ему не развернуться.

Его страсть - развлечения, которых в этом городе, увы, было явно недостаточно, а работавшие в советском посольстве женщины были все, как назло, замужем - не подступиться даже такому искушенному дамскому угоднику и сердцееду, каким был Полещук. Последнее обстоятельство удручало его больше всего, потому что год пребывания в Непале разведчик должен был провести без жены, оставшейся в Москве. Эпизодические набеги в местные дома терпимости удовлетворения не приносили, и свой похотливый взор молодой капитан фокусирует на иностранках, посещающих культурный центр для сотрудников дипломатических миссий, аккредитованных в столице Непала.

Этот внушительных размеров комплекс, возведенный на американские деньги и являвшийся их собственностью, поразил воображение Полещука, выходца из края березового ситца. Бассейн, теннисные корты, летний кинотеатр, видеозал (о видео, этом чуде техники, в Союзе тогда было мало что известно!), бильярд, спортплощадки, школа и поликлиника, куда приезжал лечиться король Непала и члены его семьи. Окружение монарха тоже считало хорошим тоном лишний раз посетить лечебно-оздоровительный комплекс при культурном центре.

Аллеи и постройки утопали в зелени, а аромат огромных, в человеческий рост, алых роз, казалось, пропитывал тебя и твою одежду насквозь.

Территория центра обнесена двумя бетонными заборами с “колючкой”, через которую пропущен электрический ток высокого напряжения.

Вход и выход - под объективами видеокамер Ворота управляются из будок, похожих на армейские доты, в которых сидят американские морские пехотинцы.

Восторг Полещука от увиденной роскоши сменился озлоблением в адрес руководителей КПСС и родного правительства, как только ему стало известно, что месячное жалованье американского сержанта из охраны центра почти в два раза превышает его капитанский оклад. Полещук получал 500 долларов, сержант - 800.

Столько же получал глава резидентуры КГБ в Непале полковник Тимофеев.

Регулярно навещаясь в оазис “сладкой жизни” - культурный центр, Полещук вскоре перезнакомился со всеми американскими дипломатами. Это входило в круг его служебных обязанностей. Он для того и прибыл, чтобы изучать персонал дипломатической миссии США в Непале и подбирать среди них кандидатов на вербовку.

В этом обществе, наполовину состоявшем из мужчин, особенно выделялась яркая, чрезвычайно эффектная блондинка Сэлли Грэйвс, Полещук сразу увлекся ею.

Американка вела себя раскованно и, как показалось Полещуку, даже чересчур беспечно для своих уже далеко не юных лет. И хотя разведчик не был новичком на ниве покорения женских сердец, тем не менее, наблюдая за нею со стороны, терялся в догадках относительно ее возраста.

С одной стороны, “поясок” у подбородка указывал на то, что она уже перешагнула тридцатилетний рубеж. Но с другой...

“Нет-нет, конечно же, ей еще нет тридцати - столько живости и задора, столько грации в движениях, с искренним восхищением следя за легкой поступью Сэлли, размышлял повеса-капитан. - А как заразительно она смеется! Да и потом, разве может умудренная жизнью женщина так по-детски наивно воспринимать простые вопросы?”

Безусловно, она моложе меня! - подвел итог своим рассуждениям Полещук, которому незадолго до прибытия в Непал исполнилось двадцать восемь лет. - Да и какая, к черту, разница... Любовь ровесников не ищет, поэтому вперед, Леня, на приступ! Женщины сдаются лихим гусарам, а не скулящим студентам!..

Стоп! А что если попробовать привлечь ее к негласному сотрудничеству? Нет, конечно, не сразу. Сначала определим, чего она стоит как партнерша в постели. Между забавами выясним, какими возможностями она располагает по службе, а там уж видно будет, стоит ли овчинка выделки - можно ли ее использовать в наших интересах... Путь не близкий, но зачем же сломя голову, напролом устремляться к вершине горы? Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет... Впрочем, постель сотрудничеству не помеха. Практикуют же французские спецслужбисты интим со своими агентессами, почему бы и мне не взять на вооружение их опыт?

Так, пора переходить от рассуждений к действиям. Сегодня же надо пригласить ее в какой-нибудь отдаленный экзотический кабачок... Внимание, она приближается! Леня - на бордаж!”

Со своей стороны, Грэйвс тоже предприняла шаги для сближения с русским атташе по культуре. Проявив завидную предприимчивость и инициативу, она сделала все возможное, чтобы оттеснить вероятных соперниц из числа незамужних американок, посещавших центр, и полностью овладеть вниманием новоявленного славянского витязя.

Полещуку и в голову не приходило, что Сэлли, это внешне беззаботное существо, может состоять в штате противоборствующего разведсообщества. А между тем Грэйвс уже девять лет являлась кадровой сотрудницей ЦРУ, сумевшей пробиться в высшие сферы этого ведомства благодаря не своей внешности, но исключительно оперативному чутью и трудолюбию.

По заданию своего шефа, руководителя резидентуры ЦРУ в Непале Джона Беллингхэма, Сэлли приняла приглашение Полещука провести вместе вечер в какомнибудь престижном столичном ресторане.

После этого они стали регулярно встречаться.

Любовный роман развивался бурно и стремительно, запросы американки росли с каждым свиданием, и вскоре капитан оказался полным банкротом, денег не хватало даже на прохладительные напитки и сигареты, сплошь американского производства - еще один манящий осколок благополучной жизни. С одной оговоркой: благополучной для тех, у кого есть деньги. И тогда Полещука осенило: он без труда добудет деньги в казино. Заведение его покорило. Он почувствовал себя своим среди разношерстной, живописной публики, сплошь состоявшей из европейцев и североамериканцев, которые толпились возле столов, где на зеленом поле метался, как сумасшедший, шарик рулетки.

Здесь была та самая атмосфера, для которой, как он считал, он рожден. Атмосфера жизни на час, погони за счастливым мгновением, которое сделает тебя богатым.

Казино на две недели стало его вторым домом. В надежде ухватить за хвост “птицу счастья” он приходил сюда каждый вечер и возвращался домой только под утро.

Случайно свалившиеся на него незначительные суммы жгли ему ладони, он тут же покупал на них новые фишки - мысль в одночасье разбогатеть превратилась в идею фикс.

Тщетно. Ему чертовски не везло, он проигрался в пух и прах, а между тем его пассия, Сэлли, становилась все привередливей и требовательней - за каждое свидание, начинавшееся в каком-нибудь экзотическом бунгало и заканчивавшееся у нее на вилле, она требовала все более дорогих подарков.

Чтобы рассчитаться с владельцем казино, а заодно не потерять любовницу, к которой уже успел привязаться, Полещук залез в кассу резидентуры.

Положение стало отчаянным, когда одолженную воровским способом крупную сумму вернуть полностью не удалось даже после продажи дипломату из ФРГ великолепной кинокамеры и фотоаппарата "Зенит".

Обанкротившийся дон жуан отдавал себе отчет, что, если не найдет выход из положения, ему, возможно, придется отвечать не только за растрату денег, предназначавшихся на оперативные расходы...

Операция "Узы Гименя"

Неожиданно на помощь пришла сама любовница, Сэлли Грэйвс. Ее предложение было до гениальности просто: тайно обвенчаться в индуистском храме и с соблюдением строжайшей конспирации, не раскрывая перед окружающими истинного характера своих отношений, жить вместе и, разумеется, иметь общий семейный бюджет.

Идея Полещуку понравилась - он надеялся воспользоваться деньгами американки, чтобы погасить оставшуюся задолженность.

Да и вообще, черт возьми, до чего же изобретательны могут быть порой женщины в своем стремлении заполучить права, пусть хотя бы временные, на вожделенного мужчину!

А в том, что Сэлли влюблена в него, Полещук не сомневался ни на минуту. Да и могло ли быть по-другому, если американка сама вызвалась стать его женой, даже не поинтересовавшись ни его семейным статусом, ни сроком дальнейшего пребывания в Непале. Конечно же, она влюблена в него по уши, как, впрочем, и он сам!

Высокомерный и заносчивый красавец-капитан и мысли не допускал, что его, "матерого аса разведки", кто-то может загнать в ловушку здесь, в Катманду, в этом Богом забытом уголке мира.

А между тем обворожительная Сэлли, выступая в роли обольстительной приманки для русского разведчика, как раз и выполняла роль "медовой ловушки".

Продумав до мелочей, как он из своей квартиры перебросит на виллу возлюбленной кабель телефона, на случай, если он вдруг в свободное от работы время зачем-то понадобится резиденту, Полещук согласился на предложение Сэлли. Однако поставил одно условие: венчаться они будут не в Катманду, а в Дели, куда ему предстоит срочно вылететь для встречи с агентом Шахом, который более двадцати лет работает на КГБ.

Нет проблем! - ответила Сэлли и в тот же день приобрела на деньги своего ведомства два авиабилета в Дели...

Бракосочетание происходило в престижном районе индийской столицы Шанти Никитан. Там, в одном из живописных скверов, для этих церемоний сооружен огромный разноцветный брезентовый шатер, внешне напоминающий цирк-шапито.

"Черт побери! - завидев храм-шатер, мысленно воскликнул жених. - Чем-то весь этот спектакль напоминает мне венчания белогвардейских офицеров в походнополевых условиях Гражданской войны у нас в России... Ну что ж, придется и мне называть Сэлли "пж" - походно-полевая жена. Нет, скорее, "пж" - походно-конспиративная жена!"

В роли священника выступал жрец-индус, который, как пояснила Сэлли, за умеренную взятку согласился узаконить тайный брак иностранцев.

Тренированным движением он привязал красивым витым шнуром угол сари, в который была облачена невеста-Грэйвс, к белому шарфу, накинутому на плечо жениха-Полещука.

Затем, громко произнося заклинания на санскрите, семь раз провел жениха и невесту вокруг жертвенного огня.

В это время какие-то люди, очевидно, подручные жреца, из крошечной темноты шатра бросали в огонь рис и черпаками плескали кокосовое масло - жертвоприношения для богов.

В заключение церемонии жрец на чистейшем английском языке объявил конспираторов мужем и женой, вручил каждому из них по конверту и пригласил к столу, на котором разложены угощения: восточные сладости, фрукты, чай и прохладительные напитки.

Полещук взглядом поискал бутылку виски, к которому успел пристраститься в обществе Сэлли, но затем вспомнил, что индусские свадьбы традиционно безалкогольные.

А жаль, новоиспеченному мужу так хотелось опрокинуть стакан-другой настоящего шотландского вискаря в честь венчания - когда-то еще можно будет почувствовать себя султаном-многоженцем!

В порыве страсти Полещук всем телом прижался к своей новоиспеченной жене и горячо зашептал ей на ухо:

Дорогая, а тебе известно, что у индусов существует такое поверье, что смертью мужа боги наказывают жену за ее грехи. Поэтому она должна последовать за мужем на погребальный костер? Этот обычай называется "сати", что в переводе с санскрита означает "вечная жена"... Неужели ты об этом не знала, моя милая затейница, когда устраивала наше бракосочетание? Мой дорогой, я впервые слышу об этом! Ты находишься в Непале меньше, чем я, а тебе, оказывается, известны такие сенсационные подробности индуистских традиций, как же так?! Не забывай, дорогая, что я - атташе по культуре, поэтому изучение традиций индуизма входит в круг моих служебных обязанностей... Что же касается сожжения жен, то существует два вида сати - "сахамарана" (смерть вдвоем) и "анумарана" (смерть в одиночку). В первом случае вдова сжигает себя вместе с трупом супруга, во втором - женщину, предварительно накачав наркотиками, сжигают добрые родственники после кремации усопшего. Если же она попытается выскочить из огня, то несчастную оглушают дубинкой... Скажи, ты какой вид сати предпочитаешь?

После всего услышанного я предпочла бы умереть раньше тебя... А до этого обязуюсь беречь тебя как зеницу ока. Теперь, насколько я понимаю, это входит в круг моих супружеских обязанностей, не так ли, дорогой?

Это мне подходит! - весело ответил разведчик, польщенный понятливостью своей подруги-жены. ...Выйдя из храма, Полещук первым делом открыл конверт.

Мама моя родная, держите меня семеро! - внутри находилось исполненное на английском языке свидетельство о браке, куда были вписаны истинные анкетные данные разведчика - вопиющая наглость жреца!

Полещук еще раздумывал, что ему предпринять - вернуться в этот брезентовый храм-шапито и демонстративно швырнуть конверт в жертвенный огонь или устроить этому взяточнику-священнику допрос с пристрастием, как вдруг услышал характерный щелчок замка сумочки, которую Сэлли держала в руках, - там исчез второй экземпляр свидетельства о браке.

Взгляды молодоженов встретились. В глазах американки полыхал огонь триумфа - игра сделана, теперь ты - мой муж! Двоеженец понял, кем инициировано письменное оформление их тайных супружеских отношений.

"Но зачем она это сделала? - спрашивал себя Полещук - Неужели эта великовозрастная дуреха надеется таким способом навсегда привязать меня к себе?! Если это так, то она - святая простота! А если... Нет-нет, без всяких "а если"! Ясно как божий день: девочка влюбилась в меня по уши и начала чудить... Ладно, сейчас мы все разложим по полочкам!"

Заорав во всю глотку: "Такси!!" - Полещук так резко схватил Сэлли за руку, что та от неожиданности вскрикнула: "О, нет, Леон!" - "Ничего, девочка! - подумал разведчик, волоча женщину к проезжей части дороги. - Сейчас ты у меня быстро усвоишь разницу между мною и этими безобидными побирושками в лохмотьях, которые нас окружают... Я тебе не индус, не сын оборванца Махатмы Ганди, я - советский разведчик! Сейчас мы тебя быстро расколем, кто тебя надоумил на выписку свидетельства о браке, да еще и в двух экземплярах!"

Расколоть Грэйвс не удалось даже после второй бутылки виски. Сам же брачный аферист напился так, что, проснувшись поутру в роскошном номере делийского "Хилтона", долго не мог сообразить, где находится и что это за обнаженная женщина лежит рядом...

В голове с грохотом перекатывались бильярдные шары похмелья, настроение встречаться с

Шахом пропало напрочь, и Полещук не нашел ничего лучшего, как отказаться от намеченной явки и продолжить возлияния по случаю бракосочетания в каком-нибудь приличном каба-
Тем более, что Сэлли выразила готовность оплатить все прихоти своего новоиспеченного мужа:
Ты такой забавный, Леон, когда выпьешь! Ты произносишь удивительные слова. Compliments, которых мне никогда и ни от кого не доводилось слышать... Вообще я заметила, что все славяне отличаются утонченностью, естественностью, даже самые несчастные из них-
Полещук хотел было спросить, где и когда Сэлли успела пообщаться со славянами, чтобы так глубоко познать их психологию, но в похмельном бессилии не в состоянии был пошевелить языком...

В последующем, начиная со дня делийского бракосочетания, все расходы по закупке спиртного возьмет на себя Грэйвс. Вернее, ведомство, к которому она принадлежала. И ведь было из-за чего!

В доставляемые Сэлли напитки спецы из ЦРУ регулярно подмешивали препарат под названием "сыворотка истины", которая притупляет мозговые центры, отвечающие за самоконтроль, "разжижает" волю, вынуждая подопытного к произвольным высказываниям. Разведчице оставалось только направлять их уточняющими вопросами в нужное русло, а американским "слухачам" - записывать разглаговольствования хмельного Полещука.

Таким образом Беллингхэм вскоре узнал очень много нового о советской резидентуре, ее составе и о взаимоотношениях между советскими разведчиками, действовавшими в Непале. Перед отлетом из Дели разведчики заехали каждый в свое посольство.

Сэлли Грэйвс - чтобы доложить об успешно проведенной операции "Узы Гименя".

Полещук - чтобы составить телеграмму, в которой сообщил о несостоявшейся явке, обвинив во всем Шаха.

К известию в московском Центре отнесутся с пониманием, потому что необязательность агентов из числа индусов общеизвестна. Удивительные люди! Полное отсутствие дисциплины и чувства ответственности перед секретными работодателями у индусов сочетается с внешне ярко выраженным стремлением помочь своему оператору, оказать услугу, сделать приятное и ни в коем случае не отказать в чем бы то ни было.

Перенос явки с Шахом устраивал Полещука и по другой причине: чаще ездешь - больше командировочных. А деньги разведчику нужны были позарез...

Все дороги ведут в казино

Конспиративный брак и совместное проживание, как и общий бюджет, денег Полещуку не прибавили - Грэйвс оказалась на удивление практичной и экономной хозяйкой, ни одной рупии нельзя было потратить без ее разрешения.

К чести американки надо отметить, что она блестяще справилась со своей ролью обольстительницы и сумела не только сохранить в тайне от "суженого" свою принадлежность к ЦРУ, но и влюбить его в себя. А тот, влюбленный и самонадеянный, так ничего и не заподозрил...

По прошествии медового месяца Полещук понял, что притворный брак с Грэйвс его финансовых проблем не устранил, и, пораскинув мозгами, вновь вернулся к идее сорвать банк в казино. Он прекрасно помнил, что это заведение однажды уже превратило его в банкрота, однако успокоил себя тем, что две бомбы в одну и ту же воронку не ложатся. Кроме того, в этот раз он намерен был действовать не очертя голову, но по-чекистски основательно, проработав все возможные варианты и, самое главное, разузнав как можно больше подробностей о своих потенциальных партнерах по карточному столу - играть в рулетку он себе запретил, чтобы не испытывать более судьбу.

С помощью своих оперативных источников Полещук сначала провел предварительную рекогносцировку на поле предстоящих сражений. Выяснил, что в казино для игры в очко и баккара регулярно собирается компания, в которую входят "братья по идеологии": первый секретарь посольства Польши Войцех Каменский, заведующий административно-хозяйственным отделом посольства ЧССР Любомир Гржинек, консул из ГДР Курт Фогель...

Такого подарка судьбы Полещук давно не получал! Очко и баккара - забавы, которым он ночи

напролет предавался во время обучения в спецшколе и достаточно в них поднаторел. Он виртуозно “заряжал” колоду, то есть умел подтасовывать карты, владел искусством передегивания, не понаслышке знал многие “мульки” - ухищрения, к которым прибегают карточные шулера. Все вместе взятое внушало уверенность, что на этот раз успех ему обеспечен и он обязательно сорвет куш.

Консул в компании игроков слыл везунчиком, удачей помеченным. Там, где другие выбивались из сил, чтобы выиграть толику, ему валом валило. Чех и поляк были игроками никудышными, поэтому никогда особо не рисковали, метали по-нищенски малыми суммами, рассчитывая не на свое умение, а на удачу. Кроме народных демократов, в компанию игроков входил еще один фигурант, чье хроническое невезение в картах выглядело особо соблазнительно для Полещука. Именно на него он делал ставку, рассчитывая поправить свои финансовые дела.

Врач из Австрии Бруно Гольдман вносил диссонанс в социалистическое картежное сообщество. В отличие от своих партнеров иноверец имел одно существенное преимущество - имел деньги. Располагая практически неограниченными суммами, он никогда не покидал стола, даже если ему не шла карта. Случалось, что он продувался до последнего цента (играли только на доллары - местная валюта у игроков не котирировалась) и, по идее, должен был бы прекратить игру ввиду утраченной кредитоспособности, но какое там! Каждый раз, исчерпав ресурс своего бумажника, Гольдман легко выпрыгивал из кресла и с традиционным возгласом: “Айн момент!” - покидал соратников, чтобы через пятнадцать минут вновь вернуться с деньгами.

Однако главными отличительными чертами доктора являлись его порядочность и обязательность. Хотя Гольдман зачастую и расставался с крупными суммами, он никогда никому не оставался должен. А это и есть первая заповедь, принцип и основа взаимоотношений товарищей по ломберному столу. Карточный долг есть карточный долг. Не отдать его - святотатство, а потребовать его вправе даже последний забулдыга, оборванец с окраины Катманду, что уж говорить о достопочтенных джентльменах - сотрудниках дипломатических миссий, пусть и социалистических стран!

Как стало известно Полещуку, австриец не только проигрывал. Иногда ему шла такая “пруха” - так везло, что всякий раз остальные игроки считали лучшим для себя выходом из положения сказать больными, сослаться на ответственное утреннее совещание и т. д., лишь бы побыстрее завершить турнир. Но все-таки чаще Гольдман оставался в проигрыше. И, как правило, выигрывал у него консул. Однако, судя по всему, этот факт его не очень беспокоил. Что свидетельствовало о том, что ему важен сам процесс, а не результат карточной баталии. При любом исходе игры он с неизменной улыбкой отдавал или забирал деньги и непременно заказывал всем по рюмке сухого “Мартини”.

Никого из партнеров не интересовало, где доктор брал деньги, хотя они и подозревали, что их происхождение не совсем безупречно, а может быть, и незаконно. По одной из версий, о которых русскому разведчику доложила агентура из числа местных жителей, Гольдман подпольно абортировал состоятельных аборигенов. По другой, кроме основной профессии, он являлся скупщиком опийного мака, переправлявшим сырье в европейские лаборатории для переработки в героин. Впрочем, никто из его партнеров не пытался найти подтверждение или опровергнуть эти версии, о которых им также было известно. Какая польза от этих подозрений, если у каждого из них были “свои тараканы на кухне” и свой “скелет в шкафу”?

Гржинек приторговывал чешским хрусталем, в основном люстрами, которые у местной знати пользовались огромным успехом. Каменский делал бизнес на дешевых польских лекарствах и янтаре, который под видом “осколков Луны” шел нарасхват.

Как ни странно, лишь консул ничем не торговал. Впрочем, ничем, кроме въездных виз в ГДР, у него возможностей торговать не было. Но кому они здесь, в Непале, да и вообще в мире, нужны? Непальцев, желающих взглянуть вблизи на “витрину социализма”, Полещук что-то не встречал. Поэтому наличие свободных денег в кармане гэдээровского дипломата капитан для себя объяснил просто: Фогель - платный агент Штази, Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики. “Раз у консула водятся деньжата, которых хватает на картежные забавы, - рассуждал Полещук, - значит, он подключен к какой-то оперативной разработке. Иначе на какие бы шиши играл Фогель, ведь у всех гэдээровских дипломатов нищенская зарплата!

Не исключено, что объектом заинтересованности Штази, по которому работает Фогель, как раз и является Гольдман. Таким образом, если шефу, полковнику Тимофееву, станет известно о моих визитах в казино, я свое присутствие смогу оправдать необходимостью “потрогать за вымя” доктора, чтобы оценить, насколько он может представлять для нас оперативный интерес... Но пока информация о том, что я посещаю казино, дойдет до резидентуры, я уже успею “высадить” и Гольдмана, и консула...

Выворачивать карманы братьям-демократам я не намерен, и не потому, что испытываю к ним чувство идеологической солидарности, отнюдь! Просто с них много не получишь, так как играют они на те деньги, которые эпизодически случается урвать... Кстати, есть еще одна причина, почему можно чувствовать себя спокойно в компании братьев по идеологии: они никому не проболтаются, что к игре подключился советский дипломат. Ведь для каждого из них это означает саморазоблачение, ибо откуда ты знаешь, что атташе по культуре посольства СССР посещает казино, если сам там не бываешь? Так что болтовня для них чревата досрочным откомандированием из Непала, - им же категорически запрещено посещать значные места... Ну что ж, такой расклад меня устраивает, - подвел итог Полещук - В общем, смелее в бой, тореадор!”

Подслушанная исповедь

Консул первый заметил Полещука, когда тот перешагнул порог кабинета для игры в карты и, как ему показалось, даже заговорщицки подмигнул. “Очень даже может быть, что он меня узнал, - решил про себя разведчик, - мы же неоднократно встречались на дипломатических приемах, хотя представлены друг другу не были. Что ж, знакомство не повредит - если карта не пойдет, будет у кого перехватить сотню-другую...”

Все встали. Полещук, чтобы упредить возможный угодливый жест Фогеля, поспешил представиться сам. Таким образом разведчик дал знать консулу, что их знакомство должно остаться тайной для остальных партнеров.

Чех и поляк, узнав, что вновь прибывший - советский дипломат, то есть “старший брат”, от которого можно ожидать любого подвоха, поостереглись оглашать свои титулы, назвав только имена.

По окончании церемонии рукопожатий и дежурных улыбок русскому дипломату предложили занять место за столом и взять карту.

Предложение прозвучало сигналом, что он принят в компанию сразу и без предварительных условий - так наркоманы со стажем охотно делятся с новичком своей дозой зелья, чтобы покрепче пристегнуть его к своей колеснице...

Однако сегодня Полещук не намерен был бросаться в воду, не зная броду, а, должен был пункт за пунктом реализовать заготовленный план.

Господа, - обратился капитан к собравшимся так, будто и не ведал, что перед ним почти сплошь “товарищи”, а не господа, - я просто хотел понаблюдать за игрой... С вашего позволения, конечно!

Аппетит приходит во время еды, господин атташе, - произнес Гольдман, - боюсь, что у вас он может появиться именно в тот момент, когда яства на столе закончатся...

Что ж, в таком случае я не премину явиться к следующей трапезе, - парировал Полещук.

Собравшиеся ответили на реплику дежурными улыбками. Полещук, чтобы ускорить процесс сближения, придвинулся к столу и стал наблюдать за игрой, исподволь присматриваясь к игрокам.

Начал с консула, который барскими манерами и обстоятельностью значительно отличался от своих компаньонов. Высокий, худощавый, пятидесятилетний мужчина, с благородными чертами лица, рыжеватой уже седеющей шевелюрой и подстриженными на английский манер усиками, консул в своем строгом темно-коричневом костюме напоминал Полещуку университетского профессора, экзаменующего нерадивых студентов. Впечатление дополнял взгляд Фогеля. О, это был взгляд человекаведа и актера одновременно! В его серо-зеленых глазах поочередно сменялась целая гамма эмоций: цепкие и хищные, они в одно мгновение могли стать ироничными и даже обволакивающе нежными. Странно, но при этом выражение лица

оставалось неизменно бесстрастным.

Гржинек был полной противоположностью консула.

“Рожа никудышная, ни носа, ни глаз, - отметил про себя Полещук, - никакого выражения - петля от наволочки, да и только. С такой внешностью тебе бы, пан Мирослав, не дипломатом - сыщиком в “наружке” служить: пройдешь рядом - никто и не заметит...”

Первый секретарь польского посольства Каменский производил отталкивающее впечатление: непропорционально большая голова с огромными залысинами раскачивалась на длинной шее, прикрепленной к щуплому, подетски хрупкому телу с короткими кривыми ножками. Его надутые пухлые губки демонстрировали преждевременную обиду на весь окружающий мир.

“Ницше, вылитый Ницше! Горбины на спине ему не хватает и... ума! А в остальном... Да и закомплексованность - та же. Вообще, давно замечено: чем меньше человек, тем больше его комплексы”, - сделал заключение Полещук, понаблюдав за поляком.

Самой колоритной фигурой в компании был Гольдман. Атлетического сложения при росте 180-185 сантиметров, тридцати лет от роду, он был воплощением красивого молодого арийца, “белокурой бестии”. Полещук вдруг представил Гольдмана в форме офицера СС, с автоматом в руках позирующим фотографу на фоне виселицы, где раскачиваются окоченевшие трупы партизан. Еще через секунду разведчику пришло в голову, что доктор одинаково впечатляюще смотрелся бы и во фраке за дирижерским пультом. “Удивительно многогранная внешность! - подумал Полещук. - Доктор с одинаковым успехом может сойти и за преуспевающего бизнесмена, и звезду киноэкрана, и молодого посла какой-нибудь европейской державы... Да, пожалуй, Гольдман своей внешностью, манерами, лоском более других присутствующих соответствует образу дипломата... Нет, скорее английского аристократа эпохи Оскара Уайльда... А эта его мальчишеская чувственность с намеком на бисексуальность! Она наверняка сводит с ума и женщин бальзаковского возраста, и нимфеток, и мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации... Интересно, кому из них большее предпочтение отдает доктор? Ладно, события покажут!”

Просидев еще минут десять и выслушав, как доктор с блеском несколько раз парировал пикировки в свой адрес, чем навлек на себя очевидную неприязнь консула, Полещук решил, что настал момент приступить к реализации второго пункта плана: пора вводить в действие “секретное оружие”.

За глаза люди о тебе высказываются куда как свободнее и откровеннее, нежели в твоём присутствии. Надо было немедленно “снять информацию” - выяснить реакцию компании на свое неожиданное появление, чтобы знать, как вести себя в дальнейшем.

С этой целью перед визитом в казино Полещук оснастил свой портфель микрофонами, магнитофоном и ретрансляционными приборами. Второй блок шпионской аппаратуры, работавшей на прием, рассовал по карманам пиджака.

Выразительно посмотрев на часы, разведчик поднялся:

Прошу прощения, господа, мне срочно надо позвонить в посольство... Телефон, если не ошибаюсь, находится в холле, не так ли?

Интернациональная бригада картежников в один голос ответила по-английски: “Да!” Лишь консул, делая вид, что всецело поглощен игрой, еще больше нахмурил брови и сосредоточенно смотрел в свои карты.

Поведение Фогеля не осталось незамеченным: “Да ты, старина, никак приревновал меня к доктору! - догадался Полещук - Успокойся, партайгеноссе Фогель, вот вернусь - и ты свою порцию внимания получишь сполна... Сегодня я вас, тебя и доктора, постоянно буду держать под прицелом, вы оба - мои клиенты в предстоящей игре!”

Разведчик поставил портфель на стул, чтобы случайный посетитель не занял его место, и быстро покинул кабинет, ставший теперь студией звукозаписи и вещания. Двигаясь в сторону туалетной комнаты, которая на ближайшие десять-пятнадцать минут должна была стать его базой по аккумулярованию информации, Полещук на ходу оголил антенну, спрятанную в нагрудном кармане пиджака, а в ухо вставил миниатюрную капсулу, заменявшую громоздкий и бросающийся в глаза наушник.

“Эх, судьба разведчика! - заулыбался от неожиданно пришедшей мысли Полещук - Даже отхожее место в случае необходимости надо уметь превратить в исповедальню... И откуда

только не приходится черпать информацию!

Ну, давайте, хлопцы-дипломаты, начинайте исповедоваться, выкладывайте все, что у вас на душе - я, как духовник, готов принять ваши сокровенные тайны! А грехи я буду отпускать вам за ломберным столом в соответствии с вашей искренностью..."

Закрыв дверь кабинки на щеколду, Полещук поудобнее уселся на унитаза и стал вслушиваться в реплики, которыми обменивались игроки.

После его ухода они должны были почувствовать себя в безопасности, и, по расчетам капитана, хоть чутьчуть, но пооткровенничать - остались-то все свои.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту перестала звучать картежная терминология, прекратилось и шуршание сдаваемых карт. Судя по всему, компаньоны приостановили игру, чтобы обсудить более важное событие: появление незваного гостя.

Этот русский, он же - черт из катапульты! - вскричал поляк - Нигде от них спасу нет!..

А что, собственно, произошло, пан Вой цех? - Полещук узнал голос консула. - Вам-то чем русские насолили? Через год вы в обнимку с ними будете праздновать тридцатилетие победы над Германией... Что-то я не совсем вас понимаю...

Да ведь все русские как один работают на КГБ... Вы разве не знаете этого, герр Фогель? Он наверняка подослан сюда! - настаивал поляк. - Он же нас всех "заложит", этот Леон! И тогда прости-прощай Гималаи, Непал... А у меня еще столько янтаря на подходе...

Ну и что вы предлагаете, пан Каменский? Уж не хотите ли вы, чтобы я на правах главного разводящего в игре выпроводил его отсюда? - парировал консул.

Нет-нет, герр Фогель, ни в коем случае... Я просто хотел узнать мнение присутствующих, не более... Нам надо выработать какую-то общую стратегию поведения в отношении русского...

Предложение чешского дипломата звучало более радикально:

Слушайте, господа, а что если мы его подкупим, а?

Вы предлагаете дать ему взятку, так, что ли, надо вас понимать, пан Любомир?! Да он швырнет вам в лицо ваши же деньги! - запротестовал Каменский.

Пан Вой цех, вы как та телега, бежите впереди лошади... Подкупить, дать взятку можно по-разному... Можно это сделать так, как предлагаете вы...

Я?! Я до такого абсурда еще не дошел! Вы за кого меня принимаете, пан Любомир?! Я, видите ли, предложил дать русскому взятку! Вы, именно вы предложили это сделать, а не я!! - возмущению поляка, казалось, не было предела.

Совершенно верно, пан Войцех, именно я предложил подкупить русского, но подкуп осуществить не в лоб, а исподволь... - нисколько не смутившись под натиском Каменского, спокойно произнес чех. - Скажем, проиграть ему энную сумму, а? После этого у него пропадет всякое желание докладывать в КГБ о том, что мы здесь собираемся... Ну, каково?

Ну что ж, это неплохая идея, - откликнулся консул. - Можно считать, что у нас уже наметился запасной вариант нейтрализации русского. Только вот в чем загвоздка, господа. Мы ведь ни разу не видели его в деле. А что если он из разряда "везунчиков", что если ему карта валом валит или, того хуже, он - шулер, а? В таком случае мы с вашим "подкупом исподволь", пан Гржинек, не то что в луже - в заднице окажемся! Молчите? То-то же! Надо сначала дать ему сыграть, предоставить возможность проявить себя, а потом уже хвататься за головы или... за бумажники!..

Вы-то почему молчите, герр Гольдман, будто вы не из нашей команды? Я, конечно, понимаю - вам не грозит проработка на партийном бюро и досрочная высылка на родину за посещение казино, поэтому вам не понять наших опасений, но вы же наш партнер! Неужели вам безразлично, что наша компания распадется?

Я не разделяю ваших опасений, господа, потому и молчу... Раньше я считал, что незнание внушает оптимизм. Слушая вас, я пришел к другому заключению: ваше незнание внушает вам пессимизм и опасения... Вам, но не мне! Потому что я знаю о русском чуть более вашего! И уж никак не могу согласиться с господином Каменским, что Леон к нам подослан...

Но откуда такая уверенность?! - вскричал поляк, но, тут же взяв себя в руки, уже спокойно добавил: - Вы, герр Гольдман что-то не договариваете... Будьте так добры, просветите нас, чтобы мы не громоздили туг нелепицы на небылицы... Поделитесь вашими знаниями о русском, вашей осведомленностью... Ну, невежды мы, что поделаешь!

Вы преувеличиваете не только опасность, исходящую от русского дипломата, господин Каменский, но и мою осведомленность... Я не ошибся, сказав, что знаю о нем чуть более вашего... Но это "чуть" позволяет мне не согласиться с вашим видением русского атташе и с вашими выводами в отношении него... Одна случайная встреча подсказала мне, что наш новый знакомый - азартный и весьма увлекающийся мужчина... Полагаю, что он пришел сюда в поисках острых ощущений, а не для того, чтобы выследить, а затем "сдать" вас, пан Каменский, вашим партайгеноссе из парткома! Думаю, ваши опасения безосновательны...

Да что вы все ходите вокруг да около, герр Гольдман! - не выдержал поляк - Говорите же наконец по существу, не дети ведь перед вами! Вы будто молитву перед обедом читаете или проповедь на паперти... Извините, доктор, нервы...

Может быть, господин Каменский, вы и правы - я несколько затянул вступление... Ну так вот, теперь по существу. Только должен вас предупредить, сначала мне придется говорить не о русском, а о других, более известных вам персонажах. Так что не торопите меня!..

Вы, конечно, помните громкий скандал в итальянском посольстве, когда в прошлом году повесился их молодой вице-консул... К сожалению, забыл его имя...

Альдо... Альдо Бевилакка, - подсказал всезнайка Фогель.

Вот-вот - Альдо! - обрадованно произнес австриец и тут же, поняв свою оплошность, с трагической ноткой в голосе добавил: - Я тогда был приглашен в итальянское посольство, чтобы составить заключение о смерти... Ну, вы же знаете, что до введения в эксплуатацию американского культурного центра я был единственным врачом-иностранцем в Катманду. Приходилось выступать в разных ипостасях, я был и оперирующим гинекологом, и терапевтом, и даже психиатром... Все это позволило мне проникнуть в такие тайны проживающих здесь европейцев и американцев, которые не снились ни непальской полиции, ни местной службе безопасности. Пациенты раскрывали мне такие секреты, которыми, быть может, не всякий приговоренный к смерти преступник поделится с причащающим его священником. Словом, о тех людях, живых или мертвых, к которым меня затребовали, я узнавал все. При этом никогда инициатива не исходила от меня, то есть я несколько не стремился что-то выведать, отнюдь. Если я и задавал вопросы, то лишь с одной целью - чтобы правильно поставить диагноз, не более...

Австриец умолк, налил себе кока-колы и не торопясь, мелкими глотками стал пить. Дипломаты, заинтригованные его рассказом, неотрывно следили за каждым его движением.

"Черт возьми, теперь ясно, почему гэдээровский консул так обхаживает доктора! - услышав последние слова Зильбермана, Полещук заерзал на унитаза. - Если я правильно оценил Фогеля и он действительно работает на Штази, значит, участвует в вербовочной разработке австрийца..."

Стоп! А может, он, как и я, "сидит под корягой" - работает под дипломатическим прикрытием, а на самом деле - восточногерманский разведчик? Но почему же мне об этом не сообщил мой "резак" (резидент. - *Грмавт.*) полковник Тимофеев? Впрочем, какая, к черту, разница, в какой ипостаси, агента или разведчика, выступает Фогель! Дело не в нем. Главное - это доктор, который представляет безусловный интерес для любой спецслужбы. Он - вездеход, имеющий в силу своей профессии возможность проникать туда, куда простому смертному не попасть и за огромные деньги! Молодцы ребята из Штази, поставили деньги на призовую лошадку, со временем она вас озолотит... А ведь я тоже не промах - догадался-таки, что за птаха этот Фогель!..

...Вдруг Полещука осенило. От волнения он даже привстал со стульчака унитаза.

"Стоп, Леня, стоп! Ты полагаешь, что этого неотразимого Бруно Гольдмана консул изучает в плане вербовки?! Окстись, Леня, ты - просто наивняк! - выругал себя Полещук за ранее выдвинутые и, как теперь ему казалось, опрометчивые предположения. - Вспомни, как консул буквально прожигал тебя взглядом, будто лазером, во время твоих пикировок с Гольдманом. А как он заерзал на стуле, когда ты пару раз похлопал доктора по плечу!..

Фогель влюблен в доктора, он ревнует тебя к австрийцу и даже не пытается этого скрыть! Может, у этих арийцев любовный роман?! Что ж, вполне может быть, что эти двое страдают "болезнью аристократов"... Во всяком случае поведение консула - достаточное тому свидетельство...

Все, с завтрашнего дня вплотную занимаюсь этими двумя персонажами!

Значит, так, телеграммы-молнии в Центр, а пока придут ответы, надо как можно больше собрать сведений об этой любовной парочке через местную агентуру... Ведь если я на правильном пути, консул с доктором должны где-то встречаться - не в казино же они любовью занимаются!.. Так, кто у меня из агентов имеет подход к гостиницам? Ну да, конечно, недавно завербованный агент Чанг, он же - полицейский! А что, если эти "голуби" любовным утехам предаются на вилле доктора? У консула виллы нет - гэдээровские дипломаты живут, как в общежитии, в одном доме...

Ну что ж, и в этом случае мне поможет Чанг. Опросит прислугу доктора, страху напустит... Да и напускать не надо - аборигены, они все заодно и против бледнолицых... В общем, сумеет! Ведь ни одно любовное свидание, даже если оно проводится в условиях максимальной конспирации, от челяди никогда не утаить. Греховными следами могут являться и измятые или испачканные простыни, и наволочки, и забытый в ванной комнате перстень, и чужие волосы в гребне хозяина, да мало ли то еще, о чем может знать только прислуга!

Словом, за работу, Леня!

Ну а если все-таки консул - мой коллега, изучающий австрийца в плане вербовки, тогда что? Идея! Почему бы мне не опередить его, закрепив за собой права на Гольдмана... Кто-то же всегда старается сильнее!..

Короче, кем бы ни являлся консул, если у него роман с доктором, мне ничто не мешает завербовать эту "голубую" парочку и заставить ее работать на себя!

Эстетствующих арийцев-извращенцев у меня на связи еще не было!

Н-да, дела... Кто бы мог подумать, что в Непале, на задворках мировой цивилизации, можно обнаружить такую коллекцию из явных и тайных сотрудников спецслужб любой, даже "голубой" окраски?!

Стоп! А что это там доктор говорил о нашей с ним случайной встрече? Уж не путаете ли вы, герр Бруно, меня с кем-либо?

Ладно, надо дослушать выступление доктора до конца, а там видно будет...".

Когда я прибыл чтобы освидетельствовать труп и составить заключение о смерти, - продолжил свой рассказ доктор, - я уже знал наверняка, что мне предстоит иметь дело с так называемым диалогическим видом самоубийства, это когда в конфликт потенциального самоубийцы включено еще какое-либо лицо, которое, как правило, и является причиной психологического кризиса, корнем зла. В таких случаях уход из жизни совершается потерпевшим из желания вызвать к себе сочувствие или собственной смертью наказать обидчика. До конца доводится лишь небольшое количество таких самоубийств, и то чаще всего по несчастливому стечению обстоятельств: собирался припугнуть, но допустил либо передозировку, либо поспешность... Что, кстати, и произошло с беднягой Апьдо... Он накинул себе петлю на шею и повесился в столовой своей виллы в тот самый момент, когда там обычно появлялся мажордом, чтобы накрыть на стол. Мажордом замешкался в винном подвале и, когда вошел в столовую, было уже поздно...

О том, что я столкнулся именно с такой шантажнодемонстративной попыткой самоубийства, свидетельствовала и составленная покойным предсмертная записка, в которой он просил прощения за свой поступок - у кого бы вы думали? Нет, не у Господа Бога и не у своих родителей... Он просил прощения у своей возлюбленной!..

Но при чем здесь итальянец и его возлюбленная, если мы собираемся выстроить линию обороны против русского? - перебил Гольдмана поляк.

Послушайте, пан Каменский! - не выдержал консул. - Вы или молча выслушайте до конца доктора, или сходите проветриться, пока мы здесь без вас примем решение! - и, перейдя с английского на немецкий, Фогель грязно выругался и попросил Гольдмана продолжать.

Надо сказать, господа, что самоубийство итальянца для меня не было такой неожиданностью, как для его коллег из посольства... Дело в том, что незадолго до своей смерти Бевилаква обратился ко мне, и я консультировал его, выступая в качестве психоаналитика или психотерапевта, - суть не в определении характера консультаций, а в том, что я выяснил о его взаимоотношениях с любимой женщиной...

Герр Гольдман, а кто она, как ее зовут? - опять не выдержал поляк.

Доктор не успел ответить, потому что Фогель, отбросив дипломатическую этику, заорал, как

фельдфебель на плацу. Да так громко, что Полещук выхватил из ушной раковины капсулу с такой поспешностью, будто это была пчела, вонзающая в него свое жало.

Вы закроете наконец рот, пан Каменский, или мне на правах старшего придется попросить вас уйти?! Послушайте, а может, вы хотите сорвать нам игру с русским и поэтому всячески мешаєте герру Гольдману сделать сообщение? Тогда убирайтесь отсюда немедленно, трус!

Ну что вы, герр консул, как можно обо мне так подумать... Впрочем, извините... Нервы, понимаете ли... С этого момента я нем, как рыба! Прошу вас, герр Гольдман, продолжайте... Считайте, что меня здесь нет...

Итальянец рассказал мне историю своей любви, пересев в другое кресло, подальше от пана Каменского, продолжал австриец, - и вот что выяснилось, господа...

Я с вашего позволения опущу не относящиеся к самоубийству Альдо подробности его знакомства с этой роковой женщиной, скажу лишь, что инициатором их отношений был не он - его возлюбленная. Хотя, как мне признался итальянец, он страстно желал этой связи, но сам бы никогда не решился сделать первый шаг...

И дело не только в том, что женщина была ослепительно красива, она вдобавок была много старше Альдо. Он догадывался об этом, но не подозревал, что разница так велика - тринадцать лет. Ему было двадцать пять, ей - тридцать восемь. Роковое число, потому что ее дочери тоже было тринадцать...

Но об этом он узнал позже, а сначала они сняли виллу и стали жить вместе. Что это была за жизнь, я мог судить по отдельным высказываниям покойного.

Ну, во-первых, он мне рассказал, что через три месяца с момента заключения ими гражданского брака он стал забывать местоимение "я", так как все решения за него принимала возлюбленная. Альдо же в их содружестве - назвать их временный союз семьей у меня не поворачивается язык - не имел даже совещательного голоса.

Она распорядилась им, как хотела. Ну, к примеру, могла разбудить его в три часа ночи, потому что ей захотелось попробовать пиццу или спагетти "а ля наполетана".

И что вы думаете? Бедняга становился к плите, чтобы удовлетворить мимолетный каприз возлюбленной.

Когда пицца была готова, она заявляла, что хочет мороженого...

В четыре часа утра, доставив мороженое из ночного ресторана, несчастный Ромео узнавал, что его краля хочет ананас...

И так повторялось по три раза на неделе!

Случались вещи и посерьезнее. Бевилакву собирались перевести на работу в итальянское посольство в Вашингтоне - возлюбленная категорически отвергла это предложение. С ее слов, это помешало бы ее служебному росту. И где?! Здесь, в Катманду!

И это при всем том, господа, что обычно у женщин на первом месте - чувства, а не работа.

Кроме того, женщины, как правило, очень серьезно воспринимают партнера, но не очень серьезно себя. В случае же с Бевилаквой все было наоборот...

Некоторое время спустя итальянец из оставленного на прикроватной тумбочке письма узнал истинную причину, по которой женщина отказалась ехать в Штаты. В Вашингтоне проживали ее родители, у которых на иждивении как раз и находилась ее дочь. Тогда же несчастный узнал и возраст своей возлюбленной... И вы знаете, как она отреагировала на эти его открытия? Просто съездила в Женеву и во всемирно известной клинике сделала косметическую операцию по омоложению кожи лица, разумеется, на деньги суженого...

Я недавно встретил ее в культурном центре. Поверьте, сейчас она выглядит много моложе, чем два года назад, то есть когда Бевилаква пал жертвой ее чар... Сегодня ей и тридцати не дашь, а ведь она уже вплотную подобралась к сорокалетнему рубежу!..

Австриец обвел притихших компаньонов взглядом, снова отхлебнул кока-колы и ритмично, как метроном, продолжил повествование:

Во время второго сеанса я спросил итальянца, что в этой женщине такого, что его держит подле нее почти два года. Знаете, что он мне ответил? "Синьор Гольдман, если бы я был на вашем месте, я бы тоже задал себе подобный вопрос. Но ответить на него толком не могу. Половине своих поступков я не нахожу объяснений. Единственное, в чем я абсолютно уверен: я не могу без нее, но и с нею тоже... Наша совместная жизнь превратилась в ад сплошных скандалов,

бесконечную цепь ее придирок ко мне... Я очень устал и не знаю, что делать... Я чувствую себя собакой, которую потерял хозяин. Только вот в чем вопрос: кто хозяин меня самого? Я или она? Я сейчас в очередной раз пытаюсь оторвать себя от нее - я ушел, порвал с нею... Но как долго будет продолжаться мое одиночество, не знаю, я не уверен в самом себе, поэтому, доктор, я и решил прибегнуть к вашей помощи.

Вы знаете, кто такие зомби? Так вот, ей удалось меня зомбировать. Я боюсь, что она позвонит и скажет "приходи", я все брошу и пойду. Мне стыдно признаться, что я дважды пытался в ее присутствии выброситься из окна, но... И это была не показуха! Я действительно был на грани срыва. Почему был?! Я уже сорвался и продолжаю лететь в пропасть... Помогите мне, синьор Гольдман!

Больше двух часов я пытался объяснить ему положение, в котором он очутился. Я сказал ему, что она старше, опытнее и сильнее. Когда они сошлись, она остановила его в развитии. У него начался затяжной прыжок через его возраст. Прыжок через себя, который ему никак не удавался, потому что был противоестественен. Сама природа тому противилась!

Я пытался убедить его, что в поисках желаний "мира" в доме он напрасно прощает своей возлюбленной все ее выходки. Потому что в перспективе постоянная напряженность может привести его к депрессии.

Еще в течение часа я безуспешно втолковывал ему, что если его женщина не склонна к компромиссам, то ни о каком равноправии нет и речи.

Я доказывал ему, что она попросту использует его в своих корыстных интересах. Ну, хотя бы для удовлетворения своего либидо, своих половых потребностей. Все оказалось без толку... У меня были и другие соображения на ее счет, но тогда я не решился посвятить его в них. Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы. Увы, через день его не стало...

Еще тогда, во время нашей последней встречи, я подумал, что ему тяжело не только потому, что он не успел сформироваться как мужчина, и поэтому не в силах противостоять ее натиску. Дело было не столько в нем, сколько в ней!

Мне и до сих пор она представляется женщиной-вампиром. Этаким комбинированным образчиком энергетического вампира и женщины-тирана...

Думаю, что Бевилаква - не первый молодой мужчина, который попал под пресс ее очарования и... садомазохистских наклонностей. Затрудняюсь сказать, все ли мужчины, которых она сумела в разное время в себя влюбить, кончали так, как это случилось с беднягой итальянцем, но то, что он не последний, - в этом я абсолютно уверен!

Она попросту не мыслит своего существования без молодых мужчин, которые, влюбившись в нее до беспамьятства, подпитывают ее своей энергией. Лишив заложенного в них природой ресурса жизненных сил, разрушив охранный барьер их психики, она таким образом доводит их до самоубийства. А затем принимается за нового. И, заметьте, с формальных позиций закона ее не в чем упрекнуть! Все списывается на неуравновешенный характер ее жертвы-любownika, на несчастную любовь, наконец...

Доктор умолк, поочередно посмотрел в глаза притихшим от впечатлений компаньонам и произнес:

Надеюсь, господа, вы не видите в вашем покорном слуге клятвоотступника, нарушившего завет Гиппократата? Я ведь только с вами так откровенен... Никому из аккредитованных здесь дипломатов, журналистов и прочих лиц я ничего не рассказывал, хотя некоторые и пытались использовать меня в своих целях как источник информации...

Ну что вы, герр Гольдман, - ответил за всех консул, - мы же прекрасно понимаем, что самоубийство итальянца - дело прошлое, поэтому рассказанные вами подробности его отношений с некой женщиной-демоном сегодня уже никто не сможет использовать ему во вред... Что же касается его возлюбленной, то с нею вас клятва Гиппократата никак не связывает... А все нами услышанное умрет в этом кабинете, даю вам слово джентльмена!

Кстати, герр Гольдман, - вкрадчиво обратился к доктору Фогель, - вы сказали, что недавно встретили эту женщину-вамп в культурном центре... Полагаю, что даже если мы не так молоды, как бедняга Альдо, риск угодить в ее сети имеется у каждого из нас... Как ее зовут?

Сэлли Грэй...

В ту же секунду Полещук сорвался с унитаза, выбил закрытую на щеколду дверь и в несколько прыжков очутился у двери кабинета, где десятью минутами раньше он оставил своих потенциальных партнеров. Партнеров? Нет, не только партнеров - интриганов и заговорщиков! В следующей тираде, и Полещук был в этом совершенно уверен, Гольдман, идя навстречу пожеланиям компаньонов, должен был связать его имя с Сэлли, рассказать не только об упомянутой им случайной встрече, но и, что хуже, выложить свои умозаключения. А вот этого допустить разведчик никак не мог!

Войдя в кабинет, Полещук понял, что успел вовремя прервать откровения австрийца.

Облегченно вздохнув, он с улыбкой, от которой должны были растаять снега на Эвересте, спросил:

Господа, я не очень долго отсутствовал? Вы знаете, у меня и в самом деле появилось желание присоединиться к игре, если, конечно, вы не возражаете...

Разведчик заметил, как недобро сверкнули за стеклами очков глаза польского дипломата.

Встретившись взглядом с Полещуком, он поспешил скрыть лицо за веером карт.

Гольдман и Гржинек оторопело смотрели на русского. Похоже, что теперь и они готовы были согласиться с определением, данным ему паном Каменским: "черт из катапульты". Второй раз за какие-то полчаса он вторгается в кабинет, когда его там меньше всего ожидают. Лишь консул при появлении Полещука многозначительно ухмыльнулся...

К барьеру, шулер!

Первым пришел в себя Фогель.

Похвально, господин атташе! Очевидно, тот с кем вы вели телефонные переговоры, сумел настроить вас на боевой лад. Bravo! Знаете, как порой не хватает нашей компании свежих идей, какого-то необычного поворота в игре, непривычных ставок, наконец. Думаю, с вашим приходом все изменится в наших турнирах... Итак, вперед, к барьеру! - воскликнул Фогель и с присущей ему ловкостью открыл карту, которую сдал ему банковавший Гольдман.

Консул выиграл, и доктор достал из бумажника несколько хрустящих банкнот.

Каменский, разогреваемый внутренней злобой на русского, сразу поставил на кон пятьдесят долларов и вскоре удвоил банк. Поляк выиграл, и Гольдман опять достал доллары из бумажника.

Каменский хотел было выйти из игры, но консул, не считая денег, бросил:

Ва-банк! - и проиграл.

С ловкостью достав из кармана сумму проигрыша, он швырнул деньги на стол и объявил:

Еще раз ва-банк!

Гржинек вышел из игры, Гольдман снова взял банк на себя и сразу бросил карту Полещуку.

Разведчик выиграл, затем проиграл, потом снова выиграл, еще раз проиграл...

Так продолжалось около двух часов, в течение которых Полещук ни разу не держал банк. Делал он это с умыслом: надо было распалить игроков.

Разведчик собирался довести партнеров до нужной кондиции, а затем, завладев банком, пустить в ход известные ему шулерские приемы. "Сегодня вы все уйдете отсюда в одних трусах, на меньшее я не согласен!" - мысленно приговорил всех сидящих за столом Полещук.

Когда банк перешел к консулу, все почувствовали, что наконец начинается серьезная игра.

Он проиграл, однако, вопреки традиции, тут же заложил новый банк. Опять проиграл и опять стал держать следующий, третий по счету банк. Никто не возражал, потому что все были в выигрыше, и Полещук больше всех.

Свой первоначальный капитал, триста долларов, одолженные у Сэлли, он спрятал поглубже в карман, решив ни в коем случае им не рисковать. Затем он сам заложил банк, вскоре удвоил его, снял, и в дальнейшем счастье уже не изменяло ему и при других, сменявших друг друга банкометах.

Сумма в тысячу долларов, которую он должен был вернуть в кассу резидентуры, уже была превышена на пару сотен долларов, когда консул предложил прервать игру и промочить горло чем-нибудь покрепче.

Угощает тот, кто больше всех выиграл! - скомандовал Фогель. Полещук, полагая, что это

традиция клуба, с готовностью нажал кнопку вызова официанта.
Восточные демократы и Гольдман от виски отказались, предпочтя местное сухое вино.
Полещук, находясь в превосходном расположении духа, распорядился принести каждому по бутылке вина - знай наших, оборванцы с восточной окраины Европы!
Себе заказал бутылку любимого напитка - виски.
Судя по объему вашего заказа, - вкрадчиво произнес консул, - вы намерены играть до утра, не так ли, господин атташе?
А почему бы и нет! - воскликнул Полещук.
Видите ли, господин атташе, независимо от того, как складывается игра, мы играем только до часу ночи и ни минутой дольше... Такова традиция!
Полещук посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать.
Ну, тогда к барьеру, господа, не будем терять времени!
Фогель оценивающе посмотрел на Полещука. Лицо разведчика пылало азартом: глаза сверкали, ноздри подрагивали, как у охотничьей собаки, учуявшей добычу.
"Ну что ж, - принял решение консул, - придется взять на себя еще и роль официанта. Ваш стакан, Леон, или как там вас зовут, ни секунды не будет пуст... Да и вообще, пора вводить в действие наше с доктором секретное оружие!"
Остальные присутствующие также обратили внимание на то, как громко, даже развязно, прозвучало приглашение русского к игре. А ведь в начале знакомства этот Леон вел себя сдержанней. Неужели на него так подействовал выигрыш? Нет, скорее всего, ударил алкоголь в голову!
Игроки вновь расселись по своим местам, бледный свет мирно струился из-под зеленого абажура, ничто не предвещало бури, а между тем она по воле консула уже нависла над карточным столом...
Полещук после выпитых двух стаканов виски основательно захмелел и пошел напролом. При первой же раздаче поставил более крупную купюру, чем собирался, но выиграл. Эта счастливая ошибка внушила ему уверенность, что судьба ведет его за руку, и он удвоил ставку. И проиграл. Проиграл и в следующий раз, потом еще и еще...
Настал момент, когда выигранной ранее тысяче долларов стала угрожать серьезная опасность. Наконец, когда банк перешел к Полещуку, он, применив все свои шулерские навыки, сумел восстановить статус кво, более того, довел свой выигрыш до четырех тысяч долларов! Сразу вслед за этим хотел заказать себе еще одну бутылку виски, но в последний момент передумал... Каменский и Гржинек вышли из игры, но с неослабевающим азартом следили за схваткой доктора, консула и русского атташе.
Господа, без четверти час, - сказал Каменский.
Это последний банк, - робко предложил доктор, который понял, что не успеет съездить домой за деньгами в случае проигрыша.
Нет, заложим еще - каждый по одному! - заплетающимся языком предложил Полещук.
Консул в знак согласия кивнул головой и тут же объявил такой банк, какого в этой компании еще не метали - две тысячи долларов! Каменский и Гржинек, разом охнув, демонстративно отодвинулись от стола.
Я пас... - едва выдавил из себя доктор.
Ва-банк! - заорал Полещук и тут же испугался своих слов и даже своего голоса.
Консул открыл девятку, и бумажник разведчика полегчал на тысячу долларов.
Опять ва-банк! - гаркнул разведчик.
Снова проигрыш. Опрокинув в себя стакан виски, Полещук закурил сигарету, откашлялся и на удивление тихо сказал:
Еще раз ва-банк...
Консул молча открыл свою карту. Девятка? Никто не назвал ее, и все-таки присутствующие поняли, что карта была именно этого номинала.
Полещук почувствовал легкое головокружение, выхватил из кармана платок, вытер взмокший лоб и оглядел партнеров. Гольдман не сводил с него гипнотизирующего взгляда.
"Странно, - мелькнула мысль в затуманенном мозгу разведчика, - что это доктор на меня так уставился... Он не сводит с меня глаз с тех пор, как я впервые стал банкометом... Да и вообще,

как, черт возьми, быстро все произошло! Минутой назад я был обладателем трех тысяч долларов, и вдруг! Ну ничего, тысяча еще есть, значит, есть надежда...”

Полещук вынул из бумажника пять купюр.

Пятьсот? - бесстрастно спросил консул.

Разведчик кивнул и открыл брошенную ему карту.

Восьмерка. Консул прикупил. Девятка.

Половина оставшейся у Полещука суммы была проиграна. Он покачал головой, словно не хотел с этим соглашаться. И поставил последние 500 долларов.

Через секунду ушли и они.

“Черт подери, ну до чего же не везет! - мысленно выругался разведчик. - За десять минут проиграть четыре тысячи долларов, мыслимое ли дело?! Да расскажи я об этом кому-нибудь из сослуживцев, они назовут меня дешевым болтуном... Да и действительно, не сказка ли все, здесь происходящее?! Нет, скорее театр абсурда с участием двух актеров в главной роли!”
Господин атташе? - раздался голос консула.

Полещуку показалось, что он прозвучал в соседней комнате - в висках молотом стучала кровь, а уши - будто заложены ватой. К тому же еще больше стала кружиться голова.

“Неужели на меня так подействовало спиртное? - не переставал удивляться своему поведению разведчик

Но я ведь и бутылки еще не осилил! Нет, явно, что-то не так говорю не то, что хочу, делаю не то, что собирался... Прямо наваждение какое-то!”

В знак протеста: “наши просто так не сдаются!” - Полещук помахал рукой перед носом Фогеля и вынул оставшиеся триста долларов. Поставил 50. Выиграл. Снова поставил 50 и опять выиграл. Фортуна подмигивала ему одним глазом - решайся!

Громко рассмеявшись, Полещук взял стакан виски, за секунду до этого услужливо наполненный консулом, и не спеша выпил. С трудом удерживая свое тело в вертикальном положении, обратился к доктору, который попрежнему не сводил с него глаз:

Не будете ли так любезны, господин Голь... Голь... господин доктор, одолжить мне тысячу долларов... Вы же видели - сегодня мой день, я выигрываю!

Мне бесконечно жаль, господин атташе, но я проиграл все...

Вслед за этим консул, не пересчитывая, небрежно подвинул Полещуку несколько купюр.

Прошу вас, господин атташе! Здесь ровно тысяча. Возьмете карту?

Почему бы и нет! - рассмеялся Полещук.

Сколько ставите, господин атташе?

Все!

Разведчик взял карту, Фогель со своей преувеличенной медлительностью - тоже.

Семерка. Нет, он не собирается прикупать. Впрочем, консул, даже не спросив его, открыл свою. Восьмерка. Проклятье!

Фогель подвинул разведчику стопку банкнот:

Здесь две тысячи... Прошу вас, господин атташе, возьмите.

“В благородство играешь, сука, ну-ну... Сейчас посмотрим, чья возьмет!” - подумал Полещук и тут же объявил:

Две тысячи, господин консул!

Две тысячи?

Конечно, господин консул.

Полещук ничего не прикупил, у него была семерка. А консул вынужден был прикупить.

На этот раз немец изменил своей привычке - поспешил. И было из-за чего! К своей двойке он прикупил семерку пик. И так, у него ровно девять очков. Впрочем, достаточно было и восьми, чтобы две тысячи вернулись к нему.

После этого их обладателем сразу же стал разведчик. Потом он выиграл еще. Сколько у него?

Три или четыре тысячи?

Не стоит считать - это приносит несчастье!

И так как Полещук уже не знал, сколько он, собственно, должен, он снова поставил две тысячи.

Пришла четверка пик. Мало! К ней надо прикупить. Получил шестерку пик. Перебор на одно очко. Проклятье! Открыли карты. Оказалось, что консул преспокойненько выжидал, имея на

руках всего лишь тройку. Сволочь! Уж не шулерничает ли этот старый змей, консул?!
Две тысячи еще несколько раз пересекли стол, как вдруг за окном пробили часы на королевском дворце.
Последний раз! - вскричал Полещук и придвинул ворох купюр к центру стола.
Сколько?
Все!
Восьмерка - до выигрыша рукой подать! Но почему молчит консул, не отрывая взгляда от своей карты?!
Наконец Фогель с непроницаемым лицом, ставшим бледнее обычного, показал присутствующим - нет, не русскому атташе, с которым вел дуэль уже более часа, а остальным игрокам, затаившимся, как мыши перед рассветом, - свою карту. Девятка...
Итак, господин атташе, уговор дороже денег... Сейчас две минуты второго, а мне вы должны... - консул выдержал секундную паузу, рассматривая разбросанные по столу купюры. - Мне вы должны шесть тысяч... Долларов! Полагаю, мы можем обойтись без расписки?
Конечно, - вскричал Каменский, - мы все здесь свидетели!
Усадив едва державшегося на ногах Полещука на заднее сиденье такси и авансом расплатившись с водителем, консул и доктор вернулись к ломберному столу.
Гржинек сладко похрапывал, забравшись с ногами в глубокое кресло.
Каменский, упершись подбородком в сложенные на столе руки, не сводил остекленевшего взгляда с разбросанных по столу банкнот. Он устало повернул голову в сторону вошедших. Но вдруг оживился, вскочил на ноги и ринулся навстречу Фогелю.
Господин консул, я требую объяснений! Зачем вы раскрутили русского на такую огромную сумму?! Вы ж: е таким образом подписали всем нам приговор!
Фогель, даже не удостоив скандалиста взгляда, обеими руками сгрэб деньги в кучу и стал сосредоточенно сортировать банкноты согласно их номиналу.
Нет-нет, господин консул, я никогда не думал...
Наконец-то вы признались, пан Каменский, что "никогда не думали"! - торжествующе воскликнул консул. - Я давно подозревал вас в бездумном отношении ко всему, что находится за пределами ваших операций с янтарем, но воспитание не позволяло мне сделать вам замечание... Слава богу, теперь вы сами признались в отсутствии мыслительных способностей! Да знаете ли вы, что благодаря вашим потугам за карточным столом я едва не стал банкротом?!
Консул взглянул на ставшего пунцовым Каменского и дальше уже примирительно произнес: Ладно, прочь склоки, давайте объяснимся... Если вы заметили, в начале игры я старался придерживаться намеченной тактики. Той, которую предложил пан Гржинек - дать русскому немного выиграть у нас... Но это был первый импульс.
А как говаривал незабвенный мсье Талейран: "бойтесь первого импульса, ибо он, как правило, благороден! " Вот тогда-то, вспомнив наставление искуснейшего из дипломатов, я решил не играть в благородство, а сделать наоборот...
То есть?
То есть выставить русского на все деньги. Поверьте, эта мера будет иметь значительно большее воздействие на него, чем если бы мы дали ему выиграть какие-то крохи... Теперь он до конца своего пребывания в Катманду прикован к нашей колеснице... Он не в состоянии одним махом погасить свой долг в шесть тысяч долларов, не так ли?
Безусловно, герр консул! - с готовностью солдата-срочника ответил поляк.
А раз так, то ему ничего не остается, как молчать и потихоньку отыгрываться... Я надеюсь, вы, пан Каменский, не будете настаивать на единовременном погашении русским его долга... Мы же не в XIX веке живем, или я не прав?
Конечно-конечно, герр Фогель... Да и какие претензии могут быть у меня к русскому? Он же должен вам, а не мне!
Вот для того, чтобы он остался должен только мне, я и взял всю игру на себя... Впрочем, была еще одна причина, заставившая меня действовать по собственному разумению...
Интересно, какая?
Русский дипломат - он шулер... Вы заметили, как резво он выиграл у меня более трех тысяч? А все оттого, что распоряжался колодой. Он - мастер передергивать карты! Да разве только это...

Но уж когда банковать стал я, извините, пришлось преподать наглецу урок хорошего тона, нет - высшего пилотажа! Чтобы он не подумал, что набрел на простачков, которые впервые держат в руках инструменты...

Простите за откровенность, герр Фогель, но как вы можете определить, кто шулер, а кто - нет, если сами не владеете шулерскими приемами?!

Я о них забываю, играя с вами... А когда встречаю за столом настоящего шулера, сразу же их вспоминаю...

Вот так сюрприз! Сюрприз и предостережение всем нам... Оказывается, вы, герр Фогель, тоже можете быть искренним... иногда!

Кстати, о сюрпризах, - вмешался в перебранку Гольдман. - У меня тоже есть один... Знаете, куда отправился ночевать русский атташе? Таксисту он назвал адрес Сэлли Грэйвс!

Да, действительно, сегодня у нас вечер сюрпризов, - процедил сквозь зубы консул и, кивнув в сторону захрапавшего Гржинека, добавил:

Похоже, он - единственный из нашей компании, кому наплевать на все наши... сюрпризы!

Арийский тандем

На следующее утро Полещук проснулся раньше обычного от страшной головной боли. Самое примечательное было в том, что он не испытывал чувства похмелья, как это бывало после основательного "перебора".

"Да и что я такого, черт побери, вчера выпил? Пустяки, даже бутылку виски не уговорил! Раньше со мной ничего подобного не происходило. Нет, здесь что-то не так... Уж не подсыпали ли мне партнеры чего-либо в виски?..".

Осторожно, чтобы не разбудить Сэлли, разведчик выпростал ноги из-под одеяла и нагишом отправился на кухню. Выпил сразу две таблетки аспирина и пару чашек крепчайшего чая - полегчало. Часы показывали начало седьмого.

"Слава богу, что сегодня выходной день и не нужно ехать в резидентуру... Впрочем, с Чангом все равно надо будет встретиться, но это - ближе к вечеру. - Полещук вспомнил о своем ночном намерении выяснить характер взаимоотношений консула с доктором. - Так, а сейчас, пока спит Сэлли, надо, не теряя времени, еще раз прослушать вчерашние откровения австрийца и, вообще весь разговор моих компаньонов, черт бы их всех побрал, особенно консула! Может, найдется какая-то деталь, зацепка, на которую я вчера не обратил внимания..."

Полещук принес на кухню пиджак и портфель. Вытаскивая из карманов аппаратуру, вдруг наткнулся на клочок бумаги, на котором было написано:

"Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом \$6000. Искренне Ваш Курт". Подпись и число.

"Значит, консул был настолько уверен, что я ничего не вспомню из ночных событий, и поэтому решил оставить мне автограф. А вот это уже промашка, партайгеноссе Фогель, да еще какая! И не потому, что вы засомневались в моей памяти, нет. Ошибка ваша в том, что я теперь не только имею образец вашего почерка, но и текст, который, в зависимости от складывающихся обстоятельств, можно будет очень выгодно использовать. Все будет зависеть от того, кому я подам этот материал и как я его буду интерпретировать..."

Ну что ж, пеняйте на себя, Курт. Обрадовавшись выигрышу, а потом испугавшись, что можете его не получить, вы из-за своей жадности загнали себя в капкан!"

Искушенный в интригах ум Полещука, словно ЭВМ, немедленно выдал несколько вариантов, как он в будущем сможет использовать оказавшуюся в его руках записку.

Во всех спецслужбах, будь то разведка или контрразведка, существует свое разделение труда, зависящее от личных качеств сотрудников.

Есть блестящие вербовщики, которые не в состоянии связно изложить свои мысли на бумаге, и, наоборот, есть виртуозы пера, способные грошовой мерою преподнести как битву при Ватерлоо.

Есть блестящие руководители крупных коллективов, которые могут оказаться совершенно беспомощными на боевом поле, и, наоборот, есть простые оперы, чей изобретательный и безжалостный ум в состоянии родить такую интригу, от которой целый департамент противника будет стоять на ушах.

К последнему разряду оперработников как раз и принадлежал Полещук.

“Ну, к примеру, партайгеноссе Фогель, я через какого-нибудь своего агента доведу до сведения гэдээровского посла, то есть вашего непосредственного начальника, что вы даете деньги в рост местным торговцам или бизнесменам. А в подтверждение обвинений агент приложит копию этой писульки. У вашего посла возникнет естественный вопрос: откуда у вас, при вашей нищенской зарплате, могут быть лишние деньги? Значит, вы имеете дополнительный приработок! А законен ли он, если вам по роду деятельности категорически запрещено подрабатывать на стороне?! Да разве только это...

Вопросы, вопросы и вопросы, которые вам будут задавать там, где на них ох как трудно найти убедительные ответы...

Да, поторопились вы, товарищ Курт, и сами же себя загнали в ловушку! И, собственно, из-за чего? Из-за жадности! Ну что ж, жадность, она и более выдающихся людей, не чета вам, губила... Вы решили напомнить мне, что я должен вам \$6000, не так ли, товарищ Курт? Так вот теперь за эту сумму вы у меня свое послание и выкупите. Сами напросились, уж не взыщите! В общем, считайте, что письменная контрольная вами провалена, теперь послушаем, что вы там говорили своим партнерам в мое отсутствие, может, и там найдется что-нибудь в этом же духе...”

Прослушивая магнитофонную запись, Полещук делал пометки в блокноте, а иногда переписывал целые фразы - пригодится. Разумеется, особое внимание он уделил рассказу Гольдмана об отношениях Сэлли с итальянцем.

Разведчик еще и еще раз возвращался именно к этому фрагменту, но не потому, что испытывал какое-то наслаждение от сознания своего превосходства над безвольным Бевилаквой и Сэлли, женщиной-вамп, которая, по словам доктора, загонит в петлю еще не одного молодого мужика. Отнюдь!

Тиран в отношениях с женщинами, Полещук в душе посмеивался над рассуждениями Гольдмана, будучи совершенно уверен, что та участь, которая постигла неврастеника-итальянца, ему не грозит.

Интуиция подсказывала ему, что именно в высказываниях доктора кроется разгадка, ключ к его вчерашнему проигрышу и сегодняшнему тяжелому, но отнюдь не постпохмельному, состоянию. Однако всякий раз у него не хватало терпения дослушать рассказ австрийца до конца.

Наконец, отчаявшись найти какую-либо зацепку, Полещук оставил включенным магнитофон и обратился к своим записям в блокноте. В тот же момент его слух поразила фраза, произнесенная доктором по завершении повествования: “Я лишь предложил, ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы”.

Полещук выскочил из-за стола и в сильном возбуждении начал вышагивать по кухне. “Вот тебе, Леня, и разгадка, вот тебе и объяснение, почему вчера ты продул партию! Значит, в тот момент, когда банк перешел в руки Фогеля, эта австрийская сволочь начала меня гипнотизировать! То-то он не сводил с меня глаз... А я-то, наивняк, положился на свое умение вовремя передернуть карту, всего-то! Н-да, против лома нет приема... Разве мог я вчера со своими допотопными “мульками” тягаться с дипломированным гипнотизером?! В свое время мне приходилось сражаться с мастаками, которые заранее метят карты или специальные очки надевают, чтобы издали видеть карту противника, но чтоб гипнотизировать партнера... Нет, увольте, таких среди картежников я еще не встречал.

Наши преферансисты говорят: “Знал бы прикуп - жил бы в Сочи”. Наивные! Что такое знание прикупа в сравнении с манипуляциями гипнотизера за карточным столом? Вот кто может безбедно жить - гипнотизер, и не только в Сочи! В этом я сам вчера убедился...

Н-да, здорово сработал дуэт Фогель - Гольдман! Один, значит, мне виски в бокал без устали подливал, а второй тем временем направлял на меня силу внушения... То-то я всякий раз игру невпопад заказывал. Говорил не то, что думал, делал не то, что хотел... И ведь что интересно: бомбардировать меня доктор принялся только после того, как я сорвал крупный куш, раздел консула на целых \$4000! Слаженно работают арийцы, ничего не скажешь...

А теперь эта сволочь играет в благородство:

“Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом \$6000. Искренне Ваш Курт”.

Ну что ж, товарищ Курт, раз вы не спешите получить обманным путем выигранные у меня

деньги, так тому и быть. Встретимся после того, как сработает Чанг и придет ответ из Москвы!” Все бы, конечно, было нормально, если бы в кассу резидентуры не надо было возвращать тысячу долларов... Что делать? Их вернуть необходимо до возвращения Тимофеева из отпуска...

Чужой среди своих

Закончив прослушивание записей и подкрепив себя еще одной таблеткой аспирина и чашкой чая, Полещук вспомнил о привычке Чанга работать по выходным дням до обеда. Наспех приведя себя в порядок, разведчик опрометью бросился в гараж.

На ходу сообразил, что лучше воспользоваться машиной Сэлли - в выходной день американские дипломатические номера будут меньше привлекать внимание полицейских. Тем более что машину придется оставить на улице у здания непальского министерства внутренних дел.

На минуту заехал в резидентуру, взял портативный фотоаппарат и несколько бутылок “Посольской” - по опыту знал, что без спиртного на полноценную явку можно не рассчитывать... Советские разведчики, как правило, встречались со своими агентами из числа непальцев в каком-нибудь из храмов исторического комплекса Пашупатинатх, расположенного в нескольких минутах езды от Катманду.

Однако хорониться по углам храмов, встречаясь с таким секретным помощником, как Чанг, было совершенно излишне. В непальском министерстве внутренних дел агент возглавлял департамент виз, регистрации и контроля за находящимися в стране иностранными гражданами.

Его служебное положение само по себе выполняло роль естественного прикрытия для проведения конспиративных встреч, так как появление “бледнолицых” в его кабинете не вызывало никаких подозрений у местной контрразведки - работа у полковника такая...

Чанг, он же полковник Лакшман Шарма, был завербован предшественником Полещука майором Рогачевым, после того как организовал отправку его жены на лечение к “курганскому кудеснику” хирургу Гавриилу Илизарову.

Шарма узнал о враче-волшебнике, прочитав публикацию в “Нью-Йорк тайме”, и в тот же день попросил аудиенцию у советского посла в Непале Григория Пасютина.

Посол, в начале своей дипломатической карьеры состоявший в агентурном аппарате КГБ и сохранивший (как ни странно!) добрые чувства к этому ведомству, сообщил о предстоящем визите непальца резиденту, полковнику Тимофееву. Тот вызвал к себе майора Рогачева, и работа началась...

В итоге молодая женщина с врожденным дефектом - левая нога короче правой на несколько сантиметров - была направлена в Союз и наконец избавилась от пожизненной хромоты. Кару божью устранили человеческий гений и золотые руки Илизарова...

В конце шестидесятых - начале семидесятых годов XX века Гавриил Илизаров своей новаторской методикой врачевания врожденных и в несчастье приобретенных дефектов костей и суставов конечностей произвел настоящий переворот в травматологии и ортопедии, завоевав заслуженную мировую славу.

Клиника целителя из глубинки стала приносить стране баснословные прибыли в свободно конвертируемой валюте - в Курган, ставший уральской Меккой, хлынули богатые калеки со всего света!

Однако для широких масс Советского Союза Илизаров по воле главного идеолога КПСС Михаила Суслова по-прежнему продолжал оставаться безызвестным местечковым костоправом без званий и имени.

Главное для всесоюзного идеолога номер один Михаила Суслова было в другом. В том, что отчество у Гавриила было Абрамович! Тысячи и тысячи советских граждан еврейской национальности подали заявления и ожидали своей очереди выехать из СССР на постоянное жительство, куда-нибудь подальше от реалий развитого социализма, а тут еще разгоравшийся арабо-израильский конфликт”.

Поди знай, как истолкует сирийский президент-самодержец Хафез Асад или палестинский бомж Арафат популяризацию врача с таким одиозным для арабского уха отчеством.

Нет, пусть уж Илизаров врачует себе втихую, ибо интернациональная дружба превыше всего, ее надо беречь, даже в ущерб престижу и достижениям национальной медицины в глазах мировой общественности!

Докторскую диссертацию Илизарова Высшая аттестационная комиссия утвердила лишь после того, как число прооперированных им инвалидов-иностранцев перевалило за тысячу.

В 1978 году, когда общая сумма зарубежных платежей за уникальные операции достигла десяти миллионов долларов, Илизаров стал лауреатом Ленинской премии и обладателем аж десяти тысяч... рублей!

Героя Соцтруда долго не давали - противился все тот же главный идеологический цербер СССР Михаил Суслов. И только когда всемогущий догматик, будучи тяжело больным, порядком отошел от партийных и государственных дел, как на тебе, получи, Гаврила Абрамович, Золотую Звезду!

На следующий день после возвращения жены из Кургана, где ей удлиннили малую берцовую кость на целых семь сантиметров, полковник Лакшман Шарма собственной персоной заявился в советское посольство. Онто, наивный, полагал, что отделается выражением благодарности и заверениями в вечной дружбе между советским и непальским народами. Не тут-то было!

В непальской резидентуре, да и вообще во всей советской внешней разведке, давно уже не верили всяким там лозунгам, типа: "Непали - Русси, бхай, бхай!" (Непальцы и русские - братья!), поэтому вопреки ожиданиям Шарма не получил аудиенции у посла, а был встречен резидентом полковником Тимофеевым и майором Рогачевым, выступавшими в роли первого секретаря посольства и атташе по культуре, соответственно.

В малом банкетном зале по случаю прибытия в посольство высокого гостя был накрыт стол с традиционно русскими разносолами из личных запасов посла. Сэкономить на гостеприимстве, решили разведчики, значит упустить один шанс из миллиона.

Действительно, случай вышел уникальный.

За такими высокопоставленными чиновниками из системы МВД, коим являлся Шарма, иностранные спецслужбы охотятся годами, используя весь арсенал имеющихся средств, чтобы попытаться подловить, скомпрометировать или обнаружить порочащие сведения, на крайний случай, хотя бы установить личный, неформальный контакт. А тут, на тебе - рыбка сама приплыла!

Правда, основа для более близкого знакомства с Шармой уже имелась - операция его жене была сделана бесплатно не за красивые глаза, а в соответствии с планом Центра по созданию условий, благоприятствующих вовлечению полковника в орбиту КГБ. И все же...

Объект вербовочной разработки мог сделать вид, что не придает оказанному вниманию особого значения, и отделаться направлением в адрес посольства формальной благодарности, приложив к ней чек на энную сумму или даже какой-нибудь грошовый сувенир в виде цинковки или национальной соломенной шляпы... Ан нет - прибыл сам лично, да еще без свиты!

Это было хорошим знаком, и Тимофеев решил брать быка за рога. Тем более что к тому времени располагал о непальце исчерпывающей информацией. Как? А очень просто.

Во время пребывания жены Шармы в клинике она была окружена круглосуточной заботой и вниманием не только медперсонала, но и агентов КГБ. В их число входили также информаторы из числа непальских студентов, обучавшихся в советских вузах. А не навестить землячку в больнице - да это ж святотатство, пренебрежение кровными узами!

В беседах о состоянии здоровья пациентки выяснялись подробности биографии ее мужа, сильные и слабые стороны его характера, политические симпатии, круг общения, связи в окружении короля, перспективы продвижения по службе и прочая, прочая, прочая...

Так, стало известно, что Дакшман Шарма происходит из касты торговцев. Его отец с малолетства жил в Катманду и держал небольшую лавку. Сам Шарма никогда коммерцией не занимался, но драхму - свод предначертаний и запретов, определяющих нормы поведения каждой касты, - соблюдал неукоснительно. Даже женился на девушке из своей касты, несмотря на то, что она была хромой от рождения. И это при том, что до женитьбы Лакшман пользовался большим успехом у женщин и недостатка в любовницах не испытывал. С одной оговоркой: все они были из других сословий, из более низких каст, а значит, ни одна из них стать его женой не могла. Поступи он по-другому, родственники отвернулись бы от него.

Однако после учебы в Англии он пересмотрел свое отношение к драхме как таковой и к ее приверженцам в частности, стал нетерпим к откровенно нелепым ситуациям, которые создавались вследствие соблюдения жизненных норм для каждой касты.

К примеру, Шарма написал пьесу, в которой высмеял унижавшего брахмана, священнослужителя, чья принадлежность к высшей касте заставляла его отказывать себе в самом необходимом для того, чтобы держать слугу, поскольку его драхма запрещала ему самому даже одеваться и умываться. Затем в местной газете появился его очерк об одном земледельце, который жил впроголодь, но, боясь проклятия старейшин своей касты, отказывался даже ловить рыбу...

Словом, учеба на юридическом факультете Бирмингемского университета, а затем в полицейской академии сделала из сына непальского лавочника настоящего европейца, в значительной мере лишенного кастово-религиозных предрассудков.

Кстати, там же, в Англии, по молодости примкнув к движению хиппи, Шарма, вдобавок к чрезмерному увлечению спиртным, пристрастился еще и к марихуане. Ко всему прочему, он отпустил усы и шкиперскую бородку на английский манер, что не в почете у непальцев. Земляки, обучавшиеся вместе с ним, считали его "чужим среди своих" и совсем уже было махнули на него рукой, ибо все попытки образумить его оказались тщетными, как вдруг на пути Лакшмана возник гуру из Индии, некто Прапата Мехту.

Незадолго до встречи, ставшей для Шармы судьбоносной, гуру открыл в университетском городке школу йоги. Непалец из любопытства стал посещать занятия, а поближе познакомившись с Мехту, понял, что только йога спасет его от алкоголя и наркотиков. Год занятий йогой изменил Шарму до неузнаваемости - из опустившегося хиппи он превратился в самого прилежного студента, а затем курсанта. Благодаря постоянной опеке индийского гуру молодой человек с отличием окончил оба учебных заведения.

Возможно, поэтому он по возвращении на родину сразу занял должность начальника департамента в центральном аппарате королевского министерства внутренних дел. Назначение на высокую должность вскружило голову молодому человеку - Шарме тогда не исполнилось и 30 лет. Наставления Мехту, как и занятия йогой, были забыты, и новоиспеченный полковник, не выдержав испытания властью, принялся за старое - стал много пить. Не гнушался Шарма и марихуаны, а уж о связях с падшими женщинами и говорить нечего.

Однако теперь он это делал скрытно - положение в иерархической табели о рангах и близость к королю обязывали быть трезвенником, хотя бы на людях.

В общем, Шарма вновь стал чужим среди своих!..

К моменту второго визита Шармы в советское посольство изучение его в качестве кандидата на вербовку завершилось, условия для склонения к негласному сотрудничеству были подготовлены, и Тимофееву, как матадор быку, предстояло лишь нанести последний смертельный удар. И он нанес его...

Прежде чем перейти непосредственно к вербовочной беседе, сотрудники резидентуры пригласили гостя за стол и принялись потчевать черной и красной икрой, крабами, копченой семгой, лососем слабого посола, маринованными грибочками и другими вкусностями. Впрочем, особой заботой и вниманием разведчиков пользовался бокал визитера. Они бдительно следили, чтобы он не пустовал. А тостам, казалось, не будет конца.

В начале застолья полковник время от времени поглядывал на дверь, будто ожидая чьего-то появления. Рогачев первым разгадал причину и поспешил заверить гостя, что об их общении никто не знает, а все официанты-непальцы на сегодня получили выходной. После этого Шарма заметно успокоился, почувствовал себя раскованнее и в подтверждение этого сам наполнил водкой свой бокал...

Так, за чревоугодием и возлияниями, обменом любезностями и разговорами на отвлеченные темы незаметно подошли к основной цели встречи, вопросу вопросов

— шпионить или не шпионить?

Шарма не возражал. Поставил лишь одно условие: информацию на соплеменников не просите - не дам. На иностранцев - пожалуйста! Тем более что до сведений на американцев, англичан, французов и немцев ему было рукой подать - не отрывая задницы от кресла, надо было лишь дотянуться до сейфа...

Да, вот еще. Составлять письменные отчеты и гделибо расписываться полковник категорически отказался.

Предложение о материальном вознаграждении Шарма отверг с порога. Должник он, а ему собираются еще и платить?! Нет, нет и нет, иначе он может обидеться на своих новых друзей! Новые друзья уже готовы были заподозрить неладное, как вдруг полковник добавил, что готов работать бесплатно, но... Если бы ему иногда подбрасывали пару ящиков “огненной воды” под названием “Посольская” и немного осетровых яиц (так непалец называл черную икру), он нисколько бы не обиделся.

У Тимофеева и Рогачева отлегло от сердца - вербовка состоялась!

Когда Лакшман Шарма наконец встал из-за стола и разведчики отправили его восвояси, они принялись составлять отчет о проведенной вербовке.

Рогачев как бы между прочим спросил шефа:

Товарищ полковник, как вы думаете, сколько времени потребуется нашему непальскому другу, чтобы окончательно спиться?

Тебе что? Двух ящиков водки за каждую явку жалко?

Нет, не жалко... Я о другом думаю - не подвел бы он нас... Судя по всему, меры в употреблении спиртного он не знает...

Не волнуйся, на наш с тобой век его хватит, а там... Пусть у других голова болит! Ты лучше скажи, под каким псевдонимом будем проводить непальца по документам?

Рогачев, рассмеявшись, в шутку предложил:

А давайте, товарищ полковник, назовем его Чан-Чанг

А что сие значит?

“Чанг” по-непальски, товарищ полковник, означает “рисовая брага”. Процесс ее приготовления столь же уникален, сколь и отвратителен.

Представьте, в один прекрасный день вся деревня по сигналу старейшины принимается жевать рис и сплевывать его в огромную бочку, установленную на центральной площади. Потом все эти плевки и отхаркивания оставляют на некоторое время на солнцепеке, не забывая, впрочем, регулярно перемешивать этот замес. Для этого у бочки денно и нощно дежурят самые физически крепкие мужчины...

А если среди этих... ну, жующих, кто-то болен туберкулезом или какой другой заразой, тогда как? А все микробы, товарищ полковник, уничтожаются в процессе брожения...

А-а, тогда еще ничего...

И вот когда рис полностью осядет на дно, а по деревне начнет распространяться дух, от которого мрут комары и прочие насекомые, вся деревня вновь собирается у бочки... Но уже с черпаками.

По сигналу старейшины, который предварительно снимает пробу, начинается пиршество. Через час все напиваются в лежку, до потери пульса, и со стороны может показаться, будто деревня вымерла... Если бы не храп!

Неужели от этого пошла можно так захмелеть? Оно ж наподобие нашей браги!

Да-да, представьте себе, можно! Два-три черпака этой самой браги валят с ног любого непальца...

Что, неужели такая крепость у этого рисового замеса?

Нет, товарищ полковник, брага, она брага и есть... Градусов в ней не более, чем в “Жигулёвском”. Какой-нибудь наш сантехник Потапов ее иначе как квасом и не назовет... Ну, а с аборигенов, что с них взять? Они упиваются этой брагой до бессознательного состояния, потому что вечно голодные! Чем они питаются, тьфу! Орехи кокосовые да рис...

Ну ты корифей, Александр Сергеевич! - резидент с восхищением посмотрел на подчиненного. - Такие подробности о местных обычаях и традициях знаешь... Не ожидал, не ожидал...

Так меня положение обязывает, товарищ полковник, я ж как-никак - атташе по культуре...

Да, кстати! - рассмеявшись, заметил резидент.

А как же тогда наш Чанг управляется с таким количеством водки?!

Чанг, товарищ полковник, человек закаленный в питейных делах... Большую практику в английских пабах, то бишь пивных, прошел... Кроме того, и рацион у него побогаче, чем у соплеменников... Поэтому его не то что чанг - водка не берет... До поры!

Ну ладно, убедил! Будь по-твоему назовем этого министерского красавца Чангом... Экзотика, понимаешь!

Хмельная явка

Завидев на пороге кабинета Полещука с пакетом, из которого донеслось мелодичное греющее душу позвякивание бутылок, Чанг быстро поднялся из кресла и, раскинув руки для объятий, двинулся навстречу гостю.

Одним движением по-кошачьи ловко он выхватил у Полещука пакет, запер дверь на ключ и, на ходу отвинчивая крышку бутылки, бросился к бару за стаканом. Живые карие глаза светились восторгом, ноздри тонкого носа возбужденно подрагивали: праздник начался.

Залпом опорожнив стакан, Шарма сделал глубокий выдох и... протянул оторопевшему разведчику ладонь для рукопожатия.

Здравствуйте, Леон... Извините, но я полюбил "Посольскую" с первого глотка... Любовь зла... Пожалуйста, присаживайтесь! Кто у нас сегодня на очереди? Американцы и американки, как я понял, уже пройденный этап, - весело затараторил Шарма, открывая сейф.

"Эх ты, туземец, мать твою! - мысленно чертыхнулся Полещук - Для тебя все это игра, а между тем твоему ящику Пандоры - сейфу - цены нет! Интересно, сколько бы отвалил Беллингхэм за возможность покопаться в нем? Стоп! А может, американец, так же, как и я, имеет к нему доступ?! Я этому выпивохе таскаю "Посольскую", а Джон снабжает его виски... Если так, то у нас есть вероятность однажды столкнуться нос к носу в дверях этого кабинета... Интересно, как мы будем смотреть друг другу в глаза? Как муж смотрит на застигнутого в постели своей жены любовника или еще хуже?"

Шарма не дал Полещуку развить мысль. Забыв о сейфе, он хлопнул себя своей игрушечной ладошкой по лбу и закричал:

Леон, есть сенсационная новость! Три дня назад я получил телеграмму из Парижа, из штаб-квартиры Интерпола, а сегодня утром оттуда пришло досье на, дай бог памяти... Я, откровенно говоря, запутался во всех его именах, под которыми он обделывал делишки... А! На доктора Гольдмана! Знаком вам этот тип? Он, оказывается, уже пять лет находится в розыске... Представляете - пять лет его ищут по всей Европе и в обеих Америках, а он свил гнездышко в Катманду! И вот теперь Лакшману Шарме, вашему покорному слуге, предстоит его задерживать! Да и вообще, что такое Интернациональная уголовная полиция? Вы знаете, Леон, еще обучаясь в Англии, в полицейской академии, я сделал для себя открытие. Оказывается, Интерпол совсем не таков, каким изображают его в боевиках и детективной литературе... Это вовсе не какая-то окутанная тайной организация отважных суперсыщиков... За этой впечатляющей непосвященных людей вывеской скрывается чисто бюрократическое учреждение, сотрудники которого большую часть времени проводят за письменными столами, а отпуска посвящают лечению геморроев, нажитых в результате сидячего характера работы. Черт возьми, они ведь и с задержанием преступников, и с перестрелками знакомы лишь по телевизионным детективным фильмам!

Нет, вы только представьте! Какой-то комиссаришка Интерпола, сидя в своем старинном дворце на рю Поль

Валери, 37, меньше чем в пяти минутах ходьбы от знаменитых Елисейских Полей, направляет мне, офицеру Его Величества Короля Непала, предписание задержать какого-то негодяя и доставить его в Париж! Что ж, пусть не сомневаются господа с Елисейских Полей, я проделаю это мастерски, комар носа не подточит... Мне бы вот только собрать о нем немного информации, чтобы внести свой вклад и дополнить досье какими-нибудь пикантными подробностями... Тогда бы я утер нос этим чинушам из Интерпола!

Нет-нет, такой шанс упускать нельзя, его надо использовать по максимуму. Тем самым я показал бы полицейским чиновникам из шести стран Европы и обеих Америк, которые безуспешно ищут этого Гольдмана, что мы, непальцы, тоже на что-то способны... И тогда все! Орден и назначение на пост заместителя министра мне обеспечены!

Шарма торопливо наполнил свой стакан.

Думаю, что я сумею вам в этом помочь, господин Шарма, - как можно спокойнее произнес

Полещук хотя его била внутренняя дрожь.

Помочь? Но в чем, дорогой Леонид? Уж не собираетесь ли вы участвовать в задержании Гольдмана?!

Непалец расхохотался и так резко запрокинул голову назад, что его аккуратно уложенные и намазанные кокосовым маслом волосы рассыпались веером.

“Этот свинтус, которого Тимофеев считает нашим особо ценным источником, нажрался уже с утра, ну как прикажете с ним работать?! А ведь он спит и видит себя министром внутренних дел... А что? И станет! Вон ведь как ему подфартило...

Кто-то пахал денно и ночью, рыл, копал, собирал информацию, отслеживал передвижения Гольдмана по всему свету, а пенки снимет вот этот везунчик, желтый коротышка Лакшман Шарма, потому что ему выпал кон задерживать доктора... Кстати, пора перейти к делу и узнать, что там в досье!”

Нет, господин полковник, - твердо произнёс Полещук, когда Шарма перестал смеяться, - в мои планы не входит участвовать в захвате Гольдмана... Он - ваш, и слава его задержания по праву должна принадлежать только вам и никому более... Считайте своим соперником и врагом всякого, кто будет претендовать на участие в задержании интернационального...

Полещук намеренно сделал паузу, чтобы вызвать на диалог непальца и узнать, как Интерпол квалифицирует деяния Гольдмана.

Афериста! - подсказал Шарма. - Доктор, оказывается, аферист международного масштаба...

Полковник вновь обернулся к сейфу и достал оттуда пухлую папку. Взвесив ее на руке, заметил: Судя по тяжести, Гольдман тянет на приличный срок!

Шарма хотел уже засунуть папку в сейф, но Полещук остановил его:

Господин полковник, я, собственно, из-за доктора и решил побеспокоить вас сегодня в столь ранний час... Я плотно занимаюсь им уже почти месяц и, надеюсь, располагаю такими сведениями о нем, которые могут вас заинтересовать...

Как, Советский Союз уже вступил в Интерпол? - перебил собеседника Шарма. - И в каком качестве? Ассоциированного члена или наблюдателя? Мне об этом ничего не известно!

Нет-нет, вступление еще не состоялось, но... Тем не менее доктор является объектом нашей заинтересованности!

Во взгляде Шармы Полещук заметил неподдельный интерес и решил блефовать до конца.

Не знаю, что он там наделал в Европе и в двух Америках сразу, но у КГБ к нему отдельный счет... Поэтому я и пришел, чтобы просить вас о помощи... Повторяю, на лавры человека, который опустит шлагбаум перед этим аферистом, я не претендую! Вы же знаете, господин полковник, специфику нашей работы... Оркестр, цветы, аплодисменты и слава - это все не для людей моей профессии...

И что же у вас есть на Гольдмана? - решил поторговаться непалец.

Дорогой Лакшман, давайте поступим так, - почти ласково произнес Полещук, - я ознакомлюсь с делом и скажу вам, чего в нем не хватает... Впрочем, заранее могу сказать, что там не хватает сведений о непальских соучастниках доктора...

Это для меня сюрприз! - вскричал Шарма. - Неужели Гольдман сумел вовлечь в свои дела непальцев?!

Нет-нет! Я не совсем точно выразился... Я имел в виду иностранцев, которые в настоящее время находятся в Непале... Полагаю, сведения о них как раз и явятся вашим вкладом в общую разработку преступника, скрывающегося под личиной добропорядочного гражданина самой гуманной профессии. Тем самым вкладом, который вы собирались сделать, не так ли, господин Шарма?

Кто они, эти иностранцы? - настаивал полковник.

Пропустив вопрос мимо ушей, Полещук неторопливо наполнил стакан и подал его непальцу.

Уверенно могу сказать, что их анкетные данные отсутствуют в вашем досье... Но сначала я должен ознакомиться с материалами на Гольдмана... После этого мы сможем обсудить план совместных действий, если вы не будете возражать... Подчеркиваю, меня интересуют не столько доктор, сколько его связи...

Полещук протянул руку к папке.

Леон, прошу вас, только побыстрее и... конечно же, здесь, не покидая моего кабинета...

Никаких проблем, господин полковник! - по-военному четко произнес Полещук и, взяв дело, привычно направился в комнату отдыха, которую от кабинета отделяла массивная дубовая дверь.

О том, что с материалов на иностранцев советские разведчики делают фотокопии, Шарма, возможно, и догадывался, но разговоров на эту тему никогда не заводил. Полещука это вполне устраивало, и игра "ты не спрашиваешь - я не объясняю" продолжалась со дня их первой встречи.

Более того, чтобы не давать повода агенту заподозрить, что его кабинет превращен советской разведкой в фотоателье, разведчик всегда находился в комнате отдыха до тех пор, пока хозяин сам не напоминал, что время их рабочей встречи истекло.

В этот раз все происходило по расписанному сценарию, но с одной поправкой. Отсняв две пленки, Полещук не удержался и стал выборочно знакомиться с материалами досье. Да и кто удержался бы, окажись на его месте?! Ведь он уже успел приучить себя к мысли, что доктор - его кандидат на вербовку, и вот тебе раз - Гольдмана разыскивает Интерпол!

Во-первых, это спутало его карты, а во-вторых, надо быть полным идиотом, чтобы надеяться получить у Центра санкцию на вербовку афериста, находящегося в международном розыске. Полистав досье и выкурив еще несколько сигарет, Полещук, не дожидаясь напоминания Шармы, сам покинул комнату отдыха.

Непалец, прикончив литровую бутылку "Посольской", мирно посапывал в кресле.

"Приплыли! Гольдман сорвался с крючка, Чанг выпал в осадок... - по губам Полещука скользнула саркастическая улыбка. - Если уж мне так не везет с этими двумя, с явным и предполагаемым агентами, с кем-то ведь должно повезти! Правильно, в моей обойме остается еще один боевой патрон - Фогель..."

Вернусь в посольство и сразу же отправлю запрос в Центр. Спинным мозгом чувствую, что немец - не просто консул, а та самая темная лошадка, которая вывезет меня на большую дорогу... А пока из Москвы придет ответ, надо с помощью Чанга добыть максимум информации о характере взаимоотношений двух арийцев. Это, в конце концов, пригодится не только мне, но и непальцу... А что? Вдруг он действительно с моей помощью станет заместителем министра внутренних дел Непала! Тогда орден светит не только ему...

Н-да... Хороший он парень, этот Лакшман. И не просто источник информации, он - кладезь. Но с его страстью к "огненной воде" он не то что без ордена - без погон может остаться, да и меня под монастырь подведет... Так, пора заканчивать эти мудовые рыдания!"

Полещук разбудил Чанга, отдал досье, проследил, чтобы оно был о заперто в сейф, и, шуточно погрозив непальцу, пообещал вернуться через пару часов, чтобы согласовать план совместных мероприятий.

Через неделю пришел ответ из Центра. Чутье не подвело Полещука. Действительно, Курт Вольфганг Фогель имел отношение к Штази, но не как агент. Он был кадровым офицером, полковником внешней разведки Министерства государственной безопасности ГДР, и в Катманду возглавлял резидентуру, действовавшую с позиций посольства Германской Демократической Республики. Должность начальника консульского отдела являлась его официальным прикрытием.

В отношении доктора Бруно Гольдмана Центр сведениями не располагал.

"Значит, - пришел к выводу Полещук, - доктор не является объектом оперативной разработки Штази. Полковник держит австрийца на коротком поводке по двум причинам: либо он использует его как "дойную корову" для пополнения своего личного бюджета, либо намерен привлечь к негласному сотрудничеству в качестве агента.

Хотя одно другому не помеха, а выигрывать у своего секретного помощника, не важно, настоящий он или всего лишь предполагаемый, оператор просто обязан. Всегда и во всем. В том числе и за ломберным столом, чтобы утвердиться в его глазах и подчеркнуть, свое превосходство.

Нельзя ни в чем проигрывать своему агенту, ибо недаром сказано, что ни один камердинер не видит героя в своем хозяине.

Стоит только однажды показать зависящему от тебя человеку свою слабость, даже если это будет карточный проигрыш, - все, пиши пропало. Сразу можно расставаться с агентом, потому

что ведущее положение уже ничем не восстановить...

Странно другое - почему Гольдман, владея гипнозом, не использует его против консула, а позволяет ему постоянно себя обирать?! Почему он так благоговееет перед Фогелем? Неужели так сильна его любовь к этому старому змию?..

Впрочем, есть еще одно, чисто гипотетическое, объяснение его привязанности: компромат. Компрометирующие материалы, которыми полковник Фогель наверняка располагает в отношении Гольдмана!"

Смерть прячется в холодильнике

Первое, что поразило Полещука, когда они проникли с Шармой на виллу доктора, это стерильная чистота помещений и почти полное отсутствие мебели. Было такое впечатление, что это не жилое помещение, а многопрофильная мини-клиника.

В одной комнате стояло огромное гинекологическое кресло, за дверцами стеклянных шкафов устрашающе поблескивал специальный медицинский инструментарий. Вторая была приспособлена под зубоврачебный кабинет, на стенах которого к тому же висели таблицы для определения остроты зрения. Третья комната, очевидно, служила кабинетом для психоанализа и психотерапевтических процедур... Лишь в четвертой, самой большой комнате поисковики обнаружили признаки пребывания человека - посередине стояла огромная кровать-альков, застеленная белыми шелковыми простынями, на которых в артистическом беспорядке были разбросаны пышные подушки. Прямо напротив алькова была установлена на треножнике... кинокамера, а на прикроватной тумбочке разместился мощный кинопроектор, направленный на противоположную стену, во всю ширину которой висело белое полотно экрана.

Полещук, влюбленный во всякую кинофотоаппаратуру, подошел поближе, чтобы рассмотреть, какой техникой оперирует доктор.

Бог мой! - вырвалось у разведчика. - Да это же та самая камера, которую я продал дипломату из ФРГ! Да, тесен мир...

В проеме двери появился Шарма.

Леон, я нашел холодильник, - шепотом, будто их кто-то мог услышать, произнес агент. - Он не на кухне... Там - действующий... Наш находится в кладовке... Пойдем!

В крошечной темноте, подсвечивая себе электрическим фонариком, Полещук последовал за агентом.

Судя по тому, как уверенно Шарма двигался по лабиринту переходов и комнат, Полещук пришел к выводу, что агент уже не в первый раз находится здесь.

"Уж не побывал ли здесь Чанг без меня, до нашего совместного визита, чтобы снять пенки, забрать самые ценные материалы, а мне оставил процеженную, отфильтрованную водичку, которой цена грош в базарный день? ! Это - в крови у всех черножопых, они так и норовят обойти нас, белых, на вираже, чтобы еще раз доказать свое превосходство над нами. На самом же деле они таким образом лишь еще раз доказывают свою закомплексованность!

Нет-нет, - успокоил себя Полещук - Я для Шармы не конкурент. Тем более что он ждет от меня полного расклада по связям доктора, зарубежные каналы, которыми тот может пользоваться при выходе на воротил международного наркобизнеса... Уж и не помню, что я там наплел Чангу, чтобы хоть одним глазом взглянуть на документы, в которых может проследиваться связь Гольдмана с консулом...

Нет! Мы с Шармой - не конкуренты: ему нужен доктор, мне - консул... Так-то оно так, но агенту я об этом сказать не имею права... И все-таки, почему он так уверенно движется по этим лабиринтам?!"

Послушай, Шарма! Ты так быстро и уверенно ориентируешься в темноте, будто всю жизнь прожил на этой вилле...

А я разве тебе не сказал, Леон, что эта вилла принадлежит тетке моей жены? Она сдает ее в аренду богатым иностранцам...

Нет...

Забыл, значит... Дело в том, что нам сюда попасть было бы много сложнее, если бы прислуга не знала меня...

Мажордом, тот сразу отдал мне все ключи... Кроме ключа от сейфа-холодильника - у него его просто нет... С тем заветным ключиком доктор не расстается никогда, даже когда здесь, на вилле, трахается с гэдээровским консулом... Ты заметил киноаппарат, что стоит в спальне? Так вот они свою любовь снимают на пленку, представляешь, Леон!

Я после Англии уже ничему не удивляюсь, там я и не такого наслушался и насмотрелся... Мажордом рассказал тебе о любви доктора и консула?! Вот так сюрприз! Значит, об этом было известно и до... Черт побери, я - последний, кто узнает такие подробности! Чанг, разве ты раньше не мог мне об этом сказать?! Твой мажордом не сказал случайно, где Гольдман держит отснятые пленки?

Ну да... Этот мажордом знает меня с детства, обо всем мне и сообщил, чтобы показать, что он ко всему имеет доступ, но только не к ключам от сейфа... А насчет фильмов... Так я думаю, они там же, в сейфе... Что же касается твоих упреков, Леон, то они несостоятельны... Ты же ни о чем не спрашиваешь! Сунул Шарме, то есть мне, пару ящиков "Посольской" и был таков...

Я могу тебе столько еще порассказать о проживающих здесь иностранцах, что у тебя сейфов не хватит, чтобы записи этих рассказов складировать...

Ну вот, к примеру, Сэлли Грэйвс из американского посольства... Она сожительствует с женой шведского посланника, у них - "розовая" любовь, то есть они - лесбиянки... Сэлли - активная... Ну да ладно, к делу!.. У меня с собой набор таких отмычек, перед которыми не устоит ни один американский банк, что уж говорить о каком-то холодильнике... Тем более что он наверняка английского происхождения, остался от их колониального присутствия, как у вас в Союзе говорят... А если это так, то замки британцев для меня - г не проблема... Я за время обучения в Великобритании изучил их, как свою ладонь. Справимся, не беспокойся! Ты фотоаппарат не забыл?

Да я скорей хер свой где-нибудь оставлю, но фотокамеру - никогда! - раздосадованный откровениями Чанга о сексуальных извращениях своей возлюбленной, со злостью отозвался Полещук.

Ну, вот и пришли...

Шарма приоткрыл дверь подсобного помещения, лишенного окон.

Электричество сюда не проведено, так что будем подсвечивать себе фонариками... Давай, свети мне на замок!

Полещук направил луч фонарика на замок холодильника.

Слушай, - через минуту недовольно произнес непалец, - где ты приобрел это говно? Наверняка сэкономил и купил у китайцев! Я же ничего не вижу...

С этими словами Шарма вытащил из нагрудного кармашка рубахи свой фонарик, сунул его в рот, направив луч света прямо в замочную скважину и начал манипулировать отмычками. Чанг, сидя на корточках, пытел, тужился, ругался по-непальски, позвякивая своей коллекцией отмычек и вставляя их поочередно в замок.

Полещуку казалось, что его вот-вот стошнит от зловония, исходящего от непальца, как вдруг раздался щелчок и дверь холодильника сама поехала им навстречу.

Не вынимая зажженного фонарика изо рта, Чанг сунул голову в холодильник и со страшным криком: "Змеи!!" - рухнул замертво на пол..

Полещук увидел, как две кобры, распахнув боевые капюшоны, ударили треугольными головами в виски агента. В тот же миг они невозмутимо заструились из приоткрытой дверцы вниз по холодильнику...

Полещук в ужасе отпрянул в сторону, едва не выронив свой фонарик.

"Ничего себе, сюрпризы из холодильника!!" - в ужасе подумал разведчик, оборачиваясь, чтобы найти выход.

Увы! Входя, они с Шармой плотно закрыли дверь, и теперь разведчику оставалось лишь одно: подсвечивая себе фонариком, следить за перемещением двух гадов, убийц Чанга...

В замкнутой клетухе стало вмиг жарко, в горле пересохло, Полещук слышал, как в висках набатами стучит кровь, но сдвинуться с места не было сил...

Жалкий огонек китайского фонарика выхватывал из пространства лишь какие-то фантастические блики.

"Где же эти гады, что ужалили беднягу агента?!" - едва не заорал разведчик, физически ощущая

их близость.

Наконец Полещук взял себя в руки и осмотрелся. Странно, несмотря на то что фонарик, который он держал в правой руке, едва мерцал, в кладовой было светло.

Через секунду разведчик понял, в чем дело. Лежащий на спине Шарма, падая, успел выхватить из рта фонарик, и теперь он, находясь в его правой руке, освещал всю кладовку. Со лба покойного стекала тонкими струйками черная кровь. Обе кобры уюстились на груди Шармы, приняв боевые позы и готовые зубами отстаивать свою добычу...

“Ладно, Чангу уже ничем не помочь... Надо думать, как добраться до холодильника... Если уж доктор обеспечил свой сейф такой охраной, значит, там есть что прятать...”

Полещук направил луч своего фонарика внутрь холодильника.

На средней, самой объемной полке, стоял саквояж, похожий на тот, которыми в начале века пользовались врачи. Рядом аккуратными стопками были сложены обернутые в пластиковую упаковку какие-то коричневые брикеты. Много брикетов!

“Черт возьми! - мелькнула мысль у Полещука. - Что же является основной целью присутствия в холодильнике такого бдительного караула из двух кобр? Брикеты или саквояж?! Стоп! Брикеты похожи на те, в которые наркодельцы формуют готовый гашиш... Бог с ним, с гашишем, как добраться до саквояжа?!”

Тело Шармы, но не столько оно, сколько две гадины, лежащие на его груди, преграждало доступ к уже открытому холодильнику! До саквояжа-то и расстояния - всего лишь два шага ступить! Проклятье! Как бы отвлечь гадов? Ишь, какую боевую стойку приняли!”

Подсвечивая себе фонариком, Полещук осмотрелся.

“Ну, конечно же, я ведь в кладовке! Вот оно и спасение!” - вскричал от радости разведчик и схватил швабру, стоящую у входной двери.

В исступлении Полещук растоптал, измолотил обеих кобр в клочья. Сказалось и нервное напряжение, в котором он пребывал последние несколько минут, и известный из психологии момент фрустрации. Это когда становится вдруг недостижимой цель, до которой рукой подать... Стерев отпечатки своих пальцев с черенка швабры и дверных ручек, к которым прикасался, Полещук пару раз щелкнул фотоаппаратом - фото мертвого Чанга надо поместить для отчета в его личное дело секретного агента.

Наконец, зажав вожделенный саквояж под мышкой, опрометью бросился прочь от приносящей смерть виллы...

Когда он перебежал улицу, ему показалось, что из чернильной темноты ночи к ограде виллы скользнула какая-то тень и, бесшумно затворив за собой створки ворот, скрылась на территории виллы...

“Значит, Шарма выставлял контрнаблюдение, - на ходу сообразил Полещук - Хорошо бы, если это был мажордом - мне не придется звонить в полицию. Обнаружив труп своего хозяина, мажордом сразу забьет тревогу, поднимет на ноги всю полицию Непала.

Возникнет вопрос: “А что делал начальник департамента министерства внутренних дел, ответственный за контроль за иноподданными, на вилле австрийского доктора?”

В холодильнике найдут брикеты с гашишем, затем полезут в сейф Шармы, где обнаружат досье на доктораафериста, разыскиваемого Интерполом. Это-то и явится логическим объяснением присутствия начальника “непальского ОБИРа” на вилле Гольдмана...

Все! Круг замкнется - доктор будет задержан, туда ему и дорога, а я тем временем разберусь с бумагами, которые в саквояже...

В моем теперь уже, черт возьми, саквояже!!.

Так, это все, конечно, хорошо, но видел ли меня кто-нибудь сегодня вечером с Шармой? По моему, нет. Это не в интересах моего агента. К сожалению, уже покойного, н-да...

Если что-то и видели случайные свидетели, то лишь номер машины Сэлли, хотя я и поставил ее в квартале от злополучной виллы...

А у Сэлли полное алиби - в американском посольстве сегодня прием по случаю дня рождения посла. Там сегодня такой праздник, виски и шампанское будут литься рекой...

Сэлли по этому поводу даже не стала садиться за руль... А я для нее, как обычно, на дежурстве... То есть то, что я взял ее машину, ей вряд ли в голову придет...

Так, теперь надо быстренько попасть в резидентуру, разобраться с бумагами и... дорогой

Фогель, вы - у меня в кармане! А то, что в саквояже на вас, герр консул, компромата вагон и маленькая тележка, в этом я не сомневаюсь! Если же там еще и материалы, дополнительно компрометирующие Гольдмана, то тем лучше - переправим их в Центр...

Уж если Чангу не довелось орден за задержание международного афериста отхватить, может, он мне обломится?!"

В течение двух минут Полещук не мог попасть в щель замка зажигания - одеревеневшие руки то тряслись, то вообще отказывались повиноваться.

Наконец разведчик, откинувшись на спинку сиденья, закрыв глаза, сделал несколько дыхательных упражнений, медленно просчитал до пятидесяти - и... мотор завелся с пол-оборота...

Ожидания Полещука были вознаграждены сполна - не докторский саквояж, а ящик Пандоры, как и сейф покойного Чанга.

Прежде всего разведчик наткнулся на лежащую сверху фотографию, на которой два господина в смокингах (один из них - Фогель!) играли в настольный теннис, а Гольдман лежал на столе в чем мать родила, изображая сетку!

Судя по всему, фотографию или недавно положили в саквояж, или ее часто рассматривали... Остальное пространство портфеля занимали пакетики с героином, из чего можно было сделать вывод, что основным занятием Гольдмана в Катманду было все-таки не криминальное абортирование и врачевание состоятельных аборигенок, а переправка в Европу наркотиков. Именно в Европу, потому что доктор скрупулезно вел бухгалтерию, неизменно указывая не только пункт назначения отправляемого героина, но и адрес получателя и обязательно сумму, полученную или причитающую-

"Стоп! - осенило Полещука. - Но ведь Гольдман может переправлять героин в Европу только с помощью консула... Да, скорее всего, так оно и есть.

Фогель по дипломатическому каналу переправлял зелье своим подельникам в МИД ГДР или Штази, а там уже оно, как жидкость по капиллярам, расходилось по всей Европе...

А деньги за переправку героина Гольдман вручал консулу под видом карточного проигрыша... И свидетели имелись: польский и чешский дипломаты... Все очень естественно! Проиграл - расплатись...

А вот и ведомость, сколько денег в течение последнего года Фогель получил от Гольдмана... Стоп! А что это за пачка писем? Пожелтевшие... Лет им, по крайней мере, двадцать... А! Переписка между Гольдманом и Фогелем.

Надо же, адрес получателя - Фогеля - один и тот же: Берлин. А приходили они, бог мой! И из Амстердама, и из Монако, и из Парижа, и... Да ну их к черту, этих влюбленных "голубых"!..

Неужели может быть так крепка любовная связь между двумя гомосексуалами?!

Ладно, пусть Штази и Интерпол разбираются... Завтра прилетает из отпуска "резак", полковник Тимофеев, вот я его и огорошу...

Жаль, конечно, Чанга, но, с другой стороны, на войне как на войне... Если не в результате закулисных интриг коллег, товарищей по оружию, падешь, то станешь добычей ползучих гадов! В буквальном смысле слова, нда..."

Через полгода в непальскую резидентуру пришла депеша из Центра.

За проявленную инициативу в работе и чекистскую бдительность капитану Полещуку приказом Председателя КГБ СССР было досрочно присвоено звание майора.

А в качестве пилюли, которая, по замыслу Секретариата КГБ, должна была подсластить разочарование разведчика, - ведь он надеялся на получение какого-нибудь ордена, очень подробно описывалось то, какой экзекуции был подвергнут полковник Фогель.

Оказывается, после проведенных дознания и следствия полковник Курт Вольфганг Фогель был подвергнут офицерскому суду чести со смертельным приговором.

В парадной форме, при всех регалиях за более чем двадцатилетнюю службу, его вывели во внутренний двор Штази и в присутствии старших офицеров разведки министр госбезопасности Восточной Германии Эрих Мильке сорвал с него погоны. После чего Фогеля тут же расстреляли...

К резиденту на поклон

Потерпев очередное фиаско в скорее воображаемом, нежели в реально приносящем прибыль предприятии “Гольдман - Фогель”, Полещук понял, что надо срочно сменить вектор поиска денег.

Он пришел к мысли, что нужную сумму можно заполучить только в какой-нибудь солидной организации, и чем претенциозней она будет называться, тем лучше. А что здесь, в Катманду, может быть весомее КГБ и ЦРУ?

Однако оперативная касса родной резидентуры уже опустошена, значит, остается второе... У него даже есть к кому обратиться - второй месяц кряду с ближайшего горизонта не сходит Джон Беллингхэм, чьи потуги выдать себя за “чистого” дипломата вызывали у Полещука лишь скептическую улыбку, потому что его принадлежность к противоборствующему разведсообществу была для новоиспеченного майора совершенно очевидна.

“Только вот в чем вопрос, - размышлял Полещук, - кто он, этот Джон? Рядовой вербовщик-привлеченец или “охотник за скальпами”, наделенный руководящими полномочиями?

Впрочем, какая, к черту, разница! Не может Беллингхэм не откликнуться на просьбу советского дипломата.

Дать мало ему не позволит профессиональная гордость, а чем больше даст, значит, тем выше летает. Да и вообще, чем больше просишь, тем больше дают...”

Для начала Полещук решил проконсультироваться у Сэлли. Наивный! Несмотря на откровения доктора Гольдмана, подслушанные им в казино, он продолжал искренне верить, что Сэлли влюблена в него бескорыстно и безусловно.

“Как знать, - рассуждал Полещук, - может быть, дисциплинированный ум американки функционировал независимо от ее души, и она тоже влюблена в меня?

Влюбляются же врачи в своих пациентов... А в том, что я для нее - пациент, а она - мой куратор, сомнений нет!”

Чтобы не потерять вес в глазах любовницы, Полещук не стал распространяться о своих финансовых трудностях, сослался на некоего сотрудника советского посольства, у которого якобы родился сын, и ему поэтому позарез нужны деньги.

Как бы невзначай спросил, кто из американских дипломатов может дать займы сумму в несколько тысяч долларов.

Сэлли, не задумываясь, ответила, что самый богатый человек в посольстве - это Джон Беллингхэм.

“Это значит, - подумал Полещук - что мой постоянный партнер на теннисном корте не просто вербовщик-привлеченец, а собственной персоной резидент...”

Что ж, была не была! Я вас, чертей, все равно переиграю! Я от дедушки (Комитета госбезопасности) ушел, а от бабушки (ЦРУ) и подавно уйду!

В общем, вперед, Леонид, действуй, как учил покойный отчим: “От ~~смы~~ не зарекайся!”

Авантюрист по натуре, Полещук никогда не терял азарта и нахальства. Однако на этот раз, предприняв рискованный, но, как ему казалось, спасительный шаг, он пожертвовал благоразумием. Вместе с тем он продолжал свято верить, что в конце концов победа будет за ним, а победителей, как известно, не судят...

При первой же встрече с Беллингхэмом на теннисном корте Полещук обратился к нему с просьбой одолжить денег.

Цэрэушнику только это и было нужно, ибо он давно уже с Помощью Грэйвс разобрался в психологии русского разведчика.

Впрочем, как профессионал, Беллингхэм был несколько озадачен - не слишком ли быстро “птичка” угодила в клетку? Да и не угодила - сама запросилась!

По прикидкам американца, Сэлли должна была “выставить” русского на крупную сумму месяца через два, а Тут... Ну что ж, так тому и быть!..

Сколько, Леонид? - коротко спросил Джон.

Полещук, в тон американцу, так же односложно ответил:

Много, Джон.

Полещук не склонен был торговать собой по дешевке, поэтому сразу попросил десять тысяч

долларов.

Давайте, Леонид, обсудим все после матча...

Приглашение к сотрудничеству

Солнце клонилось к закату, красноватые блики мерцали на густой листве деревьев, с двух сторон теснивших аллею, по которой прохаживались разгоряченные игрой на корте американский и русский разведчики.

Последний, правда, не был уверен в том, что собеседнику известен его истинный статус. Однако Джон Беллингхэм очень быстро развеял иллюзии Полещука, расставив все точки над "i".

Леонид, - начал американец тоном, который исключал любые сомнения в правоте его слов, - мы с вами из одного теста, хотя и вылеплены на враждующих континентах руками кулинаров различной идеологической ориентации. Мы с вами - братья по духу и устремлениям. Нас немного разнит возраст, вы - моложе, но работаем-то мы на одном поприще... Если не ошибаюсь, на жаргоне ваших спецслужб это звучит: "хлепать из одной тарелки".

Все перечисленное позволяет мне сделать вывод, что вы так же, как и я, лишены предрассудков. Впрочем, для людей нашей профессии предрассудки - непозволительная роскошь, вернее - дно, на которое не стоит опускаться...

Беллингхэм бросил быстрый взгляд на шагающего рядом коллегу. Полещук, совершенно сбитый с толку непредвиденным пассажиром американца, пытался скрыть свою оторопь и молча кивал головой.

Вы совершенно справедливо полагаете, Леонид, что я дам вам искомую сумму. Но! Я дам ее не займы, а как возмещение за услугу, которую вы в состоянии мне оказать... Я намерен потребовать от вас не более того, на что, и в этом я несколько не сомневаюсь, решились бы и вы, поменяйся мы с вами местами...

Американец многозначительно замолчал в ожидании ответной реакции.

Я слушаю вас, - прохрипел в ответ Полещук, под натиском Беллингхэма окончательно утративший способность связно выражать свои мысли.

Мы лучше пойдем друг друга, - будто и не обратив внимания на обескураженность русского, продолжил Беллингхэм, - если рассмотрим дело с позиций законов логики. Мне совершенно очевидно, что вы лишены возможности достать деньги каким-то другим способом, в противном случае не обратились бы ко мне...

Я не спрашиваю, кто вам посоветовал прибегнуть именно к моей помощи, на какие цели была растрочена сумма, в которой вы сейчас нуждаетесь... Но! Я абсолютно уверен в том, что знаю не хуже вас, что с вами может случиться, если вы не сумеете вернуть деньги туда, откуда взяли. Также как и я, вы убеждены, что будете спасены, как только вернете долг. А быть спасенным для вас означает вернуться к тому образу жизни, который вы привыкли вести...

Вы - гедоник, Леонид, и, получив десять тысяч долларов, сможете вернуться к жизни, полной наслаждений, блеска... и, возможно, славы. Такое радужное будущее, мне кажется, вас больше устраивает, чем бесславное и досрочное откомандирование на родину... И за что? За то, что вы растратили деньги на те блага и удовольствия, которые в состоянии оплатить и иметь всякий капитан любой недружественной вам спецслужбы и о которых вы даже не могли мечтать до приезда сюда... Да и какие это "блага и удовольствия"? Это - необходимый минимум, который, повторяю, может позволить себе любой ваш западный коллега...

Однако страна, где мы с вами находимся по долгу службы, это - окраина мировой цивилизации. Вы еще не сумели даже краешком глаза заглянуть в замочную скважину истинно цивилизованного мира. Уверен, что не ошибусь, сказав, что вы в самом начале большого пути... И что же? Стартовав на Богом забытых гималайских задворках, вы ими хотите завершить познание мира, свою карьеру, наконец?

Если это так, то должен признаться, что я ошибся в вас... Думаю, что вы, как любой человек, не лишенный здоровых карьерных амбиций, здорового честолюбия, не можете останавливаться на достигнутом... Да и потом, что это за достижение - Непал! Вам, как и любому из нас, оперативных сотрудников, наверняка снится кресло и огромный стол с множеством телефонов где-ни-будь в центральном аппарате своего ведомства, не так ли? Именно к этому должен

стремиться всякий здраво мыслящий спецслужбист... И никак не поддаваться дурному настроению в случае неудачи, тем более если речь идет о проигрыше за ломберным столом... Вы же не жизнь проигрываете - деньги. Умные люди говорят: "Деньги потерял - ничего не потерял. Время потерял - много потерял. Здоровье потерял - все потерял". Вы, Леонид, молоды, у вас все еще впереди, так что запасайтесь здоровьем - пригодится!

"Виртуозно плетёт паутину Джон! - с завистью подумал Полещук - Профессионал - заслушаешься! И главное - ни одной осечки, все выстрелы кладет в "десятку"... Интересно, не был ли он проповедником в их, в американской, церкви?

Да, надо признать, нас таким проповедям, суть - вербовочным беседам, не обучали. Вот когда понимаешь смысл выражения: "Если у ваших родителей не было детей, то и у вас их скорее всего не будет." Действительно, прав тот, кто выпустил в свет этот лишь на первый взгляд парадоксальный афоризм. Чему я мог научиться у наших бездарных преподавателей? Только бездарности, не более! А искусные словоплеты, которые могут с ловкостью фокусника завернуть тебе воздушный шарик в красивую упаковку, все как один работают на кафедрах марксизма-ленинизма... Что-то не больно стремятся они преподавать оперативное искусство... За все время учебы в спецшколе я ни разу не слышал, как проводится и как звучит вербовочная беседа. Практический курс вербовки мне преподает какой-то Джон. Только сейчас и понимаю, что искусство вербовки - это ораторское искусство. Плюс знание психологии.

Да, ничего не скажешь, показательный урок проведения вербовочной беседы преподавал мне американский резидент!

Ну, давай, давай, Джон, вперед! Увертюра тобой исполнена блестяще, мысленно я тебе аплодирую. Теперь послушаем, что ты попросишь взамен десяти тысяч...

Стоп! А откуда тебе, Джон, известно, что я проигрался в казино?! А, ну конечно же, - Сэлли... Она любит меня, это бесспорно, но зачем же в тайны двоих посвящать третьего?! Третий в таких отношениях, как у нас с тобой, Сэлли, он всегда лишний. Как ты этого до сих пор не поняла, девочка? Тьфу, черт! Какая ж она девочка, если на двенадцать лет старше меня?! Никак не могу избавиться от первого впечатления...

Впрочем, любовь - любовью, но сотрудники отдела собственной безопасности американского посольства не дремлют и регулярно проводят опросы своих дипломатов. Конечно же, и Сэлли тоже опрашивали... Вопрос в том, как много о наших взаимоотношениях у нее успели выудить... А Впрочем, какая, к черту, разница! Поздно, Ляня, пить "Боржом", когда вторая почка отказала..."

Рассуждая сам с собою, Полещук не заметил, как замедлил шаг и остановился.

Вы меня не слушаете, Леонид! - громко сказал Беллингхэм.

Окрик вернул капитана к действительности.

Нет-нет, Джон, я прекрасно все слышал... И готов выслушать также и ваши условия...

Знаю, Леонид, что вам, как профессионалу, не слишком приятно выслушивать мои умозаключения, которые, надеюсь, вы не восприняли как нравоучения?

Беллингхэм снова, как бритвой, полоснул взглядом по лицу Полещука.

Должен заметить, Леонид, что хотя мы с вами и лишены предрассудков, вся обстановка, в которой мы живем, настолько ими отравлена, что мы не можем полностью от них освободиться.

Да вы это и сами понимаете... Поверьте, мне бы не хотелось видеть вас раскаивающимся в своем поступке, в том, что вы обратились ко мне за помощью... Мы с вами - люди из другого мира, нежели те, кто нас окружает. Мы - люди чести, поэтому я заранее хотел бы знать, что вы отдаете себе отчет в том, что действуете не по принуждению, не под моим нажимом, а... по правилам игры. Нашей с вами игры!..

Одним словом, мне нужен ключ от сейфа вашего начальника, полковника Тимофеева...

Но как я смогу...

Не торопитесь! - оборвал Полещука американец.

Все не так сложно, как может показаться на первый взгляд... Проблема кажется вам неразрешимой, потому что вы никогда об этом не задумывались... А между тем вам, именно вам, как никому другому из ваших коллег, легче добыть слепки с ключа... Если не ошибаюсь, вам, как новичку в резидентуре, приходится чаще других офицеров дежурить в посольстве, не так ли?

“Опять Сэлли! - чуть не вырвалось у Полещука.

Только ей известно, как часто я остаюсь на ночь в посольстве. У-у, черт!”

Да, но Тимофеев кладет ключ в специальный металлический пенал и опечатывает его своей личной печатью, с которой не расстанется никогда... Она при нем, даже когда он ныряет в бассейн...

Прекрасно! Пусть себе ныряет с печатью в обнимку. Пенал-то он сдает дежурному, не так ли? Заступив на дежурство, вам достаточно перефотографировать тот оттиск, что остается на контрольном куске пластилина, которым вы по старинке снабжаете пеналы для ключей... Надеюсь, Тимофеев - не исключение?

Нет...

Ну вот видите, Леонид! Как говорят у вас: “Не так страшен черт, как его малюют”. Завтра на корте я передам вам фотоаппарат, в ближайшее дежурство вы переснимете оттиск, наши специалисты изготовят для вас печать, которая не будет отличаться от личной печати полковника, и... Остальное зависит от вашей сноровки! Куда уж проще. В общей сложности на всю операцию у вас уйдет три минуты, не более. Надо быть Ротшильдом или Рокфеллером, чтобы суметь за три минуты заработать десять тысяч долларов! До завтра, Леонид!

Не дав собеседнику опомниться, Беллингхэм решительно развернулся и стремительно пошел обратно по теннисному корту.

У Полещука в горле застрял вопрос: “А когда же будут деньги?”

Вербовка советского гражданина, представляющего интерес, - задача каждого оперативника из Лэнгли. Вербовка советского разведчика - высшее достижение, которое автоматически влечет за собой не только правительственную награду, но и гарантирует взлет по служебной лестнице. Беллингхэм рассчитал точно: Полещуку не удастся вернуть долг, и скоро он продолжит “таскать из огня каштаны”, на которые ему укажет ЦРУ. За проявленное усердие долги будут списаны. ...В тот вечер Сэлли вновь, как это уже бывало не единожды, наблюдала своего “мужа” вдребезги пьяным.

Пил он сосредоточенно, устремив взгляд в одну точку, и когда она вошла, открыв входную дверь виллы своим ключом, он даже не поприветствовал ее.

И хотя до этого вечера инициатором застолий с выпивкой всегда была Сэлли, на этот раз все было наоборот. Получив строжайшие инструкции шефа, Грэйвс предприняла титанические усилия, чтобы оторвать “мужа” от бутылки. Тщетно. После короткого, но бурного скандала каждый из них остался при своей точке зрения.

В ту ночь возлюбленные впервые, находясь под одной крышей, спали порознь. Полещук, овладев двумя “огнетушителями” виски, заснул под столом...

Деньги были вручены Полещуку во время конспиративной встречи, проходившей в дешевом трехзвездочном отеле “Викрам”, в обмен на сделанные им оттиски с ключа резидента.

В ходе явки Беллингхэм поставил перед новоиспеченным агентом дополнительные задачи по добыванию интересующих ЦРУ сведений и обозначил способы связи.

Тогда же Полещук узнал, что по строго секретным платежным ведомостям, да и вообще в картотеках ЦРУ, он будет проходить под конспиративным псевдонимом Уэй.

Несмотря на свое подчиненное, более того, зависимое положение, Полещук в общении с Беллингхэмом вначале попытался вести себя, как породистый английский аристократ, свысока вззирающий на вульгарно пахнущего деньгами американского купчика.

Не тут-то было. Очень скоро цэрэушник показал своему русскому подопечному, “кто есть кто”. Как бы между прочим подсказал, что работать они будут по принципу пилы: “ты - мне, я - тебе”.

Змея в шоколаде

В июле 1975 года истек срок пребывания Полещука в Непале.

В ходе прощальной явки с ним были оговорены условия продолжения связи в Советском Союзе, он получил микропленку, вмонтированную в магнитофонную компакт-кассету. В ней - задания по сбору информации, инструкции по организации связи, указания по восстановлению контакта при новом выезде за границу.

Беллингхэм также вручил Уэю условные письма для отправки на адрес в Соединенных Штатах,

две специальные ручки для нанесения тайнописи, шифр-блокноты, прибор-приставку к радиоприемнику для приема кодированных передач из радиоцентра. Часть шпионской экипировки эксперты ЦРУ надежно упрятали в обложке фотоальбома. Остальное - дополнительные инструкции и крупную сумму денег - Уэй должен был получить в контейнере, изъяв его из тайника, который будет заложен для него резидентурой ЦРУ, действующей с позиций посольства США в Москве.

Все наставления своего оператора Джона Беллингхэма Полещук слушал вполуха, потому что никак не мог сосредоточиться из-за присутствия на конспиративной встрече Сэлли Грэйвс. На протяжении всей явки с языка Полещука готов был сорваться вопрос, почему и в каком качестве здесь присутствует его бывшая возлюбленная. То, что Сэлли десятью месяцами ранее по заданию ЦРУ выполнила роль “медовой ловушки”, он уже понял.

Ясно стало незадачливому разведчику и то, что комедия с венчанием, как и совместное проживание с Грэйвс, были частью плана Беллингхэма, который предусматривал посадить его, Полещука, на “короткий поводок”, чтобы постоянно держать под контролем и добывать информацию. Но сейчас, что делает здесь эта женщина сейчас?!

Полещук по привычке продолжал воспринимать Сэлли в прежней ипостаси - в ней он видел лишь ненасытную нимфоманку, для которой смысл жизни ограничивался постельными утехами и которая строила свои отношения с мужчинами в соответствии с афоризмом, почерпнутым из какого-то датского порнографического журнала: “Библия учит любить ближнего своего, а Камасутра объясняет, как именно”.

Присутствие Сэлли на прощальной явке явилось для Полещука, пожалуй, самым большим унижением и разочарованием, какие ему когда-либо довелось испытать в своей жизни. В какой-то момент Полещуку пришло в голову, что никакой озлобленности ни в адрес Грэйвс, ни тем более к Беллингхэму он не испытывает.

Мысленно послав американцев в общероссийском направлении, Уэй отнесся к своему подчиненному положению философски: показно-внимательно выслушал и принял все предложения оператора, чтобы затем забыть о них сразу по прибытии на родину. Беллингхэм же, щадя мужское самолюбие своего подопечного, и словом не обмолвился, что все это время его истинным оператором была Грэйвс.

По прибытии в Москву Полещук изъял приготовленный для него тайник - в нем его интересовали только деньги, шпионские же материалы он уничтожил, твердо решив никогда больше не выходить на связь с американской разведкой.

Не последнюю роль в принятии им такого решения сыграла Сэлли Грэйвс, вернее, то, как она сумела обвести его вокруг пальца.

Сэлли, которую Полещук считал самой значительной фигурой в своей галерее сердечных подруг, оказалась змеей в шоколаде...

Возвращение блудного “крота”

“Холодная война” продолжалась, и в феврале 1985 года Полещук, незадолго до этого переведенный в управление “К” (внешняя контрразведка) Первого главка КГБ СССР, снова угодил в окопы переднего края невидимого фронта. Теперь ему предстояло сражаться с вражескими спецслужбами на африканском континенте.

К тому времени уже подполковник, он возглавил контрразведку в советской резидентуре, действовавшей с позиций посольства СССР в Лагосе, столице Нигерии.

Однако аппетиты Полещука по-прежнему опережали его карьерный рост - денег бонвивану, не привыкшему себе ни в чем отказывать, как всегда, не хватало.

К тому же после непальской командировки он основательно пристрастился к дорогим спиртным напиткам.

Сначала они помогали ему забыть Сэлли, затем, както незаметно, превратились в неотъемлемую составную его дневного рациона.

Поутру, едва переступив порог служебного кабинета, он первым делом устремлялся к бару, чтобы опрокинуть стаканчик-другой чего-нибудь покрепче.

Как правило, это были лучшие сорта виски или джина, которые он по дипломатическому листу

выписывал прямо из Англии или США.

Впрочем, и другие земные удовольствия были не чужды новоиспеченному заместителю резидента по контрразведке, преисполненному желанием жить полнокровной жизнью. Немалых средств требовали посещения казино и баров, где стриптизировали длинноногие очаровательные мулатки. Что уж говорить о расходах, в которые вводили контрразведчика те самые темнокожие дивы, регулярно приглашаемые им в номера для сексуальных развлечений. Словом, образ жизни, который вел Полещук и без которого он уже не мыслил своего существования, приближал наступление периода ренессанса в его отношениях с Центральным разведывательным управлением...

Однажды, основательно поиздержавшись, Полещук вспомнил, что он не только заместитель советского резидента, но и секретный агент ЦРУ под псевдонимом Уэй. И не беда, что он десять лет не подавал позывных - мало ли, не было возможности!

Решив, что повинную голову американский меч не сечет, Полещук отправился в посольство США, где был встречен с распростертыми объятиями.

Во время вручения Полещуком своих верительных грамот разведчикам резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюзу он назвал свой оперативный псевдоним, присвоенный ему Джоном Беллингхэмом в Непале.

В ответ американские "коллеги" заметили, что давно ждали его визита. Для Полещука это был сюрприз, ведь прошло десять лет с момента его последнего контакта с сотрудниками ЦРУ! Он поинтересовался, как удалось новым друзьям вычислить его прибытие в Нигерию и то, что он - Уэй.

— Очень просто, Леонид! - засмеялся Лоунтри, который, судя по его поведению, выступал за старшего. - Ну, во-первых, если вы помните, вас в аэропорту встречал некто Будкин, о котором нам давно уже известно, что он - разведчик.

Во-вторых, в своем посольстве вы заняли ту же должность, которую до вас занимал некто Пономаренко, принадлежность которого к советской внешней разведке у нас также не вызвала сомнений. Он полковник КГБ, не так ли? Кроме того, по прибытии в Лагос вы заняли его квартиру и стали пользоваться его автомашиной...

Полещук слушал, стараясь скрыть свое удивление, смешанное с восхищением: "Все гениальное - просто!"

Чтобы как-то сгладить произведенное на собеседника обескураживающее впечатление, Лоунтри уже более мягким тоном продолжал:

Если вас не шокируют эти подробности, я могу и дальше перечислять признаки, по которым нам удалось установить, что вы принадлежите к противоборствующей спецслужбе, - Лоунтри лукаво подмигнул Полещуку и снова засмеялся.

Да-да, конечно, продолжайте...

Все свободное время вы проводите в обществе своих коллег. Даже на пляже, в посольской купальне, вы пьете пиво только в их компании. В то же время избегаете общения и свысока смотрите на остальных советских дипломатов, не так ли? Это естественно, ведь они все от вас в той или иной мере зависимы... Достаточно одного вашего слова, намек на их явную или мнимую неблагонадежность, и любой из ваших "чистых" дипломатов первым же рейсом будет отправлен в Москву и несомненно сможет снова попасть за границу, если вообще сможет...

Разумеется, я говорю лишь о тех сотрудниках советского посольства, чьи позиции не подкреплены родственными связями с высокопоставленными чиновниками из МИДа и ЦК КПСС...

Надеюсь, я не открою тайны, если скажу, что ваши посольства за рубежом - это вовсе не посольства Советского Союза, как написано на табличке при входе в них... Это - посольства партийной номенклатуры со Старой площади, чиновников МИДа и генералов КГБ, куда они пристраивают своих детей и детей своих родственников и близких друзей...

Простите, я несколько отвлекся от темы... Вернемся к признакам, мистер Уэй?

Да-да, конечно... Очень увлекательно!

Так вот... В отличие от настоящих дипломатов вы и ваши соратники не больно жалуете даже посла, а уж о соблюдении вами трудовой дисциплины и говорить не приходится: в рабочее время вас не найти в посольстве, потому что вы постоянно находитесь в городе якобы по

личным делам...

В дополнение ко всему вы еще и часто появляетесь в посольстве в нерабочее время, особенно вечером, подолгу там задерживаетесь, когда остальные ваши соотечественники отдыхают или развлекаются... Все сотрудники вашей резидентуры имеют возможность свободно общаться с местным населением и гражданами других стран, находящимися в Лагосе по служебным или каким-то другим делам, особенно с теми, контакты с которыми рядовым советским дипломатам не рекомендованы или категорически запрещены...

Ваши коллеги, офицеры резидентуры, свободно посещают рестораны, бары, казино, тратят большие деньги на угощение своих сотрапезников или компаньонов, чего не может себе позволить "чистый" дипломат вашей миссии в Нигерии...

Словом, признаков, демаскирующих ваш истинный статус, у нас набралось предостаточно". К тому же вашу фотографию мы переслали в Лэнгли... Ответ оттуда лишь подтвердил наши догадки... Нет-нет! Я ошибся - это не догадки, а математически выверенные расчеты... Вот так мы узнаем "кто есть кто"...

Обратите внимание, мистер Уэй, я рассказал вам все как на духу. Это свидетельствует о том, что у нас секретов от вас нет... В будущем я надеюсь на взаимную искренность!

Заметив, как при этих словах заерзал в кресле Полещук, Лоунтри поспешил добавить:

Вы с чем-то не согласны?

Нет-нет, я согласен... со всем. Но будет лучше, если вы станете называть меня просто Леон... Нет проблем, Леон! Впредь я буду называть вас только так!.. Возвращаясь к поднятой теме, могу лишь добавить одно: в своей работе по выявлению сотрудников КГБ среди советских дипломатов, впервые прибывающих в Лагос, мы используем те же признаки, что и вы... Или я ошибаюсь, Леон?

Нет-нет, все так... Мы, конечно же, пользуемся той же методой! - поспешил заверить своих новых знакомых подполковник, хотя все услышанное явилось для него полной неожиданностью. Нельзя же давать повод своим операторам заподозрить в нем беспросветного невежду! Разумеется, разведчики резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюз не столько обрадовались чудесному воскрешению агента Уэя как таковому, сколько преимуществам, которые сулила его новая должность.

Американцы отдавали себе отчет, что направление главного удара советской внешней разведки пролегает далеко за пределами Африки, но вместе с тем не могли не учитывать и того, что перед ними не рядовой оперработник, а заместитель резидента. Заместители советских резидентов по контрразведке, они и в Африке на вес золота...

Сотрудничество было полностью восстановлено.

Конспиративные встречи с Уэем стали регулярно проводиться в автомашинах посольства США, а затем в специально снятом американской резидентурой особняке.

Однако напрасно надеялись новые операторы Уэя и их руководители в Лэнгли, что с помощью вернувшегося из небытия агента на них обрушится водопад информации.

Советская резидентура в Лагосе - заштатная оперточка, и Полещук при всем желании побольше заработать, предоставляя своим работодателям интересующие их сведения, испытывал объективные трудности - ну не доходят до него секреты вселенского масштаба, и все тут!

Теперь Уэй на практике познал, что подразумевал Беллингхэм под принципом пилы: "ты - мне, я - тебе". Для Полещука-агента это означало: "нет секретов - нет денег".

Отсутствие серьезной информации не замедлило сказаться на отношении Лоунтри и Хьюза к Полещуку - оно заметно охладело. Полещук старался не замечать изменений в поведении своих операторов, продолжая исправно поставлять хоть и незначительную, но полезную информацию, поэтому наличные деньги на выпивку и на сексуальные забавы у него не переводились.

Вместе с тем рисковать разоблачением за гроши Полещук не собирался и, чтобы получить от своих хозяев "по максимуму", предпринял обходной маневр.

На ближайшей явке он довел до сведения своих шефов; что по завершении африканской командировки его прочтат на приличную должность в центральном аппарате управления "К" (внешняя контрразведка) Первого главка КГБ СССР.

Сразу вслед за этим Уэй поставил вопрос об увеличении жалованья. Заядлый картежник, он верно рассчитал, что "туз, он и в Африке туз", и не ошибся.

Новые друзья поспешили заверить, что все его условия будут приняты.

Действительно, вскоре ежемесячное вознаграждение Уэя было пересмотрено в сторону повышения. И не потому, что в его информации по Нигерии появились какие-то сверхценные факты, отнюдь!

Лоунтри и Хьюз, как и их руководство в Лэнгли, заглотили приманку - они надеялись на продолжение связи с агентом, когда по окончании командировки в Нигерии он вернется в Москву и осядет в директивном подразделении внешней контрразведки СССР.

Очень скоро Полещук сумел убедиться, что работодатели из ЦРУ действительно пекутся о его служебном росте...

На очередной явке Уэю было сделано предложение, от которого он не мог отказаться.

Лоунтри начал издали:

Леон, мне и моему начальству в Лэнгли не понаслышке известно, как бюрократическая система КГБ давит на оперативного сотрудника, находящегося за границей, побуждая его постоянно проявлять активность... Собственно говоря, для вас это тоже не секрет. Если вы вернетесь в Россию "пустой", то есть не проведете здесь успешных вербовок или не предложите каких-то операций, ваша характеристика в лучшем случае будет вежливо-уклончивой, что отнюдь не будет способствовать вашему служебному росту, не так ли? - Лоунтри умолк, ожидая ответной реакции.

"Надо же, американец попал в самый "цвет"!.. Что ни говори, а приятно, когда о тебе думают на самом верху..."

Недаром он упомянул свое начальство в Лэнгли", - подумал Полещук, но с ответом не торопился, лишь кивнул в знак согласия.

Так вот, Леон. Мы посоветовались и пришли к выводу, что если вам удастся проделать то или другое, о вас сложится мнение как об активном оперативном сотруднике, и в будущем вы наверняка получите хорошее назначение... С нашей стороны вы также не будете обделены приятными вещами, согласны?

Что я должен сделать? - произнес Полещук, которому не терпелось узнать, какая роль отведена ему в предстоящих мероприятиях, спланированных ни где-нибудь - в штаб-квартире ЦРУ!

Вам лишь надо будет документально оформить привлечение к секретному сотрудничеству человека, чиновника, входящего в ближайшее окружение нигерийского президента, вот и все... И какую же информацию он будет мне поставлять? - в голосе Полещука прозвучала искренняя заинтересованность.

Это уже наши проблемы, Леон. Не волнуйтесь, мы позаботимся о том, чтобы информация от него, вами завербованного агента, была самой высокой пробы и представляла безусловный интерес для вашего руководства в Москве. Таким образом, ваши позиции укрепятся настолько, что альтернативы вашему назначению в центральный аппарат управления "К" попросту не будет. "Ну что, по рукам?"

Интересная мысль! - задумчиво ответил Полещук, борясь с соблазном сразу принять предложение своего оператора.

Он не торопился с ответом, прикидывая, какими осложнениями для него может быть чреватое положение, к которому его подталкивали. Перспектива иметь на личной связи в качестве секретного агента правительственного чиновника была весьма заманчивой. Он бы сразу добавил себе третью звезду на погоны - стал полковником. Но с другой стороны, и в этом Полещук не сомневался, американцы подставляют ему своего человека, призванного сыграть роль двойного агента, через которого они намерены "гнать дезу" - снабжать КГБ ложной информацией.

"Интересно, насколько застрахован от провала этот мой предполагаемый агент и где гарантии моей собственной безопасности? Попадись этот чиновник на добывании секретных сведений и начни он потом "петь" на допросах, а в том, что он "запоет", у меня сомнений нет, меня не спасет никакой дипломатический иммунитет. "Баклажаны" из местной службы безопасности повяжут меня, невзирая ни на какие международные конвенции и на дипломатическую неприкосновенность. А африканская тюрьма - это даже не Бутырка, хуже! И вместе с тем выбора нет, надо соглашаться..." - подвел итог своим размышлениям Полещук. Однако, чтобы скрыть свою заинтересованность и немного поторговаться, с напускным равнодушием спросил:

И кто он, этот чиновник?

Не спешите, Леон, всему свое время... Сейчас нам необходимо иметь лишь ваше принципиальное согласие, детали мы оговорим чуть позже... Ну так как?

От таких подарков не отказываются, - Полещук решительно взмахнул рукой, - согласен!

В последующем, когда в Лэнгли стало известно о провале Уэя, в Лагосе был арестован и сданный ему в аренду американцами агент Принц, тот самый правительственный чиновник из ближайшего окружения президента Нигерии.

На суде он выступил с покаянием и горячей обличительной речью в адрес советских спецслужб, которые обманым путем завлекли его в свои сети. Показательный судебный процесс широко освещался в местной прессе и по телевидению.

Искреннее раскаяние спасло Принца от длительного срока пребывания в тюрьме, он отделался условным наказанием, о чем с пафосом сообщили все нигерийские средства массовой информации. Однако о том, что спустя пару дней после завершения судебного разбирательства коммунистического агента сбила машина, узнали только его родственники. Мавр сделал свое дело...

В мае Уэй объявил своим операторам, что в июле убывает на родину в краткосрочный отпуск. С этого момента в советском отделе Оперативного директората ЦРУ проходит совещание за совещанием.

Руководитель отдела Бэртон Гербер был отлично осведомлен об оперативной обстановке на территории СССР. Совсем еще недавно, в 1980-1982 годах он возглавлял резидентуру в Москве, и ему не понаслышке были известны трудности, с которыми придется столкнуться московской резидентуре ЦРУ при поддержании связи с Уэем, когда тот начнет работать в центральном аппарате управления "К".

Цель оперативных посиделок принятие оптимального решения, которое помогло бы приучить Полещука к контактам с ЦРУ в условиях Советского Союза.

Наконец выход был найден. Гербер одобрил вариант, предложенный бывшей "женой" агента - Сэлли Грэйвс.

Ее предложение состояло в том, чтобы Уэй во время своего очередного отпуска изъясил тайник с деньгами, который будет заложен для него посольской резидентурой в Москве.

Уж кому-кому, а ей было доподлинно известно, что наиболее чувствительной болевой точкой ее бывшего "мужа" являются деньги...

Разведчики "глубокого прикрытия"

В июле 1985 года накануне предстоящего отъезда в отпуск на родину Полещук настойчиво требовал от своих американских хозяев денег.

После долгих препирательств сотрудникам ЦРУ удалось уговорить его денег с собой через границу не везти, а взять их в тайнике в Москве. В качестве тайникового контейнера предполагалось использовать испытанный камуфляж - увесистый булыжник. В нем должны были находиться двадцать тысяч рублей - огромная по тем временам сумма.

Лоунтри и Хьюз заверили Уэя, что закладка тайника в Москве будет осуществлена разведчиком "глубокого прикрытия", который абсолютно вне подозрений и о существовании которого в КГБ не подозревают.

Полещук, не в силах противостоять искушению, сдался...

Практика использования московской резидентурой разведчиков "глубокого прикрытия" (советские контрразведчики называют их "подснежниками" или "тихобздюями") свидетельствовала о том, что ЦРУ бережет их как зеницу ока.

Они никогда не участвуют в повседневных профессиональных играх своих коллег, а на "тропу войны" выходят только в решающий момент, и то лишь когда имеются абсолютные гарантии, что они не "засветятся".

Разведчикам "глубокого прикрытия" вменяется в обязанность молниеносно появиться в нужном месте в нужное время и также молниеносно исчезнуть.

Они обязаны действовать, как призраки. Вместе с тем результаты, их действий всегда должны быть не только материальными, но притом весьма осязаемыми...

Идея использования разведчиков “глубокого прикрытия” принадлежала начальнику контрразведки ЦРУ Гарднеру Гасу Хэтэуэю. Будучи главой московской резидентуры в 1977-1979 годах, он обратил внимание, что его офицеры практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Каждый раз за ними увязывалась “наружка”.

В то же время несколько человек, занимавших невысокие посты в госдепартаменте (министерство иностранных дел США), “чистые” дипломаты могли ходить без надзора куда им вздумается.

Одна из причин, почему КГБ всегда безошибочно определял, за кем следить, крылась, во-первых, в том, что оперативные сотрудники работали в тех помещениях посольства, которые традиционно принадлежали ЦРУ.

Во-вторых, цэрэушники, работавшие в Москве, как правило, уже успевали послужить, то есть “засветиться”, где-либо в другом зарубежье. Поэтому советские контрразведчики задолго до приезда цэрэушников в Москву уже располагали на них исчерпывающими досье.

Суть замысла Хэтэуэя состояла том, что новичка-цэрэушника, никогда прежде не бывавшего за границей по линии разведки, вычислить намного сложнее, особенно если он будет занят полный рабочий день чисто посольскими делами и не будет посещать апартаменты резидентуры в здании посольства.

О его существовании должны знать только коллеги из центрального аппарата Управления и сам посол. Использовать его можно только в случае крайней необходимости - когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то из его людей покинул посольство, не имея за собой хвоста.

Проект Хэтэуэя под кодовым названием “Безопасная лазейка” прошел успешную апробацию, и с 1984 года был принят на вооружение практически всеми резидентурами ЦРУ, действовавшими под прикрытием американских посольств в столицах социалистических стран.

Однако недолго музыка играла...

Венский информатор

Начиная с 1984 года и в течение последующих двух лет одним из главных действующих лиц в проведении операции “Безопасная лазейка” в Москве должен был стать молодой офицер Эдвард Ли Ховард.

Однако до Москвы Ховард не добрался, поскольку в конце 1983 года рутинный тест на полиграфе показал, что он слукавил в ответе на вопрос об употреблении наркотиков во время службы в Корпусе мира. Дело, возможно, и замяли бы, - как-никак подготовка Ховарда обошлась Управлению в копейку, - если бы не его натянутые отношения с непосредственным руководством.

Несостоявшегося разведчика отвели от поездки в СССР, а в мае 1984 года уволили из ЦРУ без объяснения причин.

Вместе с любимой женой Мэри он переехал в СантаФе, столицу штата Нью-Мексико, и нашел там хорошую работу, но так и не смог побороть в себе обиду на Управление. У него начались запои, по ночам стал беспокоить бывших коллег странными телефонными звонками и вообще впал в депрессию.

В июне 1984 года, во время перебранки в баре, Ховард выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Суд признал его виновным. В прошлом судимостей он не имел, поэтому его освободили под подписку о невыезде, ограничившись условным наказанием и назначением принудительного лечения в психиатрической клинике.

Во всем случившемся, как и в своих психических расстройствах, бедняга по-прежнему винил только ЦРУ...

После трех месяцев лечения у психиатра Эдвард Ховард, нарушив, подписку, приобрел недельный тур и вылетел в Европу якобы для закрепления реабилитационного курса.

21 сентября 1984 года он переступил порог советского посольства в Вене и выразил готовность поделиться известной ему информацией о деятельности московской резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием посольства США. За оказание необычной услуги Ховард просил всего каких-то 150 тысяч долларов. Сделка состоялась.

Доброволец стал обладателем требуемой суммы, а Комитет госбезопасности СССР - информации особой важности.

Кроме прочих сведений, Эдвард Ховард представил данные и о совершенно секретном проекте "Безопасная лазейка", который к тому времени уже перестал быть проектом, превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую резидентурой ЦРУ в Москве. Ховард полагал, что сделка носит, единовременный характер, но в КГБ считали по-другому. Хотя состоявшийся контакт и не был оформлен письменным договором о взаимных обязательствах, Комитет не собирался в дальнейшем отказываться от услуг добровольного рекрута, постоянно держа его в поле своего зрения. В будущем у Ховарда появится возможность в этом убедиться...

Черт из табакерки

В четверг, 1 августа 1985 года, в двенадцатом часу дня Гарднер Гас Хэтэуэй получил срочную телеграмму из резидентуры ЦРУ в Риме. В то утро в американское посольство явился Виталий Юрченко и объявил о своем желании работать на Соединенные Штаты. Совсем недавно он занимал должность заместителя начальника отдела Первого главного управления КГБ (внешняя разведка), осуществлявшего секретные операции в США и Канаде. Ничего себе улов! Таких размеров золотая рыбка со времен Пеньковского не попадала в американские сети! Сотрудникам американской резидентуры в Риме Юрченко сообщил, что в предыдущем году в Вене некий американец вошел в контакт с советскими разведчиками и передал им какую-то информацию о деятельности ЦРУ в Москве.

Сам Юрченко не встречался с "венским информатором" и о характере переданных им в КГБ сведений не имел представления. Единственное, в чем русский перебежчик был совершенно уверен, так это в том, что американец некоторое время работал в ЦРУ и был неожиданно уволен во время подготовки к работе в Москве.

Никогда не терявший самообладания Хэтэуэй, поняв, о ком идет речь, грязно выругался и со словами: "Этого ублюдка надо обезвредить, пока он не натворил новых бед!" - схватил трубку прямой телефонной связи с директором Управления Уильямом Кейси.

Получив сигнал в отношении Эдварда Ли Ховарда лично от шефа ЦРУ, Федеральное бюро расследований занялось сбором весомых улик для ареста отступника. Одновременно за домом Ховарда было установлено круглосуточное наружное наблюдение, что, впрочем, не осталось незамеченным экс-профессионалом.

Полтора месяца спустя, не имея никаких юридических оснований для задержания подозреваемого, как и не сумев добыть других доказательств вины Ховарда, кроме заявления Кейси, фэбээровцы пошли напролом.

19 сентября 1985 года три сотрудника ФБР в течение восьми часов допрашивали Ховарда в надежде "расколоть" его и вырвать признание. Тщетно, ибо окончательно озлобившийся цэрэушник-расстрига все отрицал. Но вместе с тем, он отдавал себе отчет, что крест ему готов, и дело за малым: осталось принести гвозди и молоток.

Не дожидаясь команды фэбээровцев "на выход с вещами", он сумел оторваться от "наружки", следившей за домом, и вместе с женой на своем издавшем виды "олдсмобиле" помчался за город.

За рулем сидела Мэри. У одного из поворотов Ховард применил трюк под названием "черт из табакерки", которому его обучили в ЦРУ. На полном ходу он выпрыгнул из машины в "мертвой зоне" - на закрытом от наблюдения участке пути.

В тот же момент Мэри усадила рядом с собой куклу заранее приготовленный мужем манекен, который со стороны можно было принять за Ховарда.

Трюк сработал, преследователей удалось обмануть, а Эдвард Ли Ховард через несколько часов оказался в советском посольстве в Вашингтоне, откуда тайно был вывезен в Москву, где проживает с семьей и по сегодняшний день...

Справедливости ради надо сказать, что такие, как Ховард, по своим личным данным и моральным качествам не подходят для работы в качестве кадровых сотрудников какой-либо спецслужбы. Им, романтикам, вечным искателям щекочущих нервы приключений, претит

рутинная система, царящая в этих организациях.

Свое призвание такие люди, как Ховард, находят на стезе секретного сотрудничества со спецслужбами в качестве агентов. Они не носят “плащей и кинжалов”, эти атрибуты принадлежности к тайному ордену, как правило, хранятся в сейфах их операторов. Работают они во благо спецслужб не по расписанию, выверенному уставом, а по вдохновению.

Сотрудничество Ховарда с Комитетом госбезопасности было весьма плодотворным и взаимовыгодным еще и потому, что американец сам по доброй воле решил “переменить веру”. Ховард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесменом он был, что называется, от бога. Имея денежные сбережения на счетах американских и западноевропейских банков, он активно играл на разнице курсов валют и никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Ховарда несколько специалистов Госбанка СССР были ознакомлены с его методикой и приемами извлечения выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. По сути, деньги можно было делать из воздуха.

Огромную ценность имела и представленная им информация о работе с банковскими вкладами с целью извлечения максимальных дивидендов.

Опыт Ховарда был взят на вооружение и с успехом использовался Управлением “С” КГБ СССР, занимавшимся вопросами подготовки и работы разведчиков-нелегалов в странах главного противника, то есть в Западной Европе, в США и Японии.

Ховарда с полным на то основанием можно назвать смелым человеком, но с явным налетом авантюризма, склонностью к бесшабашным поступкам и не всегда оправданному риску.

Достаточно сказать, что, уже проживая в Советском Союзе, Ховард пускался в головокружительные путешествия по странам Западной Европы.

Он даже умудрился несколько раз побывать в США Правда, по чужим документам, изготовленным для него “технарями” из Оперативно-технического управления КГБ СССР. В любом случае, в эти авантюры он пускался, не преследуя никакой личной материальной выгоды, а лишь для того, чтобы вновь и вновь почувствовать упоение риском, а также чтобы выставить ЦРУ и ФБР в неприглядном виде за то, что они в свое время несправедливо с ним обошлись, оставив в его душе нерубцующуюся рану.

Надо сказать, Ховард всегда крайне болезненно реагировал на ущемление своих прав. Не исключено, что именно поэтому за долгие годы жизни в СССР он так и не смог привыкнуть к некоторым сторонам советской действительности, например, к бесправию потребителей в сфере обслуживания, которое возмущало его с самого первого дня. Он частенько устраивал “разборки” в магазинах, наивно пытаясь втолковать продавцам московских гастрономов и универмагов такой понятный для американца принцип - что клиент всегда прав.

Будучи широко образованным и высоко-интеллектуальным человеком, он, однако, обладал крайне неустойчивой психикой, был легкораним, часто впадал в депрессивное состояние. Настроение его менялось по нескольку раз на день, причем, казалось, без всякой на то причины. Даже несмотря на привязанность к жене и сыну, Ховард через некоторое время общения с ними начинал испытывать потребность в смене обстановки, ему нужны были новые впечатления.

От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность. В часы нервных срывов с ним могли общаться только самые близкие ему люди.

Но приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед окружающими вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно прислушивающийся к советам и пожеланиям, досконально выясняющий все интересующие его вопросы.

После развала Советского Союза Ховард лишился заботливого покровительства, и нельзя исключать того, что в один прекрасный день его “сдадут”, как это уже было проделано пришедшими к власти демократами-реформаторами с целым рядом других секретных помощников советской разведки...

Поклонник “лебединых песен”

Получив информацию о подробностях проведения тайниковых операций под кодовым

названием “Безопасная лазейка”, советские контрразведчики немедленно пересмотрели свое отношение ко всем американским дипломатам, занимавшим низкие и просто технические должности в посольстве США в Москве.

Методом тотального просеивания и исключения вскоре удалось выйти на одного неприметного, ну, прямо-таки классического “тихого американца” - Пола Залаки, заведующего посольской библиотекой.

В ходе непрерывного контроля за его поведением и перемещениями по столице были получены данные, бесспорно свидетельствовавшие, что Залаки является именно тем самым “тихобздуем”, которому резидентурой ЦРУ поручено осуществлять в Москве закладки тайников для своей особо ценной агентуры.

Поэтому, когда 19 июля из ворот посольства на большой скорости вылетел “форд” с Залаки за рулем, “наружка” уже наверняка знала, что американец выехал не на прогулку - на задание...

Три часа он колесил по столице, постоянно меняя направление движения - проверялся.

Однако, несмотря на все ухищрения и непреложное выполнение требований конспирации, от “наружки” оторваться ему не удалось и он привел ее прямо к месту, где должен был осуществить закладку тайникового контейне-

С точки зрения советских специалистов по шпионажу, место для закладки подбиралось совсем уж как-то дилетантски.

Впрочем, как знать? Быть может, выбор места был обусловлен тем, что туда никогда не заглядывали прохожие, кроме разве что любителей “сообразить на троих”.

Не исключено, что американцы действовали, руководствуясь своим излюбленным принципом: “Самая лучшая конспирация - это полное ее отсутствие”.

Проезд Серебрякова - глухая окраина северного района Москвы, где прямо на пустыре, густо поросшем кустарником и сорной травой, поднялись новенькие девятиэтажки. Унылый “лунный” пейзаж дополняют высокие металлические мачты опоры высоковольтной линии электропередачи.

Вот у подножья одной из таких опор и спрятал Залаки свою ценную “посылку” - контейнер-бульжник.

Да и спрятал ли? Швырнул, повернулся на каблучках, нырнул в машину и был таков - кому, кроме агента-получателя, придет в голову искать здесь сокровища?!

Как только Залаки, бросив “бульжник”, скрылся на автомобиле вдали, “наружка” получила указание оставить его вне контроля.

Пусть уж разведчик, сделавший свое дело, пребывает в полной уверенности, что операция проведена им без сучка и без задоринки!

Да и зачем продолжать слежку? И так ясно, что никаких сюрпризов от американцев ни сегодня, ни в ближайшее время не предвидится. На то он и агент “глубокого прикрытия”, чтобы пакостить редко, но метко.

К тому же дальнейшая слежка могла обернуться для “наружки” саморазоблачением, а это, в свою очередь, поставило бы под угрозу провала реализацию главного мероприятия - захвата с личным шпиона, который придет изымать тайник.

Разведчики наружного наблюдения осмотрели оставленный Залаки бульжник.

Не без труда открыли его. Внутри обнаружили запаянную в пластиковую оболочку пачку денег и записку-напоминание для получателя о том, что необходимо оставить условный сигнал после изъятия закладки. Пересчитали деньги - ровно двадцать тысяч рублей.

Определить, для кого предназначен тайниковый контейнер и когда он будет изъят, не представлялось возможным. Ясно было одно - для весьма ценного источника ЦРУ и рассчитан он на продолжительный срок нахождения на местности.

Безусловно, ЦРУ не предполагало, кем и как бдительно - денно и ночью - будет охраняться контейнербульжник.

В тот же день на дежурную вахту неподалеку от башни заступили две машины-фургона “Мосэлектросети”, в которых находились бойцы “Альфы” из группы захвата.

В течение светлой части суток они, переодетые монтажниками, должны были располагаться вблизи башни, делая вид, что проводят ремонтные работы на линии высоковольтной электропередачи.

С наступлением темноты альфовцам предстояло находиться в фургонах и вести наблюдение с помощью приборов ночного видения.

О случайных прохожих, а также об автомашинах, чье появление в подконтрольной зоне внушало хоть малейшее подозрение, разведчики наружного наблюдения, расположившиеся в округе, немедленно по радиации сообщали альфовцам и на центральный диспетчерский пост.

Там решался вопрос, какой бригаде “наружки” надлежало установить и с соблюдением строжайшей конспирации выяснить, как и почему вызвавший подозрение человек оказался рядом с тайником.

Сколько человек было проверено на предмет выяснения их причастности к американскому тайнику - одному Богу известно!

Доставалось и аналитикам из центрального аппарата КГБ. Словом, работы хватало всем!

В ночь с 20 на 21 июля в машинах “Мосэлектросети” прозвучал сигнал боевой тревога: в подконтрольной зоне появился незнакомец, который, освещая себе путь электрическим фонариком, двигался к тайнику.

Но почему от “наружки” не поступило никаких предупреждений? Как сыщики проворонили его появление на дальних подступах, неужели проспали?!

Через приборы ночного видения альфовцы рассмотрели пожилого мужчину, который, время от времени останавливаясь и нагибаясь, что-то искал. Вот он дошел до булыжника, остановился, закурил сигарету...

Группа захвата бесшумно покинула фургон, как вдруг в ночной тишине явственно раздалось: “Кис-кискис!”

Наблюдение продолжили, потому что нельзя было исключать и такой вероятности - тот, кому предназначался охраняемый альфовцами булыжник, мог прикинуться владельцем заблудившегося животного, кота или собаки.

Мужчина, миновав булыжник, начал шарить лучом фонарика в кустах вокруг башни-опоры. Наконец, в сердцах выругавшись, неизвестный повернул обратно и напрямик направился к одной из девятиэтажек...

Фальстарт, всем отбой!

На следующее утро альфовцы поняли, что ночной переполох, поднятый хозяином блудливого кота, - был лишь началом их мытарств и даже не “цветочками”.

Ибо цветочки, но иного свойства и качества, окружали группу захвата буквально со всех сторон - метровой высоты бурьян, который покрывал пустырь, был не чем иным, как зарослями конопли.

Целая плантация дармовой марихуаны! А сколько в Москве проживает молодых людей, страдающих халявного кайфа, в этом альфовцы вскоре убедились на собственном опыте...

21 июля, едва на востоке обозначился красный солнечный диск, контролируемая ими зона огласилась бодрими молодыми голосами.

Четверо парней, раздевшись догола, начали с криком и гиканьем взапуски гоняться друг за другом вокруг башни-опоры, под которой лежал “булыжник”. Ну, чем. не пляска дикарей на рассвете!

Со стороны могло показаться, что парни изображают купальщиков. Только вместо воды они с головой ныряли в заросли конопли.

Что они делают?! - удивился Виталий Демидкин.

Собирают пыльцу с цветущей конопли, - спокойно ответил замкомандира “Альфы” Владимир Зайцев. - Судя по всему, сборщики - ребята опытные, сейчас самое продуктивное время для сбора “дури”.

Почему?

Посмотри! Разве они не напоминают купальщиков? Видишь, буквально окунаются в росу, смешанную с конопляной пыльцой, чтобы этим раствором покрыть все тело.

Когда “купальщики” поменяют окрас - из белокожих станут желтовато-коричневыми - считай, сбор урожая окончен. После этого они ладонями начнут скатывать друг с друга шарики подсохшей пыльцы - это уже готовый к употреблению продукт, так называемая “мастырка”.

Втыкай шарик в папиросу, прикуривай и лови кайф”!

Безумная пляска нудистов была прервана невесть откуда появившимися милиционерами с овчарками.

Молодых людей погрузили в “воронки” и увезли.
Зайцев заметил, еще одна машина с “особаченными” милиционерами притаилась у одной из девятиэтажек.

Ждать им пришлось недолго.

Через несколько минут место первой группы “купальщиков” заняли трое парней и девушка, которые так же, как и их предшественники, стали бегать по пустырю в чем мама родила.

Н-да... - задумчиво произнес Зайцев. - Не было печали, да наркаши накачали!

А что, собственно, произошло? - удивился Демидкин. - Ну побегали ребятишки, порезвились... В околоте их под душ поставят и, как говорится, на свободу с чистой кожей и рожей... Все путем! Это ты так думаешь, Виталий, что все путем! А теперь представь, что менты здесь будут дежурить круглосуточно...

Ну и пусть себе дежурят, нам-то что? - не понял ход мысли шефа Демидкин.

Как, то есть, “нам что”?! - разозлился Зайцев. - Да стоит тому, кого мы ждем, обнаружить здесь ментов

мы его не то что не задержим, даже не увидим! Он на пушечный выстрел к тайнику не приблизится! А мы об этом и знать никогда не узнаем...

Почему?

Почему-почему! Я уверен, что шпион не полезет к тайнику очертя голову. Не идиот же он, в самом деле! Я, во всяком случае, таких шпионов не встречал...

Перед тем как изымать контейнер, он хотя бы разок да прочешет проезд взад-вперед, чтобы убедиться, что все спокойно... И что же? Что он увидит?

Ментов... - потухшим голосом ответил Демидкин.

То-то и оно, что ментов! И тогда, спрашивается, зачем мы здесь торчим?! Н-да, задали нам работу американцы! Это ж надо такое место подобрать для тайника! Ведь невооруженным глазом видно, что конопля здесь выросла не вчера... целая плантация марихуаны. Нет бы заранее сюда приехать да все проверить. Смотришь, и у нас бы проблем сейчас было меньше... Ну, не парадокс ли? Американцы заложили тайник, а нам приходится мучиться, ломать голову, как его спасти! Что ж вы так наплевательски относитесь и к своим тайникам, и к своим агентам, а, господа империалисты?!

Ладно, пора кончать эти мудовые рыдания - надо срочно что-то придумать!

И Зайцев придумал.

В тот же день в вечерних выпусках столичных газет: “Вечерняя Москва”, “Московская правда”, “Московский комсомолец” в рубрике “срочно в номер” появилась заметка следующего содержания:

“На чрезвычайной утренней сессии Моссовета, состоявшейся 21 июля с. г., было принято решение дать решительный бой сорной траве, отравляющей жизнь и наносящей непоправимый ущерб здоровью жителей-тружеников нашей столицы.

Все призывы прежнего руководства Мосгорисполкома бороться с сорняками оставались благими пожеланиями. Лишь сегодня наконец москвичи услышали новое слово-приказ: “Уничтожить сорняки!”.

Да, товарищи! бороться с сорной травой можно безуспешно всю жизнь, поэтому-то и принято решение уничтожить ее в течение ближайших 48 часов.

Новое мышление, новый подход к решению застарелых, доперестроечных проблем должен найти горячий отклик в сердцах всех москвичей\ патриотов столицы нашей Родины.

Первыми на призыв депутатов Моссовета откликнулись подразделения милиции и пожарных расчетов Главного управления внутренних дел Москвы.

Во всех районах нашего города начата “огненная кампания” по уничтожению сорной травы.

Редакция газеты выражает искреннюю признательность всем гражданам, жителям и гостям столицы, кто готов добровольно принять участие в священном деле по освобождению от скверны улиц и площадей нашего города!”.

Заметки с таким текстом призваны были легализовать действительно проводимые сотрудниками милиции с подачи КГБ СССР мероприятия по выжиганию конопли в некоторых

местах столицы.

Но прежде всего - в проезде Серебрякова, где неустановленного американского шпиона дожидался тайник-

Вызванные милицией пожарные потрудились на славу: с помощью переносного огнемета они выборочно уничтожили растительность - только коноплю вокруг мачты, под которой находилась тайниковая закладка. Безобидный бурьян и кусты не тронули.

Публикации возымели действие и результаты не заставили себя ждать.

Уже на следующее утро, 22 июля, альфовцы, охранявшие тайник, получили сигнал от “наружки”, что в их направлении на большой скорости движется... Залаки.

Альфовцы, да и не только они одни, гадали, едет ли американский разведчик “глубокого прикрытия” изымать “бульжник”, чтобы сделать закладку в другом месте, или просто намерен удостовериться, что тайник остался нетронутым после “огневой” обработки окружающей местности...

Машины “Мосэлектросети” с альфовцами на борту немедленно провели перестроение своих боевых порядков - отъехали от места закладки тайника на изрядное расстояние, поближе к девятиэтажкам. Но так, чтобы не выпускать из поля зрения специальных оптических приборов “бульжник”.

Вскоре от “наружки” поступил еще один сигнал о приближении американца к башне высоковольтной электропередачи.

Буквально через минуту прямо напротив места, где находился “бульжник”, остановился запыленный “фордтаурус”, из которого выпрыгнул Залаки.

Раскрыл багажник, делая вид, будто что-то ищет в нем. Проходя мимо заднего левого колеса, основательно пнул его ногой. Опять вернулся к багажнику, наклонившись в него с головой...

Если бы за его действиями наблюдал человек непосвященный, то непременно бы подумал, что с иномаркой что-то случилось и водитель хлопчет в поисках неисправности.

Ага! - произнес Зайцев, наблюдавший в перископ за беспорядочными перемещениями американца вокруг машины. - Что и требовалось доказать! Изъятие “бульжника” пока отменяется...

...Залаки, подложив под себя пару подушек - так выше - с заднего сиденья форда рассматривал в подзорную трубу то место у основания мачты, где он двумя днями раньше оставил “бульжник”. Очевидно, результаты визуального обследования местности, а главное - обнаруженный нетронутым тайник, вполне удовлетворили разведчика.

Он смахнул рукавом пот со лба, сложил подзорную трубу, хлопнул багажником, дверцами машины и был таков.

Поехал докладывать, что все в порядке! - удовлетворенно произнес Зайцев и вытер взмокшее лицо ладонью...

Камень преткновения

Все стало на свои места через две недели, 2 августа 1985 года, когда в районе тайника остановилась белая “Волга” и из нее вышел молодой привлекательной наружности мужчина в майке-футболке и с хозяйственной сумкой в руках. “Красавчик” заметно нервничал и оглядывался по сторонам. Несмотря на признаки внутреннего беспокойства, незнакомец уверенными шагами двинулся к месту закладки тайника.

У альфовцев, наблюдавших за передвижениями “красавчика”, не осталось сомнений, что именно ему предназначен “бульжник” - уж слишком целенаправленными были все его действия.

Удивление вызвало другое обстоятельство: продираясь сквозь бурьян и кусты чертополоха, оставленные нетронутыми после обработки пустыря огнеметом, незнакомец поднимал с насыженных мест тучи комаров, которые, вместо того чтобы наброситься на него, на невесть откуда взявшуюся добычу, почему-то отлетали в сторону!

Приблизившись к опоре мачты ЛЭП, мужчина, ни секунды не медля, поднял “бульжник” и положил в сумку. В тот же миг, будто с неба, на него обрушились четверо бойцов группы захвата.

Во время обыска Полещука альфовцы поняли причину нелогичного, с их точки зрения,

поведения комаров: от задержанного так сильно разило перегаром, что впору было надевать противогазы! “Красавчик” был заметно пьян - ну и шпион пошел! - но тут же едва ли не с кулаками набросился на бойцов группы захвата, обвиняя их в том, что они сорвали ему свидание с девушкой, чье имя и адрес у него вылетели из головы ввиду их неожиданного нападения.

Ну а булыжник? - поинтересовались альфовцы, он что, должен девушке заменить букет цветов? Булыжник нашел случайно, - последовал ответ. Взял для того, чтобы заткнуть, то есть преткнуть колесо своего автомобиля...

И часто вы находите такие камни преткновения? - спросил руководитель операции по захвату шпиона, разламывая “булыжник” пополам и вытаскивая оттуда пачку денег и записку.

Нет, первый раз...

При личном обыске у Полещука нашли два обрывка бумаги.

На одном - схема, где крестиком отмечено место тайника у опоры электропередачи. На другом - тоже схема, но уже одного из отрезков улицы Горького. Там Полещук должен был поставить сигнал об изъятии контейнера.

Обрывки бумаги превратились в улики, как только в футляре для очков, под подкладкой, был обнаружен план связи с американской резидентурой в Москве. Он-то как раз и содержал описание места тайника и постановки сигнала о его выемке, которые полностью соответствовали обнаруженным у Полещука записям на клочках бумаги...

Долго нам пришлось вас поджидать... - в сердцах произнес Зайцев. - Где ж вас носило все это время?

Да вот... С любимой девушкой ездил на Рижское взморье... Там, знаете ли, есть такое укромное озерцо, где, по рассказам местных жителей, лебеди на рассвете поют... Хотелось услышать лебединую песню...

Месяца через два наш “суперкрот” в Центральном разведывательном управлении США Олдрич Эймс сообщит, что больше всех о провале агента Уэя сожалеет и сокрушается Сэлли Грэйвс.

Но не потому, что должна последовать вслед за мужем на погребальный костер, как предписывал обычай сати, о котором во время бракосочетания в индуистском храме ей рассказал Полещук.

Причиной ее печали были обстоятельства более тривиальные. Сэлли Грэйвс попросту опасалась, как бы он (провал) не отразился на ее карьере - идея-то закладки тайника для Уэя принадлежала ей...

Часть 3. Тайные войны спецслужб

Японские караваны

“Бриллиантовые девочки”

Во время правления Брежнева в СССР каждые 2-3 года наблюдалось существенное повышение цен на ювелирные изделия из золота и драгоценных камней, причем сразу на сто-сто пятьдесят процентов.

Решение об этом принималось на заседании Политбюро, куда приглашался министр финансов СССР, и оно считалось совершенно секретным. Однако сведения о предстоящем подорожании не оставались достоянием только чиновником высших государственных органов.

Еще за неделю-две до повышения цен дочь Брежнева и ее подруга, эти два “самых дорогих бриллианта” в золотом сообществе столичной элиты, скупали партии ювелирных изделий из драгоценных металлов и камней на сотни тысяч рублей. Лучшие образцы оставляли себе, остальное перепродавали втридорога.

Фамилии предприимчивых “девочек” говорили сами за себя, поэтому они “левой ногой” открывали двери в кабинеты директоров самых крупных ювелирных магазинов Москвы.

Нередко подруги приобретали драгоценности непосредственно на Московской ювелирной фабрике, что на улице Лавочкина. При этом они, как правило, не расплачивались, а

оставляли расписки, каковых немалое число было изъято из сейфа директора при его аресте.

Не брезговали “девочки” и банальной спекуляцией носильными вещами. Поставки товара осуществляла Лидия Дмитриевна Громыко, жена министра иностранных дел, регулярно курсировавшая между США и Москвой.

Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один только рейс умудрялась привезти такое количество шуб и женской одежды, которого хватало, чтобы затоварить пару крупных столичных коммисионок.

А чего мелочиться, играть - так играть по-крупному!

Впрочем, деньги, и немалые, у Галины и Светланы водились всегда, и дело было не только в спекуляции бриллиантами и ширпотребом.

Испокон веков в Москву со всех концов страны приезжали тысячи обиженных и пострадавших, справедливо или несправедливо. Наивные правдоискатели шли в Приемную ЦК КПСС, Прокуратуру СССР, Верховный суд.

Искушенные и разуверившиеся - искали доступ к Галине Брежневой и Светлане Щёлоковой. Дело в том, что подружки могли способствовать принятию нужного просителям решения, даже не обращаясь к своим отцу и мужу. Они могли оказать покровительство и в освобождении от уголовного наказания, а нередко и содействовать назначению на некоторые посты в провинции.

Зная это, все те, кто обращался напрямую к Брежневой и Щёлоковой, выкладывали на стол такое количество веских “аргументов” с портретом вождя международного пролетариата, что подружки попросту не могли устоять перед искушением. Подельницы без устали работали под девизом: “Все средства хороши, но лучше - наличные!”

Кроме денежных вознаграждений за протекцию, “девочки” получали массу подарков, которые им привозили из всех республик, краев и областей необъятного Союза.

Ведь было же известно, что и генсек, а тем более глава МВД, патологически чувствительны ко всякого рода подношениям, а что, их родичи - дочь и жена - из другого теста? Да быть того не могло!

...В архивах Верховного суда России хранятся протоколы допросов продавщицы буфета столовой Центрального аппарата МВД СССР, которой министр внутренних дел Щёлоков продавал полученные в подарок элитные коньяки!

Подобным образом реализовывали достававшиеся подарки и его супруга, и дочь генсека... Брежневу и Щёлокову сближала не только неумная страсть к драгоценным камням, но и постоянный поиск полных опасностей приключений.

Было в этих их страстях что-то из книжек XIX века о пиратах, ставших маркизами. Галя и Света строили свою жизнь не по предначертаниям классиков марксизма-ленинизма, а по “Графу Монте-Кристо”.

Ирония (а может, издевка?) состояла в том, что Гали-, на Леонидовна была удостоена высшей награды Советского Союза - ордена Ленина, походя, втихую врученного ей в 1978 году как подарок на пятидесятилетие...

Вручал награду член Политбюро, министр иностранных дел Андрей Громыко.

Вернувшись из Нью-Йорка, где он участвовал в работе очередной сессии Организации Объединенных Наций, Андрей Андреевич прямо из аэропорта направился в Кремль и тут же был взят в оборот Генеральным.

Ну вот, Андрей, остались только мы с тобой, - сказал Брежнев, встречая соратника. - Принято коллективное решение наградить Галину Леонидовну Брежневу орденом Ленина, но все куда-то запропастились... Я, как ты понимаешь, не могу быть крестным отцом собственной дочери, так что награду будешь вручать ты!

Дело в том, что хотя на заседании Политбюро (Громыко на нем отсутствовал) члены и кандидаты единогласно проголосовали за награждение Галины Леонидовны, но в день торжества они так же единодушно и скоропостижно покинули Кремль...

Авантюристки по натуре, Брежнева и Щёлокова вели бурную разухабистую жизнь.

Провернув очередную аферу с “брюликами”, они отправлялись в заграничное турне

вдохнуть тлетворного аромата гнивающего капитализма - уж больно был он дурманящ! И хотя появлялись они там инкогнито, но местным папарацци не составляло труда выяснить, "кто есть кто". Подруги сами провоцировали репортеров светской хроники, появляясь в казино и других значных местах в экстравагантных нарядах, закрашенные драгоценностями, как новогодние елки. - стеклянными шарами. А розовые чаевые, которыми "девочки" одаривали гостиничную прислугу, швейцаров баров и ресторанов, равнялись месячному заработку квалифицированного рабочего таких концернов, как "Фиат" или "Рено"! По возвращении на Родину пикники с шашлыками из осетрины на пленэре чередовались с приемами в Кремле. Дипломатические рауты в посольствах западных стран, куда Галину и Светлану неизменно приглашали как живых экспонатов Алмазного фонда, заканчивались попойками и скандалами в столичных ресторанах "Метрополь", "Националь", "Узбекистан". Интимные партнеры, - а у Галины вдобавок еще и мужья, - менялись, как носовые платки. Достаточно назвать несколько известных имен: Евгений Силаев, Марис Рудольф Лиёпа, Игорь Кио, Борис Буряце, наконец, Юрий Чурбанов... А сколько было безымянных, которые пролетели в жизни Галины - Светы, как пассажиры в электричке в часы пик!..

Информация о проделках тандема Галя - Света бесперебойно поступала к Андропову, но до поры оседала в его сейфе. Сведения Председателю КГБ поставлял не кто иной, как генерал Карпов, который вменил в обязанность своей агентуре регулярно посещать не только "бриллиантовую биржу", завсегдатаями которой были подруги-подельницы Брежнева и Щёлокова, но и другие значные места столицы, где по полной программе "оттягивались" Галина Леонидовна и Светлана Владимировна-Карпов делал это отнюдь не из праздного любопытства, а исключительно исходя из государственных интересов. Он допускал, что могут найтись какие-нибудь аферисты, которые не преминут воспользоваться моральной нечистоплотностью Гали - Светы и, используя их в своих целях, попытаются скомпрометировать их отца и мужа. А вот этого допустить генерал Карпов уж никак не мог!

Цена секретного агента - один рубль

Чем во вне рабочее время увлекались в Москве иностранные дипломаты конца семидесятых - начала восьмидесятых годов? Бизнесом на антиквариате, иконах, ювелирных украшениях, являвшихся фамильными реликвиями русской придворной знати. Секретари иностранных посольств всех рангов, не говоря уже о простых клерках, не считали для себя зазорным операции с валютой, советской кинофотоаппаратурой и часами. Чаще всего, их можно было встретить у самых крупных ювелирных магазинов Москвы: "Самоцветы", что на Арбате, и "Березка" на улице Горького.

Но предпочтение предприимчивые дипломаты-иностранцы все же отдавали магазину "Алмаз" в Столешниковом переулке. Именно там, у входа в магазин, находилась нелегальная биржа по купле-продаже золота и "камешков" - бриллиантов, сапфиров, изумрудов и янтаря,

— где денно и ночью тусовались "бриллиантовые мальчики", которые, не торгуясь, скупали и продавали любое количество ювелирных изделий, золотых монет царской чеканки, поделок Фаберже, икон и церковной утвари из драгоценных металлов.

Провернув очередную сделку, иностранцы устремлялись в театры и рестораны - на поиск столичных уступчивых красавиц...

По заданию Карпова особенно активно посещала "бриллиантовую биржу" в Столешниковом переулке агент Алиса, которой посчастливилось познакомиться, войти в доверие, и, что самое главное, с ходу влюбить в себя одного из завсегдатаев "бриллиантовых" тусовок. Генерал Карпов, аналитик и прагматик, решил, что реальным подтверждением последнего обстоятельства является тот факт, что делец под большим секретом признался агентессе, что зовут его Исороку Миноби, служит он советником по экономическим вопросам японского посольства в Москве, хотя для остальных "коллег" по бирже он - уроженец и житель Ташкента. Этой легенде способствовали его внешность и хорошее знание русского языка. Иностранец активно занимался продажей валюты и контрабандных товаров, в основном

японской видеоаудиоаппаратуры и часов, а на вырученные деньги оптом приобретал золотые монеты царской чеканки, ордена времен Петра Великого и других российских императоров, изделия с драгоценными камнями.

И надо отдать ему должное - он был весьма удачлив в сделках, так как толк в приобретаемых предметах знал и хорошо в них разбирался.

Японец не без гордости заметил, что располагает обширнейшими связями и пользуется непререкаемым авторитетом в среде столичных дельцов. И все из-за того, что он имеет устойчивые контакты с ближайшим окружением дочери Генсека и ее подруги, жены министра внутренних дел. А любовник Галины Брежневой, артист столичного цыганского театра "Ромен" Борис Буряце, по кличке Бриллиант, тот вообще считает его своим другом. Лишь только он осведомлен об истинном статусе, имени и национальности Исороку Миноби. С явным сожалением Миноби рассказал Алисе, что он вынужденно занимается золотовалютными операциями: ему крайне нужны большие деньги для оплаты врачей, лечащих его жену. Сообщил о своих регулярных поездках в Токио, Сингапур и Гонконг для доставки оттуда в Союз видеоаудиоаппаратуры. Проблем при перевозке больших партий товара у него не возникало, так как он обладал дипломатическим иммунитетом.

Свою заинтересованность в поддержании деловых отношений с Алисой японец объяснил просто: удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям. К тому же, заявил иностранец, принадлежность Алисы к элите государственных служащих - гарантия безопасности их бизнеса, ибо она рискует не менее, чем он, а значит, будет предельно осмотрительна и конспиративна в делах. "Но вот незадача, - посоветовал японец, - мне никакие удастся приобрести константиновский рубль... А за него я не торгуясь сразу бы отстегнул 15 тысяч долларов".

Справка

Константиновский серебряный рубль, год чеканки 1825, изготовлен по недоразумению ввиду отсутствия информации о завещании императора Александра I. Константин - следующий после Александра сын Павла I, по закону должен был унаследовать русский престол. Однако из-за того, что он состоял в неравнорном браке с польской дворянкой Иоанной Грудзинской, его дети не могли претендовать на царский престол. По этой причине Александр I незадолго до своей кончины подписал манифест о назначении наследником младшего брата - Николая. По мнению экспертов, в мире на сегодня сохранилось лишь шесть подлинных экземпляров Константиновского рубля. Но даже подделки, датируемые специалистами 1859-1860 годами; не смущают коллекционеров. Цена одной монеты на аукционе Sotheby's в 1981 году достигла 100 тысяч долларов. (Примечание автора).

Алиса немедленно отреагировала, сказав, что за такие деньги она поможет Миноби стать обладателем рубля, так как работает экспертом Гохрана, где он (рубль) хранится. При этом агентесса поставила два условия: японец вместе с рублем за ту же цену должен купить у нее большую партию военных регалий петровских времен, а сделку они совершат не на "бирже", которая кишмя кишит переодетыми в штатское милиционерами, а у нее дома, когда ее муж, геолог по профессии, уедет в очередную командировку.

Японец с радостью согласился на все условия. Добавил, что в Москве находится без жены, да и вообще, истосковался по женскому обществу.

Когда о состоявшемся знакомстве и разговоре агентесса сообщила генералу Карпову, тот, следуя в фарватере намерений Андропова приобрести источник информации из числа сотрудников японского посольства, немедленно отработал ее линию поведения с целью создания основы для вербовки японца. Она предусматривала совращение таинственного азиата.

Решено было завлечь его к Алисе на квартиру. Остановились на том, что делать это надо не спеша, подержав какое-то время японца на сексуальном карантине - пусть созреет!

Алиса поддерживала деловые отношения с Миноби около месяца. За это время она приобрела оптом и сдала на Лубянку столько первоклассной видеоаппаратуры и

превосходных японских часов “Сейко”, “Ориент” и “Ситизен”, что руководство КГБ СССР разрешило продать их по весьма доступным ценам желающим сотрудникам, чтобы как-то окупить расходы на их приобретение.

Когда дипломат вновь вернулся из Сингапура с очередной партией товара и по телефону-автомату позвонил агентессе, та сказала ему, что в настоящий момент она сломала ногу и лежит в постели голодная, так как муж уехал в длительную командировку, и ей даже чаю некому заварить.

В подтверждение своих слов Алиса расплакалась навзрыд.

Японец и растерялся, и обрадовался одновременно. Помолчав секунду, - упоминание о постели задело за живое, к тому же ему недвусмысленно было сказано, что объект его вожделений в квартире одна, - Миноби взял себя в руки и спросил, что же делать с привезенным добром.

Будто не расслышав вопроса, Алиса, перейдя на шепот, добавила, что если Миноби-сан желает взглянуть на константиновский рубль, то она может предоставить ему такую возможность - монета временно находится у нее дома.

Все сомнения мгновенно разрешились, японец прокричал в трубку, что немедленно берет такси и выезжает. Бросив трубку, он опрометью выбежал из телефонной будки. Вернулся, снова набрал номер, чтобы узнать адрес, а заодно поинтересоваться, не будет ли Алиса возражать, если он захватит с собой пару бутылок шампанского...

Алисе спешно забинтовали ногу, вооружили костылями. Макияж она наложила сама.

В сопровождении двух бригад “наружки” Миноби через двадцать минут подъехал на такси к дому агентессы.

Женщина встретила японца, ковыляя на костылях и морщась от боли.

Со своей ролью женщины, попавшей в беду, агентесса-обольстительница справлялась блестяще: халатик постоянно распахивался, то обнажая до самого основания стройные ноги, то вдруг из него одновременно выкатывались две молочные луны грудей внушительного объема... От такого натиска японец вмиг забыл и о привезенном товаре, и о константиновском рубле. Залпом осушив пару бокалов шампанского, он попросил разрешения снять пиджак. На пиджаке не остановился, стащил и надетый поверх рубашки полотняный пояс с кармашками-ячейками, заполненными часами и золотыми браслетами. С облегчением вздохнул - “кольчуга” весила около десяти килограммов!

В свою очередь Алиса, извинившись, попросила разрешения прилечь на кровать - болит нога.

Вновь предательски распахнулся халатик, обнажив темный мохнатый лобок.

Зачарованный Миноби вперил взгляд в манящее лоно. Ленивым движением женщина поправила халатик губы ее были закушены, лукавые глаза, источавшие похоть, призывно смеялись.

Запахивай полы халата, Алиса слегка раздвинула ноги и, отрешенно глядя в потолок, стала поправлять прическу. Нет, она просто издевалась над молодым изголодавшимся самцом! Завуалированный стриптиз стал последней каплей, что переполнила чашу плотских вожделений японца...

Не в силах более противостоять разбушевавшейся физиологии, он с остервенением рванул брючный пояс, и в тот же миг его тело оказалось меж ног агентессы; голова уткнулась в упругие груди.

Женщина вскрикнула и начала робко сопротивляться. Притворная борьба, а по сути - освобождение от халата еще больше раззадорили японца. Дрыгая ногами, он сам пытался освободиться от брюк. Затрещала рвущаяся материя - это лопнули по шву брюки, и нетерпеливый член азиата птенчиком впорхнул в тепло-влажный тюльпан женского естества.

Когда он вошел в нее до упора, Алиса зажмурилась, сладко и глухо замычала. Тела сплелись в пароксизме страсти, забились в судорогах скороспешного наслаждения, комната наполнилась криками и сладострастными стонами...

Дьявольская пляска достигла апогея, когда хлопнула входная дверь и в прихожей раздались хмельные мужские голоса.

Боже мой! Муж! - вскричала агентесса, пытаясь столкнуть с себя вошедшего в раж азиата, - вернулся раньше времени... Что делать? Что делать?

Забыв, что у нее по сценарию перелом, Алиса, извиваясь всем телом, начала обеими ногами колотить по ягодицам пляшущего на ней японца.

Миноби! Да остановись ты наконец!!

Сейчас-сейчас... я уже!! - обезумев от азарта, заорал японец.

В тот же миг выпростал член из чрева и окатил струей спермы низ живота партнерши...

Как ты тут без меня, золотце мое? Что ты там делаешь, почему не встречаешь своего зайчика? - раздался из прихожей голос "мужа".

Только тогда японец осознал всю трагичность момента. Действительно, что делать?

Прыгать в окно? Прятаться под кровать? В шкаф? Поздно!

Взгляд Миноби беспокойно метался в поисках брюк А черт! Распоротые на две половинки штаны валялись на полу. Что толку их надевать?!

На пороге комнаты с букетом красных гвоздик и в сопровождении амбала зловещего вида появился "зайчик" - оперативный сотрудник из службы Карпова, капитан Еременко.

Амбал - сыщик по профессии, драчун по призванию, московскими "топтунами" прозванный Коля-Терминатор, потому как одним ударом мог сразить наповал трехгодовалого бычка, - был приобщен к мероприятию для оказания на японца психологического воздействия.

Далее мизансцена развивалась по всем канонам байки о вернувшемся из командировки муже и неверной жене.

Женщина, делая вид, что пытается перехватить инициативу, спрыгнула с постели и, застегивая на ходу халат, со стаканом вина ринулась навстречу мужу.

Витя, дорогой!

В следующую секунду стакан полетел на пол, жена на постель.

Ах ты стерва! - завидев бесштанного незнакомца, стоящего у разобранной постели, заорал муж и добавил несколько этажей непечатных выражений.

С наскоку он обрушился на незадачливого любовника и вlepил ему пару оплеух. Для пущей драматизации обстановки схватил подвернувшийся под руку костыль, копьем метнул его в выбегавшую из комнаты жену и снова бросился к японцу.

Коля-Терминатор перехватил входящего в раж приятеля и глыбой навис над иностранцем...

Накал страстей был так высок, актеры настолько вжились в роли, что никто из них не вспомнил, что по сценарию у Алисы сломана нога, и уж бежать она никак не должна, когда она, спасаясь от праведного гнева "мужа", бросилась на кухню.

Приоткрыв дверь в комнату, Алиса не своим голосом прокричала:

Витя, не трогай его, он - иностранец, дипломат. Он пришел к нам в гости!

Дипломаты в гости без штанов не ходят! Ты еще скажи, что он папа римский! Дипломат!

Ишь, стоило мне уехать на неделю, как она здесь международным блядством занялась!

Разбушевавшийся Витя схватил початую бутылку шампанского и грохнул ею об пол.

Японец продолжал стоять посреди комнаты, судорожно соображая, что предпринять. Если бы не штаны, он уже давно попытался бы пробиться к двери, но...

Раздался звонок в дверь.

Алиса сразу вспомнила, что у нее "сломана нога", громко застонала и, проковыляв в прихожую, отворила.

На пороге стоял ее оператор, генерал Карпов в форме майора милиций с двумя людьми в штатском.

Вам чего? - как можно грубее спросила агентесса

Что у вас здесь происходит? - грозно ответил на вопрос вопросом Карпов.- Соседи позвонили в милицию, говорят, убийство... - "Майор" придирчиво оглядел присутствующих и остановил взгляд на Миноби.

-Так-так, значит, не убийство, а разбой! Вовремя мы прибыли. Гоп-стоп только начался! Вы, похоже, только портки успели с гражданина снять! А если бы мы задержались?

Карпов шагнул к стулу, на котором лежал полотняный пояс, приподнял его. Посыпались часы и браслеты.

Коля-Терминатор нагнулся, чтобы поднять один. В ту же секунду "майор" проворно выхватил

пистолет, двое в штатском также обнажили стволы.
Не двигаться! Всем лечь на пол! Быстро! Лицом вниз! Стреляю без предупреждения!
Кузькин, вызови подмогу!
Тот вынул из кармана переговорное устройство.
Седьмой! Я - пятый! Здесь ограбление! Группу захвата в четвертую квартиру... Второй этаж!
Живо!
Вот оно в чем дело! - произнес Карпов, носком башмака сгребая в кучу раскатившиеся по полу часы и браслеты. - Неплохо поживились бы ребята, опоздай мы на пять минут... Кто хозяин этих вещей?
Японец оторвал голову от пола, но тут в квартиру ввалились дюжие автоматчики в камуфляже.
Забрать всех в отделение, оставить пострадавшего и ответственного квартиросъемщика... для допроса!
Я не могу уехать, у меня сломана нога, ко мне врач сейчас должен прийти! - скороговоркой выпалила Алиса.
Вы оставайтесь! - приказал Карпов.
Вы кто такой? - безапелляционно спросил Карпов японца, когда "мужа" и Колю-Терминатора автоматчики выволокли из квартиры.
Миноби пробормотал что-то невнятное.
Предъявите документы! - скомандовал "майор".
В это время один из оперов расстегивал кармашки пояса и с ловкостью фокусника раскладывал часы и браслеты на столе. Другой деловито щелкал фотокамерой.
Агентесса, продолжая игру, сослалась на боль в ноге и прилегла на кровать.
Я дипломат, - заявил Миноби и трясущимися руками предъявил свою аккредитационную карточку.
В таком случае, - заявил лжемайор, - я обязан сообщить о вашем задержании в МИД...
Подняв трубку телефона, он стал наугад вращать диск.
Не надо! - покрывшись испариной, взмолился японец. - Пожалуйста, не надо никуда звонить, - и, указывая на "патронташ" с часами и золотыми изделиями, взмолился: - Забирайте все...
Здесь целое состояние!
В это время один из оперов навел на него фотоаппарат и сделал несколько снимков.
Все поняв, Миноби окончательно сник.
Часики и золотишко нам не нужны, - примирительно сказал Карпов, - но договориться сможем...
Вербовка состоялась.
Туг же в квартире Алисы японец в подтверждение своей готовности сотрудничать с правоохранительными органами СССР (какими конкретно, Миноби еще не знал) собственноручно письменно изложил известные ему подробности взаимоотношений Бориса Буряце и Галины Брежневой и проводимых ими сделок с драгоценностями и валютой.
Покончив с сочинением на заданную тему, иностранец поинтересовался, как подписывать его.
Да чего там... подпишите его одним словом: "Банзай!" - бодро ответил Карпов и добавил: Чтoб никто не догадался... ни сейчас, ни впредь! Не возражаете?
Нет, японец не возражал. Любовь зла... Он лишь на секунду задержал взгляд на лице генерала, улыбнувшись своей догадке, и сделал решительный росчерк.
Перед тем как выпроводить "новобранца" за порог, Карпов детально проинструктировал его о способах связи, обусловил дату и место следующей встречи.
Как только за новоиспеченным агентом закрылась дверь, генерал отправил Алису на кухню разбинтовываться и готовить кофе, а сам нетерпеливо сгреб со стола исписанные листы бумаги и стал вчитываться в каракули японца, более похожие на иероглифы, чем на кириллицу.
Через минуту Карпов схватил трубку и набрал номер прямого телефона Андропова.
Вовремя вспомнил, что перед ним не защищенный от прослушивания аппарат городской АТС, в сердцах швырнул телефонную трубку, чертыхнулся и, наспех попрощавшись с

агентессой, опрометью выбежал из квартиры.

В тот же вечер Карпов доложил председателю КГБ подробности проведенной вербовки и содержание сообщения, составленного “Банзаем”.

Борис Буряце по кличке Бриллиант

“Я близко познакомился с Борисом Буряце в 1977 году в Мисхоре, когда по заданию посла выезжал на два дня в Крым. Раньше мы нередко встречались на “бирже” в Столешниковом переулке, но представлены друг другу не были...

Общаясь с постоянными клиентами “бриллиантовой биржи”, я, как правило, представлялся жителем Ташкента и мое среднеазиатское происхождение ни у кого не вызывало сомнений, так как по-русски я говорю с акцентом, присущим выходцам из указанного региона. Но там, в Мисхоре, я почувствовал, что Борису я должен открыть свой реальный статус и свое имя, чтобы установить с ним более тесные деловые отношения, так как его я всегда считал одним из основных игроков или, скорее, законодателей цен на “бирже”.

Борис оценил мою откровенность и во время общения со мной всегда старался отвечать тем же.

В кругах деловых людей, которые занимаются операциями с валютой и драгоценностями, Буряце известен под кличкой Бриллиант. Думаю, что основанием для этого послужила его страсть к драгоценным камням вообще и к “брюликам” в частности. Не исключено, что Бриллиантом его называют еще и потому, что дела, которые он проворачивает с “камешками”, поражают воображение.

Он постоянно носит золотой перстень с бриллиантом в четыре карата, на шее у него - толстая витая золотая цепь с огромным крестом из платины, который украшен бриллиантом в шесть каратов. Он не расставался с этими украшениями и, даже купаясь в море, никогда их не снимал.

Я спросил Бориса, как это он не боится появляться на людях, таская на себе целое состояние. Он засмеялся и указал на приближающуюся к пляжу белую “Волгу”.

“Вон, видишь, - сказал он, - катит моя мадам. Она везет мне обед, смену белья, а заодно - смену охранников. Эти, - Борис указал на сидевших поблизости двух громил, которые в отличие от нас, несмотря на испепеляющее солнце, не снимали рубашек, под которыми бугрились снаряженные пистолетами кобуры, - мне надоели!”

Когда подъехала “Волга”, я был ошеломлен, увидев, как из нее вышла... Галина Брежнева, которую Буряце за глаза называл “мадам”. Я встречал ее у нас в посольстве на дипломатических приемах и поэтому хорошо знаю ее в лицо.

Я догадался, что в роли телохранителей, на которых указывал Борис, выступают сотрудники правительственной охраны, приставленные к дочери вашего Генерального секретаря, но я никак не мог понять, что может быть общего между нею, дочерью первого лица великой страны, и спекулянт “брюликами”, каким я знал Буряце.

Возможно, мои размышления отразились на моем лице, потому что Борис поспешил объяснить мне, что Галина безумно в него влюблена.

“А вообще, - сказал он, - моя мадам - женщина с “заскоками”, тем более, у нее начался климакс, ведь она на пятнадцать лет старше меня, ей уже почти пятьдесят и она уже стала бабушкой”.

“Ну так брось ее, какие проблемы? - сказал я. - Ты же молод, красив, с твоими деньгами, твоей внешностью и умом любая понравившаяся тебе женщина почтет за счастье быть твоей подругой!”

Подумав, Борис ответил:

“Видишь вот это? - Он сжал рукой висящий на груди платиновый крест. - Вот это моя мадам. Тяжело таскать на шее такую дорогую вещицу, но зато прибыльно и престижно... Где бы я ни появлялся с этим крестом, все почтительно расступаются, и места, предназначенные для избранных, достаются в первую очередь мне! На Западе, Миноби-сан, говорят: “Если вы видите, что ваш банкир выпрыгивает из окна десятого этажа, бросайтесь за ним - это прибыльно”.

Я руководствуюсь той же логикой. Поэтому, несмотря на все причуды и истерики мадам, я готов пойти за ней в огонь и в воду - куда угодно ей.

Кстати, вот это, - Борис вновь дотронулся до болтающегося у него на груди креста, - я приобрел по настоянию и с помощью мадам. Она толк в таких вещах знает и собирает их... Знаешь, какая у нее богатая коллекция "брюликов"! Я пристрастился к ним под ее влиянием... Я вообще многим ей обязан. Она меня ввела в такое общество, в которое ни за какие деньги не попадешь: писатели, заместители министров, торговые тузы... Но все же я очень от нее устал. Ладно бы только ее причуды и скандалы, которые она мне ежечасно устраивает! С ними еще можно мириться... Хуже другое, - ведь мне приходится ложиться с ней в постель, ну, ты понимаешь...

Так вот, самое ужасное в том, что когда я по ее просьбе начинаю обнимать и целовать в губы, а целоваться всасос она ох как любит! - мне постоянно кажется, что я целую Леонида Ильича... Моя мадам, старея, внешне все больше походит на своего отца...

Да ты и сам это сейчас увидишь, вот она, уже подходит... Ты только присмотришься внимательнее! У нее же очень грубые, крупные, мужские черты лица... А тут еще с возрастом усы начали расти... Недавно я по телевизору увидел, как Брежнев лобызался с Эрихом Хонеккером, ну, ты знаешь, гэдээровский генсек, так меня стошнило на стол. Мои гости были в шоке.

Короче, когда мне приходится целовать ее в губы, я стараюсь закрывать глаза.

Ты знаешь, мне часто снится один и тот же сон. Будто бы я в постели с императрицей Екатериной Второй. И лежит она передо мной в чем мать родила с двусмысленной улыбкой на губах, бесстыже раскинув свое крупное дряблое тело на огромной кровати. Я вижу перед собой обвислые, как уши спаниеля, груди, огромный дряблый живот, трясущийся, как желе, похотливо раздвинутые ноги. Вижу, как она пальцами, унизированными бриллиантовыми кольцами, расчесывает редяющие волосы на лобке. Она тянется ко мне, напрашивается на поцелуй. Передо мной - стареющая самка, беспощадная при отказе насытить ее похоть, но самка королевской крови, на чьей голове невидимо светится корона.

Я с трудом заставляю себя поцеловать ее напудренную руку, и сквозь бьющий в нос резкий аромат духов чую тошнотворный запах тлена, исходящий от ее разлагающихся чресел. Екатерина Вторая с царственным бесстыдством призывно раздвигает ноги и пытается приподняться на подушках...

И в это мгновение я замечаю, что передо мной никакая не императрица - моя мадам, похожая на кобру, готовую к удару. Я в ужасе застываю у ее ног, а затем опрометью бросаюсь наутек Мокрый, как мышонок, я мечусь по комнатам дворца, не находя выхода, пока наконец не просыпаюсь от трели будильника...

Ну, ничего! Христос терпел и нам велел... Вот купит она мне квартиру, а там видно будет".

"Но она ведь замужем, - удивился я, - и, если не ошибаюсь, ее муж занимает большой пост в Министерстве внутренних дел!"

"Ну а что муж? равнодушно ответил Буряце. - Его интересует только карьера. К мадам он совершенно равнодушен.

Правда, узнав о том, что у нее со мной любовь, муж пару раз подсылал своих людей, ментов поганых, чтоб меня поколотили, но теперь мадам приставила ко мне охранников из КГБ, которые в обиду меня не дадут.

Ее мужу, генералу Чурбанову, совсем невыгодно идти на разрыв с мадам, потому что он сразу потеряет благосклонность ее отца. Чурбанов это хорошо знает, потому и терпит меня - выбора у него нет!"

Приблизившись к нам, Галина вместо приветствия громко и витиевато заругалась матом. Прокричала, чтобы Борис помог прибывшим на смену охранникам вынести из машины банки с икрой, виноград, ящики с шампанским и водкой.

Отдав распоряжения, Галина без тени стеснения начала снимать с себя платье, чтобы переодеться в поданный телохранителем шелковый халат.

Я попытался отвернуться, но Борис, который демонстративно проигнорировал указание "мадам" помочь охране, тихо сказал мне: "Не вздумай отворачиваться, иначе сразу попадешь в немилость. Она обожает, когда ее нагую рассматривают молодые мужчины!"

За время, которое я провел в тот день в обществе “влюбленных”, я понял, что Борис умный и изощренный человек, умеющий держать себя в руках.

Галина - крайне раздражительная и конфликтная женщина. Когда Борис напомнил ей, что пора возвращаться к родителям, которые отдыхали неподалеку, в Ореанде, Галина закатывала истерику, ругалась матом, швыряла в любовника гроздь винограда и обвиняла его в том, что он ее не любит.

Под конец, напившись, Галина стала плакать и кричать: “Я люблю искусство, а мой муж - мудака, хотя и генерал. Ну что поделаешь, чурбан - он и есть чурбан!”

По возвращении в Москву я несколько раз бывал в гостях у Буряце, в квартире на улице Чехова, которую для него приобрела Галина.

Однажды, это было в декабре прошлого, 1981 года, вернувшись из Гонконга, куда я летал, чтобы закупить для Бориса видеоаппаратуру, я застал у него дома двух неизвестных мне молодых людей. Все трое оживленно обсуждали план тайного проникновения в квартиру какой-то артистки по фамилии Бугримова, чтобы похитить принадлежащие ей уникальные ювелирные изделия.

Я хотел уйти, но Борис попросил меня остаться, сказав, что от меня у него секретов нет. Из разговора мне стало известно, что в квартире этой артистки - драгоценностей на астрономическую сумму и они необыкновенной красоты.

Таких нет даже у Галины, что вызывает ее зависть и злость. Злость оттого, что она якобы предложила артистке огромные деньги за коллекцию, но та отказалась ее продать.

После чего будто бы Брежнева сказала: “Если уж она не хочет мне их продать, то уж лучше, чтобы их вообще не было в Советском Союзе!”

Насколько я понял, родственник одного из присутствовавших молодых людей работает в отделе, контролирующем сигнализацию в доме артистки. Он должен был в обусловленное время отключить ее, чтобы сигнал тревоги не поступил в отделение милиции.

Еще двое или трое мужчин должны были подъехать к дому на машине-фургоне и на глазах консьержа втащить в подъезд огромную елку.

В случае возможных вопросов мужчины должны были бы ответить, что елка - новогодний подарок артистке, а они лишь выполняют поручение привезти и оставить дерево у дверей квартиры.

Буряце согласился с остальными заговорщиками, что все будет выглядеть естественно, и их действия не вызовут подозрений у консьержа, так как у знаменитых артистов масса поклонников, которые способны выражать свои симпатии самым экстравагантным образом...”

Банзай

На следующее утро Андропов уведомил Леонида Ильича о “грозящей ему опасности” и заручился его поддержкой в реализации своих планов: под предлогом проведения оперативных мероприятий по защите чести Семьи и, как следствие, - престижа державы, Андропов получил карт-бланш на разработку связей Галины Леонидовны, первой в числе которых значилась Светлана Щёлокова...

Таким образом, генсек фактически жаловал грамотой, позволяющей бесконтрольно держать “под колпаком” самого министра внутренних дел!

Брежнев так и не понял, какую злую шутку сыграл с ним Андропов, получив из его рук исключительное право разрабатывать окружение Галины Леонидовны. Впрочем, Леонид Ильич в то время уже мало что понимал...

Последующие события развивались стремительнее, чем в крутом кинобоевике.

Поскольку бриллианты Бугримовой было практически невозможно сбыть внутри страны, генерал Карпов по согласованию с Председателем КГБ дал указание ввести особый таможенный контроль во всех международных аэропортах, и пограничных станциях Советского Союза. Успех не заставил себя ждать.

Через два дня в аэропорту Шереметьево был задержан гражданин, в полу пальто которого был зашит замшевый мешочек с тремя самыми крупными бриллиантами из коллекции

Бугримовой.

Еще несколько дней спустя оказались за решеткой и другие члены банды профессиональных грабителей, специализировавшихся на, как они именовали свой промысел, “изъятии у населения бриллиантовых излишков”.

Расследование дела об ограблении квартиры Ирины Бугримовой получило новый импульс, когда от подследственных были получены косвенные данные, что наводчиком, получившим за свои “труды” баснословные комиссионные, в обоих случаях был Борис Буряце.

В его квартире был проведен тщательный обыск, который не только усилил подозрения в причастности цыгана к данному делу, но и заставил вернуться к другим нераскрытым делам. Буряце был вызван на допрос.

В норковой шубе и норковых сапогах, с болонкой в руках и дымящейся сигаретой в зубах Бриллиант вошел в кабинет следователя.

Но спесь слетела моментально, как только ему было объявлено, что он арестован и ближайшие десять дней как минимум ему придется провести в Лефортовской тюрьме.

Следователи любезно (им было известно о его близости с Галиной Брежневой) предложили ему уведомить своих родственников об аресте. Борис позвонил Галине, но та еще не успела прийти в себя после затянувшейся новогодней попойки и в растерянности бросила трубку...

Судом Буряце был приговорен к пяти годам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего ему имущества, в том числе и подарка Брежневой - квартиры на улице Чехова.

Из тюрьмы “Борис Бриллиантович” уже больше никогда не попадет в объятия мадам, как, впрочем, и других своих любовниц - его просто прикончат в зоне.

Галина Леонидовна впадет в затяжную депрессию, которую будет усугублять неумным приемом спиртного. Через некоторое время она перестанет себя контролировать и окончательно сопьется.

Вплоть до 1995 года она будет жить в своей огромной квартире на улице Алексея Толстого, которая превратится в ночлежку московских пьяниц и бомжей.

Последний ухажер Брежневой, сантехник из домоуправления, некто Илюша, по возрасту годившийся ей в сыновья, поселится в ее квартире, лелея тайную надежду, что она по пьянке сболтнет, где запрятаны фамильные драгоценности.

В 1995-м взбунтуются соседи по дому, которым отравляли жизнь пьяные дебоши лишившейся рассудка мадам. Они предъявят ультиматум ее дочери Виктории, и та поместит мать в психиатрическую клинику, где она скончается 30 июня 1998 года...

Глубокое покрытие

Вернувшись в свой рабочий кабинет после доклада Андропову о состоявшейся вербовке, Карпов отключил городские телефоны и попытался проанализировать складывающуюся ситуацию и заодно наметить конкретную область максимально эффективного применения возможностей Банзая.

Генерал опасался, что председатель, однажды получив от агента информацию, которую он может использовать в своих политических играх, потребует и впредь нацеливать японца на добывание компрометирующего материала об окружении Брежнева, и прежде всего о Светлане Щёлоковой и ее муже. Карпов же, будучи контрразведчиком, до мозга костей, душой и телом приросшим к Второму главку (контрразведка Союза) был убежден, что бриллиантовыми делами дочери Генсека должно заниматься Пятое (идеологическое) управление.

Он знал, что заставить Андропова отказаться от мысли использовать Банзая в интересах “политического сыска” можно, лишь сыграв на опережение. Надо было как можно быстрее получить от японца информацию, относящуюся к компетенции Второго, и только Второго главка.

“Конечно, - рассуждал Карпов, - представь Банзай сведения об устремлениях японских спецслужб, которые все более идут на поводу у ЦРУ и все чаще выполняют задания американцев, Андропову и в голову не придет направлять агента на добывание какого-то

компромата на окружение Брежнева. Не станет же председатель использовать потенциал такого ценного агента не по профилю! Это ж все равно что долгожданное наследство растратить на подаяние нищим или гвозди забивать китайскими вазами... Стоп-стоп! У меня ведь что-то было по вазам... Ну, конечно же, - "Сётику"! Почему бы не начать работу с Банзаем именно с этой японской фирмы? Ведь он же как-никак советник посольства по экономическим вопросам!"

..."Сётику" привлекла внимание аналитиков Службы Карпова тем, что в течение полугода регулярно, раз в два месяца, на открытых железнодорожных платформах через весь Советский Союз доставляла в Гамбург... фаянсовые вазы.

Формально придаться было не к чему: сопроводительные документы были всегда в полном порядке, на платформах находились только опломбированные контейнеры с вазами и прочими фаянсовыми безделушками.

И все же в этой транспортировке было нечто, внушавшее подозрение.

"Ладно бы экспортировались вазы, представляющие художественную ценность, а то ведь - обыкновенные горшки! - который раз говорил себе Карпов, вновь и вновь мысленно возвращаясь к вопросу о перевозке изделий японских ремесленников. - Да и вообще, стоит ли овчинка выделки: зачем черепки, которым грош цена в базарный день, везти на продажу в Германию, страну, которая славится саксонским фарфором?!"

Или мне пора на пенсию из-за моей маниакальной подозрительности, или кто-то дьявольски изощренный внаглую проворачивает какие-то незаконные операции, при этом немало потешаясь над недотепами из русской таможни и контрразведки! Нет-нет, здесь явно что-то не так!"

В конце концов Карпов распорядился завести дело оперативной разработки под кодовым названием "Горшечники", которое до вербовки Банзая продвигалось ни шатко ни валко: не было источников, имевших прямые выходы на японские фирмы, сотрудничавшие с СССР. Подозрения Карпова в отношении "Сётику" не были лишены оснований - во все времена разведки мира пользовались двумя видами прикрытий: официальным и неофициальным. Под официальным подразумеваются посольства, торговые и экономические миссии и иные учреждения за границей, над которыми в прямом смысле полочется на ветру государственный флаг страны, действующий на местных контрразведчиков, как красная тряпка на быка.

Официальное прикрытие обеспечивает надежную защиту разведчиков в случае провалов, расшифровки и прочих неприятностей, от которых не застрахован ни один "рыцарь плаща и кинжала".

Но у официального прикрытия есть один существенный недостаток: контрразведка страны пребывания заведомо подозревает всех официальных иностранных представителей в проведении подрывной деятельности и потому, независимо от обоснованности подозрений, постоянно держит их "под колпаком".

Чтобы повысить эффективность работы своих разведчиков и вывести их из-под недремлющего ока противоборствующих спецслужб, и было придумано неофициальное прикрытие. При его создании каждая разведка использует наиболее доступные ей возможности. Оно также зависит от изощренности воображения разработчиков конкретной операции...

Советская разведка, имея весьма ограниченные возможности упрятать своих сотрудников в каких-то неправительственных учреждениях (за малым количеством таковых в СССР), широко практиковала использование разведчиков-нелегалов, превращая в иностранцев рязанских и саратовских парней и девочек.

По окончании специальных, глубоко законспирированных курсов они с чужими документами и чужой биографией-легендой направлялись в особо охраняемые и труднодоступные места и учреждения, где одно лишь появление советского человека вызвало бы переполох не меньший, чем появление гуманоида неземной цивилизации.

В отличие от советской разведки, перед ЦРУ, английской "Сикрет интеллидженс сервис" (СИС), израильским "Моссадом" никогда не возникало проблем по обеспечению своих сотрудников неофициальным прикрытием.

Дело в том, что в капиталистических странах всегда существовало, многообразие форм собственности, и разведчики этих спецслужб могли спокойно выступать под вывеской всевозможных частных компаний и фирм. И не только своих, доморощенных, но и любой другой страны, а также мультинациональных, в которых бок о бок работают граждане разных государств.

К тому же американцы, англичане и израильтяне в интересах своих разведок успешно использовали паспорта других стран, маскируя свое происхождение и отводя от себя возможные подозрения.

Иногда ЦРУ, СИС и “Моссад” на свои деньги попросту создавали частные фирмы-прикрытия, причем определить их национальную принадлежность бывало так же сложно, как без соответствующих тестов установить отца ребенка, мать которого не отличалась разборчивостью в связях с мужчинами.

О такой форме маскировки иностранных, прежде всего американских, разведчиков, прозванной профессионалами “глубоким прикрытием”, Карпов был достаточно осведомлен. Поэтому он допускал, что в Японии может действовать американская секция “глубокого прикрытия”, которая использует фаянсовые горшки как ширму, прикрывающую... Что? Вот это “что” нужно было выяснить. А помочь в сборе доказательств противоправной деятельности “Сётику” или тех, кто за ней стоит, реально мог Банзай, так как в круг его служебных обязанностей входили вопросы экспорта в СССР продукции японских производителей.

Именно он мог представить исчерпывающую информацию о “Сётику”: кто ее хозяин и учредители, когда она появились на японском и международном рынке, как давно экспортирует продукцию в Европу, где еще находятся ее покупатели и контрагенты, существуют ли они вообще.

“Решено! “Сётику” станет пробным шаром для Банзая!

Посмотрим, как он отреагирует на задание по этой фирме!.. Но сначала, милый мой самурайчик, мы запустим другой пробный шар: мы проверим тебя... на детекторе лжи! Уж не обессудь - не ты первый, не ты последний!”

Проверка по законам жанра

Поскольку Банзай без видимых угрызений совести уже представил письменную информацию о Борисе Буряце, Карпов решил развить достигнутый успех, а заодно и провести проверку “новобранца” на лояльность.

Об остальных его качествах: смелости, предприимчивости, авантюристичности и хорошем знании русского языка было известно достаточно.

А уж то, что японец умеет соблюдать конспирацию, не вызывало никаких сомнений: контрабандисты, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну.

“Доверяй, но проверяй” - принцип, которому неуклонно следуют офицеры-агентуристы всех спецслужб мира.

Особенно интенсивны проверки в начальный период негласного сотрудничества. А уж если “новобранцем” является подданный иностранной державы, да к тому же завербованный с использованием компрометирующих материалов, то у его оператора только и забот: каким рентгеном “просветить” обращенного в новую веру, как убедиться самому и доказать начальству, что мы имеем дело не с двурушником, который одинаково усердно работает и на нас, и на противника, или того хуже - кормит нас “дезой”.

Сказанное выше вовсе не означает, что со временем агенту будут доверять беспрекословно и всякую добытую им информацию начнут принимать как откровение Божие. Отнюдь. И в дальнейшем поступающая от агента информация будет подвергаться всестороннему анализу и проверкам, а он - постоянно находится под контролем. Но одно точно: проверок станет меньше, хотя проводиться они будут изощренней и тоньше.

Не мудрствуя лукаво Карпов прибег к испытанному многими поколениями контрразведчиков трюку: в ходе очередной явки вручил Банзаю плоскую металлическую коробочку в виде табакерки, с несколькими кнопками, измерительной шкалой и стрелкой ла лицевой крышке.

Попросил агента (разумеется, пообещав приличное вознаграждение!) спрятать эту коробочку на пару-тройку дней в кабинете японского посла, лучше всего где-нибудь под книгами.

Осторожный Банзай поинтересовался, что это за штукавина и зачем “патрону” нужно, чтобы она оказалась не где-нибудь, а в кабинете посла.

Генерал пустился в пространные объяснения по поводу ухудшения экологической обстановки из-за расплодившихся в столице НИИ и лабораторий, занимающихся исследованиями в области радиоэлектроники.

По его словам, население Москвы только и делает, что рассылает письма-ультиматумы во все многочисленные государственные инстанции по поводу пресловутых электромагнитных излучений.

В настоящее время КГБ СССР выясняет, действительно ли настолько загрязнена окружающая среда, что надо принимать неотложные меры. Но для того чтобы преждевременно не создавать паники, делает это скрыт-

Добавил, что принято решение начать изучение обстановки в зданиях иностранных дипломатических представительств, конкретно - в кабинетах послов и лиц, к ним приравненных. Вручаемый “регистратор” как раз и должен фиксировать указанные излучения и их интенсивность.

Внешне японец старался показать, будто он польщен проявлением заботы о здоровье его соотечественников, да не кем-нибудь, а самим Комитетом госбезопасности. Однако сомнения оставались. Банзай с опаской взял “регистратор” в руки и спросил:

А он не взорвется?

Слово офицера! - с пафосом ответил генерал. - Он не только не взрывается, но и не может никому причинить вред. - В отличие от предыдущих объяснений, это было святой правдой. - Не надо только нажимать эти кнопки...

Других вопросов со стороны Банзая не последовало, он забрал “регистратор излучений” и на следующий день спрятал его в кабинете посла.

В том, что “регистратор” находится в японском посольстве и именно в крыле, где расположен кабинет посла, сотрудники оперативно-технического управления имели возможность убедиться, пеленгуя из разных точек микрорайона издаваемые им позывные. Через равные промежутки времени “регистратор” выплевывал в эфир сигналы, подобные знаменитым “бип-бип”, что издавал наш первый искусственный спутник Земли.

В назначенный день Банзай вернул Карпову прибор, в котором имелась еще одна техническая хитрость: “регистратор” был устроен таким образом, что, попади он при посредничестве Банзая или без его участия в руки японских контрразведчиков, которые попытались бы определить его предназначение, это было бы обязательно зафиксировано при контрольном обследовании нашими “технарями”.

Тщательно обследовав прибор, специалисты пришли к заключению, что в нем не только никто не ковырялся, но его даже не пытались просвечивать какими-либо лучами.

Ну чем не проверка агента на “детекторе лжи”!

Теперь, когда Банзай успешно прошел первый тест на надежность (сколько еще их будет!), Карпов теоретически мог рассчитывать на его помощь и в других, более деликатных вопросах - добывания секретной информации.

То, что Банзай имеет доступ к сведениям такого характера, то есть является секретносителем, Карпову стало ясно еще во время вербовки, когда при отработке способов связи японец просил не звонить ему на работу.

Такая просьба могла поступить только от дипломата, допущенного к секретам, и, кроме того, предупрежденного о том, что его телефон контролируется службой собственной безопасности посольства.

Контрабандист поневоле

Встреча с Банзаем должна была состояться в баре на третьем этаже гостиницы “Интурист” в четыре часа пополудни, когда заведение закрывается на санитарный час и в зале остаются

лишь особо почитаемые или “ведомственные”, вроде Карпова, посетители.

Генерал прибыл на место загодя, чтобы осмотреться и спокойно осмыслить предстоящий разговор с агентом.

Последние два дня в рабочем кабинете это сделать не удавалось: вслед за арестом Буряце Карпова беспрестанно вызывал к себе то Андропов, то его первый заместитель, Семен Цвигун, а то и партийные бонзы, кураторы Комитета со Старой площади.

Особенно раздражала генерала позиция, занятая Цвигуном.

Карпов понимал, что первый заместитель председателя не по своей воле вмешивается в дело о краденых бриллиантах, а лишь выполняет указание своего родственника, Генерального секретаря, чтобы в случае необходимости отвести удар от Галины Брежневой. Но уж больно беспардонно он это делал!

...Как только копия агентурного сообщения Банзая легла на стол Цвигуну, он немедленно потребовал к себе Карпова.

Слушайте, - заорал зампред, едва только генерал перешагнул порог его кабинета, - вы со своим агентом сожрали весь мой замысел!

То-то у меня чувство, будто я наелся говна, - парировал Карпов.

Вон из кабинета!! - захлебываясь от ярости, прокричал Цвигун.

Вон из контрразведки! - в тон ему ответил Карпов и, пулей вылетев из кабинета самодура, напрямик направился в приемную Юрия Владимировича.

Если бы не вмешательство Андропова, не сносить бы головы строптивому генералу - уволили бы в одночасье без выходного пособия.

Впрочем, Карпов играл наверняка, понимая, что с его уходом Комитет потеряет только что приобретенного ценного агента. А советники японского посольства на улице не валяются и не каждый день оказываются в агентурных сетях КГБ.

Устроившись за столиком в глубине зала, генерал недовольно поморщился: сидевшие в центре зала четверо дюжих бритоголовых парней о чем-то громко спорили. Говорили по-английски. Судя по выговору, внешнему виду и по тому, как они лихо опрокидывали в себя фужеры с виски, Карпов сделал вывод, что перед ним американцы, скорее всего, морские пехотинцы из охраны здания посольства США “Вот напасть, нигде нет покоя! - чертыхнулся про себя генерал. - Не попросить ли администратора, чтобы он сопроводил этих “вояк”?

Оценив окинув взглядом возмутителей спокойствия, генерал понял, что и весь обслуживающий персонал бара будет бессилён унять не в меру разошедшихся морпехов.

“Черт с вами, живите!” - Карпов углубился в размышления.

Вновь и вновь генерал мысленно возвращался к вопросу об использовании Банзая в добывании информации по “Сётику”.

Идея была заманчивой, но возникали серьезные сомнения в возможности ее реализации: согласится ли Банзай выполнять задание по “Сётику”, ведь речь идет о добывании японцем сведений о японской фирме. Не сочтет ли агент его предложение оскорбительным, а свое участие в операции антипатриотичным?

Каждый раз в памяти генерала всплывали целые абзацы из наставлений полковника Кошкина, опытного разведчика и специалиста-ниппониста, к которому генерал обратился накануне вербовки Курусу, чтобы получить консультацию о национальных особенностях мышления японцев, их традициях и обычаях.

Все это необходимо знать, чтобы с самого начала партии взять правильную ноту. Ведь каким бы высоким ни было вознаграждение, выплачиваемое Комитетом агенту за представленные сведения, одной денежной подпиткой не обойтись. Чтобы сотрудничество стало полнокровным, надо найти ключик к внутреннему “я” секретного сотрудника.

...Николай Петрович Кошкин, много лет проработавший в Японии и поднаторевший в вербовке местных жителей, предостерег Карпова от упрощенного подхода, доказал на примерах, что “вести” японца гораздо труднее, чем завербовать. Хотя и последнее - задача не из легких. И не только в Японии. Ее граждане и за пределами своей страны с большим трудом идут на контакты с чужеземными спецслужбами. Причина, по которой японец согласится добывать информацию в пользу иностранной державы, должна быть исключительно веской. Вместе с тем они охотно и без всяких предварительных условий

поставляют сведения своей тайной полиции. Более того, считают это своим гражданским долгом.

Рассуждая о японском шпионаже вообще и о возможности привлечения конкретного японца к секретному сотрудничеству, Кошкин согласился с неким трактатом, разработанным еще ближайшим сподвижником Гитлера Рудольфом Гессом, который в начале тридцатых годов стоял у истоков создания новых спецслужб рейха и считается отцом концепции “тотального шпионажа” в Германии.

Дело в том, пояснил Кошкин, что Гесс позаимствовал ее у японцев, которые на протяжении долгого времени создавали и оттачивали принципы “тотального шпионажа”. В Японии накануне и Первой, и Второй мировых войн этим принципам были подчинены все сферы жизни. Гесс взял их у японцев и с успехом перенес на немецкую почву.

В своем трактате Гесс делал вывод, что шпионаж является второй натурой японцев.

На протяжении многих столетий в Японии складывалась внутренняя система массового шпионажа, когда сосед шпионил за соседом, а оба они в свою очередь находились под присмотром третьего соседа.

Это было возможно потому, что японские властители всегда обращались со своим народом, как с детьми. Со времен сёгуната в феодальной Японии широко использовались сыщики, добровольные осведомители и секретные агенты.

Гесс считал, что это обстоятельство развило в японской нации склонность к шпионажу, которая настолько укоренилась, что японцы занимаются им всюду, где представляется удобный случай, особенно в заграничных поездках. По возвращении на родину они передают информацию правительственным чиновникам или полиции.

Донесения как профессиональных агентов, так и стукачей-любителей передаются в Центральный разведывательный орган (ЦРО) в Токио одним из следующих способов.

Первый: через консульства за границей, которые переправляют развединформацию в посольства с курьерами, посольства, в свою очередь, посылают ее в Японию чаще всего дипломатической почтой. Второй: через специальных агентов-курьеров, передвигающихся под видом должностных лиц, якобы совершающих инспекционные поездки. Наконец, сведения, в которых заинтересован ЦРО, могут быть переданы через капитанов японских торговых и пассажирских судов, которым донесения вручаются, как правило, в последнюю минуту перед отплытием в Японию.

Со слов Кошкина, проблема “тотального шпионажа” уходит корнями в историю нации.

Японцы - очень сплоченная нация. Но в отличие, скажем, от немцев, не менее сплоченного народа, жители Страны восходящего солнца еще в недалеком прошлом находились в полной изоляции, постоянно готовые к отражению агрессии со стороны более сильных соседей.

Япония - мононациональное государство с единым языком и одной культурой. Там нет нацменьшинств, очень мало эмигрантов. До сих пор японцы стремятся оградить свой внутренний мир от внешнего вторжения в него, всеми силами противостоят проникновению чуждой им по духу европейской, не говоря уже об американской, культуре.

У японцев очень развито чувство сопереживания, у них не принято завидовать успехам, злорадствовать по поводу неудач. А коллективизм и взаимовыручка, не говоря уже о терпении и трудолюбии, это у них вообще едва ли не главенствующая черта национального характера!..

Далее Кошкин прочел генералу целую лекцию о развитии японского шпионажа, возведенного в ранг государственной политики, внутренней и международной.

Шпионаж, вошедший в плоть и кровь, наконец, в гены японцев.

Большую роль в деятельности японской разведки и контрразведки играли так называемые патриотические общества. Через них-то и происходило распространение “тотального шпионажа” в Японии.

Созданные в конце девятнадцатого века патриотические общества поначалу вели разведывательную и подрывную работу против главных на тот момент противников Японии - Китая и России - с целью выявления их слабых мест и воздействия на них.

Общества вербовали своих членов из различных слоев. Они требовали от них прежде всего

беззаветной преданности идеям и идеалам общества. Если такой преданности не было, то, независимо от наличия у кандидатов качеств и положительных сторон, их отвергали.

Именно исключительная преданность членов обществу привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала значительной и опасной.

Члены обществ, отобранные для наиболее важной работы, обучались языкам и подрывным методам.

Агенты, которые предназначались для сбора информации, набирались из лавочников, туристов, продавцов литературы, торговали порнографическими открытками, медикаментами, из инструкторов по спорту, рыбаков, бизнесменов, студентов, изучающих ислам и английский язык, ученых, священников, археологов.

Агентам не обещали никаких наград, да они и не рассчитывали на них. Материалы патриотических обществ пестрят биографиями “маленьких людей”. Все, что эти люди узнавали и докладывали своим руководителям, передавалось правительству, военным властям или другим заинтересованным инстанциям.

В такой стране, как Япония, сохранившей старинные военные традиции, вплоть до капитуляции во Второй мировой войне, невозможно было провести ясную черту между военными и гражданскими лицами. Точно так же не всегда можно разграничить действия и функции патриотических обществ от действий и функций военной разведки.

На протяжении всего военного и предшествующего ему периодов отмечалось тесное сотрудничество обществ и официальной разведки, их действия часто дополняли друг друга. Многие бывшие военнослужащие состояли в патриотических обществах, а те в свою очередь отдали военной разведке своих лучших агентов.

В этом плане показателен пример с военным атташе Японии в ряде западноевропейских стран и в России Мотодзиро Акаси и обществом, которое он представлял, - “Кокурюкай”, или “Черный дракон”, которое было самым значительным из всех японских патриотических обществ, основанное еще в 1901 году Рехэй Утида.

“Черный дракон” - это китайское название реки Амур, разделявшей Манчжурию и Россию. В названии общества содержался намек на его главную цель - оттеснить русских из Манчжурии за Амур, из Кореи и любого другого места на Тихом океане, то есть деятельность “Кокурюкай” была нацелена на войну с Россией.

“Кокурюкай”, как и другие патриотические общества, имело свои учреждения. В Токио ему принадлежали две школы, где проводилось обучение во всем видам шпионажа. Они прикрывались безобидно звучащими названиями: “Академия подготовки националистов” и “Школа иностранных языков”.

Осенью 1900 года японское Военное министерство назначило полковника Мотодзиро Акаси военным атташе во Франции, Швейцарии, Швеции и России. Его назначение, на которое министерство вначале не соглашалось, было произведено по настоянию Рехэй Утида. Влиятельный член “Кокурюкай”, Утида пригрозил, что если Акаси не будет назначен на эту должность, общество прекратит передачу своих агентов Военному министерству.

“Очень скоро, - сказал Утида на прощание своему ставленнику, - мы нанесем удар по нашим врагам в Сибири.

Европейская часть России находится на очень большом расстоянии от нас. Но именно там делается политика и оттуда идут указания в азиатскую часть империи, в Сибирь.

Мы смогли бы приобрести важную информацию, если бы имели в европейской части России своих агентов...”

Акаси отличался особой пронизательностью, гибким умом, завидной твердостью, отсутствием жалости - тем, чем должен обладать преуспевающий шпион. В скором времени он продемонстрировал, в какой степени обладал всеми этими качествами.

За пятнадцать-двадцать лет подготовки Япония достигла не только высокого промышленного и военного развития. Огромная армия ее разведчиков, превосходящая по численности шпионскую службу любой другой страны, раскрыла многие секреты и намерения России в районах, которые стали объектами нападения.

Японцы доказали на практике, что хорошо и широко поставленный шпионаж в состоянии обеспечить половину победы еще до того, как будет нанесен открытый удар.

Но, видимо, самым удивительным нововведением было отношение японцев к шпионам и шпионажу. Ведь на Западе вплоть до Первой мировой войны так называемые “приличные люди” с презрением относились к шпионам и шпионажу. Японцы же с момента зарождения в Японии шпионажа включили его в Бусидо - строгий кодекс морали и поведения самураев. Шпионаж, провозгласили они, осуществляемый в интересах родины, является почетным и благородным делом. Разве не требует он смелости и отваги - тех достоинств, которые выше всего ценятся самураями?

Отношение японцев к шпионажу находилось в полном соответствии с их культом служения родине и идеалам патриотизма. Эти идеалы воодушевляли многих из тех, кто в минуты душевной слабости колебался принять на себя риск, вытекающий из шпионской деятельности.

Бусидо делал японских шпионов вдвойне опасными. Один из примеров кодекса Бусидо в действии - камикадзе, то есть летчики-смертники Второй мировой войны...

Как я уже сказал, товарищ генерал, - наставлял Кошкин своего добровольного адепта, - одной из особенностей японцев, больше всего поразивших Рудольфа Гесса, был повышенный интерес к тайнам разведки. В своем трактате Гесс писал: “Каждый японец, выезжающий за границу, считает себя шпионом, а когда он находится дома, он берет на себя роль ловца шпионов”.

Под влиянием руководителей разведки японцы воспитывались в том духе, чтобы в любом мероприятии всякой иной нации на Тихом океане, в особенности Соединенных Штатов, усматривать шпионские намерения.

С этой целью устраивались выставки, на которых демонстрировались экспонаты, показывающие вероломные и преступные, с точки зрения японцев, методы работы иностранных шпионов.

На улицах расклеивались сотни плакатов, призывавших к бдительности, устраивались шпионские дни и недели. Антишпионские лозунги печатались на спичечных коробках и выставлялись в витринах магазинов. Охота за шпионами превращалась в последовательно насаждаемую манию.

Пресса, радио и официальные лица постоянно призывали каждого японского мужчину, женщину, ребенка быть настороже, выискивать шпионов и сообщать полиции обо всем, что вызывает хотя бы малейшее подозрение. В результате такой обработки население питало к иностранцам беспримерную ненависть...

Нечто подобное, если вы помните, товарищ генерал, мы пережили в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, - подытожил свой экскурс в историю становления японских спецслужб полковник Кошкин.

Думаю, Николай Петрович, что мы по части нагнетания шпиономании на государственном уровне сумели догнать японцев в тридцатые годы... - заметил Карпов.

Нет-нет, Леонтий Алексеевич! - в тон собеседнику ответил специалист по Японии. - В этом вопросе их вообще никто не догонит. Последнее, что я хотел бы добавить к тому, что уже сказано. По моему мнению, все перечисленное, в том числе и отношение японцев к шпионажу, не только помогло им выжить, добиться впечатляющих успехов в экономике и самоутвердиться, но одновременно породило гипертрофированное чувство собственного величия и превосходства над другими народами, а также способствовало развитию у них и без того достаточно выраженной ксенофобии, враждебности ко всему чужеземному, будь то образ жизни, идеалы или мировоззрение...

Убедившись на собственном опыте, что всех благ можно добиться только своим трудом, японцы с порога отменяют всякие предложения добывать информацию для иностранных государств, считая последних паразитами.

Совсем по-другому ведет себя японец, попадая в зависимость от спецслужб под угрозой компрометации.

Личное в сознании японца ассоциировано с общественным, он ощущает себя частицей, неотделимой от однородной общности - нации. В его представлении он и нация спаяны воедино. Для японца скомпрометировать себя - это подвести коллектив, а по большому счету - нанести ущерб стране. А это - позор! Чтобы избежать его, японец скрепя сердце

выполнит любое задание. Его моральные принципы позволяют это сделать...

Это то, что мне нужно! - воскликнул Карпов.

...Размышления Карпова были прерваны появлением агента.

Генерал заметил, с какой неприязнью Миноби посмотрел в сторону американцев, его глаза-щелочки, казалось, закрылись совсем.

Вы знаете, кто они, Леонтий-сан? - обратился агент к Карпову после взаимных приветствий. Полагаю, что это - американцы, морские пехотинцы, которые охраняют американское посольство... - предельно спокойно ответил генерал, внимательно наблюдая за собеседником.

Вы совершенно правы! Американскую солдатню я даже с завязанными глазами по запаху узнаю! - агент умолк, потупив взгляд.

Не обращайтесь на них внимания, Миноби-сан. Судя по количеству пустых бутылок на их столе, они сидят давно и скоро уйдут! - почти ласково произнес Карпов и положил ладонь на руку японца.

В этот момент один из американцев скомкал пустую пачку из-под сигарет и, швырнув ее себе под ноги, притоптал ботинком.

Конечно, как и все японцы, агент был очень вежлив и терпим к проявлениям чужого невежества, но тут он не выдержал, взорвался:

Совсем обнаглели! Что хотят, то и делают, будто они у себя дома. Ненавижу эту нацию, будь она проклята!

Консультации Кошкина не прошли для генерала даром. Из прослушанного курса он знал, что подобное откровение для японца - чрезвычайная редкость. Обычно они умеют скрывать свои эмоции и не высказывать истинных чувств, а уж если японец говорит такое, значит, у него весьма серьезный счет к американцам и его ненависти нет предела.

"Эврика! - мысленно возликовал Карпов. - Теперь я знаю, в какой упаковке преподнести моему "банзайчику" задание по "Сётику"!

Почему ее контрагентами должны быть одни только немцы? А что если сказать агенту, что фирма имеет подозрительные контакты с американцами?! Ай да молодцы морпехи! Какую стартовую площадку мне подготовили для обсуждения задания. Вот так находка! Теперь осталось подлить масла в огонь и - вперед!"

Доверительно наклонившись к агенту, генерал тихо произнес:

К сожалению, Миноби-сан, американцы весь мир считают пустой пачкой из-под сигарет - так и норовят швырнуть его себе под ноги и растоптать солдатским башмаком... Что поделаешь, молодая нация - ни глубоких исторических корней, ни культурных традиций...

Карпов выжидательно посмотрел на японца.

Зерна упали на благодатную почву. Миноби, почувствовав в собеседнике единомышленника, завелся с полоборота, заговорил громко, с жаром...

Сегодня ровно месяц, как умерла моя жена... Ее мать в сорок пятом жила в Нагасаки, когда американцы сбросили на город свои атомные бомбы. В результате она получила лучевую болезнь.

Как выяснилось потом, болезнь передалась по наследству и моей жене, хотя она родилась через десять лет после бомбардировки...

Вы думаете, что я искатель приключений или преступник по призванию?! Нет, нет и нет!!! Я - контрабандист поневоле! Мне нужны были деньги, чтобы оплачивать операции по пересадке костного мозга моей жене. Вы знаете, сколько это стоит?! А какие это мучения!!! Теперь вот и мой сын страдает белокровием, его ждет участь моей тещи и жены! А эти, - кивок головой в сторону подгулявшей компании, - не зная горя, пьют виски, веселятся!! Они умертвили близких мне людей, меня сделали преступником!! Но преступники - они! Они, а не я!! - иступленно прокричал Миноби.

Американцы обернулись на крик. Заметив, что японец указывает рукой в их сторону, рассмеялись и стали репликами подзадоривать его.

В следующую секунду неведомая пружина подбросила Миноби вверх и он в мгновение ока очутился у стола американцев. Карпов бросился вдогонку, но было поздно.

Схватив со стола пустую бутылку, Банзай обрушил ее на голову одного, отбитое горлышко

всадил в шею другому.

Обливаясь кровью, жертвы рухнули на пол.

Уцелевшие американцы с неожиданной для пьяных резвостью и разом обнажили выкидные ножи.

В тот же момент Миноби очутился на столе. Неуловимое движение ногой, леденящий душу боевой клич “Йя-я!”, и еще один морпех со стоном распластался у стола. Резко присев и сделав полный оборот вокруг своей оси, японец пружинно выпрямился и в прыжке с криком “Й-яя!” припечатал обе ноги к затылку рванувшегося было от стола американца. От удара Миноби отбросило назад, и он навзничь рухнул на стол.

Генерал сгреб в охапку стонущего японца и поволок его к выходу...

Песочные замки председателя КГБ

В тот же день Карпову удалось попасть на прием к Андропову.

Такой явки в моей практике еще не бывало! - подытожил генерал свой доклад.

Андропов, заложив руки за спину, в глубокой задумчивости прошелся по кабинету и остановился у окна.

Скандал, конечно, будет вселенский... Не исключен и ответный прессинг в отношении наших сотрудников в Вашингтоне или Нью-Йорке... Но я думаю сейчас о другом.

Карпов при этих словах весь напрягся.

Не считаешь ли ты, Леонтий Алексеевич, что, устроив побоище, жертвами которого пали американцы, Миноби сам себе соорудил крест, а тебе осталось лишь взять в руки гвозди, молоток и... распятие готово!

Юрий Владимирович, я полагал, что Банзай пригвоздил себя к нашему кресту уже тогда, когда “слил” нам информацию о Буряце и его поделщиках...

Отчасти - да... Однако на твоём месте я не стал бы обольщаться. То, что японец чистосердечно сообщил о Буряце, его участии в планировании и организации преступных операций с драгоценностями, наконец, об отношениях этого эстетствующего прощельги с... ну, ты сам понимаешь, еще не доказательство его готовности сотрудничать с нами. Тот его шаг можно расценивать как уступку, сделанную под определенным нажимом, - ты ведь вербовал японца на основе компроматериалов, не так ли?

Он, что называется, “потек” - признался во всем, потому что не желает с треском вылететь отсюда и расстаться с дипломатической службой! Его пугает не уголовное преследование за контрабанду - он обладает дипломатическим иммунитетом и отделается высылкой из СССР, - его страшит крушение карьеры, и не просто дипломатической - государственной. За границей она дорогого стоит, ценят и дорожат ею поболее нашего!..

Короче говоря, я буду считать, что вербовка Миноби прошла успешно и он состоялся как наш агент, лишь когда от него будут получены сведения о скрытых аспектах экономической политики Японии в отношении ее иностранных партнеров, прежде всего СССР, а пока что для меня он не Банзай, а всего лишь дипломат по фамилии Миноби. Точка!

Андропов умолк, чтобы перевести дыхание.

Я собираюсь дать задание Банзаю по фирме “Сётику”, я вам о ней докладывал, - воспользовался паузой Карпов.

Погоди, не перебивай... О чем это я говорил? Ах, да!

“Слив”, как ты выражаешься, информацию о краже бриллиантов, агент нанес удар нашим согражданам, а в баре были искалечены граждане США! Как говорится, почувствуй разницу...

Кстати, тебе не кажется, что своими откровениями об отношении к американцам, как и последующей агрессией в их адрес, он расчистил тебе дорогу, вручил ключик к своей душе? “Черт подери, председатель, как обычно, бьет в “десятку”! Но то, что вы, уважаемый Юрий Владимирович, собираетесь мне сказать только сейчас, мною уже давно осмыслено!” - обрадовался Карпов и бодро ответил:

Разумеется, Юрий Владимирович, я думал об этом! Действительно, нацеливая Банзай на добывание интересующей нас информации, я собираюсь использовать его ненависть к

американцам... То есть каждый раз, отрабатывая ему задание по каким-либо японским объектам, я всякий раз буду подчеркивать, что, представляя нам сведения о них, Банзай сможет насолить американцам... Я правильно вас понял, Юрий Владимирович?
Вот-вот, именно так! - Андропов удовлетворенно потер руки. - Но еще раз подчеркиваю, надо постараться как можно быстрее заполучить от Миноби весомую информацию об экономической стратегии и тактике Японии в отношении Советского Союза... Это, как ты понимаешь, не столько даже вопрос экономики, сколько политики! Начни с малого...
Юрий Владимирович, я и собираюсь начать с малого, с "Сётику"! - не дождавшись окончания паузы, Карпов вновь нарушил ход рассуждений председателя.
Далась тебе эта "Сётику"! Дойдет очередь и до нее!
Андропов уже сдерживал раздражение. - Мне надо, чтобы твоя служба прояснила ситуацию с вывозом одной японской фирмой нашего морского песка...
Песка?!
Да-да, ты не ослышался - именно песка! Фирма зачем-то тайно вывозит его с побережья Камчатки уже в течение более полугода, а вот зачем, мы до сих пор не знаем...
Юрий Владимирович, может быть, в этом песке японцы обнаружили какие-то химические элементы, используемые, скажем, в радиоэлектронной промышленности? - высказал предположение Карпов, пытаясь определить, к чему клонит шеф.
Ерунда это все! Песок, он и есть песок. Вот, полюбуйся! - с этими словами Председатель открыл сейф и подал генералу папку для входящих шифротелеграмм.
Давненько я, Юрий Владимирович, не строил песочных замков... - Карпов выжидающе посмотрел на Андропова.
Никто тебе и не предлагает, Леонтий Алексеевич. Этим займется будущий начальник экономической контрразведки комитета генерал-майор Щербак... Тебе же надо через Миноби выяснить, на что идет вывозимый караванами судов камчатский песок..

Шифротелеграмма № 1983/081 от 22.01.82 г.

**Члену Политбюро ЦК КПСС
Председателю КГБ СССР
генералу армии Андропову Ю.В.**

Распоряжением Совета Министров СССР № 1339-Р от 10.08.81 г. японской фирме "Икебу ко" отдан в аренду сроком на один год участок прибрежной полосы (песчаная коса) протяженностью 12.000 м и шириной 500 м в районе пос. Озерновский (южная оконечность Камчатского п-ова). Официально на арендуемой территории "Икебуко" намерена возвести временный порт для своих рыбооловецких судов, ведущих промысел в Алеутской котловине Берингова моря.

Следует отметить, что с момента вступления в силу договора об аренде японцы по периметру участка возвели ограду из колючей проволоки с сигнализацией и выставили вооруженную охрану.

Наблюдением за действиями японцев, проводимым с пограничных катеров> установлено, что до настоящего времени фирмой "Икебуко" на участок не завезено никаких строительных материалов. Вместе с тем, используя многочисленные экскаваторы, землеройные машины и плавучие насосные станции, японцы круглосуточно (ночью - при свете прожекторов) ведут выемку грунта (черного песка) не только на арендуемой территории, но также с дна прилегающей морской акватории.

Эти свои действия руководство "Икебуко" называет "подготовительными работами", предшествующими возведению портовых построек.

По мнению наших инженеров-строителей, это объяснение звучит неубедительно, так как объем уже выполненных японцами земляных работ соотносим разве что со строительством метрополитена, но никак не с возведением временных портовых сооружений.

Обращает на себя внимание тот факт, что вынимаемый грунт (черный песок) грузится на рыбооловецкие траулеры, принадлежащие "Икебуко", и отправляется в неустановленном

направлении.

Из официальных сообщений, полученных от руководства фирмы, следует, что песок, сбрасывается в открытом море, однако, по неподтвержденным данным, песок вывозится в Японию.

С учетом изложенную прошу Вашего указания установить истинные намерения японцев в отношении заключения договора об аренде песчаной косы и рассмотреть целесообразность его продления в 1982-1983 гг.

Начальник УКГБ СССР по Камчатской области генерал-майор Демидов М. С.

“Давно пора уже было создать экономическую контрразведку! - подумал Карпов. - А то всю экономику отдали на откуп МВД БХСС, Щёлокову... Пустили козла в огород! Можно подумать, что КГБ только и делает, что печется об идейном здоровье масс, а защита госсекретов, а шпионы?!”

— Я тебе шифротелеграмму еще вот для чего показал... Тебе не кажется, что японцы повели фронтальное наступление с целью овладеть нашими сырьевыми ресурсами?

Да-да, конечно, Юрий Владимирович! - Генерал живо подхватил мысль шефа. - Сначала “Сётику”, теперь вот “Икебуко”... И все-то у них с виду простенько, как-то вроде по-детски, даже и придаться не к чему: то вазочки фаянсовые в глаза нам суют, теперь вот песком мозги решили запудрить...

Пропустив мимо ушей слова подчиненного, Андропов продолжал:

Нет, ты можешь себе такое представить, Леонтий Алексеевич? Япония, входящая в клуб самых развитых в промышленном отношении стран, и вдруг скрыто похищает у нас песок, причем караванами! У меня это в голове не укладывается, я отказываюсь что-либо понимать и принимать на веру! Ну зачем японцам понадобилось столько песка?

А может быть, - продолжал Карпов, - японцы освоили какую-то неизвестную миру технологию по переработке песка во что-то более ценное?

Вот это тебе и предстоит выяснить! - немедленно отреагировал Андропов.

“Ловко запрягает меня председатель! - подумал Карпов. - Ну, Юрий Владимирович, ну, виртуоз! Но меня беспокоит другое, вы уж не обессудьте, шеф...

Первым заместителем министра внешней торговли, курирующим вопросы заключения договоров с иностранными партнерами, является Юрий Леонидович Брежнев, сын Генсека. Раскопай я в заключенной сыном сделке с песком какие-то нарушения, начиная от получения им взятки за предоставление режима наибольшего благоприятствования покупателю и кончая нанесением ущерба государственной безопасности, меня же первого и сожрут. Ну, не вас же, Юрий Владимирович! Вы - неуязвимы.

А после того как я положил вам на стол информацию Банзая о Буряце и его связи с Галиной Брежневой, вы вообще стали неприкасаемы! Но когда клан Брежнева вознамерится зажарить меня на вертеле, вы же первый откреститесь от Карпова!”

Вслух же генерал произнес совсем другое:

Юрий Владимирович, если я не ошибаюсь, вопросами заключения договоров с зарубежьем ведает Министерство внешней торговли...

Карпов умолк, ожидая ответной реакции шефа.

Это - вопрос не вашей компетенции, генерал, - с раздражением ответил председатель, поняв, к чему клонит подчиненный: боится оказаться крайним и лишиться погон. - Знайте, вы ничем не рискуете, выполняя мое личное поручение по выяснению цели масштабной кражи японцами нашего песка! Вы вот сейчас мысленно запаниковали, мол, “сдаст” меня Андропов, если в ведомстве сына Леонида Ильича будет обнаружено что-то противозаконное. Ошибка! Не “сдал” же я вас после того, как Курусу представил информацию на Галину Леонидовну?

Никак нет, Юрий Владимирович!

А после вашего конфликта с Семеном Цвигуном?

Никак нет, Юрий Владимирович!

То-то же! Время не разбрасывать, но собирать камни!

Недобро блеснув стеклами очков в сторону окаменевшего в кресле Карпова, Андропов извлек из тумбочки стола кувшин и стал поливать стоявшие на специальной подставке цветы. Вдруг, оставив кувшин, председатель торопливо подошел к столу и начал листать настольный календарь.

Когда он поднял голову, генерал вновь увидел привычного Юрия Владимировича, спокойного и ироничного.

Впрочем, твоя взяла - начни с "Сётику". - Председатель снова перешел на "ты". - К песку мы вернемся чуть позже... Мне тут кое-какие организационные вопросы, связанные с заключением Внешторгом договора об аренде нашей территории, надо решить... Н-да... Скажи, сколько времени может занять работа по "Сётику"?

Карпов от удивления всем корпусом откинулся на спинку стула.

"Черт побери, Юрий Владимирович, вы же сами прекрасно знаете, что ахиллесова пята контрразведки - это прогнозирование, - мысленно возразил шефу генерал, - Кто может ответить на ваш вопрос?! Сколько времени?! А почему бы вам не спросить, в какую сумму эта работа обойдется?! Сколько времени?! Ничего себе вопросик!"

Вслух же Карпов произнес иное:

Сколько времени вы мне даете, Юрий Владимирович?

Карпов с опозданием понял свою ошибку. Андропов круто пресекал попытки подчиненных уйти от ответа на поставленный им вопрос, а уж с теми ловкачами, которые пытались на его вопрос ответить встречным, вообще переставал общаться с глазу на глаз. Но на этот раз пронесло!

Андропов, расхаживая посреди кабинета, был настолько увлечен своими мыслями, что даже не обратил внимания на оплошность генерала. Вместо взбучки Карпов получил ответ, повергший его в крайнее недоумение: уж не забыл ли председатель о его присутствии? Уж не бредит ли шеф?

Тем временем Андропов в состоянии какого-то сомнамбулического оцепенения расхаживал по кабинету, бормоча себе под нос:

Чазов полагает, что Леонид Ильич после самоубийства свояка, Семена Цвигуна, оклемается нескоро... На больничном пробудет как минимум до конца января... Заседания Политбюро отменены до его выздоровления... Если его состояние не улучшится к февралю, он вынужден будет передать право вести заседание мне... Может, дождаться февраля и самому решить вопрос с договором об аренде? Или рискнуть, не дожидаясь? Может, все-таки начать с "Сётику"?.. Если наши усилия окажутся результативными, это станет моим козырем, и тогда можно, не откладывая до лучших времен, поднимать вопрос о заключении Внешторгом договора с "Икебуко" даже в присутствии Генерального... Н-да, дилемма!.. Неожиданно обернувшись к Карпову, Андропов без всякого перехода сказал, как отрезал: Даю две недели! Управисься?

Юрий Владимирович, - взмолился Карпов, - я ведь только собираюсь ввести Банзая в разработку "горшечников", то бишь "Сётику"... Я еще не знаю, есть ли у агента выходы на фигурантов дела, может быть, у него имеются другие возможности. Но несмотря ни на что я считаю разработку "горшечников" делом перспективным... Думаю, Банзай не подведет, Юрий Владимирович! - мажорно закончил Карпов.

Он думает! Уж как вы все думаете, мне известно... Я недавно прошел по кабинетам начальствующего состава центрального аппарата. Было часов десять вечера. Захожу к одному генералу, другому, третьему. Сидят, пишут что-то, звонят куда-то, отвечают на телефонные звонки.

Пригласил я их к себе в кабинет и спрашиваю: "Что вы делаете так поздно?" Отвечают: "Работаем". - "А что вы делаете днем?" - "И днем работаем". - "И по утрам тоже работаете?" - "Разумеется, товарищ председатель, работаем и утром!" Вот мне и любопытно стало, когда же они думают, если постоянно заняты работой! К тебе, Леонтий Алексеевич это тоже относится. Ты ведь тоже только и делаешь, что работаешь... А думать начинаешь в моем кабинете, не так ли? А подумать есть о чем. Мы сейчас наблюдаем закат эры... И крушение кланов. Тебе, конечно, это в голову не приходило... А пора бы уж, раздвинув шторы, выглянуть в окно, узнать, чем живет наш народ!..

“Вот, оказывается, на что вы замахнулись, Юрий Владимирович! Уж не на место ли Генерального метите, коль скоро о народе заговорили? Все с этого начинают, а потом... Ладно, к черту! Воистину: “по Сеньке и шапка” вы о народном благе печетесь, а мне Внешторгом и Юрием Леонидовичем заниматься... Стоп! А что, если Андропов таким образом решил расчистить себе путь к трону: дочь Галину скомпрометировал с моей помощью, теперь моими же руками сына Юрия собираются убрать? Их отца-старика в открытом поединке ему пока еще не осилить, но стоит ослабить его детей на весь Советский Союз, смотришь, не выдержит отцовское сердце и он сам дойдет до точки, он же - доходяга! Ловко вы с брежневским кланом хотите расправиться, Юрий Владимирович! Собственно, вы уже начали кампанию по дискредитации Генерального, отдав указание председателю Гостелерадио Лапину ежедневно передавать по всем каналам хронику публичной жизни и выступлений Леонида Ильича, как и бесконечное вручение ему наград - пусть весь народ видит его маразм и немощность управлять державой. Ежедневная демонстрация на экране выжившего из ума вождя еще больше подорвет его позиции в глазах мирового сообщества... Судя по всему, не сам по себе песок или его похищение японцами вас заботит, Юрий Владимирович! Вам нужно публично разоблачить роль сына Брежнева в заключении договора на аренду нашей территории, чтобы окончательно подорвать позиции Генсека, а там, смотришь, на царствие вас пригласят... Удастся ли вам, шеф, возвести свои замки на песке?!”

Андропов прервал размышления Карпова. Сказал, как гвоздь вбил:

Форсируй разработку “Сётику”, а затем спокойно и вдумчиво разберись с причинами масштабного похищения японцами нашего песка. И ролью Юрия Леонидовича в этой сделке... Все ясно?

Так точно, това...

Андропов жестом остановил Карпова.

Ты же знаешь, субординационное декламование мне не по душе...

Андропов вернулся к своему столу, грузно опустился в кресло и стал неторопливо перебирать бумаги.

Поняв, что аудиенция окончена, Карпов напоследок решил перевести стрелки беседы в чисто оперативную плоскость:

Так что же мы будем делать с Банзаем, Юрий Владимирович?

Задавая вопрос, генерал имел в виду возможные санкции в отношении агента за дебош в баре.

Что будем делать? Завидовать будем! Мы ведь с тобой, Леонтий Алексеевич, ни президенту США, ни ЦРУ голову раскроить не можем. А жаль! - с усмешкой ответил Андропов. - А если говорить серьезно, то ты у нас, Леонтий Алексеевич, - один из самых опытных агентуристов и отменный психолог. Ты всегда был настоящим ловцом человеческих душ. В расставленные тобою силки залетали птицы и более высокого полета, чем Исороку Миноби... Он в сравнении с ними - серый воробушек. Словом, японец у тебя на связи, вот ты и решай сам, что с ним делать! Помнится, перед вербовкой ты заверял меня, что он - кладезь оперативно значимой информации, относящейся к компетенции Второго главка, не так ли? Вот и посмотрим, что он за кладезь, когда он отработает “Сётику”!..

“Не удержался-таки старик от подначки! Не смог отказать себе в удовольствии... А так хорошо начал: и “отменный психолог”, и “ловец душ”... Что ж, и на том спасибо, Юрий Владимирович. Я в долгу не останусь!”

Вы, Юрий Владимирович, как всегда, на гребне волны...

Верно! Потому что именно я поднимаю эту волну! - немедленно отреагировал Андропов. И Карпов, и Андропов остались довольны друг другом.

Генерал - потому, что сумел настоять на своем, отсрочив решение “песочных проблем” и вместе с ними разработку сына Генсека. Председатель - потому, что, как ему казалось, расширил круг своей личной агентуры в руководстве центрального аппарата КГБ, завербовав еще одного сотрудника.

Скоро, очень скоро такие генералы могут понадобиться в решающей схватке за главенство в партии и государстве...

Уже взявшись за ручку двери, генерал обернулся:

Прошу прощения, Юрий Владимирович, - Карпов не мог упустить такой шанс, - в центральном аппарате циркулирует масса диаметрально противоположных версий о самоубийстве вашего первого зама, Семена Цвигуна...

Андропов с готовностью отреагировал:

Поговори на эту тему с моим бывшим секретарем-оруженосцем, да-да, с нынешним начальником Первого главка (внешняя разведка Союза), Крючковым, он сейчас дожидается в приемной...

“Оруженосец” охотно изложил то, что, по его мнению, произошло с Цвигуном на самом деле. Во время плановой диспансеризации руководящего состава КГБ СССР врачи обнаружили у Цвигуна злокачественную опухоль в правом легком. На его удачу, она была еще операбельной.

Ведущий хирург высших сановных клиник Марк Перельман провел блестящую операцию, удалив пораженную раком часть больного органа. Казалось, что все обошлось, как вдруг по прошествии нескольких лет Цвигуна начали мучить кошмарные головные боли, у него стала развиваться глубочайшая парамнезия - нарушение памяти, временами он терял ориентацию в пространстве и времени. Все чаще он оказывался прикованным к постели в специализированных кремлевских клиниках. Каждый раз по выходе из лазарета Цвигун устремлялся на Лубянку в свой кабинет.

Однако там он запирался и ничего не делал, пребывая в глубочайшей депрессии.

Болезненное состояние усугублялось тем, что, некогда лощеный и самодовольный, генерал, окруженный свитой подхалимов, вдруг оказался в полном одиночестве: никто не хотел признавать в нем еще недавно могущественного свояка Генерального секретаря...

За две недели до его кончины, - невозмутимо продолжал “оруженосец”, - у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого этот конвойный пес Юрия Владимировича уже путал свое имя и отчество!

Без устали смаковал подробности Крючков, найдя в лице Карпова заинтересованного слушателя.

19 января Семен Кузьмич почувствовал себя настолько хорошо, что вызвал машину для поездки на дачу.

Со слов водителя, по совместительству выполнявшего роль телохранителя, в отличие от прежних дней Цвигун вел спокойный, вполне осмысленный разговор...

Прогуливаясь на даче по дорожке, вдруг проявил интерес к личному оружию охранника.

Поинтересовался, пользуется ли он им и в каком состоянии содержится пистолет, потому что, по уставу, мол, оружие всегда должно быть в полной готовности, а затем попросил показать его. Подержал пистолет на ладони, словно взвешивая, и неожиданно положил его в карман.

Телохранитель удивился, но ничего не сказал.

Повалил снег, и охранник принялся расчищать дорожку.

Цвигун спросил, куда она ведет.

А никуда, упирается в забор...

Вот и хорошо, что никуда, - сказал генерал и, приблизившись к насыпанной охранником куче снега, вынул “Макарова” и выстрелил себе в висок.

“Оруженосец” вынул из портфеля лист бумаги и подал его Карпову.

Усово, дача 43, “Скорая помощь”. 19 января 1982 года 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения от раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 прибыла реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил себе в висок из

пистолета Макарова. Подписи пяти врачей.

Молча Карпов вернул документ улыбающемуся Крючкову.

“Черт побери, какой-то сеанс садомазохизма! Это ж как надо ненавидеть Цвигуна, чтоб таскать в портфеле заключение о его смерти!”

Вы, конечно, Леонтий Алексеевич, обратили внимание, что Генеральный не подписал некролог, - как ни в чем не бывало продолжал “оруженосец”. - Что бы там ни говорили, а сделал он это по одной лишь причине: Леонид Ильич суеверно боялся самоубийц!.. Не попрощавшись, Карпов покинул приемную.

Психологический этюд

После инцидента с морскими пехотинцами Карпов стал встречаться с Банзаем на конспиративной квартире: береженого бог бережет. На первой же явке генерал разыграл психологический этюд, преследовавший две основные цели.

Во-первых, надо было заставить агента в будущем вести себя благоразумнее - не всякий раз при его встрече с американцами рядом окажется генерал КГБ.

Во-вторых, надо было создать мощную моральную мотивацию, которая бы помогла держать агента в состоянии перманентной психологической зависимости от своего оператора.

Зависимость, подобную той, что возникает между ведущим и ведомым.

...Мозговую атаку Карпов повел с первой минуты встречи.

После взаимных приветствий генерал, выдержав многозначительную паузу, вынул из портфеля и подал Банзаю пресс-бюллетень госдепа (министерство иностранных дел) США, где в рубрике “Происшествия” была опубликована заметка о трагическом инциденте в баре гостиницы “Интурист”. Она заканчивалась словами:

“Начальник управления информации МИД СССР заверил посла Соединенных Штатов в Москве, сэра Мэтлока, что злоумышленник, нанесший тяжелые увечья двум нашим морским пехотинцам, непременно окажется в руках правосудия, так как на его поимку мобилизованы лучшие сыщики московской милиции. Телевидение ежедневно демонстрирует фотографию нападавшего, ее копии розданы мобильным полицейским Москвы. За поимку злодея нашим послом назначено вознаграждение в 10. 000 долларов”.

Прочитав заметку, Миноби беззаботно рассмеялся:

Леонтий-сан, вы же свидетель тому, что у меня не было времени подарить свою фотографию американцам... То, что здесь написано, - блеф!

Карпов, блестящий актер по жизни, с напускной озабоченностью сдвинул брови, всем своим видом показывая, что не разделяет оптимизма собеседника.

Для такого серьезного человека, как вы, Минобисан, ваше замечание звучит по крайней мере легкомысленно... Милиция опросила весь обслуживающий персонал гостиницы и на основании полученных данных составила ваш фотопортрет, или фоторобот. Вот, полюбуйте-тесь! - с этими словами генерал подчеркнуто небрежно бросил на стол фотографию.

Улыбка моментально исчезла с лица японца.

Но это же действительно я, это мой портрет! Абсолютное сходство! Для того чтобы создать его, милиции, похоже, пришлось опросить десятки людей... Я и представить себе не мог, что меня наблюдало столько людей, пока я шел в бар...

Да, вынужден констатировать: в вашем случае органы правопорядка оказались на высоте... Бутерброд всегда падает икрой на пол, что поделаешь...

К тому, что изложено в заметке, могу добавить, что ваше фото вывешено на специальных стендах милиции и роздано всему обслуживающему персоналу всех гостиниц Москвы...

Потому-то я и назначил встречу здесь, а не в баре или ресторане, как мы договаривались вначале...

Вас ищут, Миноби-сан, и вам надо проявлять предельную осторожность! Согласитесь, десять тысяч долларов - сумма, которая может впечатлить любого милиционера и

швейцара... При встрече они имеют законное право арестовать вас! - на едином дыхании продекларировал Карпов, внимательно наблюдая за агентом.

Ларчик открывается просто. Штатный художник оперативно-технического управления Комитета карандашом сделал рисунок с фотоснимков, которыми генерала в свое время снабдили сотрудники службы наружного наблюдения, отслеживавшие контакты японца при посещении им “валютно-бриллиантовой биржи” в Столешниковом переулке.

Рисунок сфотографировали, и он превратился в фоторобот. Что касается пресс-бюллетеня, издаваемого госдепом, то он тоже являлся продуктом оперативно-технического управления. Банзай беспокойно заерзал на стуле.

Что же мне делать, Леонтий-сан? Я же по долгу службы должен посещать публичные места, выставки, презентации... там ведь всегда дежурят милиционеры...

Вы представляете, что будет, если меня арестуют на глазах посла! Мне же конец!

“Да, дружок, тебе конец... если откажешься дружить со мной!” - усмехнулся Карпов.

Вообще-то есть один вариант... - это было произнесено так неопределенно, что Миноби, потеряв над собой контроль, почти закричал:

Вы уверены Леонтий-сан, что он есть?! Что я должен для этого сделать?!

“Вот это уже слова не мальчика, но... Банзая!” - мысленно похвалил японца генерал.

Сделать сначала должен я! Вы же будете действовать потом...

Не понимая скрытого в подтексте смысла, агент покорно произнес:

Я готов, Леонтий-сан...

На все?

На все!

Что ж, ловлю вас на слове, Миноби-сан... Значит, так! - приободрился Карпов... - В ближайшие два дня я попросил бы вас не появляться в общественных местах, если это не вызвано крайней служебной необходимостью...

По городу постарайтесь передвигаться только в автомашине с дипломатическими номерами. За это время, надеюсь, руководство столичной милиции успеет отдать распоряжение своим сотрудникам о прекращении розыска...

Два дня? А хватит? Ну а потом? - в глазах-щелочках мелькнул лучик надежды.

Мне хватит одного... звонка начальнику городской милиции! Я просто скажу ему, что вы уже арестованы нами и находитесь в Лефортовской тюрьме... Только в этом случае поиски злоумышленника, изувечившего двух американских солдат, могут быть прекращены на законном основании...

Ну а что касается вашего последнего вопроса, - генерал стал не спеша “заколачивать последний гвоздь в распятие”, - то я скажу, что делать потом!

Если вы считаете, что это самый надежный путь...

А другого пути нет! Самый надежный - это вместе со мной, Миноби-сан!”

Оба дружно рассмеялись. Один иронично, другой - с облегчением.

Воистину: “Мысли о несчастье, которые тебе по случайности удалось избежать, - сами по себе могут сделать человека счастливым”.

Разыграв этюд, Карпов, не теряя времени, - куй железо, не покидая явки, - перешел к основной цели встречи: к отработке задания Банзаю по добыванию информации о “Сётику”,

Благословение председателя

Через два дня Банзай вызвал генерала на экстренную встречу, в ходе которой сообщил добытые им сведения о “Сётику”. С его слов выходило, что после очередного финансового кризиса в Японии фирма оказалась на грани банкротства, что повлекло за собой смену ее руководства. Новый президент Хидзё Арита не нашел ничего лучшего, как воспользоваться предложением о сотрудничестве, поступившим от одной американской компании, ведущей разработки в области радиоэлектроники. Ни названия компании, ни характера и направленности проводимых ею разработок агенту выяснить не удалось, так как ее продукция никогда не была представлена на мировом рынке радиоэлектронного оборудования.

По данным агента, полгода назад руководство “Сётику” по непонятным причинам стало демонстративно отрещиваться от сотрудничества с американцами, хотя фактически оно развивалось, и довольно успешно.

Более всего удивляло Банзая то, что произошло это вслед за тем, как американцы выделили фирме безвозвратный кредит, сумма которого в несколько раз превышала ее годовой оборотный капитал.

Агенту удалось выяснить, что переговоры о выделении денег проходили в обстановке повышенной секретности, их содержание осталось тайной за семью печатями, в которую посвящены только два человека: президент и старший вице-президент фирмы. Ни протокола о намерениях, ни договора о сотрудничестве не подписывалось.

Впрочем, с точки зрения Карпова, все это не выходило за рамки чисто Организационных вопросов. В представленной Банзаем информации генерал искал и не находил ответа на самый главный вопрос: что может быть общего у японской фирмы, осуществляющей контейнерные перевозки по территории СССР экспортной продукции отечественных производителем, и американской компании, занимающейся производством радиоэлектроники неизвестного предназначения?

Безусловно, генерал обратил внимание на необъяснимую, с точки зрения расчетливого бизнесмена и законов коммерции, филантропию американцев, которые, выдав сказочный кредит, по сути, способствовали возрождению “Сётику”.

Не осталось незамеченным Карповым и то обстоятельство, что вслед за получением кредита японцы максимально засекретили не только характер и содержание своих отношений с американцами, но и сам факт существования таковых.

Но все это генерал считал производным, вторичным. Он был убежден, что, докопавшись мы до первопричины, заставившей американцев искать сближения с “Сётику”, можно ответить и на остальные вопросы.

Еще через день Карпов, докладывая Андропову о ходе работы по делу оперативной разработки “Горшечники”, предложил одним ударом разрубить узел безответных вопросов. Каким образом? - поинтересовался председатель.

Очень просто, Юрий Владимирович, - бойко ответил Карпов. - Получив информацию о прибытии в Находку контейнеров с японскими черепками, я вылетаю туда и на месте выясняю, что в действительности собираются перегонять через весь Советский Союз японцы, выполняя задание американцев...

Ну а почему ты решил, что “Сётику” действует по заданию американцев?

К тому, что вам уже известно об этой фирме и ее отношениях с загадочной американской компанией, производящей электронику неизвестного назначения, я могу добавить лишь одно: старые, проверенные меха наполнялись молодым вином неуставленного качества... А если без аллегорий?

Меха - это “Сётику”, которая за долгие годы сотрудничества с нами зарекомендовала себя как добросовестный и законопослушный партнер. Вино - это продукция, выпускаемая американской компанией.

Кстати, тот факт, что ни о ней, ни о производимых ею товарах ничего не известно в японских деловых кругах, можно расценить как косвенное свидетельство того, что она работает на военно-промышленный комплекс США...

Ну и при чем же здесь “Сётику”?

А при том, что американцам как раз и нужен такой проверенный нами и положительно зарекомендовавший себя перевозчик, как “Сётику”... Им нужна не столько сама фирма, сколько ее доброе имя, вывеска! Исходя из предположения, что американская компания работает на ВПК, я пришел к заключению, что она с помощью своего японского партнера проталкивает в Западную Европу не какую-нибудь контрабанду, боже упаси! - транспортирует нечто более серьезное...

Что именно? - вырвалось у Андропова, которого заинтриговала тема, развиваемая его подчиненным.

А вот это “нечто” я и собираюсь выяснить, проведя негласный досмотр контейнеров... С вашего разрешения, разумеется!

Ну, а если ожидаемый тобою рейс окажется порожним? - не сдавался председатель. - Что тогда? Ты представляешь, в какую сумму нам обойдутся штрафные санкции за вскрытие контейнеров и чем нам это аукнется в деловом мире?

Юрий Владимирович, осечки быть не может! - бодро ответил Карпов. - Я все просчитал... Кроме того, не вы ли, Юрий Владимирович, сказали: "Отсутствие в поведении разведчиков признаков, указывающих на проведение ими враждебных акций - это не их заслуга, это недоработка нашей контрразведки". Вот я и решил недоработок не допускать...

Рисковый ты парень, Леонтий Алексеевич, - покачал головой польщенный Андропов. - Знай, даже если ты и найдешь что-то в контейнерах, это не снимет с тебя ответственности за выполнение моего задания по песку... В общем, так, Леонтий Алексеевич, принимайся за "Сётику"!

Слушаюсь, товарищ генерал армии, "Карфаген должен быть разрушен"! - Карпов не мог отказать себе в удовольствии съязвить.

Тогда - с Богом! - и председатель, не замечая более подчиненного, углубился в бумаги.

Агенты - "ясновидящие" спецслужб

Через десять дней генерал Карпов вновь переступил порог кабинета председателя КГБ. Юрий Владимирович, интуиция вас не подвела: тайна поставок в Японию витринного стекла разбита! Банзай в подробностях изложил механизм этой аферы века! Руководство Внешторга у вас в кармане...

Андропов смотрел на собеседника каким-то настороженным змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. Наконец он расщепил губы и хриплым от внутреннего напряжения голосом спросил:

Доказательства изложены письменно?

Да, Юрий Владимирович! - с энтузиазмом ответил Карпов и проворно вынул из папки лист бумаги.

Агентурное сообщение

(агента Банзай Второго главного управления КГБ СССР личное дело № 00000)

Выполняя Ваше задание по выяснению скрытых аспектов деятельности государственного предприятия "Икебуко", закупającego в СССР огромные партии стекла, источник во время служебной командировки в Токио встретился и имел беседу со своим одноклассником Иту Ритсу, который в настоящее время является членом наблюдательного совета указанного предприятия.

Следует отметить, что несмотря на длительный перерыв в наших отношениях и разницу в занимаемом положении в обществе и материальном достатке, Иту Ритсу сохранил к источнику дружеские чувства, вел себя искренне, о чем могут свидетельствовать представленные им сведения о деятельности "Икебуко" на советском рынке.

Во время беседы, проходившей в ресторане "Сиехиро", Иту Ритсу на мои неумные вопросы, зачем Японии столько стекла, со смехом пояснил, что оно является предметом, но отнюдь не целью заключения контракта и играет лишь вспомогательную роль, выполняя своего рода маскировку в получении от поставщика древесины высокого качества.

В деталях это происходит так.

Каждый раз, когда караван сухогрузов с очередной партией стекла покидает порт Находка и выходит в открытое море, всем наемным морякам-рабочим раздаются плоскогубцы и гвоздодеры, после чего они принимаются за разуконплектацию контейнеров с витринным стеклом. Доски - фурнитура - аккуратно отслаиваются, сортируются и складываются в штабеля, которые затем специальными лебедками опускаются в трюмы. Стекло же попросту сбрасывается за борт.

Как правило, работа проводится с наступлением темноты при свете бортовых

прожекторов, на минимальной скорости судов. Эти меры предосторожности призваны сохранить истинную цель приобретения стекла в тайне от неожиданных свидетелей: проходящих поблизости судов, а также самолетов и вертолетов русских пограничников. За качеством выполняемых каждой бригадой действий неотступно следят двое вооруженных представителей “Икебуко”, входящие в состав штатной команды.

Необходимо отметить, что администрация “Икебуко” в целях конспирации нанимает рабочих только на один рейс. Никто из них не должен быть профессиональным моряком или членом профсоюза. Все они, как правило, выходцы из Вьетнама, Лаоса или Индонезии, готовые за гроши исполнить любую работу.

При завершении работ поденщиков партиями по двадцать человек под присмотром вооруженных охранников препровождают в кают-компанию, где им вручают по пять долларов и кормят. При этом насильно заставляют выпить по стакану рисовой водки\ в которую подмешиваются наркотики\ вызывающие временную парамнезию, то есть нарушение памяти. Делается это для того, чтобы по прибытии в порт назначения ни один из рабочих не мог вспомнить, чем он занимался на судне.

По словам Иту Ритсу, за один рейс караваном зафрахтованных сухогрузов в Японию доставляется до 10 тысяч кубометров кедровой сосны, так как именно из нее изготавливается обшивка - фурнитура - контейнеров.

В дальнейшем из доставленной древесины “Икебуко” производит изысканную дорогую мебель, которая затем экспортируется в страны Тихоокеанского региона и даже в США и Западную Европу. Экспорт мебели является основной статьей дохода предприятия моего одноклассника. В этой связи он посетовал, что чиновники Внешторга, зная об этом, постоянно требуют огромное количество дорогостоящих подарков для себя и своих родственников, однако свои всевозрастающие аппетиты они оправдывают тем, что им якобы надо давать взятки “на самом верху”.

Счета за ужин в ресторане и за поездки на такси по городу прилагаю.

Банзай.

Когда Андропов, закончив читать, поднял голову, Карпов увидел в его глазах огонь восторга от предвкушения мести. Это был сигнал, и Карпов откликнулся на него, как пожарный конь, скачущим на звук сигнального колокола:

Юрий Владимирович, у меня складывается впечатление, что если какой-то иностранный предприниматель захочет разбогатей”, то ему надо всего лишь обратиться за заключением контракта в наше Министерство внешней торговли... А нам, контрразведчикам, как прибывшим на место катастрофы врачам, остается лишь констатировать смерть... Кого? Донора в лице Советского Союза... Кроме соцлагеря и революционных партий Латинской Америки и Африки, мы, оказывается, подкармливаем еще и Японию... Но не деньгами - деревом. Нет, вы только представьте: заказывать эшелоны витринного стекла, и не где-нибудь, а на заводах Сибирского региона! Знали же стервецы из “Икебуко”, что именно там будут обшивать экспортную продукцию кедровыми досками... Расчет был сделан на то, что доски будут цельные, по размеру контейнера: 4х2,5 м - продукция-то идет на экспорт! Это ж сколько кубометров ценнейшей древесины украла у нас “Икебуко” за время работы на нашем рынке! Жуть! Ничего себе плодотворное сотрудничество...

Почему украдено? Предприятие оплачивает товар в валюте, кроме того, отечественные производственные мощности не простаивают... - подлил масла в огонь председатель.

Да в том-то все и дело, Юрий Владимирович, что платят японцы лишь за стекло, а древесина как упаковочный материал в стоимость поставки не входит. Получается, скорлупа - дороже самого яйца!! Вы только представьте: за стекло они платят копейки, а ценнейшая древесная порода достается им даром. Доведись им закупить древесину в чистом виде, тем более такую, как кедр, они бы вылетели в трубу! А мебель из кедра, она же во всем мире считается самой экологически чистой. Не удивлюсь, если излишки древесины, что сами не в состоянии переработать, японцы сбывают по завышенным ценам основным производителям мебели в Европе - итальянцам и испанцам... А мы потом эту мебель, сделанную из нашего

дерева, втроедорога у них покупаем...

Так это не вина японцев, а заслуга... Плюс коррумпированность руководства нашего Министерства внешней торговли... А почему, собственно, кедром обшивались контейнеры, почему не ольхой или березой?

На поверку выходит, Юрий Владимирович, что ребята из “Икебуко” нашу географию и экономику изучили лучше, чем чинуши из Внешторга... Японцы потому-то и стремились разместить заказы на изготовление стекла на заводах Сибирского региона, что были уверены: фурнитурой для экспортной продукции станет только кедровая сосна... Она для нас - бросовый товар. В Красноярском и Хабаровском краях, Иркутской области испокон веков на десятках тысяч гектаров лесных участков лежат и гниют миллионы и миллионы спиленных, но не вывезенных мачтовых стволов кедровой сосны..

Проблема, в конце концов, не в этом... Что будем делать с “Икебуко”? Ведь это предприятие, вопреки всем международным конвенциям, наносит непоправимый ущерб фауне и флоре Японского моря! Они что, решили застеклить его дно?! Благодаря их стараниям в нашей прибрежной зоне года через два исчезнет планктон, а с ним и промысловая рыба! В результате преступной инициативы таких вот, с позволения сказать, бизнесменов сегодня десятки километров морского дна устланы стеклом... Они же приближают экологическую катастрофу в Дальневосточном регионе!

Андропов, чтобы унять волнение, полез в тумбочку за кувшином, резко поднялся и, расплескивая воду, стал поливать цветы. Успокоившись, уже по-деловому неторопливо, стал диктовать Карпову пункты плана оперативных мероприятий. В заключение сказал: Срочно запроси токийскую резидентуру - пусть представят данные о японском экспорте мебели за последние пять лет... Думаю, что со времени заключения “стеклянного договора” с Внешторгом продажа Японией мебели за границу стала одной из самых доходных статей ее бюджета, ведь “Икебуко” - наполовину государственное предприятие... Да, вот еще! Свяжись с нашим МИДом - пусть готовят ноту протеста и подают иск в международный Гаагский суд... Хотя подожди! Этот вопрос я проведу через Политбюро...

Председательствовать же на нем буду я...

Не успел Карпов выйти из кабинета, как раздался звонок телефона внутренней связи.

Андропов нажал кнопку селекторной связи.

Товарищ председатель, разрешите доложить вам результаты анализа черного песка? -

Андропов взмахом руки остановил Карпова.

Сейчас ты узнаешь, что японцы преуспели не только на ниве закупки у нас витринного стекла...

В кабинет вошел начальник спецлаборатории КГБ СССР полковник Калмыков и протянул Андропову лист бумаги.

Свободны! - бросил председатель полковнику и начал вслух читать.

Члену Политбюро ЦК КПСС

Председателю КГБ СССР

генералу армии товарищу Андропову Ю.В.

В соответствии с полученным указанием сотрудниками вверенной мне лаборатории проведен химико-биологический анализ т. н. “черного песка”. К работе также были привлечены эксперты, доктора географических и геологических наук Ракшун С. П. и Соловейчик А. С.

Установлено, что периодически действующий вулкан Майон, расположенный неподалеку от острова Катандуанес (Филиппины), регулярно выбрасывает в прибрежные воды Филиппинского моря вулканический пепел, который по дну Идзу-Бони некоего и Японского желоба тихоокеанским течением выносится только на побережье Камчатки, конкретно - в район поселка Озерновский.

Таким образом, прибрежная полоса усыпана вулканическим пеплом, прозванным неспециалистами “черным песком”. Он буквально перенасыщен редкоземельными элементами, такими, как: скандий, иттрий, лантан и лантаниды. Кроме того, в “черном

песке” высокое содержание ферритов - это элементы памяти всех компьютеров, а сплавы скандия - перспективные конструкционные материалы в авиации и электротехнике.

Иттрий используется в качестве легирующей добавки для повышения электропроводности радиодеталей.

Лантан и лантаноиды используются в электронике, лазерной и оптической технике.

Прибрежная зона в поселке Озерновском - это единственное место на земном шаре, где открытым способом можно добывать перечисленные редкоземельные металлы.

Начальник спецлаборатории Оперативно-технического управления КГБ СССР полковник Калмыков.

Мы же буквально ходим по бриллиантам! - воскликнул Андропов, швырнув в сердцах заключение на стол. - Складывается впечатление, что они нам не нужны, а японцы сумели найти им применение!..

Не боги горшки обжигают

Как только Банзай сообщил, что очередная партия горшков должна прибыть из Японии в порт Находка, Карпов немедленно вылетел во Владивосток.

Прибывшие контейнеры перегрузили с парохода на открытые платформы, и они стояли “под парами”, чтобы отправиться по Транссибирской магистрали в путешествие по нашей стране. Чтобы не насторожить японских экспедиторов, доставивших контейнеры, Карпов распорядился, чтобы грузу без проволочек был дан “зеленый свет”.

В двадцати километрах от Находки платформу отцепили и, загнав ее в заранее подготовленный пакгауз, принялись осматривать контейнеры.

Удача! Один из них имел не предусмотренные для обычных контейнеров некие форточки, подобные крышкам, закрывающим иллюминаторы на кораблях. Странно, что таможенники не обратили внимания на эти демаскирующие признаки! Карпов, которого обуял азарт охотника, преследующего раненого зверя, распорядился немедленно вскрыть контейнер. Как! - возразил ему начальник управления КГБ по Приморскому краю, - а пломбы?! Их нарушать нельзя! Да и вообще, в отсутствие отправителя или получателя досматривать мирный груз иностранного государства запрещено.

Вы, Леонтий Алексеевич, ставите на карту престиж страны - в моей практике это беспрецедентный случай, тем более что вы находитесь на территории моей компетенции! Вопрос надо бы согласовать с Москвой...

Иван Иванович, - засмеялся Карпов, - ты сумеешь приготовить яичницу, не разбив яиц? Я - нет! А если серьезно, то вот она, Москва, перед тобой. Я преодолел девять часовых поясов, чтобы всю ответственность взять на себя! Какое еще согласование?! У тебя под носом курсируют горшки с форточками, а ты ни сном, ни духом. И вдруг вспомнил, что пломбы срывать нельзя! Ты где деньги получаешь?! В КГБ или в ЦРУ?..

Карпов осекся, поняв, что переборщил.

Ну, я этого так не оставлю! - взревел Иван Иванович.

Напишу в партком Комитета, чтобы вас, Леонтий Алексеевич, там научили подбирать слова! Карпов всегда испытывал чувство брезгливости к тем сотрудникам, кто в качестве своего самого сильного аргумента в споре использовал угрозу обратиться в партком. Да и вообще, считал генерал, парткомы в системе КГБ нужны не более, чем священники в публичных домах.

Кровь ударила Карпову в лицо и, едва сдержавшись, он бросил вслед удалявшемуся к своей машине местечковому начальнику:

Давай, пиши. Я отвезу твою писульку, чего уж там! - и добавил, вспомнив, что, отправляясь в Приморье, получил благословение от самого председателя: - Но знай, еще до того, как меня вызовут на партком, я в кадрах поставлю вопрос о твоём служебном соответствии!

Срезали пломбы, распахнули двери. По всей длине контейнера от пола до потолка сложены аккуратно упакованные ящики. Вскрыли первый... второй... десятый. В мягкой упаковке

оказались расписанные японскими кустарями фаянсовые вазы.

“Неужели ошибка? - генерал вытер платком лоб, покрывшийся испариной. - Не может быть! Нет-нет, не мог я так грубо ошибиться!”

Обернувшись, Карпов встретился взглядом с ехидно улыбающимся приморским начальником. Мгновенно взяв себя в руки, бесстрастным голосом спросил:

Ну что? Уже написал свою писульку? Давай сюда свою писульку!

Вместо ответа Иван Иванович снова отошел в сторону.

Досмотр продолжили. Аккуратно, чтобы не повредить, вскрывали все ящики подряд...

Наконец, после того как поисковики вытащили наружу и распотрошили более пятидесяти ящиков, они наткнулись на фанерную перегородку, за которой скрывалось достаточно просторное помещение, размером в ванную комнату, загроможденное загадочной аппаратурой. Ну не контейнер - кабина космического корабля!

Экспертам, которых Карпов привез из Москвы, предполагая, что дело придется иметь с радиоэлектронными штучками, потребовалось около шести часов, чтобы сделать предварительное заключение.

Это была сложная система, оснащенная блоками регистрации гамма-излучений и питания, накопления и обработки поступившей информации. Кроме того, там находились термомлюминесцентные дозиметры и фоторегистрирующая аппаратура. Система была абсолютно автономна, управлялась без вмешательства человека компьютером.

Внимательно изучив всю фантастическую аппаратуру, ученые-эксперты пришли к выводу, что в контейнере находится специальная лаборатория, способная собирать и накапливать информацию на всем протяжении пути от Находки до Ленинграда...

При более тщательном обследовании, проведенном уже в Москве, специалисты установили, что уникальная разведывательная система фиксировала наличие мест, где проводилась выемка атомного сырья, а также производственные объекты по его переработке. Она была способна “засечь” транспорт, на котором перевозились компоненты атомного производства, и даже определить направление его движения.

В местах наиболее интенсивного радиоактивного излучения автоматически открывались вентиляционные заслонки контейнера и производилась фотосъемка окружающей местности глубиной до нескольких километров по обе стороны железнодорожного полотна. Показатели излучений и фоторегистрации, счетчики километража давали возможность точно определить, где именно находится данный объект.

Таким образом, обнаруженная аппаратура позволяла скрытно “прощупывать” довольно обширное пространство вдоль всей Транссибирской магистрали, устанавливая и контролировать перемещение наших атомных объектов...

Генерал Карпов понял, почему в сопроводительных документах были заявлены именно вазы. Заяви “Сётику”

о перевозке, скажем, бамбуковых циновок, и кто знает, как к контейнерам отнеслись бы русские грузчики, а фаянсовые изделия - груз хрупкий, требует особо бережного отношения: не кантовать, с горки не спускать! Очевидно, отправители рассчитывали, что, задекламировав на таможне легко бьющиеся предметы, они тем самым заставят наших рабочих проводить разгрузочно-погрузочные операции с особой осторожностью. А это залог того, что ценнейшая аппаратура (нашими специалистами она была оценена в двести миллионов долларов!) прибудет в пункт назначения в целостности и сохранности! Конечно, фирма могла бы указать и бытовую радиоэлектронику не менее хрупкий груз, также требующий деликатного обращения, но в этом случае не было никакой гарантии, что контейнеры не подвергнутся ограблению. Платформы-то открытые и неохраняемые... Словом, все сработало неплохо, и те, кто придумал, и те, кто разгадал. Разумеется, и те, кто помог разгадать.

Лаборатория на колесах использовалась по следующей схеме: завершив пиратский рейд в глубь территории СССР, она из Гамбурга должна была переправляться в Штаты, а после снятия информации ее обратно доставляли в Японию, и все повторилось бы сначала.

Установить, сколько оборотов проделала “карусель”, не представлялось возможным.

Контрразведчикам осталось уповать на то, что до разоблачения и экспроприации

лаборатории в контейнерах находились только фаянсовые вазы. Должны же были истинные хозяева контейнеров сначала проделать несколько экспериментальных рейсов, а не лезть в воду, не зная броду!

Нелегко пришлось руководству “Сётику”, на которое пало подозрение в пособничестве Центральному разведывательному управлению.

Чтобы сохранить свой бизнес на нашем рынке, президент “Сётику” Хидзэ Арита срочно вылетел в Москву, чтобы пробиться на прием к председателю Совета Министров. Тихонов продержал Ариту в приемной целую неделю, ожидая, когда Леонид Ильич поднимется с больничной койки, но в итоге был вынужден обратиться за консультацией к Андропову, который после смерти Суслова стал в партии и государстве “человеком номер два”.

Добившись наконец аудиенции, президент компании слезно умолял председателя не передавать дело огласке и инициативно предложил в качестве компенсации полмиллиона долларов. Тихонов, памятуя наказ Юрия Владимировича, согласился. Молчание, оно дорого стоит!

Скорее всего, Арита выложил деньги не из своего кармана - из кассы так и оставшейся инкогнито американской компании по производству электронной чудо-аппаратуры.

Это осталось за кадром, как, впрочем, и то, что в качестве компенсации за риск и моральные перегрузки получил кругленькую сумму в “зеленых” и Банзай...

Выслушав доклад Карпова о завершении дела “Горшечники”, Андропов задумчиво произнес: Ну что ж, появилась еще одна тема для обсуждения на Политбюро... Все, за работу.

Операция “Навет”

История человечества знает много цивилизаций, исчезнувших с лица Земли в силу различных причин. Сегодня мы можем констатировать, что в уничтожении уникальной цивилизации - Союза Советских Социалистических Республик - самое деятельное участие приняли спецслужбы главного противника - США, других стран - членов НАТО и Японии. Как утверждает бывший начальник аналитического управления ФСБ России генерал-майор Вячеслав Широнин, в 1980 году, возглавив “крестовый поход” против СССР, ЦРУ подготовило и целенаправленно проводило в жизнь строго секретный план под кодовым названием “Доктрина освобождения”. С тех пор “Доктрина”, или, как ее еще называют авторы, “Мандат на руководство”, является основным пособием всех американских президентов, от Рейгана до Джорджа Буша-младшего. В этом документе сформулированы цели Запада в отношении Советского Союза.

Некоторые положения “Доктрины” поражают своим вопиющим ЦИНИЗМОМ:

у Советского Союза не должно быть мощного экономического и военного потенциала; СССР не должен оказывать влияния на европейские и азиатские страны, рассматриваемые Соединенными Штатами как зоны своих национальных стратегических интересов;

в СССР может быть любое правительство, даже коммунистическое. Главное, чтобы оно играло по правилам, установленным ведущими странами Запада и Японией;

Советский Союз не может рассматриваться равноправным партнером, но исключительно в качестве ресурсовывозящей страны, потенциального источника жизнеобеспечения развитых стран в XXI веке;

органы госбезопасности СССР должны быть дискредитированы в глазах населения и мировой общественности и, в конце концов, ликвидированы.

...Генерал Широнин считает, что так называемый “романтический” период отношений России с Западом, который в действительности был со стороны России временем сплошных уступок, падения российского влияния на мировой арене, потери рынков сбыта, в том числе и сбыта вооружений, - этот период закончился, а Запад заметно ужесточил свои позиции по отношению к нам. Как следствие, это привело к новой активизации западных спецслужб на российском направлении. Особенно такая активность заметна в Кавказском регионе, где предпринимаются попытки расчленив Россию по той же методологии, по какой ранее был развален Советский Союз. Только в 1995 году военные разведчики США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии совершили 570 разведывательных поездок по

нашей стране, в основном в республике Кавказа и сопредельные с ними области. Разного рода “интернациональные бригады” совершали совместные разведывательные поездки по России, согласовывая с ЦРУ цели и объекты наблюдения. Активность разведсообществ перечисленных стран сравнима разве что с напористостью и наглостью, с которой действовали разведчики фашистской Германии накануне нападения на СССР в 1941 году.

Сегодня разведывательная экспансия и разграбление нашего национального достояния, будь то интеллектуальная собственность или сырьевые ресурсы, продолжается, и мы можем наблюдать, как планомерно реализуются на практике положения “Доктрины”, в частности при проведении ЦРУ операции под кодовым названием “Навет”.

В начале восьмидесятых годов XX века в среде сотрудников советских спецслужб и МИДа СССР широкое распространение получила тенденция “втихую” уходить внаем к противнику. Уходить в шпионы. На профессиональном арго спецслужбистов это называется превратиться в “крота”. Продолжая занимать престижные должности в советских синекурах, они фактически работали на пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию. Продавая противнику наши стратегические секреты, они исподтишка готовились к “мягкой посадке” на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков.

Став “кротом”, имярек исправно, а иногда с еще большим рвением, чем прежде, продолжал исполнять функциональные обязанности на своем рабочем месте, а всю конфиденциальную, секретную и особой важности информацию аккуратно “сливал” своим новым заокеанским работодателям. Разумеется, за приличное вознаграждение, во много раз превышающее его должностной оклад в “родном” учреждении.

Через некоторое время тенденция ухода в “кроты” приобрела такое распространение в среде российских дипломатов и офицеров разведки, что их коллеги из западных спецслужб уже захлебывались от наплыва “инициативников” и брали на иждивение только самых-самых выдающихся секретносителей. Хотя, справедливости ради надо отметить, что и таких к ним являлось немало с предложением своих услуг...

Да, в середине восьмидесятых - начале девяностых годов в СССР наблюдалось просто перепроизводство шпионов. Опять мы были впереди планеты всей. И как знать, не назовут ли историки-исследователи последующих столетий то время “пиком шпионской революции” в России?! И, возможно, будут правы. Может, тогда мы узнаем, сколь велико было число “котов” в те времена. Хотя о них и сейчас уже известно достаточно...

Впрочем, чего греха таить, тому были и объективные причины.

Разрушение разведки и контрразведки, замена крючковых на бакатиных, баранниковых и барсуковых, разбазаривание высококлассных профессионалов, обнищание научно-технической интеллигенции и наших офицеров, имевших доступ к госсекретам, не могло сказаться на нашей обороноспособности.

Все эти “рокировки”, проводимые президентом СССР, а в последующем президентом России, создавали благоприятные условия для успешной деятельности любой западной спецслужбы в нашей стране. В то время они чувствовали себя в России, как микробы в питательном бульоне...

Правда, не все было разрушено по инициативе и недоумию российских руководителей-временщиков бывшего КГБ, кое в чем им помогла злая воля нашего традиционного противника - экспертов ЦРУ и других американских спецслужб, - которая-то; в конце концов, и двигала руками наших властей предрержащих...

Взять то же ведомство КГБ.

Начиная с 1986 года его в течение пяти лет захлестывала волна анонимок. Чисто русское социальное явление - массовое написание анонимок - было взято на вооружение и с успехом использовалось нашими противниками.

Ведь если наши сограждане-правдолюбцы направляли подметные письма во все инстанции по всякому поводу, то в середине восьмидесятых - начале девяностых анонимки писались только в отношении одного контингента - сотрудников КГБ и направлялись только в верховные органы власти. Причем письма шли тысячами!

На что был сделан расчет? На традиционную подозрительность и недоверие руководства Управления кадров КГБ СССР по отношению к своим же оперативным сотрудникам, его желание “перебдеть”, нежели “недобдеть”.

А вместе с тем, если бы к анонимкам чинуши из Управления кадров и со Старой площади отнесли вдумчиво, то сразу бы определили, что уже одно количество анонимок само по себе свидетельствует о качестве: не соседи по дому пишут, не брошенная любовница или жена, нет, - профессионалы, которые использовали наши же наработки...

...В конце семидесятых всевластное Пятое “антидиссидентское” управление через свою агентуру и доверенных лиц засылало письма протеста по разным поводам в посольства США и Великобритании в Москве на имя Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Мешки писем. И это действовало!

И на Рейгана, и особенно на женщину-премьера Тетчер. Те наивно верили, что советскими людьми движут искренние чувства негодования и возмущения, поэтому кого-то из англо-американских “диссидентов” и правозащитников выпускали из тюрем, кого-то из советских перебежчиков, попросивших там политического убежища, возвращали обратно к нам... До лампочки были все эти освобожденные заключенные и возвращенные перебежчики нашим Мариваннам и Иванованычам из Мухосрансков!

Главное состояло в том, что наш же метод - целенаправленная засылка анонимных писем - был взят на вооружение противником и в середине восьмидесятых годов успешно использовался спецслужбами Запада против тех самых органов, которые этот метод изобрели и инициировали!

С начала горбачевской “перестройки” и до середины девяностых годов со стороны западных спецслужб шла массивная психическая атака, направленная на обескровливание системы КГБ. Претворяя в жизнь операцию “Навет”, противник самым дешевым, но действенным способом, руками нашего же руководства, устранял надежных, проверенных и преданных сотрудников...

Надо было видеть, как исполнены были те подметные письма, поступавшие сначала в Управление кадров КГБ, потом в ЦК КПСС, а затем и в администрацию Президента РФ.

Фабризаторы компромата работали в перчатках, вырезали из газет нужные слова, слоги, складывали текст и... присылали. Но, опять же, не куда-то в ЖЭК, райком или райисполком, но только на Старую площадь и в Кремль!

Не похоже это было на традиционных квартальных “доброжелателей”, не их это был почерк, но кому из властей предержавших до этого было дело?! Горбачеву? Ельцину? Их окружению?

...Но главное - количество. Тысячи писем, которые адресатам поступали не из-за границы, не из иностранных посольств, нет - только из Москвы! Такое под силу только слаженному, хорошо оплачиваемому коллективу

— агентам иностранных спецслужб... Вот это и есть материальное воплощение пресловутой идеологической диверсии, в данном случае под кодовым названием “Навет”... Эти мешки, тонны пасквилей, убедили-таки Горбачева, а затем и Ельцина, что в Комитете служат одни пропойцы, развратники, негодяи и мздоимцы.

Проверки за проверками шли неделями и месяцами. Партийные бюро огульно, без устали раздавали выговоры налево и направо.... Кого-то отправляли на пенсию, кого-то увольняли без выходного пособия... начался массовый отток из органов госбезопасности СССР высокопрофессиональных кадров. Кто-то уходил, устав отстаивать свое реноме, кто-то из-за того, что посчитал ниже своего достоинства доказывать свою правоту, кто-то разуверился в самой системе КГБ, ее справедливом и непредвзятом подходе к своим опричникам...

Как бы там ни было, противник добился своей цели, операция “Навет” сработала - в КГБ и ГРУ в основном остались приспособленцы, недотепы и... “кроты”, последние сразу стали в глазах своего начальства “передовиками производства”...

Часть 4. Игры “патриотов”

Расстрел у Боровицких ворот

22 января 1969 года Москва, а за ней и вся страна узнали, что покушения на глав государств происходят не только за океаном - за несколько лет до этого был убит президент США Джон Кеннеди. Стреляют, оказывается, и при въезде в Кремль. И хотя советская пресса сообщила, что террорист стрелял в космонавта, даже люди, далекие от политики, понимали: мишенью террориста был Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Внешнее сходство летчика-космонавта Георгия Берегового с Леонидом Брежневым превратило несостоявшуюся трагедию в откровенный фарс.

Покушения могло не быть вовсе, если бы не борьба за власть между председателем КГБ и его заместителем...

Кандидаты в Геростраты

Есть такая народная примета: если в первый день нового года что-то не заладится, то так оно и пойдет. 1-го января 1969 года Александра Васильевна, проживавшая со своей престарелой матерью и приемным сыном Виктором в Ленинграде, по улице Наличной, на Васильевском острове, обнаружила в домашней кладовке три взорвавшиеся банки с любимыми грибочками.

Утром того же дня председателю КГБ Юрию Владимировичу Андропову комендант Кремля генерал Шорников доложил, что при попытке проникновения на вверенную ему территорию у Спасских ворот задержан некто Гадюко, прибывший из Киева на прием к Леониду Ильичу Брежневу.

В ходе интенсивных допросов удалось установить, что месяцем ранее задержанный послал Генеральному секретарю письмо с просьбой о личной встрече, и 30 декабря 1968 года в программе “Время” диктор якобы объявил: Леонид Ильич согласен. Киевлянин сигнал принял и на радостях преодолел за неделю путь от Киева до Москвы... на велосипеде. И хотя путешествие могло бы претендовать на несколько строчек в Книге рекордов Гиннеса, запись о рекордсмене была сделана лишь в журнале поступления больных в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы. Туда ходатай угодил по причине обморожения лица и рук, а также для выявления возможных соучастников “ледового похода”.

Слушай, Иван Филиппович, что в последнее время творится в твоём хозяйстве? - по обыкновению тихо и проникновенно спросил Андропов.

Шорников понял, что имеет в виду председатель.

С 1968 года Кремль, Красная площадь и даже Мавзолей стали местами паломничества советских душевнобольных, более того, превратились в объекты вредительских посягательств.

В апреле на главную площадь страны въехал... экскаватор, который “незамеченным” пробирался туда аж из Теплого Стана, где прокладывали новую ветку метрополитена. Скрытно многотонная машина покинула строительную площадку. Не прошло и пяти часов, как она перевалила через Малый Каменный мост, поднялась по Васильевскому спуску и очутилась у Мавзолея. Охранники буквально схватили экскаватор за многотонную “руку”, лишь когда она уже была занесена над усыпальницей вождя. Свихнувшегося экскаваторщика гэбэшники, переодетые милиционерами, извлекли из кабины и отправили в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы. Туда же были отправлены и обнаруженные в кабине экскаватора вещдоки: раскладушка и суконное одеяло, которые неопровержимо свидетельствовали о том, что их хозяин имел твердое намерение занять освободившееся после XXII съезда КПСС ложе Иосифа Сталина в Мавзолее.

Главную улику - экскаватор к делу приобщать не стали, а сразу вернули в “Мосметрострой”.

Но фотографии с него сделали, их-то и подшили сначала в дело, а потом в историю болезни экскаваторщика.

Однако самым крупным вредительством, граничащим с диверсией, можно считать акт мести молодого офицера-артиллериста своему начальству.

Приказом по дивизиону, запускавшему праздничный фейерверк в столичное небо, этот офицер ввиду возникших сомнений относительно его психического здоровья был отстранен от пиротехнических приготовлений. “Ах, так! Будет у вас фейерверк и иллюминация!” С этими словами пиротехник ночью, в канун ноябрьской демонстрации, появился на Красной площади. Там в это время шли последние приготовления к параду и электрики колдовали с иллюминацией.

Появление на площади еще одного человека в военной форме вопросов ни у кого не вызвало: мало ли их тут шатается в это время! Душевная болезнь офицера обострилась настолько, что он заговорил афоризмами.

Со словами “Уходя, гасите всех, сила вся в кефире!” он доской размозжил голову электрику и перочинным ножом перерезал какой-то проводок.

Вся площадь и прилегающие строения тут же погрузились во мрак. Паника среди устроителей демонстрации поднялась неопишуемая: никто не мог понять, что же произошло и что теперь делать...

Далеко пиротехнику уйти не удалось, и он вскоре оказался в лазарете Лубянской внутренней тюрьмы, в народе прозванной “нутрянкой”.

После этих леденящих кровь инцидентов охрана Кремля уже как святочный рассказ вспоминала “ходока” из Тамбовской области, которому непременно надо было попасть в Кремль, чтобы получить у Генерального секретаря ответ на свой единственный вопрос, из-за которого он и прошагал сотни километров. Пилигрима удалось разговорить, и он честно признался: “Хочу узнать у Леонида Ильича, правильной ли дорогой иду!”

Все описанные картины вихрем пронесли в сознании Шорникова.

Фронтвик-орденоносец, генерал был не особенно силен в вопросах кремлевской теремной этики и чуть было не рубанул с плеча, что является лишь комендантом Кремля, а не всего Советского Союза, как его сановный собеседник, и потому не несет ответственности за душевное здоровье населения страны. Но смешался и в очередной раз невнятно попросил ускорить комплектацию подразделения по охране Красной площади, а ему-де забот хватает и с пернатыми - воронами, коих в Кремле развелось уже столько, что они мешают Генеральному сосредоточиться на вопросах классовой борьбы. И он страдает, из-за этого проклятого воронья все чаще остается работать в своих загородных резиденциях.

Надо сказать, что Юрий Владимирович, будучи неизменно требовательным к подчиненным, от которых зависело наведение порядка в самом сердце столицы, тем не менее никогда не докладывал о случившихся там казусах Брежневу. Зачем отвлекать лидера от проблем международного коммунистического движения, зачем докучать князю кремлевских апостолов по мелочам? А зря! Потому что информация о происшествиях все равно доходила до Генсека, но уже в искаженном виде, так как подавалась ему в интерпретации генерал-лейтенанта Семена Цвигуна, первого заместителя Андропова.

Система противовесов по Брежневу

Брежнев хорошо помнил, какую роль сыграл прежний председатель КГБ СССР Владимир Семичастный в устранении Хрущева, и, чтобы исключить исторические аналогии, приставил к Андропову в качестве конвойного пса Семена Цвигуна. Его связывали с Брежневым не только годы совместной работы в Молдавии, но и родственные узы: они были женаты на родных сестрах-еврейках с Алтая.

Вслед за назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР Цвигун в качестве его первого заместителя курировал одно из самых ответственных направлений военной контрразведку.

В годы войны он не был на фронте, но в анкетах аккуратно указывал Сталинград как место своего боевого крещения.

Только после смерти Леонида Ильича стало известно, что еще задолго до начала Сталинградской битвы Цвигун был отозван из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую область, где всю войну проработал в партийных органах. Это, однако, не

помешало ему издать под своей фамилией несколько книг и написать с помощью “литературных негров” с десяток сценариев к фильмам о войне и жизни партизан, тем самым произведя себя не только в число защитников легендарной твердыни на Волге, но и в героя партизанского движения. Именно в таком виде его биография вошла во все советские энциклопедии.

Вот она, роль личности в истории, вернее, - историографии. Важно не в истории след оставить, а в учебниках по этому предмету!

Героические заслуги Семена Кузьмича по перекраиванию личной анкеты, а вместе с нею и новейшей советской истории были известны очень узкому кругу людей, к числу которых принадлежал и Андропов.

До самой кончины Цвигун будет не только информировать генсека-родственника обо всем, что происходит в самом секретном ведомстве страны, но и постоянно дискредитировать Андропова, чтобы, столкнув его с “золотого крыльца”, стать самому председателем КГБ СССР.

...Два крючокотворца, как две красавицы, не бывают друзьями. Но на какое-то время могут стать компаньонами. Непримиримыми поделщиками поневоле Андропов и Цвигун останутся до самоубийства последнего. Их скрытое противостояние началось с первого дня их совместной работы.

Но если Андропов в начале их совместной работы относился к своему заму, как аристократ к гардеробщику, подававшему чужое пальто в ожидании его замены, то в отношении Цвигуна к непосредственному начальнику прослеживалась агрессивная напористость сержантасверхсрочника, который постоянно стремится “уесть” своего командира и доказать ему, вчерашнему выпускнику военного училища, что сапоги надо чистить с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову. Происходило это оттого, что Цвигун имел значительное преимущество перед Андроповым в плане сроков пребывания в системе КГБ на руководящих должностях.

По его мнению, Андропов, бывший дипломат и ловкий царедворец со Старой площади, был не способен разобраться в системе безопасности государства вообще и в специфических методах разведки и контрразведки в частности. Ну чего путного можно ожидать от этой “штафирки”?! И хотя авторитет самого Цвигуна среди профессионалов был равен нулю, как говорится, за душой ничего не было, но за спиной кто-то стоял. И не ктонибудь, а сам Леонид Ильич со всеми вытекающими последствиями. Чувство мнимого превосходства над своим шефом и желание занять его место являлось внутренним движителем Цвигуна на протяжении всей их совместной работы.

В качестве первой серьезной проверки устойчивости Андропова, его способности держать удар можно рассматривать события у Боровицких ворот 22 января 1969 года. Проверку эту устроил не кто иной, как его заместитель генерал-лейтенант Цвигун.

Прерванная телетрансляция

22 января 1969 года ликовала вся страна. Из Москвы шел прямой репортаж, и миллионы советских людей, застыв у телевизоров и радиоприемников, следили за церемонией торжественной встречи героев космоса в правительственном аэропорту Внуково.

Телекамеры показывали крупным планом улыбающиеся лица космонавтов Берегового, Шаталова, Елисеева, Хрунова, Волынова и... Леонида Ильича Брежнева.

Установленные в многолюдных местах столицы громкоговорители, в которых дикторы, захлебываясь от восторга, сообщали о каждом рукопожатии и поцелуе Генерального секретаря, а затем о всех передвижениях праздничного кортежа по улицам столицы из аэропорта в Кремль.

Дикторы радио и телевидения, рыдая от умиления, наперебой расхваливали близость руководителей партии и правительства к “простым труженикам космоса” и неоднократно упомянули, что вслед за “Чайкой”, в которой находятся космонавты, во второй машине следуют Брежнев, Косыгин, Подгорный... “Кортеж правительственных машин приближается к Боровицким воротам, и через несколько минут герои-космонавты будут в Кремле, где состоится торжественная церемония их награждения!..”. Это была последняя мажорная нота

в репортаже с места событий. Прямая трансляция внезапно оборвалась. Возобновилась она примерно через час и производила странное, если не сказать удручающее, впечатление. Показывали церемонию награждения. Но где восторг, где ликование? Вместо них растерянность и смятение как среди награждаемых, так и среди вручающих награды. Бледные лица, вымученные улыбки, отрывистые фразы, всеобщая нервозность... Телезрители недоумевали: "Почему награды вручает Подгорный? Где Леонид Ильич?!" В тот же день по Москве поползли слухи, что Брежнев в результате покушения убит. И не где-нибудь - в Кремле! Достали... Страна, забыв о героях космоса, вновь прильнула к радиоприемникам и, затаив дыхание, ночью вслушивалась в сообщения "вражьих голосов" - "Голоса Америки" и "Радио Свободы" - они-то все скажут...

Что осталось за кадром

Как только правительственный кортеж в сопровождении мотоциклистов приблизился к Боровицким воротам, раздались выстрелы. Некто в милицейской форме метнулся к кавалькаде правительственных лимузинов и, пропустив первую машину, открыл огонь по второй. Классический террористический акт: нападающий стреляет в упор с двух рук одновременно! Седые стены Кремля последний раз наблюдали нечто подобное шестого ноября сорок второго года, когда военнослужащий Красной Армии, спрятавшись в Лобном месте, обстрелял машину наркома Микояна, полагая, что в ней едет Сталин... ...Залитый кровью водитель головой уткнулся в руль, но "Чайка" продолжала двигаться по инерции. Сидевшие в машине люди в панике бросились под сиденья. Одна из пуль срикошетила и ранила в плечо сопровождавшего кортеж мотоциклиста. Превозмогая боль, он направил мотоцикл прямо на террориста и сбил его с ног. К упавшему бросились офицеры из правительственной охраны, выбили у него из рук пистолеты. Впрочем, это уже было лишним: террорист израсходовал весь боезапас, выпустив в машину шестнадцать пуль. Нападавший не сопротивлялся. У него внезапно закатились глаза, изо рта хлестнула белая пена и он зашелся в нервном припадке. Каково же было изумление кремлевской охраны, когда они в корчащемся в конвульсиях милиционере опознали того самого сержанта, который минутой ранее стоял на посту у Алмазного фонда! Узнав, что он чуть было не расстрелял космонавтов, боевик вообще впал в прострацию. Ведь он был уверен, что во второй "Чайке" (о чем неоднократно повторяли дикторы радио и телевидения!) находятся Брежнев, Косыгин и Подгорный, - им-то и предназначался смертоносный свинец... В машине же, на которую обрушился шквальный огонь, ехали космонавты: Георгий Береговой, поразительно похожий на Брежнева, Николаев и Терешкова. Первые двое слегка пострадали: Береговому осколки стекла поранили лицо, у Николаева пуля застряла в спине, но он не потерял самообладания и, перехватив руль у раненого водителя, сумел припарковать машину к обочине.

Фантастическое везение

Бившегося в истерике террориста, расстрелявшего две обоймы по правительственной "Чайке" с космонавтами, скрутили, сунули под нос нашатырь, затолкали в черную "Волгу" и увезли с места происшествия во внутреннюю Лубянскую тюрьму. Начались допросы. Задержанный подробно рассказывал о себе. Фамилия - Ильин, имя и отчество - Виктор Иванович, 1948 года рождения. Русский. Окончил Ленинградский топографический техникум. Служил в г. Ломоносове под Ленинградом. Воинское звание - младший лейтенант. Утром 21 января, похитив два пистолета с четырьмя обоймами, самовольно оставил воинскую часть и прилетел в Москву, чтобы уничтожить

руководство Советского Союза в лице Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, Председателя Совмина Косыгина и Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Подгорного.

На вопрос, зачем ему понадобилось убивать высших руководителей страны, Ильин с пафосом заявил, что Бог создал людей больших и людей маленьких, а Николай Федорович создал свой 9-миллиметровый пистолет, чтобы уравнивать шансы. Физическое же устранение государственных деятелей - дело праведное, примером тому являются террористические акции американца Джона Бута или нашего Александра Ильича. Да и вообще, пострадать за Веру, Народ и Отечество - это всегда было в чести и традициях российского офицерства и прогрессивно мыслящей интеллигенции. Взять хотя бы Пестеля, Кюхельбекера...

Следователи торжествующе переглянулись. Они не ожидали, что задержанный так легко выдаст сообщников. Особое впечатление, разумеется, произвели иностранные имена. Черт возьми, какая удача! Взят с поличным вражеский наймит - пора на кителе дырочку для ордена сверлить!!

Отрезвление от успеха наступило, как только выяснилось, кого имел в виду террорист. Оказалось, что снабдивший боевика оружием "Николай Федорович" - всего лишь лауреат Государственных премий Макаров, изобретатель стрелкового оружия, в частности ПМ, из которого и вел пальбу боевик. Александр Ильич - не кто иной, как брат Ленина - Александр Ульянов, неудачно покушавшийся на царя... Джон Бут - убийца американского президента Авраама Линкольна. Ну и так далее...

И все-таки дело требовало серьезного осмысления. Верилось с трудом, что человек, так аргументированно обосновавший для себя, а теперь еще и для следователей правомерность покушения на высших должностных лиц государства, действовал под влиянием сиюминутного импульса.

Делом Ильина занялась многочисленная следственная бригада КГБ, которую прежде всего интересовал вопрос: не стоит ли за террористом антигосударственный заговор? Ведь со времени смещения Хрущева прошло совсем немного времени, и все хорошо помнили, что устранен-то он был в результате заговора!

Не пытается ли сегодня этот диссидентствующий пенсионер союзного значения взять реванш? А что, от этого авантюриста можно всего ожидать! Не исключено, что и западные спецслужбы готовы погреть на этом терракте руки. Ведь известно же, что Косыгин, а под его влиянием и Брежнев после прихода к власти заняли в отношении Запада непримиримую, если не сказать агрессивную, позицию.

А если учесть, что Хрущев в последнее время снюхался с неким Виктором Луи, в прошлом советским гражданином, прошедшим сталинские лагеря, а ныне английским журналистом, плотно сотрудничающим с Секрет интеллидженс сервис. По некоторым данным, этот Луи переправляет на Запад мемуары отставного премьера. Только ли в этом состоит его предназначение? А если...

Нет-нет, в этом Ильине и его роли в нападении на правительственный кортеж надо разобраться досконально!..

Следователи были потрясены. И не только тем, что после устранения Брежнева Ильин, как следовало из его заявлений, собирался занять кресло Генсека и создать свою партию - некоммунистическую. Изумление вызывала удачливость террориста: ни на одном этапе, кроме завершающего, он не промахнулся. Фантастическое везение!

Только сегодня, по прошествии тридцати пяти лет, когда стали доступны ранее засекреченные архивы, появилась возможность найти объяснение сумасшедшему везению террориста.

Как это ни покажется странным, удача сопутствовала Ильину в основном по причине лубянского "подковерных" интриг, противостояния между председателем КГБ Юрием Андроповым и его заместителем Семеном Цвигуном. Именно он как куратор военной контрразведки первым получил сигнал о дезертирстве Ильина и его прибытии в столицу.

Упущенные возможности

20 января младший лейтенант Виктор Ильин заступил на дежурство по части, дислоцированной в окрестностях г. Ломоносова Ленинградской области. В 7.45 следующего дня сослуживцы видели его в последний раз.

Поиски исчезнувшего офицера, прихватившего из сейфа два пистолета Макарова и четыре снаряженных обоймы, начались 21 января 1969 года в 11.00. Тогда же о происшествии был информирован Особый отдел военной контрразведки, в ведении которого находился объект, где проходил службу беглец.

По тревоге были подняты офицеры части, из них сформировали две поисковые группы, одна из которых начала прочесывать лес в округе, а вторая выехала в Ленинград, где на Васильевском острове по улице Наличной совместно с приемной матерью Александрой Васильевной проживал Ильин.

Для ориентирования милицейских постов там изъяли фотографии Виктора, а также несколько тетрадей его дневников. В них могли содержаться записи, которые помогли бы прояснить ситуацию. Внимание поисковиков привлекла фраза на последней странице дневника: "Все! Завтра прибывают. Надо ехать в Москву!" Стало ясно, в каком направлении вести поиск беглеца.

Начальник Особого отдела КГБ той части, где служил Ильин, не имел должностных полномочий информировать о происшествии Москву, поэтому подробный доклад он представил в Управление особых отделов КГБ СССР по Ленинградской области (УОО КГБ СССР по ЛО). Одновременно группа военных контрразведчиков выехала в аэропорт Пулково, где обнаружила корешок билета, принадлежавшего пассажиру по фамилии Ильин, в 11.40 убывшему в Москву рейсом № 92.

Но сомнения оставались: уж больно распространенная фамилия. Тот ли это Ильин? Поэтому решено было дождаться возвращения "борта" из столицы, чтобы опросить экипаж. Для подстраховки начальник Управления особых отделов поставил в известность о происшествии и принимаемых мерах Центр, направив в КГБ СССР шифротелеграмму линейному куратору, генерал-лейтенанту Цвигуну.

Через четыре часа в Ленинград вернулся ожидаемый рейс. Стюардессам предъявили фото беглеца, и гипотеза стала установленным фактом: находящийся в розыске младший лейтенант Ильин приземлился по расписанию в столичном аэропорту Шереметьево-1. Вторая шифровка, подтверждающая прибытие дезертира в Москву, а также его фотографии немедленно ушли в Центр.

Следует отметить, что в те годы даже пропаже обыкновенного пневматического ружья из стрелкового тира парка культуры и отдыха в каком-нибудь заштатном городишке Мухославске придавалось исключительное значение. Меры по его обнаружению и розыску виновных принимались, прямо скажем, экстраординарные. Что уж говорить о бегстве вооруженного офицера в Москву накануне торжеств по случаю возвращения на Землю группы космонавтов, в которых должны принять участие высшие партийные и государственные деятели страны, - это уж совсем запредельное чрезвычайное происшествие!

Ленинградцы, анализируя записи в дневниках, изъятых на квартире беглеца, искали мотивы, побудившие молодого холостяка рвануть из части с оружием в руках. Ревность? Мечь любимой женщине за измену? Сведение счетов с обидчиками?

Однако откровения, доверенные Виктором Ильиным бумаге, ни на один из вопросов поисковиков ответа не давали. Да и вообще, в дневниках отсутствовали какие бы то ни было свидетельства о любовных переживаниях их автора. Зато они изобиловали цитатами из рас-суждений иностранных политических и государственных мужей XIX-XX веков. Находка! Трижды в разном контексте Ильин цитирует одного и того же автора - Джона Уилкса Бута, убийцу американского президента Авраама Линкольна. Цитата способна развеять беспечность даже закоренелого скептика, рассеять любые сомнения в отношении целостных ориентиров человека, чьей рукой она вписана в дневник. Вот что сказал Бут накануне покушения на Линкольна и что гипнотически подействовало на Ильина: "Я убью президента хотя бы только из-за одной моей сокровенной надежды, что отраженный свет

его славы озарит мое безвестное существование. А память времени, лишенная щепетильности, всегда объединяет распятого и распявшего”.

Далее следовала приписка-резюме Ильина:

“Может, это и мой выбор? Ведь сколько в стране людей с фамилией Ильин? Несравнимо больше, чем с фамилией Брежнев... Само провидение требует объединить эти две фамилии!”

Мотивы неожиданного бегства вооруженного Ильина в Москву не оставляют места для сомнений, имеют конкретный преступный умысел, и поэтому начальник Управления 00 КГБ СССР по /10 лично оставляет шифротелеграмму на имя своего сановного куратора, генерала Цвигуна.

На часах 22.47. До покушения - более шестнадцати часов, еще есть время его предотвратить.

Группа оперработников вновь выезжает для беседы с приемной матерью Ильина. Офицеров интересует один вопрос: у кого, кроме гостиницы, может остановиться Виктор по прибытии в столицу. Александра Васильевна назвала адрес своего брата и вспомнила взорвавшиеся в кладовке банки с грибочками. Народная примета - знак свыше, никогда не подводит...

В Москву уходит еще одна, последняя шифровка...

Подробное перечисление предпринятых ленинградскими чекистами мер, заметьте - не всех, потому что были и другие, которые навсегда останутся под грифом “совершенно секретно”, - приведено в нашем повествовании с одной целью: показать, что кровавую акцию можно было предотвратить даже на стадии выдвижения террориста на исходную позицию - к Боровицким воротам. Было бы желание.

По прошествии тридцати с лишним лет можно констатировать: у московского получателя шифротелеграмм такого желания не было, потому что в его планы отнюдь не входило предотвращение каких-либо ЧП. Пусть их будет как можно больше, чтобы Леониду Ильичу наконец стало ясно, что во главе Комитета государственной безопасности находится пришелец из другого мира, человек сугубо штатский, а отсюда - беспечный...

В бездействии Цвигуна, в попустительстве преступному умыслу, о котором он знал заблаговременно, не следует искать признаков его профессиональной некомпетентности, - им двигали только карьерная алчность и циничный расчет.

На исходных рубежах

Ильин на рейсовом автобусе доехал от аэропорта до метро и уже через час звонил на квартиру своего дяди, отставника органов МВД. Увидев на пороге нежданного гостя, хозяин и его жена удивились - что стряслось, если племянник прилетел в Москву без предупреждения, без телефонного звонка, без телеграммы?

Все в порядке. Просто хочу на космонавтов посмотреть. Когда еще такая возможность представится. Завтра ведь встреча?

О точной дате предстоявшей церемонии сообщили газеты, радио и телевидение, поэтому, как впоследствии объяснял следствию хозяин, дядя Ильина, мотивы приезда родственника вполне его удовлетворили. Тем более что племянник всегда был несколько чудаковат.

Прилететь специально из Ленинграда в Москву, чтобы посмотреть на любимых всем народом героев? Ну и что тут такого? Летают же фанаты футбола и рока на матчи и концерты в другие города!

Вечером за ужином племянник как бы невзначай произнес:

Вот если бы ты, дядя, дал мне завтра свою форму...

Ты что, с ума спятил? Знаешь, что за это полагается?

Ильин рассмеялся, перевел разговор в шутку. А рано утром, не попрощавшись с родственниками, исчез. Вместе с милицейской формой гостеприимного хозяина.

В камере хранения Ленинградского вокзала оставил свой мундир и в форме сержанта милиции вернулся на станцию “Проспект Маркса”. Оттуда двинулся к проезду Боровицких ворот, через которые, по его расчетам, в Кремль должен был проследовать кортеж правительственных машин.

Он много раз прокручивал в уме этот маршрут, просматривал кадры кинохроники, запечатлевшие встречи героев космоса руководителями партии и государства. Этим путем в Кремль ехали все - от Гагарина и Титова до последних победителей Вселенной. Виктор знал его назубок, мог воспроизвести с закрытыми глазами.

Он прошел мимо Исторического музея, свернул в Александровский сад В проезде Боровицких ворот увидел милицейское оцепление. Что делать? Преодолев слабость в ногах, Ильин вспомнил, что по виду он не отличается от них, и не спеша встал между ними - наугад по наитию.

Это была крупнейшая удача, немыслимое везение, ибо место, которое он случайно занял, оказалось на стыке между двумя отделениями. На подошедшего сержанта милиции покосились, но в первом отделении подумали, что он из второго, а во втором - что из первого.

Правда, случилась минута, когда он снова ощутил предательскую дрожь в коленях Это произошло, когда к нему, молчаливо стоявшему уже в другой точке - в Кремле, у Алмазного фонда, приблизился некий гражданин в штатском и по-военному строго спросил:

Ты чего здесь стоишь?

Страх придал наглости, и Ильин зло бросил в ответ:

Поставили, вот и стою!

...Когда утром дежурный ко Комитету доложил Цвигуну о том, что в Краснопресненский райотдел КГБ обратился заявитель с просьбой разобраться, не связано ли неожиданное появление в Москве его вооруженного двумя пистолетами племянника с предстоящими торжествами в Кремле, генерал понял, что утратил возможность монополично распоряжаться информацией, поступившей из Ленинградской области, и вскоре обо всем станет известно Андропову.

“Черт бы побрал этих последователей Павлика Морозова, неймется им!” - помянул недобрым словом Семен Кузьмич отставного эмвэдэшника.

Чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля, а также для создания видимости проверки сигнала Цвигун приказал коменданту Кремля генерал-майору Шорникову посадить дядю дезертира в машину и ездить с ним по маршруту Кремль - Внуково: не мелькнет ли в толпе встречающих космонавтов москвичей лицо его племянни-

Эта изначально абсурдная идея призвана была притупить бдительность Андропова, внушить ему мысль, что задержание подозрительно ведущего себя младшего лейтенанта - дело получаса.

Однако Юрию Владимировичу сам факт отстранения коменданта Кремля от исполнения прямых обязанностей

— руководства охраной вверенной территории - показался в высшей мере странным.

Кроме того, Цвигун почему-то не торопится с раздачей фотографий Ильина стоящим в оцеплении сотрудникам милиции и КГБ... К чему бы это?

Кстати, о фотографиях. За несколько минут до подъезда правительственного кортежа к Боровицким воротам их все-таки раздали, но никто из охраны не был предупрежден, что Ильин появится не в военной, а в милицейской форме. Поэтому опричники из оцепления, вместо того чтобы проверять всех сержантов милиции, усердно искали младшего лейтенанта в общевоинской форме.

Возникает еще один вопрос. Почему фото распределили только среди охранников, дежуривших по внешнему периметру Кремля, почему они не достались тем, кто был внутри? Ведь сам факт раздачи фотографий дезертира уже свидетельствует о том, что от него ожидали каких-то враждебных проявлений, не так ли?

И последнее. Последнее по счету, но отнюдь не по важности. Когда Брежнев, Косыгин и Подгорный погрузились в правительственный “членовоз”, в машине раздался телефонный звонок. Трубку поднял адъютант Генсека Г. Петров. Звонил Цвигун, попросил к телефону Брежнева. Не вдаваясь в подробности, он порекомендовал дорогому Леониду Ильичу сделать во время движения перестроение и следовать в кортеже под номером “три”. Значит, Цвигун отдавал себе отчет, что ожидаемые от Ильина враждебные проявления строго адресны и нацелены на Брежнева и находящихся с ним в машине лиц?

Подстраховался Семен Кузьмич не потому, что пекся о государственной безопасности и о

престиже державы, а лишь для того, чтобы не потерять своего драгоценного родственника и благодетеля - это же собственной смерти подобно!

В напутствии "под занавес" был скрыт тонкий расчет.

Во-первых, последние предупреждения, как и те, кто их делает, лучше запоминаются.

Во-вторых, зачем мешать Ильину совершить то, что он задумал? Его лишь надо "замкнуть" на негодный объект, и пусть себе стреляет по второй машине, тем более, что в ней едет Береговой, внешне так похожий на Брежнева. Спрос-то все равно будет с Андропова: он же пока во главе государственной безопасности. И дай бог, чтобы этот младший лейтенант наделал побольше шуму! А если кого-нибудь угрожает, ну что ж, так тому и быть - тем яснее станет для всех несостоятельность этого рафинированного эстета Андропова на посту председателя КГБ. Во главе такой организации должен стоять боевой генерал и летописец партизанского движения в Белоруссии Семен Кузьмич Цвигун, и никто другой!!

Расчеты Цвигуна по части масштабов скандала и позора для державы оправдались.

Авторитет госбезопасности был подорван основательно. И не столько внутри страны, сколько за ее пределами - в глазах мировой общественности и наших союзников.

А что же Андропов? Неужели доверился своему заму и отдал все на откуп Его Величеству Случаю?

Искусственно созданный Цвигуном цейтнот не позволил Андропову эффективно использовать всю кагэбэшную рать - тайных агентов, которым было вменено в обязанность присутствовать в толпах москвичей по пути следования космонавтов. Не были они вовремя снабжены и фотографиями блуждающего террориста. А то, что Ильин прибыл в Москву для совершения террористического акта, у Андропова сомнений не вызывало.

Догадался председатель и о том, что его заместитель также не питает иллюзий в отношении намерений вооруженного двумя пистолетами боевика. А меры по его розыску, инициированные Цвигуном, носят лишь показной и отвлекающий характер. Умел Семен Кузьмич завернуть воздушный шарик в красивую упаковку, ничего не скажешь!

Вообще, как только Андропову доложили, что террорист - офицер, у него мелькнула мысль: не заговор ли это военной контрразведки, находившейся в ведении и под патронажем генерала Цвигуна. Идею эту Андропов отверг, вспомнив, что авторитет Семена Кузьмича в офицерской среде нулевой. "Просто, - решил председатель,

Цвигун пытается воспользоваться шансом, предоставленным ему судьбой. Убийства Брежнева он не желает - это ясно, как божий день, но пассивно потворствовать возникновению скандала - это в его интересах. Ведь он считает себя обойденным, став всего лишь заместителем. Эх, Семен Кузьмич, Семен Кузьмич! С вашим интеллектом урюпинской милицией командовать, а не Комитетом госбезопасности!"

Опасность возникновения скандала заставила Андропова действовать энергично. По его указанию была усилена охрана Кремля и подъездов к нему со стороны Боровицких и Спасских ворот (последние рассматривались как запасной въезд) надежными оперативниками из центрального аппарата КГБ. Затем он отдал распоряжение председателю Государственного комитета по телевидению и радиовещанию беспрестанно передавать в эфир информацию о порядке следования машин в кортеже, подчеркивая, что во втором автомобиле находятся Брежнев, Косыгин, Подгорный.

Юрий Владимирович, - взмолился председатель Госкомтелерадио, - это все равно что при входе в подъезд вывесить объявление: "Уважаемые домушники, деньги находятся в квартире на втором этаже!" Если мои дикторы во всеуслышание сообщат, что во второй машине находится все руководство страны, то какая-нибудь пьянь обязательно запустит в нее бутылкой, это же ежу понятно!..

Андропову было совсем не до ежей, поэтому он, вопреки своей привычке выражаться просто и без назидания, сказал:

Вы - государственный человек, товарищ Месяцев, а не феодал! С каких это пор в Госкомитете появились ваши дикторы?.. Да и вообще, ежи какие-то у вас на уме... Может, вас на зоопарк перебросить? Имейте в виду, что телевизор и радиоприемник у меня включены, поэтому я лично прослежу за работой ваших дикторов... До свидания! Месяцев понял, что у Андропова, этого с виду плюшевого медвежонка, - стальные челюсти. Через год он в этом убедится окончательно: его место займет "железный канцлер"

телерадиоэффира Сергей Лапин.

Последнее, что сделал Андропов перед тем, как Ильин нажал на спусковой крючок, - позвонил в машину

Брежнева и предложил немедленно перестроиться, заняв в кавалькаде последнее, пятое место...

Перечить Леонид Ильич не стал, тем более что это было уже второе предупреждение, и не от кого-нибудь, а от высших чинов госбезопасности! Конспиратор он был отменный, поэтому, положив трубку, с наигранным недоумением обратился к Косыгину и Подгорному: А мы-то чего лезем вперед? Кого чествуют, нас или космонавтов? Скромнее надо быть, товарищи, скромнее..

Отодвинув задвижку разделяющей салон перегородки, скомандовал водителю:

Ну-ка, Виктор, быстро в хвост колонны... Чтоб мы последними были!

...Когда стихли выстрелы, лимузин с "Большой Тройкой" рванул в Кремль и тут же врезался в машину "скорой помощи", мчавшуюся на звук пальбы.

При ударе Брежнева отбросило на перегородку и он рассек в кровь бровь. Поэтому награды, как это видела вся страна, космонавтам вручал Подгорный...

Кстати, после инцидента у Боровицких ворот высшее руководство страны - Брежнев, Косыгин, Подгорный

никогда более не находились одновременно в одной машине или самолете. Политбюро опасалось рецидивистов "Боровицкого синдрома"...

Разбор "залетов"

Дело раскрывали по полной программе в течение года. Каждой сестре досталось по серьге: со своих постов слетели многие генералы и старшие офицеры Ленинградского военного округа. Добрались даже до военкома Смольненского района, имевшего несчастье несколькими годами ранее призвать Ильина на военную службу. Двоих сослуживцев террориста, младших лейтенантов А. Степанова и А. Васильева, осудили по статье 88 "прим" УК РСФСР "за недоносительство" на пять лет лишения свободы каждого.

Сегодня они считают, что их вина состояла в том, что они были излишне откровенны со следствием. Недаром говорится: "Чистосердечное признание облегчает душу, но удлиняет срок".

"Недоносительство" Степанова и Васильева заключалось в следующем. Однажды на дежурстве они включили телевизор и из программы "Время" узнали, что в Гане произошел очередной военный переворот и к власти пришли молодые офицеры. Ильин на известие отреагировал моментально, спросив у сослуживцев, возможно ли такое у нас, ведь все отчаянные ребята сложили головы на фронтах Великой Отечественной. Вот и все. О чем должны были "донести" сослуживцы Ильина, думается, они и до сих пор не понимают... Ильину предъявили обвинение по пяти статьям Уголовного кодекса: распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй; попытка теракта; убийство; хищение оружия; дезертирство. Но не судили - признали невменяемым.

Думается, окажись любой на его месте, он тоже был бы признан душевнобольным. Ведь вынести Ильину нормальный, полновесный приговор - означало бы признать, что в государстве есть какие-то недовольные, чуть ли не вооруженная оппозиция.

"Да как такое может быть?! В стране, "где вольно дышит человек", где все трудящиеся еженощно рыдают от избытка любви перед портретами пролетарских вождей (80 копеек комплект в те годы), один урод - вдруг на тебе! - стреляет в самого главного вождя! Да это ж что о нас может подумать за граница? Что у нас чего-то там недостает - то ли свободы, то ли счастья? Нет уж, как хотите, но Ильин - шизик!"

А тут ко времени подоспел профессор Снежневский со своим открытием мирового значения, своей новой болезнью - "вялотекущая шизофрения" называется.

Кстати, чистейшей воды плагиат, украденный Снежневским у одного швейцарского психиатра, практиковавшего в начале двадцатого века, отторгнутого и высмеянного своими коллегами за дремучее невежество в вопросах психиатрии вообще и за "вялотекущую шизофрению" в частности. Зарубежные школы психиатров до сих пор отказывают

“вялотекущей шизофрении” в праве на существование, потому что наипервейшими признаками шизофрении является наличие у больного бреда и галлюцинаций. Не важно, в какой форме - письменной или устной - они выражены.

Почитатели теории Снежневского, приверженцы “вялотекущей” утверждают, что указанные симптомы могут и отсутствовать. Странно, да? Симптомов нет, а человека признают больным! На Западе сразу поняли: эта болезнь, вернее, этот диагноз - не что иное, как заказ КПСС и КГБ.

Арсенал спецсредств Комитета государственной безопасности пополнился еще одним безотказным орудием борьбы с инакомыслием, Снежневский получил свою Золотую Звезду Героя Соцтруда, а советские диссиденты - свой диагноз.

И какой бы ты ни был активный правозащитник - все равно ты “вялотекущий шизофреник”. Так постановила партия и ее боевой отряд охранения на марше к светлому будущему - Пятое управление Комитета государственной безопасности Союза ССР...

Прогул, длившийся восемнадцать лет

Территория ограждена каменной стеной с колючей проволокой. По углам - вышки с автоматчиками. Предзонник с контрольно-следовой полосой и еще одним ограждением из колючей проволоки. Внутренний глухой забор с колючей проволокой. Сигнализация. Овчарки. Телекамеры.

Это не из фильмов о войне и о фашистских концлагерях. Это - Казанская спецпсихбольница, куда в 1970 году попал Ильин и где провел восемнадцать лет заточения в одиночной камере.

Во внутренней охране помимо надзирателей (вольнонаемных прапорщиков) за “больными” наблюдают... расконвоированные уголовники, отбывающие сроки за различные преступления. Уголовников именуют “санитарами” (в белых куртках и белых пилотках), антисоветчиков - “больными” или просто “дураками”. Отдежурив смену, уголовники смотрят телевизор, играют в волейбол, ходят в школу.

“Дураков” даже по малой нужде не всегда выпускают из камер: они писают в ботинок, выливают в окно.

“Санитары” избивают “дураков” по любому поводу, иногда за экзекуцией наблюдает кто-нибудь из медперсонала. Бьют безжалостно, наибольшие повреждения причиняя внутренним органам, в особенности почкам и печени. Цель: отправить всякого прибывшего на “излечение” диссидента с “уткой” по жизни...

В таких условиях Ильин пробыл около двух лет, пока не закончили строительство нового корпуса с одиночными камерами.

Встретил он и “экскаваторщика”, и “пиротехника”. Последний за время пребывания в больнице в свой, ставший легендарным после совершенных им действий на Красной площади афоризм внес существенные изменения.

Когда в больнице появился Ильин, “пиротехник” вместо фразы: “Уходя, гасите всех, сила вся в кефире!” уже говорил: “Уходя, гасите свет - кайф в аминазине!”

“Экскаваторщик” поначалу все пытался выведать у персонала расстояние от больницы до Мавзолея, но после того как уголовники несколько раз устроили ему так называемое “тестирование в барокамере”, усыпальница вождя международного пролетариата потеряла для него былую привлекательность.

“Тестирование в барокамере” проводилось якобы в целях выяснения физических возможностей подопытного для работы космонавтом, и на практике реализовывалось так: орущего благим матом “дурака”, невзирая на его рост и комплекцию, “санитары” заталкивали в прикроватную тумбочку и, затащив ее на второй этаж, стаскивали вниз.

Чтобы “тестируемый” не вывалился наружу, скатываясь кубарем по ступеням, тумбочку обматывали веревкой. Как ни странно, но тумбочки иногда выдерживали это испытание. Некоторым исследователям бытия советских политзаключенных в Казанской спецпсихбольнице это передвижение узников в тумбочках напоминает путешествие в грузовом лифте Лубянской тюрьмы...

Когда уголовники попытались “тестировать” Ильина, он зубами впился в нос одному из

атакующих и не отпустил до тех пор, пока совсем не откусил. После этого инцидента подготовка Ильина в космонавты пошла по другому плану: настоящие санитары стали превращать задницу террориста в решето, вкалывая ему избыточные дозы аминазина... По выходе Ильина из больницы выяснилось, что в 1969 году во всеобщей суеде и суматохе командование части, где служил террорист-неудачник, не исключило его из списков личного состава - другими словами, он не прошел законной процедуры увольнения. В 1990 году с помощью адвоката Виктор Ильин отсудил у Ленинградского военного округа все причитающиеся ему деньги "за вынужденный прогул", длившийся восемнадцать лет, и получил однокомнатную квартиру.

Вместо эпилога

Через год после покушения Цвигун был отстранен от кураторства военной контрразведкой. Его место занял старый соратник Леонида Ильича по днепропетровским партийным "тусовкам" Георгий Цинев. Семену Кузьмичу Брежнев поручил командовать хозяйственными службами Комитета.

Но звездный полет Цвигуна продолжался еще не один год. Даже будучи выброшен на задворки системы государственной безопасности, он сохранил за собой должность первого заместителя председателя КГБ СССР.

В 1971 году он - кандидат в члены ЦК КПСС; в 1977-м - Герой Соцтруда, а в 1978-м - генерал армии.

Андропову вслед за возникновением тандема "ЦеЦе" работать стало еще труднее. Единоначалие в КГБ СССР по сути было утрачено: каждый из членов триумvirата тащил одеяло на себя, создавая вокруг себя фракции из начальников подразделений Комитета. В узкий круг особо приближенных можно было попасть, разумеется, не по деловым качествам, а по степени личной преданности.

Дважды Герой Советского Союза космонавт Георгий Тимофеевич Береговой, поплатившийся за свое внешнее сходство с Брежневым ранением лица осколками стекла, в 1975 году наряду с народным артистом СССР Евгением Матвеевым получил приглашение от режиссера Юрия Озерова пройти фотопробы для съемки в его новом фильме "Солдаты свободы". В этом фильме Береговому предстояло сыграть молодого Леонида Ильича. По сценарию в начале фильма Георгий Тимофеевич, загримированный Генсеком, должен был стоять со своими Золотыми Звездами Героя на груди (кстати, первую Звезду он заработал не в космосе, - а на фронте в 1944 году) на трибуне Мавзолея.

В 1975 году Брежнев уже был трижды Герой, поэтому Озеров предложил Береговому добавить к его собственным двум еще одну - муляж.

Георгий Тимофеевич возмутился и со словами: "Не надо смешивать пряники с портянками" покинул съемочную площадку...

Первые террористы Советского Союза

Ни в гангстерских романах, ни в самых крутых кинобоевиках не найти такого количества экстремальных приключений, какие реально выпали на долю бойцов сверхсекретного подразделения КГБ СССР команды "Альфа", широкую известность приобретшей лишь после приснопамятных событий у Белого дома в августе 1991 года.

Даже кураторы Комитета от Отдела административных органов ЦК КПСС не были осведомлены об истинном предназначении команды - для них она была одним из многих подразделений КГБ, проходившим под кодовым названием "Группа А", а многие операции, проведенные ее бойцами, и сегодня остаются тайной за семью печатями, продолжая нести гриф "совершенно секретно" и "особой важности".

За три десятка лет существования этот элитный отряд подчинялся разным председателям Комитета госбезопасности. Неизменным было одно: деликатнейшие миссии, поручаемые мушкетерам из "Альфы", выполнялись молниеносно, ювелирно, без следов и потерь. В их активе - десятки блестяще проведенных операций, которые вызывают профессиональную зависть и восхищение у коллег из американской DELTA, английской SAS и немецкой GSG-9

- зарубежных аналогов нашей легендарной “Альфы”.

Это подразделение было укомплектовано бойцами “штучной работы”, готовыми на самопожертвование ради выполнения задания. Они не понаслышке знали, как пахнет порох и человеческая кровь, а смертельный риск был постоянным спутником в их ратном деле. Убежденность в правильности избранного пути, востребованность были животворными источниками деятельности этих рыцарей без страха и упрека...

Впервые “Альфа” заявила о себе как подразделение антитеррора в Тбилиси в 1983 году. Тогда группа бандитов произвела беспрецедентный захват заложников - пассажиров авиалайнера.

Сановникам со Старой площади стало ясно, что “Группа А” - не элитный клуб, а отряд особого риска, ибо там, в тбилисском аэропорту, были кровь и порох, риск и смерть...

Кровавая свадьба

...18 ноября 1983 года телефон прямой связи с председателем КГБ СССР залился малиновой трелью, когда Владимир Зайцев, сдав дежурство, запирает дверь своего служебного кабинета. Через пять минут он уже знал, что в Тбилиси в 16 часов 16 минут самолет Ту-134, следовавший по маршруту Тбилиси - Батуми - Киев - Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, захвачен группой вооруженных преступников. Еще через десять минут прозвучал сигнал боевой тревоги, и дежурное отделение “Альфы” стало готовиться к вылету в Тбилиси, к своей первой операции по освобождению заложников в самолете.

В аэропорту Внуково альфовцы и руководители Четвертого управления КГБ СССР (контрразведывательное обеспечение на транспорте) погрузились в специальный самолет правительственного авиаотряда. Внешне ничем не отличавшийся от своих собратьев, этот Ту-134 был особой конструкции: форсированные моторы повышенной надежности, салоны, оборудованные для перевозки вооружения и отдыха спецконтингента, отдельный отсек, переделанный под кабинет председателя КГБ со всеми необходимыми атрибутами, среди которых отсутствовал разве что “черный чемоданчик” с ядерной кнопкой...

Время в полете тянулось томительно, нервное напряжение нарастало. Неопределенность - худший враг людей действия. Чтобы занять себя конкретным делом, альфовцы стали на “макетах” примерных действий при освобождении самолета и заложников отрабатывать возможные варианты своего поведения в тбилисском аэропорту.

Обстановка в салоне не замедлила разрядиться. И хотя это была первая операция “Альфы” по освобождению заложников, настроение у всех было боевым, сомнений в том, что удастся справиться со злоумышленниками, не было. Хотя... Человек предполагает, а жизнь располагает.

Около полуночи спецсамолет совершил посадку в аэропорту Тбилиси.

Вылетая на операцию, альфовцы еще не знали, с кем и с чем придется столкнуться, поэтому захватили с собой полный боекомплект. Один его вид вызывал восхищение, граничащее с подбострастием, у грузинских гэбэшников.

Действительно, автоматы и пистолеты специальной конструкции, невиданные снайперские винтовки, бронежилеты, бронешиты и каски, переговорные устройства немислимых конфигураций (некоторые из них можно было надеть на мизинец в виде пластыря), груды ящиков с пиротехническими спецсредствами и различной экипировкой без всяких пояснений потрясли воображение непосвященных.

Кто-то из местных контрразведчиков, увидев все эти “декорации”, на полном серьезе спросил: “Слюшай, генацвале, ви случайно не с “Мосфильма”? К нам тут на съемки фантастического фильма должны прилететь операторы из Москвы. Ви что? Реквизит привезли?”. “Кто-то из альфовцев весело заметил: “Мы прилетели, чтобы фантастику сделать былью!”

Под одобрительный хохот присутствующих отделение Зайцева направилось в депутатский зал аэропорта Тбилиси, где их ожидали председатель местного комитета госбезопасности генерал-полковник Ионаури, министр МВД и генеральный прокурор республики. Тут же находился и первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Шеварднадзе. Однако все

распоряжения поступали только от генерала Ионаури.

Как впоследствии стало известно альфовцам, это он лично арестовывал подручных Лаврентия Берия в Грузии, и местные руководители просто благоговели перед его авторитетом, беспрекословно выполняя все его указания.

Через несколько минут стала ясна причина этой сановной тусовки в столь неподходящем месте и в такое неурочное время: террористы, захватившие самолет, - отпрыски самых элитных и влиятельных семей советской Грузии.

Ко времени прибытия "Альфы" бандиты, наркоманы со стажем, взвинтив себя очередной порцией зелья, зверски прикончили нескольких членов экипажа и двух пассажиров. На предложение сдаться угрожали взорвать самолет со всеми пассажирами. Прилетевшим сразу стало не до смеха...

Впоследствии выяснится, что учебным пособием для террористов явился художественный фильм "Набат", снятый киностудией "Мосфильм", но, к счастью, еще не запущенный в прокат, ибо все события, как предшествовавшие захвату, так и имевшие место на борту самолета, развивались по сценарию этой ленты.

По настоянию руководства КГБ СССР после тбилисской трагедии фильм на экраны страны так и не попал.

За несколько дней до описываемых событий весь Тбилиси наполнился слухами о праздновании свадьбы детей известнейших в Грузии родителей.

Жених - Сосо Церетели, 1958 года рождения, художник студии "Грузия-фильм", вдохновитель и главный разработчик операции по захвату самолета и заложников, сумевший накануне досконально изучить указанный фильм "Набат" (нелегально попавший к нему благодаря связям в кинематографических кругах) и действовавший строго по его сценарию.

Невеста - Тамара Патвиашвили, 1964 года рождения, студентка третьего курса архитектурного факультета Академии художеств, основная поделница главаря террористов.

Совсем не случайно среди приглашенных гостей оказалась работница тбилисского аэропорта. Во время торжества новобрачные договорились с нею, что она поможет приобрести билеты и проникнуть на борт самолета через депутатский зал, минуя досмотр. Решено - сделано. С помощью этой девицы Церетели-Патвиашвили с остальными пиратами через зал "неприкосновенных персон" пронесли на борт самолета террористическую экипировку: пистолеты "ТТ", револьверы системы "Наган", неограниченный боезапас к ним и гранаты.

Как только самолет вырулил на взлетную полосу, преступники: Паата Иверелли, 1953 года рождения, врач; его брат Каха Иверелли, 1957 года рождения, ординатор кафедры госпитальной хирургии Тбилисского медицинского института; Геча Кобахидзе, 1953 года рождения, без определенных занятий, ранее дважды судимый за хулиганство; Гия Табидзе, 1954 года рождения, художник; Давид Микаберидзе, 1962 года рождения, студент Тбилисского университета, и супруги Церетели-Патвиашвили принялись изучать пассажиров. Искали сотрудников службы безопасности Аэрофлота. Таковые на борту злополучного рейса отсутствовали, но Церетели показалось, что один мужчина ведет себя подозрительно. Он поднялся со своего места и, подкравшись сзади, ударил пассажира по голове бутылкой шампанского.

В тот же миг Табидзе и братья Иверелли схватили стюардессу Валю Крутикову и, прикрывшись ею, ворвались в пилотскую кабину. Угрожая пистолетами, они потребовали лететь в Турцию.

"Какая Турция?! О чем вы говорите! Самолет не сможет совершить такой перелет..." - попытался урезонить нападавших бортмеханик Анзор Чедия и тут же получил несколько пуль в грудь. Вслед за этим Табидзе хладнокровно разрядил обойму в сидевшего рядом замначальника летно-штурманского отдела тбилисского авиаотряда Завена Шабартяна. Неожиданно из-за занавески в носовой части пилотской кабины раздались ответные выстрелы. Стрелял штурман Владимир Гасоян. Нападавшие понесли первые потери: убит Табидзе и ранен Паата Иверелли.

Командир корабля Ахматгер Гардапхадзе, чтобы затруднить действия террористов,

проделал в воздухе несколько фигур высшего пилотажа. Это на пассажирском-то лайнере! Согласно сделанным впоследствии расчетам специалистов, нагрузка на несущие конструкции самолета в три раза превысила допустимую.

Однако все обошлось, а в результате находчивости Гардапхадзе все проникшие в пилотскую кабину преступники были отброшены в пассажирский салон, и дверь удалось намертво задраить.

Командир, превозмогая боль, - срикошетившая пуля попала в бедро - сумел посадить самолет в самом конце зоны тбилисского аэропорта.

При посадке лайнер сильно ударился о бетон, от чего в полу открылись различные технологические люки и даже аварийный люк с правой стороны. Заметив это, преступники заставили одного из пассажиров придерживать его руками, чтобы он не оторвался от корпуса самолета.

Когда лайнер катился по бетонке, одна из стюардесс открыла входную дверь и попыталась выпрыгнуть. Заметив это, самый молодой из террористов, Давид Микаберидзе, сначала застрелил девушку, а разглядев в проеме двери огни тбилисского аэропорта и решив, что все кончено, пустил себе пулю в лоб.

Сразу же после остановки экипаж в панике покинул самолет, оставив на произвол судьбы в пилотской кабине своего раненого товарища Завена Шабартяна. Добравшись до здания аэропорта, они сообщили в общих чертах о происшедшем. Самолет немедленно был отбуксирован в дальний конец аэропорта и окружен солдата-ми-пограничниками.

Взвинченные безапелляционными приказами своих не приученных действовать в экстремальных ситуациях командиров, погранцы тут же доказали, что единственное, чему их научили, - это нажимать на спусковой крючок автомата.

Один из пассажиров выпрыгнул из самолета на бетон посадочной полосы, он оказался между двух огней - по нему одновременно стреляли и террористы, и пограничники, принявшие мужчину за убежавшего преступника-

Шквальный огонь солдат изрешетил корпус самолета, повредив провода радиосвязи.

Бандиты, угрожая расправой над пассажирами, стали безостановочно палить из иллюминаторов, требуя немедленного вылета самолета за пределы СССР...

Пираты установлены, что дальше?

К моменту прибытия "Альфы" в тбилисский аэропорт штаб во главе с председателем КГБ Грузии уже установил личности террористов и по местам их жительства были проведены обыски.

В домах и на дачах преступников были обнаружены разбитые в щепы мишени, оружие и боеприпасы, количество которых свидетельствовало о тщательной подготовке и серьезности намерений людей, захвативших самолет.

Узнав о многообразии обнаруженного в тайниках аэробандитов оружия и боезапасов, альфовцы задались далеко не праздным вопросом: "А сколько же боевых стволов и гранат пираты сумели пронести на борт самолета?!"

Владимир Зайцев совершенно случайно узнал, кому его бойцам придется противостоять, дойди дело до штурма. Взяв в штабе фотографии бандитов, он отправился показать их своим бойцам, членам предполагаемых штурмовых групп, - пусть хорошенько запомнят лица тех, кого придется нейтрализовать. Рассматривая на ходу фото, не заметил, как оказался рядом с Шеварднадзе.

Что ты там изучаешь?

Да вот, Эдуард Амвросиевич, знакомлюсь со своими будущими клиентами...

Покажи!

Взяв в руки фотографии, Шеварднадзе задержал взгляд на двух из них: Церетели и Патвиашвили.

Надо же, как этот удалец похож на своего отца, прямо - одно лицо! А его жена из некогда ребенка-куклы стала писаной красавицей!

...Попытки доставить к самолету родителей для переговоров с их отпрысками-пиратами

успехом не увенчались. Те же, кто под сильнейшим нажимом местных властей все-таки прибыли в аэропорт, в последний момент наотрез отказались приближаться к самолету и разговаривать со своими детьми.

Тогда на взлетную полосу вышел прокурор республики. Приблизившись к самолету на достаточно близкое расстояние, он сначала попытался уговорить террористов отказаться от дальнейшего насилия и сдаться. Быстро поняв, что его увещания не возымеют результата, прокурор достал из кармана какую-то книжицу и начал громко, нараспев что-то читать. Если бы не бронезилет и каска, в которые предусмотрительно облачили его альфовцы, со стороны его можно было принять за священника, отпевающего покойника. Местные контрразведчики объяснили москвичам, что главный правовед Грузии зачитывает (!) террористам статьи из Уголовного кодекса, предусматривающие наказание за их деяния. В ответ из самолета раздались ругань и угрозы.

Не прошло и десяти минут, как новый сюрприз. Через аппаратуру подслушивания, которой удалось оснастить захваченный самолет, альфовцы узнали, что их присутствие рассекречено.

“Вай ме, Сосо, - сказала своему мужу Патвиашвили, - плохи наши дела - из Москвы прилетели “коммандос” из КГБ, чтобы взять нас штурмом!”

Необходимо отметить, что в то время о существовании “Альфы” знал очень ограниченный круг высшего руководства КГБ, о ее целевом предназначении не знали даже кураторы из отдела административных органов ЦК КПСС. И вдруг - на тебе, тбилисские террористы осведомлены лучше, чем высшая партноменклатура Советского Союза!

Каким образом произошла утечка информации к террористам? Не означало ли это, что преступники поддерживают одностороннюю - только на прием - радиосвязь с сообщниками, оставшимися в аэропорту? Кто этот “некто”, что, возможно, ведет двойную игру?

Догадки, догадки и догадки, которые так никогда и не нашли подтверждений...

С момента захвата авиалайнера пошел уже восьмой час. Надо было срочно изучить обстановку на борту самолета, подробно выяснить намерения пиратов.

Ясно было лишь одно: самолет, оккупированный бандитами, из-за своего плачевного технического состояния не сможет даже вырлиться на взлетную полосу.

Эти доводы были доведены до сведения пиратов, но они категорически отказались пересаживаться в другой авиалайнер, настаивая на ремонте того, в котором находились. Единственное, на что они согласились, это принять на борт сумку с медикаментами и чайники с питьевой водой. Сами они воду употреблять не стали, а аптечку подвергли тщательному обследованию, но использовать ее для своего раненого поделника не решились, опасаясь подвоха.

В подтверждение своей решимости без боя не сдаваться террористы выставили условие: каждый час задержки вылета в Турцию будет стоить жизни трем взятым в заложники пассажирам. А в крайнем случае они подорвут самолет, забрав на тот свет всех захваченных ими людей... Дело принимало чрезвычайно опасный оборот. Ничего подобного советская история аэроперевозок не знала.

После долгих уговоров пираты согласились принять на борт парламентаря, но предупредили, чтобы он, не доходя пятьдесят метров до самолета, остановился, разделся донага, сняв даже носки, лишь после этого они впустят его в салон.

На роль парламентаря начальник отделения “Альфы” Владимир Зайцев предложил себя. Генерал Ионаури поинтересовался:

А что если они и тебя оставят в заложниках?

Альфовец ответил, что воспользуется условными фразами, чтобы дать знать, возможен штурм или нет.

...Шел уже третий час ночи, когда Зайцев двинулся к лайнеру, как вдруг из него выпрыгнула женщина и побежала прочь. Как выяснилось впоследствии, это была одна из пассажирок, сумевшая усыпить бдительность бандитов. От удара о землю она сломала обе ноги, но страх перед террористами оказался сильнее боли.

После этого инцидента террористы категорически отказались вести какие-либо переговоры, настаивая на безоговорочном предоставлении им самолета для вылета за кордон. При этом бандиты усилили психологическое и физическое воздействие на пассажиров, поняв,

что уже преступили роковую для них грань и поставили себя вне закона.

Только после этого было принято решение идти на штурм.

...Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления Звиада Гамсахурдиа, газета “Свободная Грузия” опубликовала статью, в которой автор, проливая крокодиловы слезы, негодовал, что под водительством прежних советских правителей была устроена “бесмысленная кровавая бойня”, “преднамеренное убийство молодых правозащитников, борцов за свободу и независимость Грузии”, пытавшихся бросить вызов “империи зла” и вырваться из ее пут на самолете.

Разумеется, в статье ни слова не было сказано, что те “молодые правозащитники”, прокладывая себе путь к “свободе”, зверски убивали ни в чем не повинных людей. По мнению исполнителя пасквиля, штурм был предпринят для того, чтобы “поиграть мускулами”, “показать мощь репрессивной машины империи” и т. д. Гноеточивый, лживый навет спровоцировал звиадистов на экстремистские действия: вслед за его появлением в авиагородке грузинских летчиков был совершен акт вандализма - разрушен памятный обелиск, на котором были высечены фамилии погибших от рук бандитов пилотов и бортпроводницы...

С полной ответственностью сегодня можно заявить, что решение о штурме было принято ввиду категорического отказа бандитов перебраться в другой самолет, на котором их беспрепятственно выпустили бы за границу, а также из-за того, что существовала реальная угроза жизни пятидесяти пассажиров.

Более того. Хотя прокурор Грузии и дал санкцию на физическое уничтожение пиратов, руководство КГБ СССР отдало приказ провести операцию без применения (!) огнестрельного оружия.

Пришлось бойцам “Альфы” взять с собой пистолеты, снаряженные пластиковыми пулями. Однако между собой альфовцы решили, что хотя и будут проводить штурм без применения огнестрельного оружия, но засевшие в самолете бандиты этого благородства не оценят, оно будет им только на руку, поэтому в случае огневого контакта пощады террористам не будет...

Штурм

На стоящем тут же в аэропорту однотипном самолете бойцы “Альфы” провели блиц-тренировку, за каждой тройкой штурмовиков закрепили определенные отсеки самолета. Владимиру Зайцеву вместе с Виталием Демидкиным и Владимиром Серегиным выпало действовать в носовой части Ту-134 - на самом рисковом направлении, которое находилось под неусыпным контролем террористов. Ведь именно оттуда, из пилотской кабины, сумели бежать уцелевшие члены экипажа, а дверь в салон продолжала оставаться заблокированной изнутри, что, по мнению бандитов, представляло для них наибольшую опасность. Выбор Зайцевым Демидкина и Серегина не был случайным. Оба были более миниатюрны по сравнению с другими бойцами “Альфы”, и это обстоятельство приобретало первостепенное значение с учетом того пути, который предстояло преодолеть троице, двигаясь к цели.

...В результате непрерывного слухового контроля за действиями и разговорами бандитов Зайцеву стало известно, что в глубине первого салона, лицом к кабине, то есть к тому месту, откуда он с Демидкиным и Серегиним должны появиться, сидят два боевика с гранатами. Ясно, что бросать их они будут не себе под ноги, а в нападающих. Каждый из троих прекрасно отдавал себе отчет, что если от стрелкового оружия ты хоть как-то защищен бронежилетом, а от пули, в конце концов, можно увернуться (надо сказать, альфовцы умеют и это!), то от гранаты в таком замкнутом пространстве тебя не спасет никакой колдовской заговор: если не достанут осколки, то уж от ударной волны никуда не уйти.

Занимая исходные позиции, альфовцы предварительно договорились между собой, что если кто-то будет ранен, то другие участники штурма должны продолжать операцию, а не бросаться на помощь упавшему. Словом, бежать прямо по его телу. Главное - успешно завершить операцию. Только это может стать гарантией спасения раненого товарища.

Позднее это правило стало железным законом боевой работы всей “Альфы”.

...Температура по-прежнему оставалась на нулевой отметке, дождь лил как из ведра, ноябрьский ветер, казалось, ледяными иголками пронзает каждую твою косточку. Вокруг кромешная темнота: освещавшие самолет прожекторы выключили, чтобы дезориентировать террористов. Все бойцы штурмовых групп кроме спецкомбинезонов имели на себе еще шерстяные спортивные костюмы и кожаные куртки, один лишь Зайцев, этот несостоявшийся парламентар, стоял на ледяной бетонной полосе, согреваемый только бронежилетом и азартом охоты.

Психологическое напряжение достигло наивысшей истерической точки, когда до его слуха донесся плач ребенка в салоне. Вспомнился малолетний сын, оставшийся в Москве, молодая жена на сносях...

Троица начала надевать средства защиты, доставленные группой поддержки, однако через секунду им стало ясно, что проникнуть в этой амуниции в самолет абсолютно невозможно, и Зайцев, а за ним Демидкин и Серегин бросили бронежилеты.

...Первое, чего коснулись руки Зайцева, когда он по фалу, а попросту - по веревке, проник в кабину, было окоченевшее тело бортмеханика. Отодвинув труп в сторону, Владимир принял от Демидкина и Серегина оружие, радиостанции и средства защиты, затем втащил внутрь и их. И тут только они услышали стоны раненого пилота. Он умолял не открывать дверь, иначе их всех убьют.

Подойдя к двери, Владимир снял защелку, чтобы попробовать, не заблокирована ли она снаружи. Вроде нет. Зайцев по рации доложил, что его группа к штурму готова. В тот же момент в переговорных устройствах всех штурмовиков раздался голос заместителя командира “Альфы”, Героя Советского Союза В.Ф. Карпухина: “Штурм!”

В то же мгновение за окнами раздалась взрывы - отвлекающий маневр, проводимый с помощью специальных светозвуковых гранат, которые на непосвященных действуют обезоруживающе.

Зайцев откинул щеколду, глубоко вздохнул и плечом врезал по двери пилотской кабины. Увы! Снаружи ее что-то блокировало.

Как выяснилось через секунду, это был труп террориста, которого застрелил штурман. С третьей попытки Владимиру удалось сдвинуть, вернее, сплющить тело и протиснуться в салон. Сделав пару шагов, он наткнулся на второй труп - Микаберидзе, который застрелился во время посадки.

Одним прыжком преодолев коридор, отделявший кабину пилотов от пассажирских салонов, Зайцев наконец столкнулся с живым человеком.

“Динозавр” - первое, что пришло на ум Владимиру-

Необъятного, огромного роста незнакомец вылетел навстречу, всей своей массой навалившись на Зайцева. Раздумывать было некогда, и, коротко взмахнув руками, штурмовики уложили верзилу на пол. Слава богу, у них хватило самообладания не открыть стрельбу - под горячую руку попался пассажир! В два приема обыскали незадачливого здоровяка. Оружия нет - вперед! Демидкин и Серегин успели крикнуть пассажиру, чтобы он немедленно убирался восвояси.

“Динозавр” с грохотом вывалился из самолета на бетонную полосу и тут же попал в переплет: грузинские милиционеры и местные сотрудники госбезопасности, приняв его за террориста, стали зверски избивать беднягу ногами. Потребовалось вмешательство альфовцев из снайперской группы поддержки, чтобы остановить самосуд.

Но все это происходило уже за спинами Зайцева, Демидкина и Серегина. Они ворвались в салон...

“Не подходите! Взорву самолет!” - закричала девушка, прижимая к груди какой-то пакет. За окнами самолета - фейерверк, светло, как днем. Слишком хорошо было знакомо лицо кричащей, чтобы сомневаться в ее намерениях: перед штурмовиками - главная террористка, Тамара Патвиашвили.

“Ну, бляха-муха, вот и встретились!” - заорал Зайцев.

Бросок вперед - и преступница кулем летит к Демидкину, от него к Серегину и, наконец, оказывается вне лайнера, в руках альфовцев из группы поддержки, которые сумели вытеснить из-под самолета жаждавших славы и орденов грузинских гэбэшников и

милиционеров. В пакете у Патвиашвили три противотанковые гранаты - ничего себе, приданое невесты! Она тут же впадает в прострацию: сказывается многочасовое напряжение и передозировка наркотиков. Едва откачали!.. В салоне между тем раздаются команды Зайцева: "Лежать! Всем лежать! Руки за голову! Стреляю без предупреждения!" Все бросаются на пол.

Когда Владимир достиг тех заветных мест, где, по его расчету, должны были находиться террористы, салон оказался пустым. Справа лежал пожилой мужчина с залитой кровью головой - это его Сосо Церетели, приняв за охранника лайнера, насмерть уложил свадебной бутылкой шампанского.

...С момента проникновения в салон прошло не более двадцати секунд, как вдруг раздалась беспорядочная стрельба.

"Очухались, сволочи!" - мелькнуло в голове Владимира, и в этот же момент он заметил открытый "дипломат", лежавший в свободном кресле. К нему тянулась рука сидящего молодого человека. Молниеносное движение - и запястья грузина в "браслетах". Очень вовремя в "дипломате" основной боезапас бандитов: гранаты Ф-1 и наступательные - РГД-5! Их тротилового заряда достаточно, чтобы самолет со всеми находящимися в нем людьми разлетелся на куски.

Светозвуковые гранаты у группы поддержки, работающей снаружи, закончились. Салон погрузился в полумрак.

Зайцев выхватывает фонарик и лучом шарит вокруг. Полоска света проходит по лицу лежащего на полу молодого грузина. Заметно дрогнули его веки, но он продолжает лежать в проходе, притворяясь то ли мертвым, то ли потерявшим сознание. "Шевельнется - пристрели!" - командует Зайцев Демидкину. Услышав это, "покойник" медленно поднимается с поднятыми вверх руками и кричит, что он - не главный. Главный, Сосо, находится во втором салоне.

...Переговоры с преступниками длились около восьми часов, штурм - четыре минуты. С наступлением рассвета 19 ноября кровавая трагедия завершилась. Время собирать камни. Преступники застрелили двух летчиков, двух пассажиров и стюардессу Валю Крутикову. Штурмана Плотко и бортпроводницу Ирину Химич серьезно ранили, сделав инвалидами. На суде террористам было сказано: "Вы - дети высокопоставленных и обеспеченных родителей. Что стоило вам приобрести турпутевки в Турцию, куда вы неоднократно беспрепятственно летали, чтобы спустить родительские деньги в казино? Купили бы путевки и на этот раз, чтобы спокойно, без шума попросить в заграничных райских куцах политическое убежище!"

Ответ был обескураживающий: "Если бы мы таким путем сбежали за границу, нас бы приняли за простых эмигрантов. Чего стоят наши фамилии, влияние и деньги наших родителей там, за границей? Вот когда отец и сын Бразинскасы улетели с шумом, со стрельбой, стюардессу Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли, невольниками совести нарекли, из Турции в США переправили... Чем мы хуже?!"

Суд приговорил бандитов к расстрелу, Тамару Патвиашвили - к 14 годам заключения. Однако грузинская молва уже через год разносила весть о том, что ее фотографии были замечены на обложках западноевропейских журналов мод. Немудрено: уж слишком красива и эффектна была террористка!

Ее муж Сосо Церетели при невыясненных обстоятельствах, как-то внезапно скончался в тбилисском следственном изоляторе.

Судьба остальных авиапиратов после суда неизвестна. Понесли ли они заслуженное наказание?

Кстати, всех террористов, вопреки требованиям Генеральной прокуратуры СССР, по причинам, известным только высшему руководству тогдашней Грузии, несмотря на требование закона, так и не передали союзным властям.

По полученным из Грузии Генеральной прокуратурой СССР отчетам выходило, что там якобы и приводили приговор суда в исполнение...

Фейерверки редки, в основном - сермяжные будни

В современном русском языке слова “супер” и “альфа” стоят в одном синонимичном ряду и означают нечто неординарное и выдающееся. Не кроется ли в самом названии “Альфы” ее особое предназначение, а она была укомплектована суперменами, готовыми на самопожертвование ради выполнения задания любой сложности?

Как знать. Начиналось-то все обыденно.

...Почти тридцать лет назад, в начале 1974 года, для проведения специальных операций начала создаваться “Группа А” Службы охраны дипломатических представительств Седьмого управления КГБ СССР. Ее целевое назначение - борьба с терроризмом и другими особо опасными экстремистскими проявлениями, связанными с захватом заложников, транспортных средств, режимных объектов, дипломатических представительств как на территории СССР, так и за рубежом.

Вновь созданная структура имела шесть региональных подразделений в городах Минске, Киеве, Краснодаре, Алма-Ате, Свердловске и Хабаровске. Снабжение вооружением, средствами связи, защиты осуществлялось в соответствии с нормами и табелем положенности, утвержденными особым приказом председателя КГБ СССР.

Группа кандидатов комплектовалась из сотрудников территориальных органов КГБ, прослуживших не менее трех лет в оперативном подразделении и годных по состоянию здоровья для... полетов в космос. Разумеется, они должны были не просто дружить со спортом, но владеть карате или каким-то другим видом восточных боевых единоборств на уровне спортсмена-разрядника. Таким образом, альфовцев можно смело называть бойцами штучного отбора.

Кандидаты должны были быть эмоционально уравновешенными, оптимистично настроенными, способными сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях, хорошо переносить перепады давления и температуры, не должны бояться воды, замкнутого пространства, темноты и огня любой интенсивности...

Когда первичные испытания пройдены, офицер-кандидат становится курсантом, и тут уж никаких поблажек к слову, если в американскую DELTA, английскую SAS или германскую GSG-9 попадал лишь один из ста добровольцев, то в “Альфуду” - один из тысячи.

Нагрузки - физические и психические - околопредельные, и с каждой неделей обучения они увеличиваются. Иногда некоторые курсанты на первом этапе изматывающих тренировок испытывали так называемый “эффект присутствия”. Это когда у него уже нет сил даже пальцем пошевелить, когда он клянет себя за то, что решил стать альфовцем, и вдруг замечает, что работающий рядом инструктор делает то же самое, но выглядит, “как огурчик”. “Если может он, значит, смогу и я!” - говорит себе новобранец и продолжает работать.

Бойцы “Альфы” должны владеть холодным и огнестрельным оружием отечественных и зарубежных марок, как серийным, так и специальным. Еще надо пройти парашютно-десантную подготовку, скалолазание, уметь управлять всеми видами боевой техники. Кстати, после “тбилисского эпизода” в обучение сотрудников “Альфы” ввели занятия по управлению аэродромной техникой.

С оружием и техникой каждый альфовец должен был быть на “ты”, ведь от степени совершенства владения ими зависит и своя собственная жизнь, и жизнь братьев по оружию, да и успех операции. Кроме того, в боевых ситуациях некогда листать справочник, поэтому все надо не просто держать в голове, а довести действия до автоматизма.

Но больше всего времени уделялось владению приемами рукопашного боя, с помощью которых необходимо в одно мгновение шоковым, травматическим, а то и смертельным воздействием подавить противника. За неприятным термином “рукопашный бой” кроется не кулачный обмен ударами. Приемы рукопашного боя вобрали в себя лучшие наработки признанных мастеров самбо, джиу-джитсу, карате, дзюдо, тхэкван-до, греко-римской и вольной борьбы, и даже бокса...

Другими словами, это синтетический вид единоборства, и овладеть им ох как непросто! Это не таблица умножения, которую выучивают раз и на всю жизнь. Альфовцы на собственном опыте знают, что стоит день не заниматься, и сам видишь, что не “в форме”,

неделю - заметят спарринг-партнеры. Ну а через месяц - лучше отказаться от поединка: можешь таких дров (или костей!) наломать.

Альфовец на счет “раз-два-три” должен уметь оторвать у противника уши, гениталии или руку. Принцип таков: удача длится не более секунды. Выйдя на дистанцию поражения, ты должен на едином дыхании отработать “объект” так, чтобы он либо умер, либо был пленен, так ничего и не поняв.

Когда в июне 1985 года был взят Адольф Толкачев, предатель, продавший американцам чудеса нашего аэронавигационного оборудования, то он, уже находясь в Лефортово, обращался с просьбой к сокамерникам, чтобы они помогли разобраться, каким образом люди, бравшие его, сумели в одно мгновение не только защелкнуть ему “браслеты” на запястьях, но и раздеть догола.

Раздевание шпионов при задержании проводится исключительно в целях обнаружения в их личных вещах или на теле капсул с атом. Началом этому послужил изложенный выше в этой книге случай с Александром Огородником.

Искусство “шоковой терапии”

Совершенству навыков и приемов рукопашного боя в “Альфе” всегда уделялось особое внимание, хотя необходимо добавить, что одних физических навыков при этом недостаточно. Тренировки проводились только с использованием индивидуальных методов обучения с учетом психологической подготовки каждого бойца. Для каждого сотрудника разрабатывался личный комплекс приемов, который соответствовал бы его психическим, физическим и моральным особенностям.

Полноценный альфовец должен уметь сражаться в рукопашном бою без тормозящих эмоций и чувств. Воля воспитывается через преодоление страха и боли в поединках с более сильным противником, в роли которого во время тренировок выступает инструктор. Когда он во время учебных занятий наносит удар, от курсанта требуется только одно - устоять на ногах. Вообще инструкторы считают воспитание болью одним из основополагающих принципов общей физической и психологической подготовки курсантов. Они убеждены, что среди бойцов “Альфы” не должно быть людей не то чтобы не выполняющих приказы, но даже склонных задумываться над их целесообразностью.

Группа альфовцев, выходящая, допустим, для захвата иностранного разведчика в момент закладки им тайника, должна действовать точно и четко, как единый отлаженный механизм. В ее распоряжении секунды. От каждого зависит успех, а иногда и жизнь всех, и от всех - жизнь и успех каждого. Действуют альфовцы по принципу мушкетеров: “Один за всех - все за одного”.

Кто-то из бывших руководителей КГБ СССР, присутствуя на одном учебно-тренировочном занятии, назвал бойцов команды “сорохватами”. Название прижилось...

Превращение коллектива “Альфы” в единый отлаженный механизм отнюдь не приводило к “роботизации” сотрудников. Из них не пытались сделать бездумных киношных “Шварценеггеров”, а в первую очередь стремились развить умственные способности.

Психологические испытания включали в себя прохождение целого комплекса интеллектуальных и личностных тестов, в течение десятилетий разрабатывавшихся и проходивших доводку за рубежом: ММРІ, ТАТ, методики Леонгарда, Векслера и других ученых, отечественных и зарубежных, - тысячи вопросов, задач, головоломок и, конечно же, проверку на полиграфе (детекторе лжи).

Разработанный перспективный план специальных мероприятий по созданию условий материально-технического обеспечения для проведения специальных акций постоянно дополнялся и шлифовался. Однако основное внимание уделялось воспитанию работоспособного коллектива, так как любая техника, любое оружие может “заиграть” только в руке специалиста экстра-класса. И самое главное состояло в том, чтобы объединить людей, преданных делу, готовых выполнять любую задачу, за которых можно было бы поручиться на все сто процентов.

Наряду с физической подготовкой в ходе обучения по альфовской системе много внимания уделялось изучению методов ведения разведки и контрразведки, поскольку одним из

основных направлений “Альфы” как оперативного подразделения является обеспечение работы с агентурой и владение навыками добывания оперативноразведывательной информации, вплоть до опроса населения и выяснения общественного мнения. А это, в свою очередь, требовало знаний о регионе возможных боевых действий, его истории, национальной психологии и обычаев - словом, всего того, что может пригодиться для сбора и анализа информации, вербовки агентуры среди местных жителей...

Вообще, надо сказать, альфовцы - беспримерные трудяги. Приходят в подразделение романтиками, а становятся трудоголиками.

Рассказывая о физических и психологических нагрузках, которые им приходилось испытывать в ходе учебы, альфовцы о себе заявляют: “К профессионализму ведет лишь один путь: труд. Кто хочет стать “профи”, идя другим путем, тот авантюрист и занимается самообманом!”

И действительно, сколько сил и воли требуется, чтобы ежедневно проделывать десятикилометровые маршброски по пересеченной местности с полной выкладкой, силовые упражнения: лазание по канату, подтягивания и отжимания, занятия в тренажерном зале, прыжки с трехметровой высоты! И конечно же, занятия рукопашным боем. И зачастую не в спортивных залах на матах и татами, а прямо на асфальте, без страховки.

Поэтому можно с полной уверенностью заявить, что боевая подготовка “Альфы” на порядок превосходит американскую по своей напряженности, остроте и результативности. Несмотря на то, что у американского спецподразделения DELTA гораздо больше возможностей, чем у “Альфы”, тем не менее наши бойцы на голову выше своих коллег из США, и последние об этом знают...

Многоплановая подготовка имела немало мест проведения занятий. Одним из таких мест, куда альфовцы, распрощавшись со своими семьями, как футболисты на сборы перед решающими матчами, ежегодно выезжали на месяц-полтора, был пограничный учебный центр (ПУЦ) в Ярославской области.

Приемы рукопашного боя оттачивали, как правило, в спортивных залах, принадлежащих Девятому управлению (физическая охрана членов Политбюро и правительства) КГБ СССР. Учебные стрельбы, шлифовка навыков вождения наземных, надводных и воздушных средств, а также бронетехники проводились на полигонах в самых различных регионах бывшего СССР. И не только из соображений конспирации. Надо было научиться привычно действовать в любых климатических зонах, в условиях пустынь и высокогорья, пятидесяти градусной жары и заповедного холода - мало ли куда может забросить “антитеррористическая судьба”!

Одним из самых красноречивых примеров применения на практике навыков физического воздействия, или, как его называют сами сотрудники, “шоковой терапии”, как и использования прикладной психологии, могут служить “съемы” разведчиков противника и их агентуры в самых неожиданных местах, что называется, “от Парижа до Находки”...

Необходимо пояснить, что “съем” - это негласное задержание объекта оперативной разработки, которое проводится конспиративно, чтобы об этом не знали ни его близкие, ни друзья, ни коллеги по работе. Если же объект подозревается в связях с иноразведкой, неожиданное исчезновение должно остаться тайной и для его хозяина. Хотя бы на первое время. “Снимают” и своих, и иностранцев. Для этого стараются подобрать малолюдное место, но, случается, выдергивают человека и из толпы.

Блестяще владеющие приемами рукопашного боя, досконально знающие анатомию и расположение наиболее уязвимых болевых точек на теле человека, альфовцы с поставленной задачей справляются мгновенно. В крайнем случае прохожие могут заметить, как два человека помогают третьему сесть в машину, а он то ли нездоров, то ли нетрезв. После чего “снятые” оказываются либо в Доме на Лубянской площади, либо в Лефортовской тюрьме.

Всего с 1985 по 1990 год под руководством и при непосредственном участии заместителя командира “Альфы” подполковника Владимира Зайцева его отделением были негласно задержаны тринадцать матерых “кротов” и их операторов, разведчиков ЦРУ, действовавших с позиций посольства США в Москве.

Знамя команды “Альфа”

По прошествии полутора десятков лет заместитель командира “Альфы” подполковник Владимир Зайцев, отвечая на вопросы журналистов, страшно ли было тогда, в Тбилиси в 83-м году, сказал:

Страшно было не в самолете, а под ним... И опять же не за себя, а за жену и моего малыша... Мысли всякие, как они смогут прожить без меня, каким вырастет мой сын без отца? Но как только поступила команда “Штурм!”, все страхи улетучились... А в самолете... Там была работа, а когда мы заняты делом, уже не до страхов, поверьте...

Кроме того, есть еще две категории, нейтрализующие чувство страха: убежденность в правильности собственных поступков и ответственность за жизни заложников. Наконец, злость на тех, кто вынуждает тебя рисковать своей жизнью, полностью вытесняет страх... Подумав, Зайцев добавил: - Если позволите, я готов сделать сообщение. Шок, который испытали не выработавшие свой ресурс бойцы “Альфы” после ее расформирования, не сравним ни с каким страхом при проведении операции по обезвреживанию террористов... Этот шок я бы назвал “постальфовским синдромом”.

Представьте себе чувства полных сил, молодых, подготовленных специалистов экстра-класса, которые им довелось испытать, наблюдая по телевизору развитие событий в Приднестровье, в Абхазии, в той же Чечне... Трезво оценивая моральный и боевой потенциал “Альфы” на тот период, смело могу заявить: одного нашего подразделения было бы достаточно, чтобы навести в перечисленных регионах должный порядок. А синдром... Он у моих товарищей, соратников появился из-за невостребованности. Мы вдруг перестали быть нужны. И это в такое-то время! Некоторые мои товарищи пытались найти себе применение в горячих точках, в охранных бюро банков и коммерческих структур, даже за границей, натаскивая бойцов спецподразделений иностранных государств, всюду испытывали разочарование... Наша сила - в нашей сплоченности, в сыгранности нашей команды... И хотя каждый альфовец - суперфорвард, звезда, но предстать в полном блеске он может лишь в окружении таких же звезд, соратников из “Альфы”...

Так, значит, Владимир Николаевич, пора закапывать ваши знамена, как это делали древние полководцы при отступлении войска? - раздалось из толпы журналистов.

Думаю, что вы опережаете события, и время для этого еще не пришло. Что же касается наших знамен... Да, действительно, знамена в старые времена закапывали при отступлении, мы же, выжидая, просто отошли в сторону... А знамена зачехлили... До поры...

Примечания

1

Де Голль являлся главой Временного правительства Франции в 1944-1946 годах. - **Прим. автора.**

2

А.Д. Огородник, референт министра иностранных дел СССР, известный читателю по роману Юлиана Семенова и одноименному фильму “ТАСС уполномочен заявить” под кличкой Трианон.

